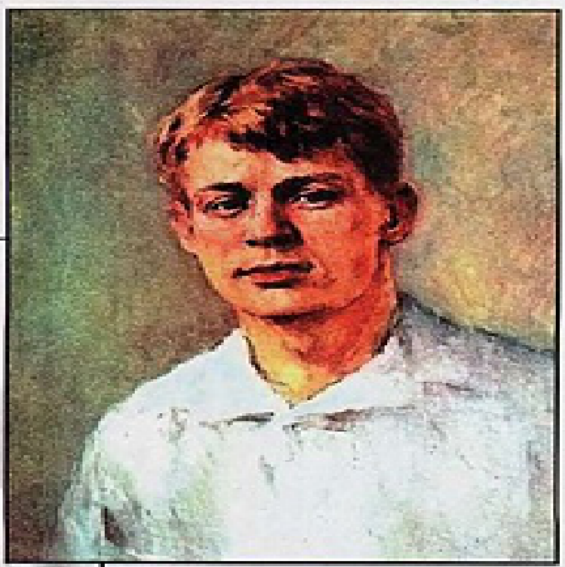
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЕСЕНИН

Валентина Пашинина



Смерть поэта
Друзья и враги Есенина
Кто убил Айседору?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Неизвестный Есенин» — третье, исправленное и дополненное издание книги Валентины Пашининой. Такого Есенина, каким он предстает на ее страницах, мы действительно не знали. По-новому осмыслены многие факты жизни великого русского поэта, доказано авторство «Послания евангелисту Демьяну», которое сберегли и сохранили политзаключенные УхтПечЛага, среди которых был и Василий Петрович Надеждин, передавший стихотворение автору этой книги, за что ему — особая благодарность. Основываясь на огромном фактическом материале, как опубликованном, так и практически неизвестном широкому кругу читателей, В.С. Пашинина предлагает свой взгляд на многие события в жизни поэта, а также обстоятельства его трагической гибели.

Впервые биография Сергея Есенина развернута на динамичном фоне истории России, а не ограничена тесными стенами скандального кафе «Стойло Пегаса».

Книга рассчитана на широкий круг читателей, представляет несомненный интерес для тех, кто глубоко интересуется творчеством и судьбой любимейшего поэта России.

- Валентина Пашинина
  - Вместо предисловия
  - Вступление
  - Книга первая
    - Часть I
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7
      - Глава 8
      - Глава 9 Спасительная «панихида»
      - Глава 10
      - Глава 11
    - ЧАСТЬ II
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
    - Часть lll

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- ЧАСТЬ IV
  - Глава 1
  -
  - Глава 2
  - Глава 3
- Книга вторая
  - Часть l
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - ЧАСТЬ II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - ЧАСТЬ III «ПОПУТЧИК» ли СЕРГЕЙ ЕСЕНИН?
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4 Дискуссии по Есенину
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Часть IV
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть V
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

- ЧАСТЬ VI
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
- Книга третья
  - ЧАСТЬ I. В АМЕРИКЕ
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - ЧАСТЬ II
    - Вступление
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9 Ушедшая к славе
    - Глава 10
- Приложения
  - Илья Британ: «ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!»,
  - О мемуарах Всеволода Рождественского
  - О мемуарах Виктора Мануйлова
  - Почему уничтожены есенинские музеи
  - Работники невидимого фронта
  - Есенин возвращается?
  - Расплата за близость к Есенину
  - Отзывы на первое и второе издания книги
- Послесловие
- Литература

- notes
  - 1

Валентина Пашинина
Неизвестный Есенин

Автор благодарит за помощь в издании книги Пашинина Александра Михайловича, искреннего почитателя творчества Сергея Есенина

Вместо предисловия

О Сергее Есенине написано уже столько, что, кажется, новые книги о нем — или лишь компиляция давно известных фактов, или выдумывание фактов ради сенсации. Валентине Пашининой удалось показать нам действительно неизвестного Есенина, при этом основываясь на документах (большей частью общедоступных) и реалиях 20-х годов прошлого века.

Секрет удачи исследования Пашининой, кажется, в том, что она рассматривает последние годы жизни и творчества поэта вкупе с происходившими в те годы в России событиями. А там до сих пор столько запутанного, странного и невыясненного, что, пожалуй, еще многим поколениям историков хватит работы.

Написанная с огромной любовью к Есенину книга в то же время не оставляет ощущения панегирика. Пашинина остается, в первую очередь, ученым, беспристрастным и где-то суровым к своему герою.

Книга дополнена биографией Айседоры Дункан, особенно подробно рассказано о ее жизни в Советской России и взаимоотношениях с коммунистическими вождями. Достаточно обоснованной выглядит версия Пашининой о насильственной смерти Дункан — оказывается, прямых свидетелей того, что причиной смерти явился шарф, попавший в спицы автомобильного колеса, не было…

В своей книге Валентина Пашинина пытается разгадать множество исторических загадок. Это передается и читателю…

«Неизвестный Есенин» должен иметься в библиотеках, быть доступным почитателям творчества Сергея Есенина, историкам и литераторам. Ведь это в лучшем смысле слова — исследование, а не рассчитанная на минутный переполох однодневка, которых, увы, сегодня полным-полно на полках книжных магазинов.

Газета «Литературная Россия», 24 марта 2006 г.

Вступление

Знакомство с книгой, материалы для которой я собирала, без преувеличения, всю жизнь, предлагаю начать с вопроса: что прежде всего хотел бы узнать читатель, услышав обещание поведать ему новое об известнейшем русском поэте Сергее Есенине?

Вопрос риторический: к сожалению, не историю создания того или иного стихотворения или поэмы, хотя так, как он, никто не писал ни до, ни после. Так уж сложилась судьба всенародного любимца, что самой жгучей тайной остается его смерть, потому что в этой смерти, кроме ужаса самого факта, ее творцами была заложена величайшая несправедливость. Имею в виду не преждевременный уход гения в расцвете жизненных и творческих сил, а те, мягко говоря, обвинения, которые последовали в адрес поэта. Вопиет о справедливости и тот факт, что в судейские мантии вырядились (и до сих пор их не снимают!) те, кто имел непосредственное отношение к трагедии 28 декабря 1925 года.

Потому, чтобы не томить наиболее нетерпеливого читателя, биографию Сергея Александровича Есенина мы начнем перелистывать с последней, самой трагической страницы. К тому же публикации последних лет, в частности зарубежные, позволяют прочитать его жизнь и смерть без той предвзятости, которую нам навязывали все эти годы заказные биографы.

Хочу уверить моего читателя: в этой книге нет ни одного непроверенного факта.

Книга первая
Валентина Пашинина
ДВАЖДЫ УБИЕННЫЙ

Он потерял Русь — это его и убило. Кроме Руси, ничего у него не было, вообще ничего в мироздании для него без Руси не было.

Лев Аннинский

Часть I
СМЕРТЬ ПОЭТА

Глава 1
Кто и что увидел в «Англетере»

Скажу сразу: архивных документов, доказывающих, что Есенин был убит, в книге нет. Преступники, как правило, не расписываются на месте преступления, не оставляют автографов, а для каких-либо выводов нужны факты, улики. Хотя не является ли важнейшей уликой против организаторов есенинской смерти… отсутствие в его деле всяческих улик, а за непреложные документы, призванные доказывать самоубийство, выдаются беллетризованные свидетельства продажных понятых и сомнительный протокол осмотра места происшествия, на которых впоследствии была построена вся есенинская мемуарная литература — вследствие этого лживая от начала до конца?

И все же в деле о смерти поэта есть такие факты и свидетельства, которые позволяют говорить, что в гостинице «Англетер» в тот далекий декабрьский вечер было совершено преступление. Достаточно «прочесть» два портрета, изображающих мертвого Есенина. Именно эти портреты объясняют, что самоубийцей Есенин не был, что самоубийцей его сделали по сценарию.

Биографы в доказательство добровольного ухода обычно приводят фотографию покойного Есенина и его посмертную маску. Я же предлагаю вглядеться в другое изображение — последний портрет Есенина — портрет убитого Есенина работы Василия Сварога. Этот рисунок, по моему глубокому убеждению, следует рассматривать как одну из главных улик, главный документ, составленный не подневольным участковым надзирателем, а художником. И этот документ опровергает ложь участкового.

Рисунки художника Василия Сварога.

28 декабря 1925 г.

В номере, где произошло злодеяние, Василий Семенович Сварог оказался в числе первых, он и успел нарисовать его в полный рост и в той одежде, в которой поэт был убит. Палачи сделали свое дело и с места преступления, как водится, скрылись, не имея времени или не зная до конца сценарной версии, чтобы придать обстановке соответствующий вид. Как свидетельствует рисунок, внешний облик Есенина явно не соответствовал тому, как должен выглядеть человек, ушедший из жизни добровольно.

На Есенине тот серый костюм, в котором его видели в последний раз, только теперь пиджак превратился в жалкое рванье. Это результат жесточайшей драки, когда костюм не только по швам разрывается — трещит и расползается сама материя. Какую же надо было приложить силищу, чтобы превратить пиджак в такое жалкое рубище!

Сколько же атаковало Есенина тех гладиаторов, которых Айседора Дункан звала на американский лад «профессиональными боксерами»? Интересно, какие потери понесли они, «бойцы невидимого фронта»? То, что потери при схватке были с обеих сторон, сомневаться не приходится: помните обещание поэта «отпробует вражеской крови мой последний, смертельный прыжок»? Кстати, вполне вероятно, что именно после есенинского «смертельного прыжка» в «Англетере» один из молодых сотрудников ОГПУ Москвы вынужден был уволиться из органов по инвалидности — факт такого увольнения зафиксирован.

Кто в числе первых пришел в номер гостиницы? Устинова, Эрлих, как это написано в протоколах? Или Всеволод Рождественский и П. Медведев, как последний пишет в мемуарах? Кто вынимал из предполагаемой петли труп поэта? Врач скорой помощи К.М. Дубровский? В документах ясности нет, как нет ясности в том, висел ли Есенин на трубе парового отопления или его принесли в номер завернутым в ковре уже мертвого. Врач в ответ на такие вопросы впоследствии отделывался только шуточками: «Я ни за что сидел, а за что-то тем более не хочу».

Документы осмотра места происшествия были составлены участковым крайне неумело и безграмотно, но все же из акта Н. Горбова можно понять, что «повесившийся был одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли».

Какое-то время, до прихода понятых, художник и участковый милиционер оставались вдвоем, и каждый из них занимался своим делом. Милиционер составлял протокол, а художник рисовал последний портрет Есенина. О том, что Есенин погиб насильственной смертью, рассказывает именно взгляд художника. Сварог закончил рисунок до прихода понятых и, прикрыв его чистым листом, начал другой портрет. Теперь он рисовал голову Есенина и окостеневшую в изгибе правую руку, которой тот до последнего вздоха оттягивал на шее удавку. Тело Есенина все еще на полу и в том же положении, только волосы слегка причесаны. На этом рисунке на Есенине уже нет пиджака.

Первыми понятыми были П. Медведев, В. Рождественский, Фроман и, конечно, Устиновы и Эрлих. Как известно, понятые для того и нужны, чтоб засвидетельствовать достоверные действия и факты. Эти же первым делом убрали главную улику — сняли с Есенина порванный и окровавленный пиджак, потом привели в порядок истерзанную одежду на убитом и положили тело на кушетку. Иначе говоря, убрали следы преступления и только после того дали сфотографировать убиенного. Понятые фактически участвовали в сокрытии фактов. Они сделали все, чтобы замести следы преступления: сначала в номере, в одежде, гримировали лицо, а потом усердно помогали выпрямить правую руку, для чего в ход пустили даже бритву. Мало того. Они не видели висевшего в петле Есенина, но все, как один, подписали акт участкового (не протокол, как было положено). Ну и потом все в меру своих сил, способностей и угодничества писали лживые свидетельства и мемуары. А наиболее усердный и лживый, Всеволод Рождественский, написал про «отутюженные брюки» и «щегольский пиджак», который «висел тут же, на спинке стула».

Прибывшему правительственному фотографу Наппельбауму ничего не оставалось, как запечатлеть работу усердных понятых. На его снимках уже совсем другой Есенин: опрятный, причесанный, приглаженный; расстегнутые брюки приведены в порядок, рубашка, как положено, заправлена. Есенин уже на кушетке, под головой — подушка. Теперь он вполне соответствует заказанному сценарному образу.

Когда станут отправлять тело в Обуховскую больницу, все пришедшие писатели будут искать пиджак Есенина. Напрасно. Пиджак исчезнет.

28 декабря 1925 г. Фото М.С. Наппельбаума

Почему столько лет могла существовать подобная шитая белыми нитками ложь о смерти поэта? Да потому, что целый штат пришибеевых из ЧК-ГПУ под видом хранителей есенинского наследия бдительно охранял и «не пущал», а если необходимо, и карал за инакомыслие.

«Люди сметки и люди хватки / Победили людей ума, / Положили на обе лопатки, / Наложили сверху дерьма», —

напишет потом Борис Слуцкий. Лжесвидетельство в течение более чем восьмидесяти лет сопровождало и охраняло тайну гибели Есенина. Эта тайна поддерживалась лживой заказной мемуарной литературой, и для этого содержался и содержится целый штат сотрудников, которых, кстати сказать, кормит и поит Есенин.

Рисунок Василия Сварога, этот наиважнейший документ, уже был опубликован в 1990 году поэтом И. Лысцовым. Четыре года он взывал в выступлениях и в печати, написал книгу «Убийство Есенина». И чего добился борец-одиночка? Ученые в есенинском комитете «не услышали» его выступлений, «не увидели» портрета убитого Есенина. Как не заметили в 1994 году гибели самого Ивана Лысцова.

Где, в какой еще стране можно вот так безнаказанно манипулировать человеческим сознанием и именем великого поэта, причем в течение многих десятков лет?

Глава 2
Зачем ехал и что нашел Есенин в Ленинграде

Сначала несколько документов того времени.

Из письма поэта Н.К. Вержбицкому, Москва, 6 марта 1925 года:

> *«Пильняк спокойный уезжает в Париж. Я думаю на 2 месяца съездить тоже, но не знаю, пустят или не пустят.*
>
> *Твой Сергей Есенин».*

Второе письмо, от 27 ноября 1925 г., адресовано П. Чагину:

> *«Дорогой Петр! Пишу тебе из больницы. Опять лег. Зачем — не знаю, но, вероятно, и никто не знает. Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств».*

Письмо, ныне известное, впервые было опубликовано в 1962 году. По мнению исследователей, например, Е. Черносвитова («Версия о версиях»), именно московским врачам обязан был Есенин распространившейся версией о «психическом нездоровье», о «душевной болезни», с чем потом связали «самоубийство» поэта.

Вряд ли можно назвать случайностью такое совпадение: Есенин лег в клинику (подчеркнем: без медицинских показаний)

именно тогда, когда в ОГПУ поступили первые сведения о стихотворении, которое в результате стоило Есенину жизни. И это не просто наша догадка.

26 ноября 1925 г. в клинике Есенина принимал Петр Михайлович Зиновьев. Дочь его Наташа, тогда подруга Ивана Приблудного, спросила отца, как чувствует себя Есенин. Отец ответил:

«— Ведь он не лечится, а просто отдыхает.

Тогда же, посетив Есенина в больнице и найдя его в отличном состоянии, Анна Абрамовна Берзинь загнла по приглашению врача в его кабинет, Аронсон спросил:

— Ну и как вы его находите?

— Просто прелестным, он давно таким не был. Вы напрасно меня пугаете, Александр Яковлевич.

Он грустно покачал головой:

— Зачем же мне вас пугать, я просто предупреждаю вас, чтобы вы не обольщались несбыточными надеждами.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать?

— То, что Сергей Александрович неизлечимо болен, и нет никакой надежды на то, что он поправится.

— Вы с ума сошли, — вырвалось у меня. Если у вас все такие безнадежные больные, то вам просто нечего будет делать.

— Я говорю все это, понимая, как это серьезно, — не надейтесь ни на что…

— Вы хотите сказать, что Сергей Александрович недолговечен?

— Да, — кратко ответил он.

— А если мы насильно заставим его лечиться?

— Это тоже не достигнет цели…

— Что же, он не проживет и пяти лет?

— Нет.

— И трех лет не проживет?

— Конечно, нет!

— А год?

— И года не проживет!

— Как же это? Я не понимаю…

— Вы успокойтесь, идите домой, а завтра поговорим еще раз».

Какой следует вывод? Аронсон знал, что приговор Есенину уже вынесли, возможно, собирались сделать это в психушке, но Сергей на следующий день сбежал.

Небезынтересен такой факт: жизненные пути Есенина с врачами Ганнушкиным и Талантом уже пересеклись в 1923 году в санатории под Парижем, который «стоил Айседоре кучу денег» (Е.

Черносвитов. «Версия о версиях»).

Как известно, пути Господни неисповедимы. Но неизвестно, по чьей прихоти переплелись эти пути.

А вот мнение Ю. Прокушева.

> *«Поездка в Ленинград — это тоже попытка уехать за границу. В Москве Есенину оставаться было нельзя. Все то же стремление переменить обстановку, избавиться от московских «друзей» приводит его в конце декабря 1925 г. в Ленинград, где он предполагал пробыть до лета, чтобы затем поехать в Италию к М. Горькому».*

П. Чагин вспоминает:

«В конце декабря я приехал в Москву на XIV съезд партии. В перерыве между заседаниями Сергей Миронович Киров спросил меня, не встречался ли я с Есениным в Москве, как и что с ним. Сообщаю Миронычу: по моим сведениям, Есенин уехал в Ленинград.

— Ну что ж, — говорит Киров, — продолжим шефство над ним в Ленинграде. Через несколько дней будем там…

Узнаю… Состоялось решение ЦК — Кирова посылают в Ленинград первым секретарем губкома партии. Ивана Ивановича Скворцова-Степанова — редактором «Ленинградской правды», меня — редактором «Красной газеты». Но, к величайшему сожалению и горю, не довелось Сергею Мироновичу Кирову продлить шефство над Сергеем Есениным, а по сути дела, продлить животворное влияние партии на поэта и на его творчество. На следующий день мы узнали, что Сергей Есенин ушел из жизни».

Исходя из этих свидетельств, можно предположить, почему Есенин рвался в Ленинград: там ожидалось изменение атмосферы в издательстве, там он собирался издавать свой журнал «Вольнодумец», в Ленинград перебирались его покровители, под защитой которых ему так хорошо работалось на Кавказе. Если эти планы не сбудутся, весной из Ленинграда он планировал уехать к Горькому. И вместе с ним издавать свой журнал за рубежом.

«Мысль о создании журнала до самой смерти не покидает Есенина. На клочке бумаги он набрасывает проект первого номера журнала… Проект журнала составлялся спешно. В ближайшее время решили собраться еще раз, чтобы составить подробный план журнала и приступить к работе по его изданию», *— рассказал в 1927 году И. Грузинов.*

А это уже В. Наседкин: «В конце осени Есенин опять гадал о своем журнале. С карандашами в руках втроем вместе с Софьей Андреевной мы несколько вечеров высчитывали стоимость бумаги, типографских работ и других расходов».

По убеждению Г. Устинова, «в Ленинград он ехал работать —

не умирать!» *Наводят на размышление и предыдущие строки его воспоминаний:* «Весь этот самый последний день Есенин был для меня мучительно тяжел. Наедине с ним было нестерпимо оставаться, но и как-то нельзя было оставить одного, чтобы не нанести обиды». *Виктор Иванович Кузнецов документально доказывает, что Устинова в дни гибели Есенина не было в Ленинграде.*

Возможно, в день гибели Есенина Георгий Устинов все-таки был там, в «Англетере» или других казематах «дурно пахнущего Зиновьева»: эти строки, несомненно, написаны свидетелем преступления, а, возможно, и невольным соучастником. Пишет же Г. Устинов:

«Когда я увидел его висящий труп, я пережил нечто, что сильнее ужаса и отчаяния. Труп держался одной рукой за трубу отопления».

А вот как те дни запомнились Анне Берзинь (опубликовано в 1970 году):

«Выехала я двадцать четвертого вечером и двадцать пятого утром была уже в Ленинграде. Остановилась в «Европейской» и сейчас же принялась разыскивать друзей Сергея Александровича. Телефона у Вольфа Эрлиха (в последнее время с ним очень дружил Сергей) я не нашла ни в телефонной книжке, ни в справочном столе, куда звонила многократно. Дозвонилась до поэтессы Марии Михайловны Шкапской, но она была в страшном горе — кто-то из близких у нее покончил с собой — и не понимала, что меня так тревожит в поведении Сергея Александровича. И прямо сказала, что сейчас помочь не сможет. Как на грех, никого не было дома или не подходили к телефону товарищи, которым я звонила. Но вот наконец мне повезло, и к телефону подошел Николай Никитин. Он с готовностью приехал в «Европейскую» гостиницу, где я ему все очень подробно рассказала о Есенине. Он обещал все устроить и уверил, что я могу спокойно возвращаться домой.

Двадцать шестого утром я решила обойти гостиницы, чтобы отыскать Сергея Александровича.

В «Европейской» его не было, я об этом узнала в первый же день. В «Гранд-отеле» его не было тоже, он не заходил туда. У меня была твердая уверенность, что он остановился у своих друзей. (Надо думать, у Сахарова. — Авт.)

Вечером мы встретились опять с Николаем Никитиным, и он проводил нас на вокзал.

Несмотря на его твердое обещание, что с Сергеем все будет сделано так, как надо, мне не спалось.

Мы ехали в купе, спать можно было отлично, но я всю ночь не могла сомкнуть глаз.

Приехав утром в Москву, я позвонила в Госиздат и сказала, что не могу сегодня быть на работе.

Предупредительный голос Ивана Петровича Флеровского, моего непосредственного начальника, несколько меня удивил. На работе он был тверд и взыскателен, а тут вдруг соглашается, что мне надо отдохнуть, и говорит со мной, как с больной.

Я хлопнулась в постель, попросив домашних, чтобы меня не будили, дали бы отдохнуть, а к телефону просила подходить отца.

Сквозь сон слышала частые и настойчивые звонки и ответы отца, который уверял, что меня нет дома.

Проснулась к вечернему чаю и вышла в столовую. Отец сказал, что звонили весь день, звонили Воронский, Л.М. Леонов и просили немедленно позвонить, как только я буду дома. Он добавил, что, видимо, случилось что-то серьезное, просто телефон оборвали.

Позвонила Леонову.

Леонид Максимович кратко сообщил мне, что Сергей удавился. Он именно так и сказал: «удавился». Меня потрясло это сообщение.

— Когда? — только и спросила я.

— Вчера.

— Неправда, это неправда, — принялась я доказывать. — Я выехала вечером с курьерским, и никто в Ленинграде ничего не знал. Этого не может быть».

Обратите внимание, как Анна Берзинь объясняет следующий факт: «Я нарочно не проставляю дату его (Есенина) отъезда, потому что не помню, а справочных материалов под рукой нет». Такие фразы в подцензурной литературе просто так не пишут. Сколько раз потом перечитывала последнюю главу «Воспоминаний Анны Берзинь», понимаю, здесь ключ к расшифровке. Но как понять? За какую ниточку ухватиться?

Нигде не указывает дат, ошиблась годом, описывая день своего рождения, и вдруг чуть не по часам выдает свой приезд в Ленинград, безрезультатный поиск Есенина по гостиницам и друзьям. Затем тревожное возвращение в Москву уже с полным сознанием, что с Есениным стряслась беда. И все это на сутки раньше официальной версии. И какие странные мысли появились потом в ее голове: может быть, даже хорошо, что не нашла, не встретила? Он мог подумать, «что его преследуют, что его насильно запрут в больницу».

Как могло случиться, что никто в Ленинграде не знал о приезде Есенина? Могло ли такое быть? Нет, конечно. Куда делся Сахаров? Куда исчез Эрлих? В посмертной хронике указано, что

никого из тех, к кому с вокзала заезжал Есенин, не было дома. Потому он и поехал в гостиницу «Англетер». «С вокзала он последовательно заезжал к целому ряду своих друзей, но фатально не заставал никого из них дома»…

Позвольте же спросить: каким ветром выдуло из города в ночь под Рождество всех ленинградских писателей? Мог ли сказать Николай Никитин, провожая на вокзал Анну Берзинь и ее спутника: — Милая Анна Абрамовна, Есенина вы не найдете. Вы напрасно теряете время. Более того, ваши упорные, настойчивые хождения из гостиницы в гостиницу и расспросы могут быть поняты как нездоровое желание докопаться до истины. Вам не следует дольше задерживаться в этом «дурно пахнущем» городе.

Что хотела сказать Анна Берзинь? Что весь официальный писательский Ленинград знал, где Есенин и что с ним, и что Есенин обречен. Так же, как сказал и врач Аронсон. Потому все и исчезли от греха подальше. Потому и Эрлиха не оказалось на месте, ведь он-то своевременно получил посланную Есениным 7 декабря телеграмму. А 16 декабря ответил тоже телеграммой: «Приезжай ко мне устрою. Эрлих».

Не искал Эрлих комнату для Есенина, потому и текст телеграммы опубликован только в 1930 году в книге «Право на песнь». Подозрительно долго отвечал не потому, что в Ленинграде не было квартир, а потому, что долго решали наверху судьбу Есенина. По той же причине он исчез как раз в день приезда Есенина, он лучше всех прочих знал, что комната Есенину не потребуется. Есенину приготовлен каземат.

Потому рапповцы, вапповцы, лефовцы Ленинграда оказались первыми в гостинице «Англетер». Они же первыми поставили свои подписи под протоколом, первыми писали мемуары — свидетельства о самоубийстве поэта. Видели и написали то, что от них требовали.

Вот один из наиболее усердных. Несколько раз, подправляя и дополняя, Всеволод Рождественский пишет: «Я был одним из первых, узнавших о его смерти, и потому мне пришлось присутствовать при составлении милицейского протокола».

Пока Рождественский с милиционером составляли протокол, художник Сварог рисовал уже знакомый нам портрет Есенина.

Потом Вс. Рождественский с завидным упорством будет писать о самоубийстве, внося «поправки», «исправления», «дополнения», «уточнения», «стилистические поправки» в течение почти всей жизни: в 1928 г., 1946, 1959, 1962, 1964, 1974.

А первое свидетельство написал Вс. Рождественский в письме В.А. Мануйлову еще 28 декабря 1925 года:

«В коридоре пусто. Дверь в номер открыта. За столом

посредине милицейские составляют протокол. На полу, прямо против двери лежит Есенин, уже синеющий, окоченевший. Расстегнутая рубашка обнажает грудь. Волосы, все еще золотистые, разметались… Руки мучительно сведены».

В 1964–1974 годах в последних воспоминаниях: «Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным, — в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольский пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок».

Нужны ли комментарии? Взгляните еще раз на «Последний портрет Есенина». А на этом ковре его, завернутым «в трубочку», перетащили в 5-й номер гостиницы. Так предполагал художник, поскольку видел на одежде мусор из ковра. Какие уж тут «отутюженные брюки»\ Какой уж тут «щегольский пиджак»! На рисунке — последствия жестокой драки, стая хищников терзала и рвала его одежду и тело!

Разными глазами смотрели на труп Есенина два художника. Один — глазами порядочного человека. Другой — глазами палачей. Один видел казненного, замученного, истерзанного Есенина. Другой — самоубийцу в отутюженном костюме. Спасибо художнику Василию Сварогу! Разными глазами смотрели на Есенина два человека и по-разному увековечили и его, и себя.

Потом, конечно, лицо загримировали, брюки выгладили, к пиджаку пришили пуговицы. Шрамы замазали, загримировали, а руку выпрямить не смогли, как ни старались. Мертвой хваткой вцепился в трубу парового отопления, до последнего вздоха ослаблял удавку на шее. Так тянулся к жизни этот «самоубийца».

Последний портрет словесных доказательств не требует, потому и был воспроизведен Иваном Лысцовым, к сожалению, только в 1992 году. Журналист Иван Лысцов успел небольшим тиражом издать свою книгу «Убийство Есенина» и стал очередной жертвой на пути к истине. Эта книга с дарственной надписью хранится в архиве сыктывкарца Анатолия Александровича Попова.

Оксенов в «Дневнике» записал: «Когда надо было отправить тело в Обуховку, не оказалось пиджака». О том, что пиджака не оказалось в пятом номере гостиницы «Англетер», пишут и другие. Он не найден до сих пор. Куда же он исчез и почему? На эти вопросы ответил Виктор Кузнецов: пиджак, должно быть, так был испачкан кровью, что остался в пыточной, где истязали Есенина.

Н. Браун: «В номере гостиницы, справа от входной двери, на полу, рядом с диваном лежал неживой Есенин. Золотистые волосы его были откинуты назад. Одна рука, правая, в приподнятом, скрюченном состоянии находилась у самого горла…

(…)Рука, застывшая у горла, свидетельствовала о том, что в какое-то последнее мгновение Есенин пытался освободиться от душившей его петли, но это было уже невозможно.

Мы долго выпрямляли застывшую руку, приводя ее в обычное положение».

И далее: «На лбу Есенина, у переносицы, были два вдавленных, выжженных следа от тонкой горячей трубы отопления, к которой он, по-видимому, прикоснулся, когда все было кончено».

О трубе парового отопления уже было сказано — и неоднократно говорилось и писалось — отопление в то время не работало, следовательно, шрамы были не от ожога. Но никто ни разу не «вспомнил», что «долго выпрямляли застывшую руку Есенина, приводя ее в обычное положение» — хотя присутствовало при этом более десяти человек. Полоснули лезвием бритвы по сухожилиям — потом скажут, что вскрыл себе вены. Никто не написал об этом, да и Н. Браун сообщил только в 1974 году.

Глава 3
Странные смерти на фоне скандала

Период, последовавший за смертью Есенина, ознаменовался чередой странных смертей, в частности самоубийств. Каждый такой уход из жизни вновь и вновь будоражил сознание масс. «Над собою чуть не взвод расправу учинил» (или в другом варианте: «Над собою чуть не полк расправу учинил») — это не случайно оброненная Маяковским фраза.

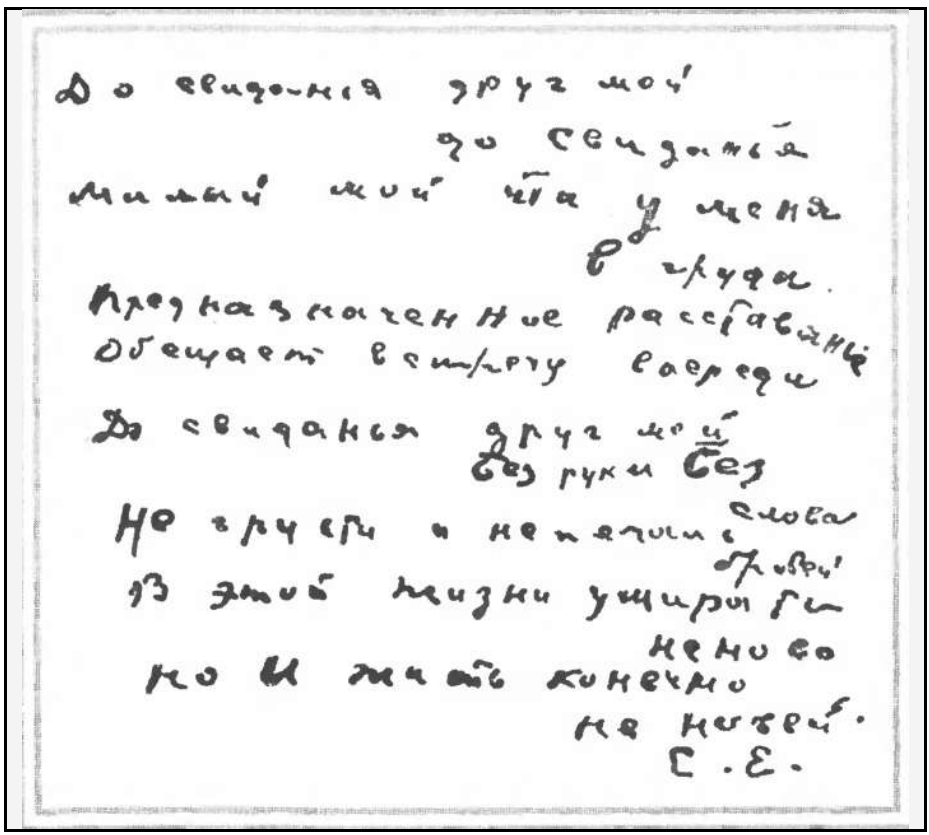
Обманутые большевистскими лозунгами и прозревшие под влиянием его поэзии молодые люди в знак протеста добровольно уходили из жизни. 1926 год начался групповым самоубийством студентов ВХУТЕМАСА.

Об эпидемии самоубийств говорили многие зарубежные авторы: Борис Ширяев, Владислав Ходасевич, Михаил Коряков. Жившие же в Советской России о самоубийствах молодежи 1926–1927 годов, конечно, не писали. Разве только Владимир Маяковский. Но в Москве, по словам М. Корякова, в Коммунистической академии, в мозговом центре большевизма, проходила большая дискуссия, длившаяся много дней — с 13

февраля по 5 марта.

В ней принимала участие вся «головка», определившая направление так называемой «советской культуры». Основным докладчиком был народный комиссар просвещения Луначарский, а в прениях выступали Карл Радек, Преображенский, Сосновский, Полонский, Кнорин, Фриче, Нусинов, Маяковский, Ермилов и десятки представителей большевистской общественности. Тема дискуссии была сформулирована так: «Упадочное настроение среди молодежи. «Есенинщина».

Отношение к «есенинщине» сформулировал Николай Бухарин в своих «Злых заметках»: «Самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня». Он предлагал: «Дать хорошенький залп по «есенинщине».


До свиданья друг мой!
до свиданья
Милый мой ты у меня
в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди
До свиданья друг мой
без руки без
Не грусти и не печалься
слова
Новый
В этой жизни умирать
нечего
Но и жить конечно
не новей.
С. Е.

Автограф стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья…», написанного Сергеем Есениным кровью

Низы «есенинщину» понимали по-другому. М. Коряков в течение десяти лет (с 1928 по 1939), работал разъездным корреспондентом вона! — так говорили в Орехово-Зуеве, так говорили и в нашем Канске, так говорили по всей стране. Так говорила не только интеллигенция, учащаяся молодежь, студенчество, но и фабрично-заводская молодежь». В школьном аттестате М. Корякова тоже значилось: «Насаждал есенинщину», что указывало на его неблагонадежность. В лекции «Есенинщина и советская молодежь», прочитанной М. Коряковым на вечере памяти Есенина в Нью-Йорке 22.12.1950 года и опубликованной в журнале «Возрождение» (Париж, 1951 год, № 15), он говорил:

«Есенинщину» не надо было насаждать, — упадочные настроения среди молодежи распространялись, как полы по ветру (…) Есенин был частью нашей жизни, как ни один другой поэт во всей истории русской литературы.

(…) Не было лермонтовщины, некрасовщины. Не было пушкинщины (…) и после гибели Пушкина не прокатилась волна самоубийств, как она прокатилась после гибели Есенина. Не было блоковщины или даже маяковщины, но была есенинщина, необыкновенно яркое явление в истории русских общественных настроений.

(…) Важно то, что он, как никто другой, сумел затронуть в русских сердцах нечто такое, что Россия всколыхнулась и ответила ему всенародной — поистине всенародной! — любовью».

Современник Есенина, Борис Ширяев (1889–1959) в очерке «Возрождение духа» пишет: «О силе господства Есенина в сердцах русской молодежи достаточно свидетельствует такой факт: после его трагической смерти по всей России стали стихийно возникать группы молодежи, обрекавшие себя на самоубийство, которое они совершали под тенью березок, дерева, посвященного Есенину, русского дерева, как бы олицетворяющего собою его нежную, душистую поэзию. Это была трагичная эпидемия самоубийств, свидетельствовавшая о глубоком кризисе, поразившем наполненные чуждым содержанием души русской молодежи».

Из письма И.М. Касаткина Максиму Горькому. Москва, 4 февраля 1926 г.:

> «Только что похоронили Есенина. Есть и еще прямые кандидаты (…) и душа моя в неизбывной тревоге: а вдруг позвонит телефон, и сообщат, что с Орешиным (он на днях уже вешался), с Александровским или с Клычковым — несчастье (…)
>
> Ох, Алексей Максимович! Воистину талантлив

русский человек. Вы это сами знаете. Но если б Вы видели, как тяжко живут братья писатели! Соболь трижды травился. Гладкова мы отправили в Севастополь на лечение — издергался до трясу. Орешина теперь подкарауливаем, чтоб увести в психиатрическое отделение. Прошлый год удавился даровитый мальчик — поэт Кузнецов. Пьет тяжкую и хандрит Вольнов. А смерть Есенина меня прямо сразила с ног (…) до сей поры не могу опомниться!

И все это близкие, дорогие, милые!.. Огромная потеря.

Полагаю, в истории литературы нашей еще не было столь тяжкой атмосферы в жизни писательской».

Не могли остаться незамеченными и смерти тех, кто сопровождал гроб с телом Есенина: 9 февраля 1926 года умерла Лариса Рейснер, 5 марта — Дмитрий Фурманов, 7 июня застрелился на Тверском бульваре поэт Андрей Соболь.

Г. Колобов в письме С. Толстой-Есениной пишет 15 июня:

«Плохая история с Соболем. Нехорошо, скверно. Вероятно, Сережа дал толчок, и начал клубок разматываться. Говорят, что плохо с Орешиным. Москва бурлит, кипит, словно котел».

На грани катастрофы находился Петр Орешин. Его жена сообщает С. Толстой-Есениной:

«Больно и жутко смотреть на него., Только одно твердит: «Устал жить, не могу больше жить».

20 июля 1926 г. после выступления на объединенном пленуме скоропостижно скончался от разрыва сердца Ф.Э. Дзержинский. Главный чекист, железный Феликс, к этому времени уже отстраненный от своей должности, должно быть, оказался недостаточно железным. Его заменил Яков Агранов, палач и инквизитор.

23 июля 1926 г. ушел из жизни патриарх российского искусства Виктор Михайлович Васнецов, тоже не поладивший с советской властью. И хотя он был уже в преклонном возрасте, но и эта смерть болью отозвалась в среде московской интеллигенции. Братья Васнецовы — хранители русской старины — выступали против уничтожения храма Христа Спасителя и тяжело переживали уничтожение русской культуры. Младший из братьев, Аполлинарий Михайлович, в 1926 г. создал последнее

большое полотно с символическим названием «Все в прошлом» с посвящением ушедшему брату и «замолчал» на весь отведенный судьбой срок.

Год 1926-й завершился трагическим аккордом — самоубийством Галины Бениславской.

Добровольный уход из жизни молодой женщины, самоотверженно любившей Есенина, был открытым вызовом тем, кто беспощадно травил его при жизни. Она так и написала в предсмертной записке:

> *«В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновского на поводу».*

Случилось это 3 декабря 1926 года на могиле Сергея Есенина. Она и похоронена рядом с ним.

«Есенинские строки — «В этой жизни умереть не ново» — начали действовать быстро и без промаха», — *напишет потом Илья Шнейдер.*

Невообразимое после смерти поэта творилось не только в обеих столицах — по всей стране. Казалось, что только теперь, с гибелью Есенина, народ потерял все: и родину, и надежду на ее возрождение.

Следует принять во внимание, что вся эта мрачная, тяжелая атмосфера в стране сопровождалась сенсационным есенинским «Посланием Демьяну» «с того света» и не утихавшими разговорами вокруг него. Распространилось стихотворение сразу после гибели Есенина в начале 1926 года, а к середине года, когда начало печататься за рубежом под именем Есенина, оно получило «второе дыхание». И стало не просто сенсацией — громом среди ясного неба.

Тот же Б.Н. Ширяев, приводя в сокращении вариант есенинского «Послания евангелисту Демьяну Бедному», замечает: «Конечно, не напечатанного ни в одном коммунистическом журнале, однако, с необыкновенной быстротой распространенного в рукописях по всей России и получившего созвучие в миллионах сердец».

В результате невиданного в истории русской (да и мировой) литературы подпольного тиражирования стихотворения, которое прочно связывалось с именем Сергея Есенина, Демьян Бедный превратился в главную мишень всенародного негодования. Обрушившийся было на него гнев возмущенных российских христиан за антирелигиозную похабщину, сочиненную в угоду правительству, перерос в еще более мощную волну, поскольку теперь Демьян выступал еще и в роли главного виновника гибели

любимейшего поэта России.

Нравственную атмосферу того времени обрисовывает в своих воспоминаниях и Николай Николаевич Захаров-Мэнский:

«Целый год мы жили под каким-то гипнозом этого имени, сотни поэтов посвятили ему стихотворения; неразумные подражатели кончали самоубийством, повторяя его стихотворения; о нем, о котором при жизни было написано несколько статей, написали тома; критики переспорили друг друга на диспутах, доказывая то, что для всякого и без них было понятно и ясно; Приблудные, Ковыневы, Наседкины (…) перепели его стихотворения; барышни, никогда не читавшие Есенина, влюбились в его фотографию, и даже обыватели, которым решительно все равно, что кругом них происходит… даже они со злорадством произносили имя Есенина: «Вот, мол, тебе. Советская власть, и кукиш с маслом». При чем тут, собственно говоря, был кукиш и при чем Советская власть, так, в сущности, и осталось невыясненным, но факт остается фактом — даже они заинтересовались Есениным и упивались безграмотнейшей подделкой под него — «Письмом к Д. Бедному», от которой бы до ушей покраснел бедный Сережа.

А сколько появилось его друзей, приятелей, товарищей?! Всякий, с кем Сергей выпил бутылку пива или матерно выругал в пьяном виде, стал писать о нем воспоминания…

Откуда-то из всех нор повылезла прятавшаяся там пошлость — и ну делить посмертную славу покойного».

Воспоминания Захарова-Мэнского «Только несколько слов», написанные по свежим следам, почти единственная иллюстрация той обстановки в стране, которая создалась с появлением нелегального есенинского «Послания…» и которая потребовала от правительства решительных мер.

Что это за «Послание…» и почему вызвало у коммунистической власти такой гнев, мы поговорим особо. Ибо есть все основания утверждать, что именно оно ускорило гибель Есенина, стало ее непосредственной причиной.

«Решительные меры» осуществлялись по двум направлениям. С одной стороны, подвергалось сомнению, а то и категорически отрицалось авторство Есенина, а с другой — дискредитировалось все написанное поэтом. Цель преследовалась одна: стереть на веки вечные даже память о самом любимом, самом русском стихотворце и его поэзии.

«Сверху» партийные идеологи писали установки, что отныне и навсегда на Есенина следует смотреть как на «психобандита», пьяницу и хулигана, а на его поэзию — как на «лирику» взбесившихся кобелей и сисястых баб».

А «снизу» помогали «друзья»: пересматривали, дописывали и поправляли свои прошлогодние, уже изданные воспоминания.

Вот почему начиная с 1927 г. и у нас, и за рубежом огромной лавиной хлынули пасквили, выдаваемые за мемуарную литературу. Вот почему, предав земле «тело великого русского поэта» и пообещав многое сделать для увековечения его памяти, правительство почти сразу «забыло» все свои обещания, а на поэзию наложило запрет.

В статье Вл. Виноградова есть одна фраза, на которую следует обратить особое внимание:

«Архивно-следственные материалы ОГПУ… поведали нам, что весной 1926 г., ровно через полгода после получения первых сигналов о стихотворении, оперативники вышли на сотрудника «Крестьянской газеты» Горбачева».

Этот сотрудник, естественно, был арестован. Случилось это 20 мая 1926 года. Мы еще вернемся к судьбе Горбачева, которого назначили автором скандального послания к обласканному властью Демьяну Бедному. А пока вспомним, что происходило в жизни Есенина во время «получения первых сигналов о стихотворении». Поэт лег в клинику, чтобы «избавиться кой от каких скандалов», а лучше сказать избежать больших неприятностей («психов не судят»).

Глава 4
Большевистский апостол

Чтобы понять, почему столь остро коммунистические власти среагировали на внешне безобидное «частное» послание, следует обратиться к предыстории его появления.

Известно, что в 1920-х годах развернулась борьба с церковью. Время было выбрано подходящее — страну постиг невообразимый голод. Воспользовавшись моментом, Ленин провозгласил: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления… Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении не смели и думать».

Активнее прочих к правительственному заданию подключился пролетарский поэт Демьян Бедный (Ефим

Алексеевич Придворов), сочинивший большое количество стихотворений и басен антирелигиозной тематики. А в 1925 году он закончил свою наиболее скандальную поэму «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна». Воспитанник старой школы. Бедный хорошо знал Библию, читал ее в свое время на старославянском языке. 37 глав его поэмы — оскорбительное для верующей России опровержение христианского учения — публиковались с некоторыми перерывами в главной газете большевиков «Правде» в период с 12 апреля до конца мая 1925 года. Даты подчеркиваю особо, так как пока не опубликованы архивные документы, только они на сегодняшний день могут быть «свидетелями обвинения».

Бедный и прежде никогда не сдерживал себя в выражениях, «приближая свой язык к народу». А эта поэма, очевидно, писалась вообще по принципу: чем похабней, позабористей — тем лучше.

Вл. Виноградов, автор статьи «Я часто думаю — за что его казнили?», опубликованной в «Независимой газете» 29 апреля 1994 года, дает такую характеристику «Новому завету без изъяна…»: «Сочинение Д. Бедного, написанное в грубой и развязной форме с использованием текстов священной книги, изображает жизнь Христа как сплошную цепь пьянства и распутных похождений». В качестве примера предлагаю читателям следующие строчки пасквиля:

Повторяя Евангелие точка в точку.
Соблюдая «Христов штат» без изъятия:
Была «богородица» и «апостольская братия»,
А что до «мироносных жен»…
Перли они на Христа, как на рожон.
Не было Христу от них отбою,
И все смазливые собою.
И готовые лобзать Христа
И в плешь, и в уста…
… По доносам церковных фарисеев и книжников.
Чумазого Христа и его сподвижников
Земная власть тащила на расплату.
Водя их от Понтия к Пилату,
И по приговору суда Ввергала — кого куда.
Со всеми Христами была одна история.
Вплоть до Распутина Григория.

Понятно, что реакция на подобные стихи не заставила себя ждать. Тысячи проклятий верующих обрушились на голову богохульника. Раздавались требования запретить это

безнравственное произведение. Скандальная «популярность» Демьяна Бедного перешагнула рубежи нашей державы. В Англии из-за «Нового Завета…» был запрещен доступ к «Правде»: Хула. Кощунство. Профанация.

Читаем у Вл. Виноградова далее: «По свидетельствам исследователей, публикация в «Правде» и других изданиях демьяновского сочинения вызвала в то время бурю протеста в СССР и за рубежом. В общем потоке возмущений особое значение имело стихотворение в защиту Христа, где автором значился Есенин. Оно стало ходить по рукам и приобрело общественный резонанс, так как было направлено против официальной политики большевиков в области антирелигиозной пропаганды».

15 марта 1926 года в письме Варавве А.П., переводчику на украинский язык «Нового Завета…», Демьян Бедный пишет: «Мне надо ответить более чем на пятьсот писем, полученных от возмущенных христиан, тут надо предисловие писать аховое. А я вообще не в рабочей полосе, раскис как-то». Лукавил, недоговаривал Демьян: есенинское «Послание…» начисто вышибло его из житейской колеи. Оно било «правительственного» поэта Демьяна Бедного, что называется, не в бровь, а в глаз. «Послание…» было таким издевательством, такой ядовитой насмешкой, после которой Д. Бедный быстро стал терять свой авторитет и популярность. Достигший славы Герострата Демьян, однако, попытался ответить всем оппонентам в своем обычном тоне похабника и балагура стихотворением «Христианнейшим». Но спокойная жизнь его кончилась. «Блудливого» Демьяна по русскому обычаю «вымазали дегтем» и «вываляли в перьях».

23 июня 1926 года ярчайшее из нелегальных стихотворений было опубликовано в Берлине в издательстве «Русь-Берлин» как посмертное стихотворение Есенина и в последующие годы в зарубежной печати появлялось со ссылкой на авторство Есенина.

Теперь каждый верующий, который безуспешно требовал урезонить богохульника Демьяна, мог бросить ему в лицо:

Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил.
Ты не задел Его своим пером нимало.
Разбойник был, Иуда был.
Тебя лишь только не хватало.
Ты сгустки крови со креста
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.

Д. Бедный в первые годы советской власти привык к почету и

уважению. Популярность его была необычайно велика, песни пела вся страна. Даже Есенин констатировал увлеченность «крестьянского комсомола» «агитками Бедного Демьяна». Главный пролетарский поэт много ездил по стране, выступал, поучал старших и воспитывал начинающих. Всерьез предлагалось «одемьянить» всю советскую литературу. В опубликованном в «Правде» приветствии Демьян Бедный охарактеризован как «певец и боец революции», «любимец массы», «народный поэт». В апреле 1923 года заслуги его были отмечены высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени.

И правительственный поэт Демьян Бедный не намерен был мириться с распространившимся нелегально есенинским «Посланием…», в котором он был ошельмован как последний прохиндей и стал притчей во языцех. Он требовал разоблачений! Требовал, рассчитывая на поддержку Сталина, который считался с Демьяном и свою книгу «Революция в Китае» преподнес ему с дарственной надписью. Демьян был своим человеком в кремлевской семье, был по существу проводником большевистской политики в массы.

Таким образом, «Послание…» наносило оскорбление не только поэту Бедному, но и советской власти в целом, которая проводила в жизнь ленинские заветы, гласные и негласные, и продолжала беспощадную борьбу с церковью и духовенством. Самое обидное для властей: нелегальное есенинское «Послание…» уже нельзя было объяснить как пьяную выходку Есенина. Всем было ясно, что самиздатовское стихотворение является осмысленным поэтическим актом, означающим несогласие с государственной политикой.

В яростной борьбе двух стихий земные боги вершили судьбы людей, а «Послание Демьяну», думается, помогло ускорить гибель Есенина. Наверху не могли позволить дискредитировать и срывать успешно начатую кампанию по уничтожению Церкви и православной веры.

Глава 5
По заметенным следам

Первые сведения о «Послании Демьяну» содержатся в воспоминаниях Матвея Ройзмана:

«О стихотворении Есенина я узнал от Ефима Алексеевича (Д. Бедного), который положил передо мной на стол это «Послание». В нем Демьян поносился за то, что выступил со стихотворным фельетоном против Христа. Как мог Сергей, сам написавший не одну богоборческую поэму, выступить по этому поводу против

*Демьяна? Сами же рифмованные вирши «Послания» ни по мастерству, ни по форме, ни по словарю не походили на стихи Есенина. Ефим Алексеевич это понимал, он хотел только подтверждения, которое и не заста*вило себя ждать. (Хотя в апреле 1926 года старшая сестра Сергея Катя выступила в «Правде» с опровержением есенинского авторства «Послания», оно продолжало нелегально распространяться под его именем,) Благодаря настоянию Ефима Алексеевича автор фальшивки был обнаружен: им оказался графоман с контрреволюционным душком, некий Горбачев, который и был выслан из Москвы в Соловки».

Окончивший церковно-приходскую школу, где Библией, «как кашей, кормили», Есенин признавался: «Рано посетили меня религиозные сомнения. В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульствовать». *Тем не менее Есенин с восхищением отзывался о Библии:* «Какая прекрасная книжища, если ее глазами поэта прочесть».

Доказать принадлежность «Послания…» Есенину, не имея черновых рукописей, непросто. К тому же, как свидетельствует Иван Старцев, поэт «никогда не планировал на бумаге. В черновиках его редко можно обнаружить следы кропотливого писательского труда. Он брался за перо с заранее выношенными мыслями, легко и быстро облекая их в стихотворный наряд. Если это ему почему-либо не удавалось — стихотворение бросалось».

Выход один: идти по следам выношенных мыслей! Конечно, «Послание…» — вещь нелегальная и наверняка претерпела изменения при рукописном тиражировании. И все же кое-какие намеки на то, что поэма продумывалась, найти можно.

В частности, в есенинских «Стансах» недвусмысленно заявлено о неприятии поэтического метода Демьяна Бедного: «Я вам не кенар, я поэт. И не чета каким-то там Демьянам». В письме Есенина из Тифлиса, адресованном Анне Берзинь, тоже содержится намек на негативное отношение к творцу антиклерикальных агиток: «Демьяновой ухи я теперь не хлебаю». Органичным в этом ряду видится также имя «Ефим Лакеевич Придворов».

Далее. «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна» начал печататься в газете «Правда» с 12 апреля 1925 года, именно в те дни, когда Есенин лежал в бакинской больнице «Водник». А через неделю, 19 апреля, в день Пасхи, поэт в письме Галине Бениславской сообщает: «Пишу большую вещь». Какую? К сожалению, сохранилась только пятая, с прощальными приветами, страница этого письма. Но известно, что

произведения, равные по объему и форме «Посланию…», Есенин причислял к поэмам. Так что вполне возможно, что речь шла именно об ответе Демьяну, и утраченные страницы содержали строки из самого стихотворения.

Известно также, что подписанное Есениным «Послание…» было обнаружено в следственном деле «Воскресенья» — религиозно-философского кружка, организованного в Петрограде в 1917 году философом Александром Александровичем Мейером и разгромленного НКВД в декабре 1928 года. Стихи были изъяты у рабочего Алексея Михайловича Мишанова, проходившего по этому делу.

В 1993 году бывший работник архива КГБ города Сыктывкара В. Полещиков в статье, опубликованной в журнале «Родники Пармы», приводит следующий факт: за хранение стихотворения Есенина «Послание Демьяну Бедному» была расстреляна фрейлина царского двора А. Штоквич.

Самое раннее упоминание о запрещенных есенинских стихах относится к 1926 году.

2 октября 1926 года в Ленинграде Маяковский принял участие в обсуждении доклада А.В. Луначарского «Театральная политика советской власти», в котором содержалась критика Михаила Булгакова. Перед нами часть стенограммы выступления «агитатора, горлана, главаря»:

«— В чем не прав совершенно, на 100 %, был бы Анатолий Васильевич? Если бы думал, что эта самая «Белая Гвардия» является случайностью в репертуаре Художественного театра… Мы случайно дали возможность под руку буржуазии Булгакову пискнуть — и пискнул. А дальше мы не дадим.

— Запретить? (Голос с места).

— Нет, не запретить. Чего вы добьетесь запрещением? Что эта литература будет разноситься по углам и читаться с таким же удовольствием, как я двести раз читал в переписанном виде стихотворения Есенина».

Итак, в октябре 1926 года (не прошло и года после гибели Есенина!) Владимир Маяковский утверждает, что имеют хождение нелегальные стихи поэта. И автором называет не кого-нибудь, а Есенина.

Стенограмма сохранила и утверждение о том, что многие стихотворения Есенина были изъяты и в печати не появлялись.

Впрочем, исследователи творчества Есенина не признают за ним авторства «Послания евангелисту Демьяну», утверждая, что по стилю это не есенинская поэма. Но разве все предыдущие поэмы — это привычный Есенин? Даже любимая самим поэтом поэма «Пугачев» хоть чем-то напоминает тонкого, лиричного

Есенина? И разве не известен литературоведам тот факт, что и современники Есенина не всегда узнавали голос мастера? Об этом, в частности, свидетельствует, письмо В. Вольпина от 18 августа 1924 года: «Случайно прочитал Вашу «Песнь о великом походе». Она меня очень порадовала несколькими своими местами, почти предельной музыкальной напевностью и общей своей постройкой. Хотя в целом, надо сказать, она не «есенинская». Вы понимаете, что я хочу сказать?»

Из всех крупных вещей, кроме, может быть, последней эпической «Анны Снегиной», «Послание евангелисту Демьяну» — гораздо более «есенинская» вещь, чем некоторые другие. Если бы, к примеру, не было четко засвидетельствовано авторство «Черного человека» или «Страны негодяев», их бы с еще большей уверенностью отвергли за «непохожестью».

Глава 6
Ухтинский след есенинского стихотворения

Есенина знают оболганным и урезанным.

Рюрик Ивнев

В ухтинском «Мемориале» много лет хранится экземпляр стихотворения, которое через тюрьмы, этапы и лагеря ГУЛАГа пронесли заключенные. Из соображений безопасности стихотворение практически не записывалось, а хранилось в памяти, поэтому имели хождение разные версии. Сохранившийся вариант сберег В.П. Надеждин — очень известный и уважаемый в Ухте человек. Его дед-священник был расстрелян в двадцатые годы прошлого века, а сам Василий Петрович пять лет провел в лагерях. Причиной ареста стала невзначай брошенная фраза с емким словом «шашлычник». Кто подразумевался под этим словом, догадаться нетрудно. Надеждин за это поплатился свободой.

В 1960-е годы Василий Петрович и его жена Антонина Ефимовна показали мне пожелтевший листок. Из их объяснений я узнала, что автором стихотворения «Послание евангелисту Демьяну Бедному», за хранение или чтение которого репрессировали, ссылали на Соловки и даже расстреливали, заключенные УХТПЕЧЛАГа всегда считали Сергея Есенина.

Пришло время и нам познакомиться с этим стихотворением (курсивом даны варианты),

Послание евангелисту Демьяну Бедному

Я часто размышлял, за что Его казнили.
За что Он жертвовал своею головой?
За то ль, что, враг суббот.
Он против всякой гнили
Отважно поднял голос свой?
За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом кесаря полны и свет, и тень.
Он с кучкой рыбаков из бедных деревень
За кесарем признал лишь силу злата?
За то ль, что, разорвав на части лишь Себя, *(За то ли, что Себя на части раз дробя,)*

Он к горю каждого был милосерд и чуток
И всех благословлял, мучительно любя,
И маленьких детей, и грязных проституток?
Не знаю я, Демьян, в «Евангелье» твоем
Я не нашел ответа *(правдивого ответа)*
В нем много бойких слов, *(пошлых слов)*
Ох, как их много в нем.
Но слова нет, достойного поэта.
Я не из тех, кто признает попов.
Кто безотчетно верит в Бога,
Кто лоб свой расшибить готов.
Молясь у каждого церковного порога.
Я не люблю религии раба.
Покорного от века и до века,
И вера у меня в чудесное слаба —
Я верю в знание и силу человека.
Я знаю, что, стремясь по чудному пути, *(по нужному пути)*
Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к божественным пределам.
И все-таки, когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна,
Мне стыдно стало так, как будто я попал
В блевотину, низверженную спьяна.
Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос —
Далекий миф. Мы это понимаем.
Но все-таки нельзя, как годовалый пес.
На все и вся захлебываться лаем.
Христос — сын плотника — когда Он был казнен, *(когда-то был казнен)*

(Пусть это миф), но все ж, когда прохожий

Спросил Его: «Кто ты?», ему ответил Он:
«Сын человеческий», а не сказал: «Сын Божий».
Пусть миф Христос, как мифом был Сократ,
И не было Его в стране Пилата.
(Платонов «Пир» — вот кто нам дал Сократа) Так что ж, от этого и надобно подряд
Плевать на все, что в человеке свято?
Ты испытал, Демьян, всего один арест
И ты скулишь: «Ох, крест мне выпал лютый!»
А что ж, когда б тебе голгофский дали б крест?
Иль чашу с едкою цикутой? *(Хватило б у тебя величья на минуту?)*
Хватило б у тебя величья до конца
В последний раз, по их примеру тоже.
Благословлять весь мир под тернием венца
И о бессмертии учить на смертном ложе?
Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил.
Ты не задел Его своим пером нимало.
Разбойник был. Иуда был.
Тебя лишь только не хватало.
Ты сгустки крови со креста
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.
Но ты свершил двойной и тяжкий грех
Своим дешевым балаганным вздором:
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И скудный свой талант покрыл позором. *(И малый свой талант покрыл большим позором)*

Ведь там, за рубежом, прочтя твои «стихи».
Небось, злорадствуют российские кликуши:
Еще тарелочку Демьяновой ухи.
Соседушка, мой свет, пожалуйста, покушай!
А русский мужичок, читая «Бедноту»,
Где лучший стих печатался дуплетом, *(Где образцовый стих печатался дуплетом)*

Еще отчаянней потянется к Христу,
Тебе же мат пошлет при этом. *(А коммунизму «мать» пошлет при этом)*

Позже стали известны заключительные строки «Послания…»:
Тысячелетия прошли, должно быть, зря,
Коль у поэта нет достойней речи.
Чем та, что вырвалась из пасти дикаря:
«Распни! Распни Его!

В Нем образ человечий!»

В период хрущевской оттепели я послала этот текст в Константиново в Есенинский музей. Сестры Есенина тогда еще были живы, и я, конечно, надеялась, что они подтвердят авторство. В своем письме я старалась убедить их, что столь блестящее стихотворение мог написать только Есенин. Ответа не получила и, естественно, обиделась.

Только многолетняя работа в ухтинском «Мемориале» помогла мне понять истинную причину ее молчания. Екатерина Александровна Есенина, не ответив на письмо (а, возможно, и благоразумно уничтожив его), тем самым оберегла от неприятностей не столько меня, сколько прошедшего через сталинские лагеря В.П. Надеждина. Ему бы точно не поздоровилось за хранение и распространение этого стихотворения. Посылая в Константинове свое письмо, я епде не знала, что Екатерина Александровна, ее муж и все друзья Есенина пострадали от репрессий и гонений, начатых еще Троцким и продолженных Вождем народов.

Со времен Пушкина ничья гибель не вызывала такого брожения в народе, как смерть Есенина. Все, кто верил в самоубийство и кто не верил, были убеждены: поэт был доведен до такого состояния. Есенин — первая жертва политических репрессий, с него начинается новая эра в уничтожении русской интеллигенции. Лучших из лучших. Вы можете возразить мне: почему с Есенина? Ведь были же до него расстреляны Гумилев, Ганин и другие. Но в случае с ними была соблюдена хоть какая-то видимость «революционной законности». Именно с Есенина начинается тот беспредел, о допустимости которого говорил Маркс, называя революционную этику «словесным хламом». Ленин вообще не сомневался, что история таких, как он, оправдает, и выдавал индульгенции на отпущение грехов будущим «громилам и шарлатанам».

С Есениным случилось чудовищное превращение: его подчистили, подкрасили, увековечили и поставили на полку рядом с теми, кто травил и преследовал поэта. А его «беспризорные дети» — стихи — бродят по свету в поисках своего казненного родителя.

«Послание евангелисту Демьяну Бедному», сохраненное Надеждиным, никогда в советской печати не появлялось даже в качестве приписываемых Есенину. Оно и до сих пор остается в числе «нереабилитированных» произведений. Стихотворение опубликовано было только в 1990 году на страницах

еженедельника «Книжное обозрение» (А. Лацис, статья «Ищем неизвестного поэта»), потому и не попало в вышедшее совсем недавно Полное собрание сочинений Сергея Есенина.

Глава 7
Ответ из есенинской комиссии, или Новая заморочка

Обычно, чем больше расследуешь, тем меньше остается нерешенных задач.

В деле Есенина все наоборот, загадки плодятся в арифметической прогрессии.

Э. Хлысталов

В юбилейный есенинский 1995 год «Послание евангелисту Демьяну Бедному» с нашими выкладками и соображениями ухтинские краеведы послали в Москву, в есенинскую комиссию. С полученным ответом считаю необходимым ознакомить читателя.

«Автором (или авторами) рукописи проделана значительная поисковая работа. Она могла бы быть более успешной, если б в круг внимания исследователя попали факты, уже обнаруженные литературоведами и вошедшие в научный оборот… Например, сюжет со стихотворением «Послание евангелисту Демьяну». В рукописи приводится свидетельство М. Ройзмана, что стихи эти написал «некий Горбачев», на основе того, что никто не знал такого поэта Горбачева, версия отвергается. И напрасно.

Стихотворение «Послание евангелисту Демьяну» написал именно Горбачев Николай Николаевич (1888–1928?), писавший стихи и газетные статьи. Это имя в зарубежной печати было названо еще в 1949 г. *(газ. «Новое русское слово», Нью-Йорк, 13 февраля)*. У нас же история с Горбачевым и «Посланием…» описана в статье Вл. Виноградова «Я часто думаю — за что его казнили?», опубликованной в «Независимой газете» 29 апреля 1994 года.

С. Кошечкин. Москва, 18 мая 1995 г.»

Ответ С. Кошечкина, прямо скажем, озадачил. Как же так, в Америке знают автора, а в России ни одного есениноведа всерьез

не заинтересовало такое замечательное стихотворение. Достаточно ли оснований для того, чтобы считать его подделкой под Есенина? Почему никто не хочет замечать, насколько оно глубоко выстраданное, прочувствованное, продуманное? Да и писал его, по всему видно, человек, близко знавший Демьяна Бедного: и фамильярный тон, и обрапдение на «ты», и подробности его биографии — все указывает на это. Ты испытал, Демьян, всего один арест И ты скулишь: «Ох, крест мне выпал лютый». Эти строки написаны с какой-то затаенной внутренней обидой не только за оскорбленного Христа. Нет, не все здесь так однозначно. С этим стихотворением связана какая-то тайна. Пушкин отрекался от «Гавриилиады»: «Приписывают ее мне; доносили на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы». Есенин от «Послания…» сам не отказывался. Его уже не было, когда стихотворение нелегально распространилось по России.

«Факты, уже обнаруженные литературоведами и вошедшие в научный оборот…», — пишет С. Кошечкин. То есть, следуя совету С. Кошечкина, мы должны считать «вошедшими в научный оборот» и факт горбачевского авторства, и есенинское хулиганство, и есенинское пьянство, и обвинения в многоженстве, и прочие традиционные несуразности — все то, что нарисовали черными красками его друзья-доброжелатели. И не имеем права усомниться, так ли было на самом деле, только потому, что это факты, «обнаруженные литературоведами»?

Очень удивил совет не отвергать поспешно версию, что автор «Послания…», некий Горбачев Н.Н. Акак же быть с другим фактом «научного оборота», который есенинская комиссия сама поспешно отвергает: в 1926 году все называли Есенина автором «Послания…» — и в России, и за рубежом? Да и кто же такой, этот самый Горбачев?

Матвей Ройзман, на которого мы ссылались в своих материалах, имел в виду не Николая Николаевича, а Георгия Ефимовича Горбачева. Неужели о существовании этого человека есенинской комиссии не известно? Горбачев Г.Е. — критик, литературовед, сотрудник Пушкинского дома, ученый, которому Эрлих передал последнее есенинское стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья…», написанное кровью. Этот Горбачев был сослан в Соловки в 1930-е годы, правда, из Ленинграда, а не из Москвы, как указывает Ройзман. О нем писали сотрудники Ленинградского общества «Мемориал», хотя сведения у них оказались неполными.

Осталось непонятным и то, почему наше настойчивое желание исследовать до конца версию о есенинском авторстве «Послания» вызвало такое единодушное отрицание в научных

кругах есениноведов.

Все это удивляло и заставляло размышлять — вопросы просто обрушились на нас, и их становилось все больше и больше. Почему ставится под сомнение личная подпись Есенина под одним из экземпляров? Почему мы должны верить, что в 1949 году журналисты в Нью-Йорке лучше знали об авторстве, чем сталинские заключенные, которые и осуждены-то были за это есенинское стихотворение? Или, может, все дело в том, что бранные определения — «Ефим Лакеевич Придворов», «толстый боров», «хрюкнул», задевающие пролетарского поэта, кажутся чрезмерными для есенинской комиссии, которая хотела бы видеть поэта только певцом русского березового ситца и всепрощающим светлым Лелем?

Захотелось понять и разобраться, зачем настойчиво приписывают авторство «Послания…» то Горбачеву, то Ганину? Кто в свое время заставил Екатерину Есенину через газету писать отречение? Не сама же она репхила выступить на страницах центральной печати. Кому и почему уже в конце XX века выгодно было путать есенинские следы?

Пришлось заново и критически перечитать и переосмыслить всю мемуарную литературу, переоценить все до сих пор написанное. Ну а когда выяснилось, что Екатерина Александровна Есенина тоже подвергалась репрессиям, когда составился огромный список репрессированных и убиенных из ближнего и дальнего Есенинского круга, многое стало понятным.

Помогли новые публикации не только о Есенине, но и обо всей нашей истории и революции: новое о Ленине, о Сталине, не известные ранее произведения Троцкого, Бухарина, Радека и других политических деятелей.

Зарубежные источники, на которые указывали в есенинской комиссии, нам тогда были недоступны, да и надо было прежде всего разобраться «в собственном хозяйстве».

Первым делом выяснить, не связано ли с Есениным «низложение» самого Демьяна Бедного?

Глава 8
Демьяна надо раздемьянить»

Передовица была блестящая, чтобы не сказать — сокрушительная. Она гневно обличала в общих чертах все, а редактора разносила в клочья.

О том, как Демьян Бедный попал в опалу, поведала Муза Канивез, жена Федора Раскольникова:

«Демьян Бедный рассказал Раскольникову в моем присутствии следующую историю: одно время Сталин приблизил к себе Демьяна Бедного, и тот сразу стал всюду в большой чести. В то же время в круг близких друзей Демьяна затесался некий субъект, красный профессор по фамилии Презент.

Эта личность была приставлена для слежки за Демьяном. Презент вел дневник, где записывал все разговоры с Бедным, беспощадно их перевирая.

Однажды Сталин пригласил Демьяна Бедного обедать (…) Возвратясь из Кремля, Демьян рассказывал, какую чудесную землянику подавали у Сталина на десерт. Презент записал: «Демьян Бедный возмущался, что Сталин жрет землянику, когда вся страна голодает».

Дневник был доставлен «куда следует», и с этого началась опала Демьяна».

Очень может быть, что так все и было, ведь доносили же сексоты на Михаила Булгакова: мол, в «Роковых яйцах» есть злобный кивок в сторону покойного тов. Ленина: лежит мертвая жаба, у которой даже после смерти осталось злобное выражение на лице». Сексоты поступали так едва ли не с каждым, кого «пасли»: от себя добавляли все, на что способна была их фантазия.

Гадостей и оскорблений в свой адрес Сталин никому не прощал. И все же велика вероятность, что Демьян Бедный сумел объясниться со Сталиным, доказать ему несостоятельность возводимой на него клеветы.

Работник аппарата ВЦИК Михаил Яковлевич Презент (1898–1935 гг.) недолго домысливал наблюдаемые им в жизни ситуации, а Демьян прожил еще до 1945 года. Хоть и сшибли Демьяна со всех высоких постов, хоть и задело его «красное колесо», но не подмяло, не укатало в лагерную пыль.

В чем была наиболее вероятная причина ниспровержения Первого пролетарского поэта Демьяна Бедного, объяснил Н. Эвентов, исследователь его творчества: «Поэт на пороге 1930-х годов так торопился откликнуться на все события жизни, так увлекся скорописанию что не заметил, как стал отставать от эстетических и культурных запросов читателей (…) Он решал иные темы с той простодушной прямолинейностью, какая соответствовала, скажем, задачам фронтовой агитации 1918–1919 года, но оказалась поверхностной и мало убеждающей в

обстоятельствах нового, более сложного времени».

Советский литературовед говорит об ошибках Д. Бедного очень деликатно, туманно. А вот Сталин в своем письме «придворному» поэту совсем не церемонился:

«Вы вдруг зафыркали и стали кричать о «петле», В чем существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое.

Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, русскому рабочему классу.

А вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву», что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще».

Сталину вторил Троцкий: *«Не только не надо одемьянивать литературу, но самого Демьяна надо раздемьянить до нитки».*

Таким образом, Демьяну Бедному был вынесен приговор. Что же спасло пролетарского поэта? Заступничество Луначарского и Серафимовича? Покаянное письмо Сталину о признании своих ошибок, отправленное 8 декабря 1930 года? Дамоклов меч был уже занесен — Сталин подготовил статью, которая появилась в «Правде» 12 декабря 1930 года.

Статья Сталина предназначалась, конечно, не только пролетарскому поэту. Она требовала поставить в одну шеренгу всех мастеров культуры. А надоумил вождя призвать «к выравниванию» своим письмом пролетарский писатель Максим Горький. Небольшой житейский совет, данный из самых добрых побуждений, стал причиной больших драматических событий. Вот как это было.

Прошел год Великого Перелома. Страна тяжело, но с большим подъемом выбиралась из разрухи. Максим Горький убедился в этом лично, поездив по стране в 1928–1929 годах. Свои впечатления от увиденного он изложил в очерке «По Союзу Советов». Но на Западе обрапдали внимание прежде всего на критику, регулярно появлявшуюся в советских газетах. А в них

преобладало самобичевание. Вот об этом «буревестник» в 1929 году и написал Сталину.

В ответном письме М. Горькому Сталин соглашается:

> «Возможно, что наша печать слишком выпячивает наши недостатки, а иногда даже (невольно) афиширует их. Это возможно и даже вероятно. И это, конечно, плохо. Вы требуете поэтому уравновесить (я бы сказал, перекрыть) наши недостатки нашими достижениями».

Сказано — сделано. В прессе взят курс на отражение побед. В жизни — на окончательное искоренение инакомыслия. Для объекта травли намечены соответствующие жертвы. Стрельба по воробьям эффекта не дает. Намечены крупные птицы.

Демьян Бедный — слишком высоко вознесся и много возомнил о себе. Надо поставить на место.

Маяковский — слишком много себе позволяет: «Коммунист и человек не может быть кровожаден», — и это о расстрелянной царской семье! А «Клоп»? А «Баня»? Нет, определенно зарвался Поэт Революции. Его тоже надо обуздать.

Михаил Булгаков — этот никогда своим не был и не будет: «белая гвардия». Пьесы Булгакова запрещены, печатать его перестали, на работу не брали даже типографским рабочим. Булгаков к тому же осуждал «разнузданную антирелигиозную пропаганду, в особенности шельмование образа Христа», распространяемую журналом «Безбожник». В его дневнике есть запись от 5 января 1925 года:

> *«Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне (…) Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступленшю нет цены».*

Булгакова подозревали в нелояльности к советской власти. Уже в мае 1926 года при обыске на квартире у него были изъяты дневники и некоторые рукописи. Тогда же нашли и забрали есенинское «Послание…», правда, без указания авторства.

Травить всех троих начали почти одновременно, и занимались этим весь 1929 год. Травили, впрочем, не только их. Однако именно эти трое, не выдержав издевательств, написали Сталину письма, И случилось это практически в одно и то же время.

Михаил Булгаков написал письмо 28 марта 1930 года. Отправлено оно было 31 марта — 1 апреля в семь адресов. 18

апреля Сталин лично позвонил писателю, был весьма дружелюбен и предельно внимателен, вероятно, потому, что к этому времени — 14 апреля — уже застрелился Маяковский.

Вспоминает Л.Е. Белозерская-Булгакова — жена Михаила Афанасьевича:

«Вдруг узнаем: по Москве сейчас ходит якобы копия письма М.А. к правительству. Спешу оговориться, что это «эссе» на шести страницах не имеет ничего общего с подлинником. Я никак не могу сообразить, кому выгодно пустить в обращение этот опус.

Начать с того, что подлинное письмо, во-первых, было кратким, во-вторых, за границу он не просился. В-третьих, в письме не было никаких выспренных выражений, никаких философских обобщений.

Основная мысль булгаковского письма была очень проста: «Дайте писателю возможность писать. Объявив ему гражданскую смерть, вы толкаете его на самую крайнюю меру. Письмо, ныне ходящее по рукам, — это довольно развязная компиляция истины и вымысла, наглядный пример недопустимого смещения исторической правды. Можно ли представить себе, что умный человек, долго обдумывающий свой шаг, обращаясь к «грозному духу», говорит следующее: «Обо мне писали как о «литературном уборщике», подбирающем объедки после того, как наблевала дюжина гостей».

Любовь Евгеньевна ошиблась: по Москве ходило письмо Маяковского, которое пришло в Кремль одновременно с письмом Булгакова от 31 марта. Это Владимир Владимирович просился за границу, это его послание перед роковым выстрелом содержало просьбу о выезде за границу.

Об этом пишет в воспоминаниях Юрий Анненков, встречавшийся с Маяковским в Париже. О письме Маяковского упоминает и А. Мариенгоф, но как всегда цинично, по-мариенгофски, ради яркой метафоры пренебрегая чувством сострадания и деликатностью: «Ушел с дерьмом на подошвах».

Глава 9 Спасительная «панихида»

Грядущий век построим как барак.

П. Антокольский

Сталинское выступление против Демьяна Бедного не оставило безучастным Троцкого. Находясь на другом полушарии Земли, он по-прежнему был в курсе всех дел в Советском Союзе и

откликнулся статьей в защиту пролетарского поэта Демьяна Бедного.

Странная это была статья. Одно название чего стоит! «Некрологические размышления» — это о живом-то человеке! Но, может быть, именно эта статья — или, лучше сказать, панихида, пропетая по «убиенному Демьяну», — спасла Бедного от репрессий.

Троцкий отлично знал своего антипода Сталина. Да и о чем бы он ни писал, все его выступления были направлены против Сталина. Демьян именуется в статье «дельфином солидной комплекции», который «не убоялся разнузданности стихий революции, а плавал в них, как рыба в воде».

Но все по порядку. Чтобы читатель понял, какая метаморфоза произошла в сознании действующих лиц за 6–7 лет советской власти, надо познакомить его хотя бы в общих чертах с книгой Троцкого «Литература и революция», а также с отношением Льва Давидовича к поэту Демьяну Бедному.

Книга Л. Троцкого «Литература и революция» вышла в 1922 г. На ее страницах читатель найдет имена всех выдающихся поэтов и писателей начала века и послеоктябрьского периода. Обо всем и обо всех Троцкий пишет холодно и язвительно.

Посмотрите, сколько сарказма вложил Троцкий, приведя в книге одну-единственную цитату из книги Зинаиды Гиппиус «Последние стихи» 1914–1918:

> И скоро в старый хлев
> Ты будешь загнан палкой.
> Народ, не уважающий святынь!

«Это, конечно, не поэзия, зато какая публицистика! Какой неподражаемый кусочек жизни! Неистовый бабий визг… Питерской барыне, столь украшенной талантами, наступили «гвоздевым сапогом» на «лирический мизинчик», — отзывается о стихах Гиппиус Троцкий.

Если стихи Зинаиды Гиппиус не поэзия, то и это не литературная критика. Замечания точны, остры, книга написана с блеском, как почти все произведения Троцкого. Но это не критика, а политические установки революционного правительства:

«В культуре есть почва — традиции, но не бывает удобрений — пегасы не производят навоза… Присоединившиеся ни Полярной звезды с неба не снимут, ни беззвучного пороха не выдумают. Но они полезны, необходимы — пойдут навозом под новую культуру. А это вообще не так мало».

Сколько неприкрытого цинизма! Недаром учение Троцкого было взято на вооружение Гитлером, который восхищался его произведениями и учился у Троцкого.

Литературные попутчики революции — это, по мнению Льва Давидовича, Б. Пильняк, Вс. Иванов, Н. Тихонов, «серапионовы братья», С. Есенин с группой имажинистов, Н. Клюев, А. Блок и многие другие. Все они приемлют революцию — каждый по-своему. «Но в этих индивидуальных приятиях есть у них общая черта, резкая отдаленность от коммунизма, чуждость коммунистическим целям… Они все более или менее склонны через голову рабочего глядеть с надеждой на мужика. Они не художники пролетарской революции, а ее художественные попутчики (…) Относительно попутчика всегда возникает вопрос: до какой станции?»

Во вступительном слове к переизданию книги «Литература и революция» Юрий Борев заметил: «Жизнь ответила на этот вопрос трагедией. Та группа писателей, которая именовалась Троцким попутчиками, ехала не дальше станции «37-й год».

Отвергнув по той или иной причине всю послеоктябрьскую литературу, Троцкий в 1922 году удостоил вниманием одного пролетарского поэта Демьяна Бедного, которому дает высокую оценку:

«Любопытно, что сочинители отвлеченных формул пролетарской поэзии проходят обычно мимо поэта, который больше, чем кто бы то ни было, имеет право на звание поэта революционной России… Это не поэт, приблизившийся к революции, снизошедший до нее, принявший ее; это большевик поэтического рода оружия. И в этом исключительная сила Демьяна.

(…) Новых форм Демьян не искал. Он даже подчеркнуто пользуется старыми канонизированными формами (…) Демьян не создал и не создаст школы: его самого создала школа, именуемая РКП… Если это не «истинная поэзия, то нечто больше ее» (…) Новое искусство может быть создано только теми, кто живет заодно со своей эпохой».

Придя к столь значительным выводам, Троцкий, по оценке Юрия Борева, «заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зрения».

Эта крайне завышенная оценка оказала недобрую услугу Демьяну Бедному, а Троцкий своей статьей подсадил его на чужой пьедестал.

Оцененный с этой самой «политической точки зрения» и стал Демьян Бедный главным пролетарским поэтом, возглавил, так

сказать, новую литературу.

А через семь лет появится статья того же Троцкого «О Демьяне Бедном. Некрологические размышления». Из далекой заграницы опальный политик пишет слова в занциту пролетарского поэта. Пишет о Демьяне Бедном, а полемизирует с Сергеем Есениным и крестьянскими поэтами:

«Задушение Демьяна Бедного входит частицей в общую работу бюрократии по ликвидации политических, идейных и художественных традиций октябрьского переворота… Лакействовать он, правда, готов, но, так сказать, в оптовом масштабе… Демьяна Бедного долго величали пролетарским поэтом… Поэт-большевик, «диалектик», «ленинец в поэзии». Какой несусветный вздор! Только жалкий схематизм, короткомыслие, попугайство эпигонского периода могут объяснить тот поразительный факт, что Демьян Бедный оказался зачислен в поэты пролетариата».

В этом весь Троцкий: как будто и не он ранее непомерно возвышал Демьяна, а кто-то другой. Теперь отставной политик не нашел для поэта и человека Демьяна Бедного ни одного доброго слова.

Хотя, возможно, это было лишь приемом, имевшим целью направить по ложному следу или намекнуть, кто же в действительности виновен в уничтожении непокорных крестьянских поэтов?

Глава 10
Режиссура из «ЧЕ-КА-ГО», или Чекистский спектакль

29 апреля 1994 года «Независимая газета» опубликовала статью Вл. Виноградова «Я часто думаю — за что его казнили?». Автор обстоятельно и, на первый взгляд, убедительно пытается доказать, что автором «Послания Демьяну» является Николай Николаевич Горбачев. По крайней мере есениноведам она показалась настолько доказательной, что исследователи творчества Сергея Есенина перестали даже упоминать это стихотворение в контексте его творчества.

И я вынуждена повторить уже звучавший в книге вопрос: почему те, кто прошел школу сталинских лагерей, кто, собственно, и срок получил из-за «Послания Демьяну», не сомневались в есенинском авторстве, а знатоки творчества поэта усомнились? Может быть, потому, что в тюрьмах и лагерях видели и знали такое, «что и не снилось нашим мудрецам»?

Сегодня уже ни для кого не секрет, какие шедевры драматургии выходили из стен чекистских кабинетов. Помните

памфлет Юлиана Семенова «Процесс-38», в котором показания на допросах дают живые и мертвые (погибшие на допросах) участники процесса 1938 года? Один из подследственных, Артеменко, пытался урезонить своих недавних коллег:

> *«Ребята, я ж сам с Феликсом начинал ЧК, оперативную работу знаю, нельзя ж такую ахинею писать: на кой хрен Алексею Ивановичу Рыкову поручать мне следить за машиной Сталина, если он с ним вместе в Кремле живет, каждый день встречается на прогулках, — возьми револьвер да и зашмаляй в лоб; партия б только спасибо сказала».*

Над ним только посмеялись. Не сомневаюсь, что и эти два сценария «Самоубийство Есенина» и «Трагическая гибель Айседоры Дункан» тоже писались спецами из ЧК. Ведь в их руках уже была козырная карта: тот есенинский вариант «Послания Демьяну», в котором он, скорее всего уже в Ленинграде, дописал четыре последних строки, каких не было ни в одном другом варианте:

> Тысячелетия прошли, должно быть, зря,
> Коль у поэта нет достойной речи.
> Чем та, что вырвалась из пасти дикаря:
> Распни! Распни его!
> В нем образ человечий!..

Как остановить распространение по стране стихотворения Есенина, о котором знают уже даже в тюрьмах? Уничтожить списки? Нереально. Проще найти… другого автора. Благо «материала» под рукой хватало. На эту роль «благословили» журналиста Н. Горбачева, баловавшегося стихотворчеством. А озвучить версию должен был уже сидевший в тюрьме за участие в «рабочей оппозиции» Гаврила Ильич Мясников.

А дальше все просто: Горбачев Н.Н. «случайно» знакомится на прогулке с политическим заключенным Мясниковым и тут же доверительно вносит «свои» поправки в имеющийся у Мясникова текст и дописывает последнее четверостишие. Все проделано было настолько убедительно, что у Мясникова не осталось никаких сомнений: перед ним автор нашумевшего «Послания Демьяну». Не оставалось сомнений и у чекистов насчет того, что работа проделана безукоризненно. Вероятно, Мясников тогда же сделал какие-то записи, ведь дали же ему возможность вести переписку с заключенным из другой тюрьмы:

«Моя тюремная почта несмотря на исключительный надзор за мной работала исправно. Настолько исправно, что мои нелегальные пути в переписке с другой тюрьмой, где сидел в это время троцкист Соломон Дворжиц, были более быстры, чем официальная почта, и пакеты администрации одной тюрьмы к администрации другой приходили позднее, чем мои записки».

Знал бы Мясников, что чекисты в его почте были заинтересованы больше, чем он сам, а потому и содействовали, и посылали подконтрольного курьера. Далее следовало устроить Мясникову побег, чтобы имеющиеся у него сведения попали за рубеж. А чтобы опытный журналист Г.И. Мясников не имел малейшей возможности разоблачить журналиста-провокатора, всякое общение между ними сразу было прекращено.

Не в пользу Н.Н. Горбачева говорят следующие факты.

При аресте обыска на его квартире не было. Чекисты не искали черновых вариантов, знали наверняка: их там быть не могло, хотя именно черновики могли все расставить по своим местам и доказать, кто — автор, а кто — провокатор.

Послужной документ Н.Н. Горбачева говорит о том, что это «матерый» большевик, надежный товарищ. Видно, потому и выбран на эту роль: всю жизнь на «командных должностях» (из письма жены). Служил он и в карательных войсках, и тоже не рядовым, а заведующим карательным отделом Саратовского губисполкома. Потому плохо верится, что сей волкодав мог вступиться за поруганного Христа. Таких он сам распинал в чрезвычайке.

Преступление и наказание Н.Н. Горбачева явно не соответствовали друг другу. Единственное заявление — ходатайство жены Евдокии Петровны Горбачевой с просьбой о помиловании от 18 ноября 1926 г. уже не понадобилось. К этому времени журналист уже получил свободу. Решение об освобождении, так же, как и само осуждение, реализовалось без всякой волокиты. Зампред ОГПУ Генрих Ягода в пятницу 5 ноября 1926 г. написал короткое распоряжение: «Т. Шанин, согласуйте с т. Дерибас и прокурором и освободите вовсе». Шеф секретного отдела Дерибас там же внизу наложил свою резолюцию: «Досрочно от наказания освободить». Но и это еще не все.

В тот же день (!) ОСО при Коллегии ОГПУ приняло постановление об освобождении Н.Н. Горбачева. Поразительная забота о заключенном и поразительная согласованность в действиях. Вот так бы заботились о каждом поэте! Автора досрочно освободили, ни минуты лишней не сидел, а других, не авторов, за хранение стихотворения расстреливали. Как

объяснить это несоответствие?

Дело чекистов находилось теперь в руках Мясникова. Требовалось немногое: открыть клетку и выпустить пташку. Что и было сделано. И он, «находясь в ссылке в Ереване, в ноябре 1927 года вплавь через реку Араке бежал в Иран, затем в Турцию, потом получил разрешение на въезд во Францию».

Кто-то усомнится, что чекисты сами выпустили врага, дали возможность бежать из ссылки. Мол, такого быть просто не могло! Ну какой он враг? И чем они рисковали? В 1922-м году Николая Николаевича уже высылали из страны по распоряжению Ленина, но Мясников тотчас стал обращаться с просьбой о возвращении. В 1924-м вернуться разрешили, но сразу посадили. Теперь, в 1926 г., именно на Западе ему предстояло помимо своей воли сослужить большевикам большую службу. У чекистов для подобных операций есть такое понятие — использовать вслепую.

Оказавшись за рубежом, он вновь будет проситься на родину, и родина в 1945 г. вновь примет его, примет для того, чтобы в том же году расстрелять: 2 января 1945 г. Мясников получил свидетельство на возвращение в СССР, а 16 ноября был расстрелян.

О трагической судьбе Г.И. Мясникова и его семье можно узнать из Политического дневника 1965–1970 гг. (Амстердам, 1975 г.)

Мясников Гаврила Ильич, 1889 года рождения, уроженец города Чистополя, член РКП(б) с 1905 по 1922 год, исключен из партии как один из организаторов «рабочей оппозиции». Арестовывался органами ВЧК в Перми, затем в 1923 г. в Москве, после чего выслан в Германию. Через шесть месяцев вернулся в СССР. В последующие годы неоднократно подвергался репрессиям, содержался в местах заключения в Москве, Томске, Вятке. Семью Мясникова тоже высылали каждый раз в тот город, где сидел в тюрьме Гаврила Ильич.

Мясников бежал через южную границу и затем обосновался во Франции. Хороший слесарь, он стал работать на одном из заводов (кажется, «Рено»). Семья Мясникова оставалась в Москве. Жена, Дая Григорьевна, имела время от времени известия от мужа. Она посвятила себя воспитанию сыновей. Во время Великой Отечественной войны все три сына были призваны в армию и один за другим погибли на фронте. Первый погиб в ополчении под Москвой, а последний — уже в 1944 году за границей. От горя Дая Григорьевна потеряла рассудок и была помещена в психиатрическую клинику. Через год она вышла из клиники. В 1946 году Дая Григорьевна неожиданно получила официальное уведомление из Бутырской тюрьмы о том, что здесь содержится ее

муж Г.И. Мясников и что ему разрешено свидание с женой. Дая Григорьевна была потрясена этим известием. Посоветовавшись с друзьями и знакомыми, только через неделю отправилась она на свиданье к мужу, но в бюро пропусков ей сказали, что она пришла слишком поздно и что муж ее расстрелян. После этого разум несчастной женщины снова помутился, и она опять надолго попала в больницу.

Ну а что же Горбачев? Как его заслуги отмечены чекистами? «Дальнейшая судьба Николая Николаевича мне не известна», — пишет в своей статье Вл. Виноградов. Такой финал вызывает полное недоумение: ну и ну! Можно ли поверить, что чекисты, выпустив на свободу журналиста, подрывавшего устои советской власти в борьбе с православной верой, выпустили его и из поля своего зрения?

Есениновед Кошечкин указал такие даты жизни Николая Николаевича Горбачева — 1888–1928 гг. Что из этого следует? А то, что вряд ли молодой. крепкий человек умер своей смертью. Н. Горбачев не был поэтом, доказать и подтвердить свое авторство — не в состоянии. Позволить ему вернуться на поприще журналиста-редактора — дело рискованное. Оставалось либо, выправив документы, отправить в другие места, либо, если не внушал доверия, вообще вычеркнуть из жизни.

Правомерно также спросить, почему Горбачев Н.Н. не опубликовал «Послание Демьяну» в «Крестьянской газете», где сам был редактором, а стал предлагать его редакциям «Молодой гвардии», «Красной звезды», журналу «Военный Крокодил»? Из чрезмерной скромности или потому, что в «Крестьянской газете» были друзья Есенина, которые легко могли разоблачить самозванца — и не просто плагиатора, а провокатора? Разоблачить и, вполне возможно, даже показать это стихотворение, написанное рукой самого Есенина: ведь где-то же хранился оригинал «Послания…», распространявшегося по России.

Наконец, что делать с фактом несуществования поэта Н.Н. Горбачева? Никто не знал и не знает такого поэта — Николая Николаевича Горбачева. Не было такого поэта в середине 1920-х годов, не подавал он голоса и позже. Муза не посещала журналиста Н.Н. Горбачева.

Читатель спросит: а какая разница, кто написал «Послание Демьяну», Сергей Есенин или Николай Горбачев, и что от этого меняется? Большая разница, просто ошеломляющая, и многое меняется. Если автор «Послания…» — Есенин, становится ясно, кто и почему убил поэта; что поэт не принял революции и никогда не был большевистским поэтом. Станет понятно, что

русская революция не была русской, а была сионистской революцией в России (русским экспериментом). Трудно не согласиться с А. Латышевым, который в своей работе «Рассекреченный Ленин» утверждал, что *«нас почти три четверти века обманывали, не только скрывая важнейшие ленинские документы, но и фальсифицируя публиковавшиеся. Впрочем, вины Ленина нет в том, что безбожно искажались его высказывания. Главная его вина, я считаю, в исключительно жестоком, не побоюсь сказать, людоедском отношени к своим соотечественникам. И сегодня* у меня нет сомнений, что ленинский «стратацид» ничем не лучше гитлеровского «геноцида».

На вопрос, кто убил Есенина, ответить можно однозначно — большевики. Но чтобы понять, почему большевики убили «своего» поэта («Мать моя родина! Я — большевик!»), надо понять, почему Есенин не принял советскую власть, и почему советская власть, приспосабливая его «под себя», сделала из Есенина легенду и покрыла толстым слоем лжи и грязи.

В горбачевскую версию «Послания…» есениноведы и писатели, видно, никогда не верили, потому незадолго до смерти Екатерины Александровны Есениной (умерла она в 1977 году) вновь обратились к ней с вопросом, кто автор «Послания…»? Сестра поэта вновь направила их по ложному следу, назвав автором Алексея Ганина.

Сама Екатерина придумала новую версию или с чьей-то помощью? Эта версия была, конечно, более убедительна и правдоподобна, потому что Алексей Ганин проявил себя как заступник за православную веру. Но, расстрелянный в застенках Лубянской тюрьмы 30 марта 1925 года, он никоим образом не мог познакомиться с «Новым Заветом» Демьяна Бедного, который начали печатать в «Правде» с 12 апреля.

Следовательно, эта версия могла жить только до тех пор, пока не было опубликовано следственное дело Алексея Ганина.

Сам Ганин никогда не примазывался к славе Есенина. Он взошел на свой пьедестал. У него свои заслуги перед Отечеством и русским народом. О них сказал его друг Пимен Карпов:

> От света замурованный дневного,
> В когтях железных погибая сам.
> Ты сознавал, что племени родного
> Нельзя отдать на растерзанье псам.

В статье Вл. Виноградова достойно удивления не нагромождение случайностей и переплетение судеб — это

заранее и тщательно продумывалось в чекистских сюжетах и отрабатывалось на «репетициях». Загадочно и удивительно другое — полное несоответствие содержания статьи и заглавия. Содержание напрочь отметает есенинское авторство, а заглавие «вопиет»: «Я часто думаю, за что его казнили?» Речь ведь идет не о Христе, речь идет о Есенине. Так за что его казнили?

Сегодня сомнения в есенинском авторстве «Послания…» отпали. В журнале «Нева» (№ 10 за 1999 г.) опубликована статья Мих. Эльзона «Взыскующая тень». Автор приобрел в антикварном магазине «На Литейном» «Послание евангелисту…» с подписью Есенина. Подпись подтверждена экспертизой.

Глава 11
О рукописях и комментариях

Самым значительным исследованием о Есенине считаю «Хронику» В.Г. Белоусова. Удивляюсь, как ее пропустила цензура, то бишь «есенинская комиссия»?! Не иначе как Владимир Германович умышленно или случайно провел, перехитрил цензуру: одни и те же события записал трижды. Один раз по годам, как положено в хронике, во вторую часть включил дополнения, разъяснения, уточнения, а кроме того, звездочкой отметил примечания. Примечания есть, а где их искать, не указано. Читатель ищет, ищет, «плюнет» на «звездочки» и читает без примечаний. Так выпадает из его поля зрения недозволенное, пропущенное цензурой.

Он первый надоумил: ищите первоисточники, сопоставляйте, не верьте этому автору — в первой редакции он писал по-другому. Недаром это исследование есениноведы называют дотошным. Например, письмо Якову Цейтлину, уже известному нам комсомольцу из Николаева, прокомментировано так: «Это был комсомолец, приславший ему по адресу «Прожектора» письмо со стихами. Есенин тогда находился в санатории, и письмо было доставлено ему с большим опозданием». Опоздание было действительно большим: отправленное 25 мая, письмо пришло к адресату 12 декабря!

«По-видимому, оно провалялось у кого-нибудь в кармане из прожекторцев, ибо поношено и вскрыто», — так написал в ответе Есенин.

Сексоты и шпионы теперь уже работали в открытую: письма вскрывали, читали и доносили куда надо. Таких восторженных писем на имя Есенина десятки, со всех концов России. Получал ли их Есенин? Читал ли? Может быть, они одни в это тяжкое время могли скрасить его жизнь. Даже в собственной семье не

было понимания и поддержки.

О неверном толковании пояснений написал еще В. Белоусов в 1970 году. В пятитомном собрании сочинений Есенина эти комментарии подготовлены Е. Динерштейном, конечно, с одобрения есенинской комиссии.

Поэтическая программа Есенина изложена в статье «Ключи Марии». Н. Асеев в 1922 г. писал: *«Ключи Марии» не заслужили внимания тт. критиков, а между тем они заслуживают его не в меньшей степени, чем пастушеское происхождение нашего поэта».*

Восторженное отношение Есенина к революции, которая принесла «священнейшие дни обновления человеческого духа, вера в то, что только революция даст жизнь народному искусству, соседствует с заявлением: «Нам противны занесенные руки марксовой опеки в идеологии сущности искусств. Она строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове. Все эти пролеткульты есть те же самые по старому образцу розги человеческого творчества. Мы должны вырвать из звериных рук это маленькое тельце нашей новой эры, пока они не засекли его».

Порывая с имажинизмом, в 1924 году Есенин сказал со всей определенностью: «Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово».

Партия в июне 1925 г. издает постановление о литературе, а Есенин, как будто в ответ, заявляет: «Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя — я сам». (Из письма Г. Бениславской 1925 г.)

Тем самым Есенин подписывал свой приговор. Не удивительно, что в творчестве Есенина последнего периода много прощальных мотивов. Весь последний цикл — это прощание: с матерью, дедом, сестрами, садом, даже со своим старым псом. Собственно говоря, уезжая из Баку, он начинает этот цикл:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Т. Табидзе скажет впоследствии: «Здесь, в Тифлисе, на наших глазах писались эти мучительные стихотворные послания: «К матери», «К сестре», «К деду» и их воображаемые ответы».

Автобиографию 1924 года Есенин заканчивает так: «Здесь не все сказано. Но я думаю, мне пока еще рано подводить какие-

либо итоги себе. Жизнь моя и мое творчество еще впереди».

Автобиографию 1925 г. закончил иначе, очевидно, в это время уже знал, что будущего у него нет; пишет просто и лаконично: «Что касается автобиографических сведений, — они в моих стихах».

На автобиографический характер стихотворений Есенина указывают многие друзья поэта, например Иван Грузинов: «Есенин в стихах никогда не лгал. Рассказывает он об умершей канарейке — значит, вспомнил умершую канарейку, рассказывает о гаданье у попугая — значит, это гадание действительно было, рассказывает о жеребенке, обгоняющем поезд, — значит, случай с милым и смешным дуралеем был».

В рукописи автор добавлял: «Рассказывает о милой персиянке Шаганэ — значит, персиянка Шаганэ факт». (Кстати, замечу: факт этот был обнародован только в конце 1950-х — начале 1960-х, а затем в 1965 и 1968 годах Белоусовым и в 1967 г.). По каким-то соображениям в 1926 году имя Шаганэ Несесовны Тертерян (Тальян) указано не было.

Предостерегая от того, к каким непредсказуемым последствиям может привести отождествление художественного изображения и реальных событий, А. Козловский пишет: «Нет спора, немало строк в стихах Есенина сложилось под впечатлением тех или иных случаев (…), но делать вывод об автобиографическом характере стихов Есенина вряд ли правомерно».

Вс. Иванов подчеркивал, «что на основе тенденциозного и одностороннего прочтения и толкования иных его (Есенина) поступков поэту стремились приписать самые невероятные настроения и взгляды — от участия чуть ли не в монархическом заговоре до злостного хулиганства».

Фото 1924 г.

«Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово».

Когда Софья Андреевна собирала документы для есенинского музея и для этого разослала всем друзьям письма с просьбой пересмотреть свои архивы, оказалось, что у многих исчезли письма Есенина, его фотографии, дарственные книги, а у Сергея Городецкого исчез весь архив.

Рассказывает Шаганэ Нерсесовна Тальян (Тертерян до замужества): «После приезда из-за границы (Есенин) долго и безуспешно пытался издать стихи этого цикла («Москва кабацкая») отдельной книгой, И вот однажды его вызвал к себе Луначарский и предложил официально порвать отношения с этой группой (имажинистами). Есенин воспользовался таким случаем и, соглашаясь, попросил издать книгу «Москва кабацкая». Как утверждал Сергей Александрович, Луначарский согласился с этим условием, и только поэтому книга увидела свет». *(Письмо Белоусову от Шаганэ Нерсесовны датировано 1959 годом. Воспоминания она написанла позднее, в 1965 и 1967 годах).*

Рукопись стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ» не найдена. Как сообщила Ш.Н. Тальян, у нее попросили этот автограф в 1927–1928 гг., чтобы сфотографировать для работы о Есенине, и не вернули.

Есенин подарил Ш. Н. вышедшую книгу «Москва кабацкая». «Вместе с книжкой он принес фотографию, на которой на берегу моря запечатлены он, Повицкий и еще двое незнакомых мне мужчин, с написанным на обороте стихотворением «Ты сказала, что Саади». Над стихотворением была надпись: «Милой Шаганэ», а под стихотворением подпись «С. Есенин». Автограф утрачен. Его взяли одновременно с автографом стихотворения «Шаганэ ты моя, Шаганэ», чтобы также сфотографировать для работы о Есенине, и тоже не вернули.

Так было и с другими произведениями Есенина. Поэма «Анна Снегина» отдельной книгой при жизни поэта издана не была.

Из воспоминаний В.Ф. Наседкина: «О книге стихотворений «Персидские мотивы», вышедшей в мае в издательстве «Современная Россия», в провинциальных газетах печатались такие рецензии, что без смеха их нельзя было читать. Заслуживающей внимания была одна вырезка со статьей Осинского из «Правды», но и она была обзорной: о Есенине лишь упоминалось.

О поэме «Анна Онегина», насколько помнится, не было за

полгода ни одного отзыва. Она не избежала судьбы всех больших поэм Есенина».

Из воспоминаний В. Эрлиха: «В апреле 1924 г. Есенин продолжал работу над поэмой «Гуляй-Поле». Поэма превышала по количеству строк «Полтаву» Пушкина». Такой поэмы нет. Есенин сообщал И.В. Евдокимову, что работает над поэмой «Пармен Крямин» и намерен включить ее в «Собрание стихотворений». Никаких набросков, относящихся к этой поэме, не обнаружено.

Так обстоит дело со многими рукописями Есенина, нет его черновиков, указаны произвольно даты изданных произведений. Вот, что называется, протокольная запись (записано Белоусовым 24 мая 1959 г.): «За время знакомства с Есениным АЛ. Берзинь получила от поэта 52 письма и телеграммы, из них 15 писем передала в 1948 г. на хранение СЛ. Толстой-Есениной. В «Литературной хронике» отмечены девять писем и одна телеграмма, обнаруженные в архиве СЛ. Толстой-Есениной. Местонахождение остальных писем и телеграмм неизвестно».

Следует сказать, что письма время от времени все же откуда-то появляются. Появляются и безымянные стихи, которые приписывают Есенину. Вот одно из них.

Бегут весенние ручьи,
И солнце в них купает ноги.
А мы куда-то все спешим,
Мы проклянем свои дороги.
Ой ты, синее небо России,
Ухожу, очарован тобой,
А березки, как девки босые.
На прощанье
мне машут листвой.
Я нигде без тебя не утешусь.
Пропаду без тебя, моя Русь.
Вот вам крест, что я завтра повешусь,
А сегодня я просто напьюсь.
Другую буду обнимать,
С другой, быть может, брошусь в омут.
Но никогда ей не понять
Чужую страсть к родному дому.

О стихотворении «Плач крестьянина» пишет Гордон Маквей: «Стихотворение звучит по-есенински, но, кажется, не принадлежит его перу».

«Исповедь проститутки» упоминает Зелинский К.Л., следовательно, это стихотворение было в есенинском архиве. Где

же оно теперь, если нынешние хранители архива даже не слышали о нем?

ЧАСТЬ II
БЫЛ НЕСРОДЕН РЕВОЛЮЦИИ

Глава 1
Как большевики воспитывали Есенина

Известно, что Ленин и Троцкий особого почтения к поэзии Демьяна Бедного не питали. «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть впереди», — высказался однажды вождь. Троцкий тоже, хотя и спел ему дифирамбы в статье «Литература и революция», но сделал это не от чистого сердца, а по необходимости.

В революцию многие пришли «от сохи». Шашкой владеть научились. Пытались штурмом брать и поэзию, как недавно брали Перекоп. Вот и писали: «Семен Михайлович Буденный / Скакал на резвом кобыле». Или: «Рубаху рвану по-матросски — / И крикну: «Да здравствует Троцкий!»

Революционного энтузиазма молодым было не занимать, но разве это поэзия? А до каких пор можно было балаганного Демьяна считать первым пролетарским поэтом?

> «Лицо, надо прямо сказать, не внушает симпатии, и обстановка вокруг него не ароматная… Лакействовать он будет, но на это есть и безыменские старшие и младшие».
>
> *(Троцкий)*

А кого им, скажите на милость, прикажете обласкивать и возносить? Блока с его «Двенадцатью» — «первой поэмой о революции»? Так у него эта самая революция что-то не очень привлекательной вышла, с какими-то погромными лозунгами:

> Запирайте этажи.
> Нынче будут грабежи!
> Мы на горе всем буржуям
> Мировой пожар раздуем,
> Мировой пожар в крови —
> Господи! Благослови!

у Троцкого хватило ума молча пройти мимо блоковской поэмы, в которой многие (М. Горький, К. Чуковский и др.) увидели «сатиру и сатиру злую».

Есенин тоже не внушает доверия, с ним надо работать и работать. «Революция, — видите ли, — личность уничтожает», «Моя революция еще не наступила!» Того и гляди, на Запад сбежит, хотя себя «левее большевиков» объявляет:

Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.

«Как же, попутчик! До какой станции?» — *саркастически уточнял Троцкий.*

Нет, Сергей Александрович, большевиком мы тебя еще сделать должны, а не сделаем, значит, сломаем! Только и есть сейчас один Маяковский, да кому не надоело громыхание бочки по булыжной мостовой? После грохота войны и разрухи людям тишины и душевности хочется, а он «орет, выдумывает кривые словечки», — недовольно ворчит Ленин. Но приходится довольствоваться такой поэзией!

Конечно, по долгу службы воспитанием и перевоспитанием поэтов сподручнее заниматься Анатолию Васильевичу Луначарскому, но того самого в пору было перевоспитывать. Не годился для этой цели и Бухарин, хотя считался главным идеологом большевизма. Троцкий как самый образованный большевистский руководитель внимательно следил, направлял и командовал в литературе. И что из этого получилось? Все поэты и писатели «серебряного века» покинули большевистскую Россию, остались «ненадежные», «неустойчивые», «политически ограниченные попутчики». Поневоле приходилось петь дифирамбы пролетарским поэтам да печатать зеленую молодежь.

Троцкий с поэтами не церемонился:

> «Присоединившиеся ни Полярной звезды с неба не снимут, ни беззвучного пороха не выдумают. Но они полезны, необходимы — пойдут навозом под новую культуру. А это вообще не так мало… Мы очень хорошо знаем политическую ограниченность, неустойчивость, ненадежность попутчиков. Но если мы выкинем Пильняка с его «Голым годом», серапионов с Всеволодом Ивановым, Тихоновым и Полонской, Маяковского, Есенина, так что же, собственно, останется, кроме еще неоплаченных векселей под будущую пролетарскую литературу?
>
> Область искусства не такая, где партия может командовать».

Слова правильные, но не надо принимать их за чистую монету — они сказаны тогда, когда партия уже вынесла приговор всем тем, кто был «сам по себе». «Неистовый коммунист» (так называет его Ст. Куняев), журналист и партийный деятель Георгий Устинов обнародовал это решение в своей статье 1923 года. В ней крестьянские поэты Есенин, Клюев, Клычков и Орешин впервые были названы «психобандитами», а глава статьи называлась «Осужденные на гибель».

«Чуют ли поэты свою погибель? Конечно. Ушла в прошлое дедовская Русь, и вместе с нею с меланхолической песней отходят ее поэты. «По мне Пролеткульт не заплачет, / И Смольный не сварит кутью», — меланхолически вздыхает Николай Клюев. И Есенин — самый яркий, самый одаренный поэт переходной эпохи и самый неисправимый психобандит, вторит своему собрату: «Я последний поэт деревни».

Почему Есенину не по пути было с большевиками?

«Вардин ко мне очень хорош и очень внимателен. Он чудный, простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одна беда, что коммунизм он любит больше литературы».

Есенин написал это сестре, но знал, что все его письма становятся достоянием известных органов. Цитирует эти строки Галина Бениславская, а от себя добавляет: *«Вардин, несмотря на узость его взглядов, благотворно подействовал на Сергея Александровича в смысле определения его «политической ориентации» (…) «Хорошее отношение к Вардину у него осталось навсегда. Даже в письме с Кавказа к Кате, упоминая, что с Вардиным ему не по пути, он отзывался о Вардине как о прекрасном человеке».*

Все большевики, что тесно окружали Есенина, — и Вардин, и Воронский, и Берзинь, и др., — несомненно, были хорошими людьми, но коммунизм они любили больше литературы.

Есенин же сказал определенно: «Отдам всю душу Октябрю и маю, но только лиры милой не отдам». *Рассказывает Альберт Рис Вильяме:* «Я познакомился с Есениным вскоре после его разрыва с танцовщицей Айседорой Дункан. Есенин искал себе квартиру просторную и удобную. Но в перенаселенной Москве найти такую квартиру было трудно, и кто-то посоветовал поэту обратиться к Калинину.

— Неважно, — со всей самоуверенностью молодости заявлял Есенин, — он будет рад увидеть Пушкина сегодняшней России, — и тут же добавил, — или любого из его друзей».

Надо сказать, что квартиры у Есенина не было. Никакой. За все годы его пребывания в любимой Москве никогда не имел

своего угла. О бездомности Есенина в течение последних двух лет пишут все. Вот буквально анекдотический эпизод: «Друг, с которым Есенин пришел, спрашивает его: «Ты где ночевать будешь?» — «Не знаю, — отвечает поэт, — пойдем хоть к тебе». О том же поведала А. Назарова: «Есенин страшно мучился, не имея постоянного пристанища. На Богословском — комната нужна была Мариенгофу и Колобову, на Никитской — в одной комнатушке жили я и Галя. Он то ночевал у нас, то на Богословском, то где-нибудь еще, как бездомная собака скитаясь и, не имея возможности ни спокойно работать, ни спокойно жить… Его сестра тоже ютилась где-то в Замоскворечье. Из деревни должна была приехать другая сестра».

Поэт воспользовался советом друзей и пошел к Калинину. О чем между ними шел разговор, мы должно быть, никогда не узнаем, но, видно, нес проста Михаил Иванович посоветовал Есенину уе хать в свою деревню и пожить там годика два. Иначе говоря, посоветовал убраться из Москвы и отси деться в глуши. Были, наверное, у Калинина при чины для такого совета. Есенин не послушал Миха ила Ивановича. И что же последовало сразу за этим ослушанием? На Есенина обрушились все невзгоды: сборники не издавали, поэмы не печатали.

В одной из своих поэм он написал:

> Я — законный хозяин страны Российской,
> Как бездомная собака бродил по земле.

Книжный магазин, с которого он имел некоторый доход, перешел в другие руки. Кафе «Стойло Пегаса», где он был хозяином на паях с другими и получал дивиденды, обанкротилось, его тоже вскоре закрыли.

Айседоре послал успокоительную телеграмму:

> «Мои дела блестящи. Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство».

А что на деле? Есенину всегда было нелегко, но такого трудного времени у него еще не было. Вчитайтесь в строки из дневника Галины Бениславской, которые никогда не публиковались:

«Поймите, — жаловался поэт, — в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться, и мне не открывают».

«Иногда ему казалось, и так фактически было, его отвергли и оттерли. Ведь в конце концов все крестьянство СССР идеологичес

ки чуждо коммунистическому мировоззрению, однако мы его вовлекаем в новое строительство.

Вовлекаем потому, что оно — сила, крупная величина. Сергею Александровичу было очень тяжело, что его в этом плане игнорировали как личность и как общественную величину. Положение создалось таким: или приди к нам с готовым оформившимся мировоззрением, или ты нам не нужен, ты ядовитый цветок, который может только отравить психику молодежи».

Сергей Александрович очень страдал от своей бездеятельности. «Это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой, я должен быть жертвой за всех, кого «не пускают». Не пускают, не хотят, ну так посмотрим. За меня все обозлятся. Это вам не фунт изюма. К-а-к еще обозлятся. А мы все злые. Вы не знаете, как мы злы, если нас обижают. Не тронь, а то плохо будет. Буду кричать, буду, везде буду. Посадят — пусть сажают — еще хуже будет. Мы всегда ждем и терпим долго. Но не трожь! Не надо!»

«Сколько лет наши власти скрывали эти бесхитростные строки близкого поэту человека. И все для того, чтобы скрыть правду о преследовании Есенина вождями большевиков по политическим мотивам», — *рассказывал Эдуард Хлысталов.*

О том, как большевики «воспитывали» Есенина, свидетельствуют и воспоминания Евдокимова (глава «На деревянном диванчике»).

«В августе месяце Литературно-художественный отдел перевели по тому же коридору в самый конец. В двух маленьких комнатах, загроможденных шкафами и столами с дурным архаическим отоплением, с переполнением комнат служебным персоналом и приходящей публикой, было тяжело и душно. И завели: не курить в комнатах.

В коридоре у дверей поставили маленький, для троих, деревянный диванчик. На этом диванчике, пожалуй, редкий из современных писателей не провел нескольких минут своей жизни.

И почти каждое посещение Есенина тоже начиналось с этого диванчика. Он приходил, закуривал — и выходил в коридор.

Всю осень он бывал довольно часто. И как-то случалось так, что чаще всего я встречал его на диванчике, замечая издали в коридоре знакомую фигуру…

Обычно ежемесячные выплаты по тысяче рублей приходилось выдавать по доверенностям Есенина то жене, то двоюродному брату Илье Есенину. До женитьбы поэта на СЛ. Толстой деньги получала сестра его, ЕЛ. Есенина.

В целях: сохранения денег, когда приходил за ними поэт в нетрезвом состоянии, мы считали своим долгом денег ему не выдавать.

Под благовидным предлогом я быстро сходил в нижний этаж, в финансовый сектор, предупреждал наших товарищей по работе, в кассе деньги Есенину не выдавать, или брал из кассы уже выписанный ордер. В случаях настойчивости поэта затягивали выдачу до 3-х часов дня, затем выдавали ему чек в банк, когда там в этот день уже прекращались операции. В последнем случае была надежда, что поэт наутро протрезвится и деньги не пойдут прахом».

Надо сказать, так воспитывало большевистское правительство не только Есенина. Вспоминают, например, как Владимир Маяковский танцевал чечетку в кабинете главного бухгалтера с обещанием, что не уйдет до тех пор, пока все деньги не будут лежать на столе. Из всех кабинетов сотрудники и сотрудницы приходили посмотреть, полюбоваться этим зрелищем. Маяковский умел добиваться своего.

У Есенина не было такой мертвой хватки. Был он деликатным, и если уходил с пустыми руками, то не смотрел в глаза. Ему было стыдно за людей. И Евдокимов помнил всю свою жизнь эту вину перед Есениным.

Предположим, что Есенина, «воспитывая», лишали денег в целях «профилактики», но точно так же по много раз приходилось ездить Бениславской или сестре Кате, «а часто даже на трамвай не было». Это тоже способствовало «трезвому существованию» или, наоборот, подталкивало к кабакам с желанием заглушить обиду?

Даже в последний день, уезжая насовсем из Москвы, не сумел получить денег, несмотря на то, что приходил из больницы за три дня до отъезда, предупреждал об этом.

— Ордер выписан, — сказал Евдокимов, — но ты слишком рано пришел.

Есенин не получил ни утром, ни после двух, ни после четырех. И уехал в Ленинград без денег.

После ухода от Айседоры, как известно, Есенин жил у Г. Бениславской. Она вспоминает:

«Нам пришлось жить втроем (я. Катя и Сергей Александрович) в одной маленькой комнате, а с осени 1924 года прибавилась четвертая — Шурка. А ночевки у нас в квартире — это вообще нечто непередаваемое. В моей комнате — я, Сергей Александрович, Клюев, Ганин и еще кто-нибудь, а в соседней маленькой, холодной комнатушке, на разломанной походной кровати — кто-либо еще из спутников Сергея Александровича

или Катя. Позже, в 1925 году, картина несколько измени лась: в одной комнате — Сергей Александрович, Сахаров, Муран, Болдовкин, рядом в той же комнатушке, в которой к этому времени жила ее хозяйка, — на кровати сама владелица комнаты, а на полу, у окна — ее сестра, все пространство между стеной и кроватью отводилось нам — мне, Шуре и Кате, причем крайняя из нас спала наполовину под кроватью.

Ну а как Сергею Александровичу трудно было с деньгами — этого словами не описать. «Прожектор», «Красная нива» и «Огонек» платили аккуратно. Но в журналы сдавались только новые стихи, а этих денег не могло хватить.

«Красная новь» платила кошмарно. Чуть ли не через день туда приходилось ездить (а часто на трамвай не было), чтобы в конце концов поймать тот момент, когда у кассира есть деньги. Вдобавок не раз выдавали по частям, по 30 руб., а долги тем временем накапливались, деньги нужны были в деревне, часто Сергей Александрович просил выслать. Положение было такое, что иногда нас лично спасало мое жалование, а получала я немного, рублей 70. Всего постоянных «иждивенцев» было четверо (мать, отец и две сестры), причем жили в разных местах, родители в деревне, сестры в Москве, а сам Сергей Александрович по всему СССР.

(…) Никогда в жизни до этого и после я не знала цены деньгам и не ценила всей прелести получения определенного жалованья, когда, в сущности, зависишь только от календаря».

Глава 2
«Товарищеский» суд над поэтами

Сломать «крестьянского поэта», заставить прийти в услужение власти — для этого все средства годились — в том числе и разного рода провокации. Одну из них готовил журналист Лейба Сосновский. Пустившись во все тяжкие, он расписал и разукрасил, как Есенин и его друзья, Клычков, Орешин и Ганин, арестованные за очередной скандал в пивной, обратились за помощью к Демьяну Бедному. А на его вопрос, что случилось, Есенин якобы сказал: «Один жид четырех русских в милицию привел».

Эту статью тут же перепечатала «Рабочая Москва», только с другим заглавием: «Что у трезвого «попутчика» на уме». А оканчивался опус следующими словами: «Лично меня саморазоблачение наших поэтических «попутчиков» очень мало поразило. Я думаю, что если поскрести еще кого-то из «попутчиков», то под советской шкурой обнаружится далеко не

советское естество. Очень интересно узнать, какие же литературные двери откроются перед этими советскими альфонсиками после их выхода из милиции и как велико долготерпение тех, кто с «попутчиками» этого сорта безусловно возится и стремится их переделать».

Как «с яростными попутчиками возятся и стремятся их переделать», продемонстрировал «товарищеский суд», который не замедлил состояться.

Из воспоминаний Матвея Ройзмана: «На товарищеском суде в Доме печати обвинителем выступил Л, Сосновский. Не знавший Есенина и обстоятельств происшествия, он сосредоточил основной огонь своей речи на Сергее. Резко обрушился на четырех поэтов председатель суда Демьян Бедный, порицал их не только за дебош в пивной, но, с его точки зрения, и за «их отвратительное поведение на суде». Впрочем, нотки сожаления звучали в его голосе, когда он говорил о том, что Есенин губит свой талант. Да и после смерти Сергея, выступая на страницах газеты, Демьян признавался: «Я знал Есенина, я за него страдал». (Демьян Бедный. Где цель жизни?)

Журналист Л. Сосновский, впоследствии оказавшийся троцкистом, после смерти Есенина выступил с резкой статьей, цитируя некоторые строки Есенина и называя творчество великого поэта «лирикой взбесившихся кобелей». Автор не первой циничной статьи против Есенина считает его идеологом и покровителем хулиганства».

Об этом «товарищеском суде» пишет в своем дневнике и Галина Бениславская, но ее воспоминания тщательно вымараны, им умудрились придать цинично-благообразную форму:

«Это было в декабре (может, в конце ноября) 1923 г. Сергей Александрович в «Стойле» рассказывал друзьям: 10 декабря — десять лет его поэтической деятельности. Десять лет тому назад он первый раз увидел напечатанными свои вещи. Сам даже проект записки в Совнарком составил: «Юбилей Есенина. 10-го декабря исполняется 10 лет поэтической деятельности Сергея Есенина. Всероссийский союз поэтов, группа имажинистов и группа писателей и поэтов из крестьян ходатайствуют перед Совнаркомом о почтении деятельности».

«Придя домой, рассказал, что Союз поэтов и прочие собираются организовать празднование юбилея… Наше молчаливое отношение его очень сердило. Пару дней поговорил. Потом никогда не вспоминал о своем юбилее».

Эти строки воспоминаний приведены еще и для того, чтобы читатель воочию убедился, как «подчищен» Есенин. Фрагмент воспоминаний Бениславской — это пример фальсификации,

которой снабжали все эти годы советского читателя.

Почему любящая женщина взывает в письме к Есенину: «Стансы» нравятся, но не могу примириться с «я вам не кенар» и т. п. Не надо это в стихи совать. И никому это, кроме Вас и Сосновского, неинтересно».

Не о Сосновском речь в «Стансах», как известно, а о Демьяне («Я не чета каким-то там Демьянам») но Галина Артуровна даже в письме не позволяет себе «трепать» имя Демьяна Бедного. Всегда тактичная и сдержанная в письмах, она довольно бестактно и грубо одергивает поэта и требует быть более покладистым и сговорчивым, взывает к благоразумию. Работая секретарем в «Бедноте», в той самой газете, где редактором в 1918–1924 годах (с перерывами) был Л. Сосновский, Галина Бениславская знала, с кем имеет дело, на какие подлости и шантаж способен этот партийный деятель, и не забыла, каких душевных мук и переживаний стоил Есенину «товарищеский суд».

Сотрудников своих Ленин знал неплохо. Характеристики давал, редко ошибаясь. Вот что он написал в адрес Льва Семеновича Сосновского:

> «Тов. Сосновский даже превосходные статьи свои, скажем, из области производственной пропаганды, умел иногда снабжать такой «ложкой дегтя», которая далеко перевешивала все плюсы производственной пропаганды.
>
> (…) Бывают такие не очень счастливые натуры, которые чересчур часто заражают свои нападки ядом. Тов. Сосновскому полезно было бы за собой, по этой части, присматривать и даже друзей своих попросить, чтобы они за ним присматривали».

На «товарищеском суде», обвиняя Есенина в антисемитизме, приводили самые нелепые примеры его скандала в поезде, где он обругал «жидом» высокого чиновника Рога, поведение в пивной, где сексоту Родкину, провоцировавшему скандал, обещал плеснуть пивом в ухо. Не исключено, что этот суд готовился как воспитательная мера воздействия на Есенина и крестьянских поэтов. Но, оставшись без твердой направляющей руки Троцкого, отошедшего от дел в результате тяжелой болезни, показательный суд превратился в фарс, обвинители не называли истинной причины обвинения, ибо истина могла восстановить общественность против Троцкого и его сторонников.

Есенин, в свою очередь, тоже оправдывался на уровне провинившегося школяра: «Ну, какой я антисемит, у меня жена еврейка».

На грозном суде нашлись доброхоты, которые в оправдание

Есенина подсчитывали еврейских девушек, бывших любовницами поэта.

Обвинители выступали с мелкими, ничтожными обвинениями, на уровне кухонных сплетен, а истина лежала на дне есенинского «Дела». Скандал, затеянный во время его поездки по Америке в еврейской колонии в Бронксе (мы к нему еще вернемся), грозил превратиться в показательный суд большого масштаба. Есенин обвинялся в тяжком государственном преступлении, и потому этот инцидент карающей рукой советского правосудия готовился как назидательный урок: мол, никому, даже Есенину, не простятся его антисемитские выпады, пусть даже на другом полушарии земли. И потому он должен понести наказание.

Интересно и совершенно верно замечание есениноведа Л. банковской: в антисемитизме обвиняли Есенина при жизни. Но никогда никто не упрекнул в этом Есенина посмертно. Обвиняли во всех смертных грехах, но никогда — в антисемитизме. Почему? Да потому что не было за Есениным этого греха.

Глава 3
Заклятые друзья

Когда Леонид Леонов работал над своим романом «Вор», большая группа молодых людей в поисках материала, следуя горьковским традициям, отправилась в знаменитую «Ермаковку» (ночлежный дом) изучать людей дна.

Сопровождал молодежь в целях безопасности работник Московского уголовного розыска (по другим данным — начальник МУРа) Кожевников Иннокентий Серафимович (1879–1931 гг.). В 1918 г. — главный комиссар по организации боевыхдружин на территории советских республик южной России. В 1918 г. — чрезвычайный комиссар Донецкого бассейна. Словесный портрет чекиста (см. воспоминания Эрлиха) сопровождавшего группу, более соответствует другому человеку: Кожевникову Якову Николаевичу, в начале 1923 г. — ответственному сотруднику ВЧК.

Известны имена участников этого похода: Леонов, Есенин, Берзинь, Казин, Эрлих, Никитин и др. Из воспоминаний Н. Никитина известно, что «ни к одному из своих выступлений Есенин не готовился так, как к этому, никогда так не волновался, как отправляясь на эту встречу».

По понятным причинам непрошеных гостей встретили без энтузиазма и радушия. Не были приняты и стихи кабацкого цикла, с которых начал Есенин:

Шум и гам в этом логове жутком.
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Это был их быт, который их тяготил и не устраивал. Есенин увидел сразу, как мрачнели их лица, как ниже опускались головы. Он перестроился: стал читать о юности и несбывшихся мечтах, о рязанском небе и отговорившей роще, о матери, которая ждет сына и тревожится о нем. Это касалось каждого, составляло светлую юность и утрачено, может быть, навсегда.

> «Что сталось с ермаковцами в эту минуту! У женщин, у мужчин расширились очи, именно очи, а не глаза. В окружавшей нас теперь большой толпе я увидел горько всхлипывающую девушку в рваном платье. Да что она… Плакали и бородачи… Прослезился даже начальник Московского уголовного розыска.
>
> Никто уже не валялся равнодушно на нарах. В ночлежке стало словно светлее, словно развеялся смрад нищеты и ушли тяжелые, угарные мысли.
>
> Вот каким был Есенин.
>
> С тех пор я поверил в миф, что за песнями Орфея шли даже деревья».

Такое восторженное описание этого выступления Есенина оставил Н.Н. Никитин.

Есенин любил читать стихи, выступал много и охотно. Чтение его было мастерское, профессиональное. Все стихи в его исполнении очень выигрывали. Подкупал необычайно выразительный глуховатый голос. Поэтому успех всегда сопровождал его выступления. В «ермаковке» обстановка была непредсказуемой и напряженной. Чем могло окончиться это выступление, неизвестно. Поэтому развязка со счастливым концом запомнилась многим.

Об этом эпизоде вспоминают и другие.

Крайне сдержанно, можно сказать — документально, сухо вспоминает Анна Берзинь:

«Мы перешли в комнату, где помещались женщины. И тут Сергей вдруг начал читать стихи. Читал очень хорошо, его слушали женщины и мужчины, которые пришли следом за нами в женскую спальню. Стоящая впереди женщина, пожилая и оборванная, плакала горючими слезами, слушая Сергея Александровича».

А вот эпизод, которого нет в воспоминаниях Никитина и о котором рассказала Анна Абрамовна:

«Когда мы покинули ночлежку, поэт, бывший с нами, товарищ Есенина, вдруг сказал:

— А эта женщина, которая плакала, она ничего не поняла…

— Почему? — встрепенулся Сергей.

— А потому, что она совсем, совсем глухая, Я задержался и попробовал с ней разговаривать, так мне все сказали, чтобы я и не пытался, она все равно ничего не слышит.

Сергей насупился и всю дорогу домой промолчал. Он молча простился с нами. А теперь мне кажется, что этот милый и славный поэт просто все придумал, чтобы рассердить Сергея Александровича.

Я все собираюсь его спросить, не помнит ли он, как это было на самом деле».

Этот славный и милый поэт — Вольф Эрлих, товарищ Есенина. Поэт, хотя никому еще не довелось познакомиться с его стихами. Может быть, вот эти, придуманные им строки, записанные в воспоминаниях как стихи, и есть его «поэзия»? Не потому ли критики назвали его, Эрлиха, «виртуозом»?

У каждого народа есть свой анекдот о глухом Рабиновиче или Петровиче. Назавтра вся Москва будет смеяться, рассказывая, как пел Орфей-Есенин, ублажая глухую проститутку. «Виртуоз» не постеснялся толпы свидетелей, не убоялся осуждения и сочинил еще «четыре последних дня Сергея Есенина», которые нам предлагают принять на веру за неимением других источников.

Не странное ли дело: воспоминания сотрудников и агентов ОГПУ — Эрлиха, Устиновых, Назарова, свидетелей последних дней Есенина — принимаются за истину, и этими воспоминаниями потчуют читателя столько лет?

— Да не убивал он (Эрлих) Есенина. Совсем взбесились! Поклонялся ему. Был истинный поэт, хотя и далеко не Есенин, — *возопил Михаил Синельников (см. приложение к «Литературной газете» «Досье» № 9–10, 1995 г., стр. 31).*

Допустим, не убивали Эрлих и Устинов. Просто заманили в ловушку, а затем пхвырнули в него комья грязи и умыли руки. Очистились перед палачами и потомками: написали свои «дружеские» воспоминания.

Эрлих не постеснялся извратить до неузнаваемости эпизод, которому было столько свидетелей! Свидетелей его вопиющего, наглого вранья, и он же. Эрлих, сочиняет «Четыре дня с Есениным», хотя в первый день у гроба Есенина никто из «свидетелей» ничего не говорил, ничего не рассказывал — тогда еще не успели согласовать: ведь надо было заполнить четыре дня

жизни. Палачи согласовали четыре дня казни Есенина.

Оценку этим перевертышам дал Лавренев в статье «Казненный дегенератами», и все же они до сих пор числятся в друзьях поэта.

Эрлих появляется на жизненном пути Есенина, когда тот порвал дружбу с имажинистами и вышел из «Стойла».

Из воспоминаний Надежды Вольпин:

> «Год 1924-й. Ленинград, Апрель. Квартира Сахаровых. Стук в дверь. Входит Владимир Ричиотти, в прошлом матрос, революционер, сегодня «воинствующий имажинист» (…) Все на месте: Григорий Шмерельсон, Семен Полоцкий, Вольф Эрлих, Афанасьев-Соловьев, ну и я с Ричиотти».
>
> *(Турутович Л.И.).*

Что знал Есенин об этих молодых людях, чтоб называть своими друзьями? В друзьях у него ходили все, с кем едва познакомился. Так было, например и с Леонидом Утесовым, только что приехавшим в Москву. Представляя его Наде Вольпин, сказал:

— Мой старый друг, Леонид Утесов.

Есенин молодых не знал. Знакомство было поверхностным.

«Творческие достижения их были довольно скромны, — *пишет Э.М. Шнейдерман,* — все они были еще молоды, только входили в литературу… но планы были большие. Готовился к изданию журнал «Необычайное собрание друзей», составлялась антология «Российские имажинисты». Но ни то, ни другое издание осуществить не удалось. А в 1926 году деятельность «Воинствующего ордена» фактически прекратилась».

Что им помешало осуществить свои планы? Да планов-то никаких не было, никто из них поэтом не был. Под этой вывеской их собрали вместо московских имажинистов, и обязанности их были другие: следить за Есениным и доносить. А так как в 1924–1925 годы Есенин уезжает на Кавказ, сама собой необходимость в их ордене отпала.

По делам издания своих произведений Есенин с 12 апреля по 12 мая, а потом с середины июня до конца июля жил в Ленинграде на квартире Сахарова. Хозяева были на даче. Вот в это время Эрлих жил с Есениным, потом он приезжал на несколько дней в Москву. Об этих встречах, продолжавшихся не более двух-трех месяцев, вспоминает Софья Толстая.

Сочинив свои объемные воспоминания, Эрлих раздробил их на мелкие осколки — эпизоды из жизни друзей, воссоздав тем

самым иллюзию длительного знакомства.

Два с половиной месяца знакомства умело растянуты на 2–3 года. Такое впечатление остается у читателя. Странным образом Эрлих пролез в число лучших друзей, которых объявилось видимо-невидимо.

Читаем воспоминания Н.Н. Захарова-Мэнского:

«Всякий, с кем Сергей выпил бутылку пива или матерно обругал в пьяном виде, стал писать о нем воспоминания (…) Откуда-то из всех нор повылезла прятавшаяся там пошлость — и ну делить посмертную славу покойного (…) и как бы эмблемой ко всему — никому-никому не ведомый в литературе и искусстве юноша, который играет первую скрипку на всех юбилеях и похоронах знаменитостей, с которыми (например с Есениным) едва ли был знаком при их жизни».

Имени, конечно, нет, но портрет узнаваемый.

В воспоминаниях Вольфа Эрлиха есть слова Есенина, на которые следует обратить особое внимание:

«Ты понимаешь? Если бы я был белогвардейцем, мне было бы легче! То, что я здесь, это не случайно. Я — здесь, потому что я должен быть здесь. Судьбу мою решаю не я, а моя кровь. Поэтому я не ропщу. Но если бы я был белогвардейцем, я бы все понимал. Да там и понимать-то, в сущности говоря, нечего! Подлость — вещь простая. А вот здесь… Я ничего не понимаю, что делается в этом мире! Я лишен понимания!»

Эрлих пишет: «Перед сном». Не иначе, как перед Вечным Сном Есенина: ведь это были последние слова Есенина Эрлиху, когда западня захлопнулась. Прочтите еще раз воспоминания Эрлиха, увидите: не было «Субботы», не было «Воскресенья», потому они и не описаны Эрлихом. Об этом пишет и Анна Берзинь, которая на следующий день бросилась в Ленинград спасать Есенина, но было уже поздно. Никто в Ленинграде не знал о приезде Есенина — да такого просто не могло быть! Никто не подходил к телефонам: всех писателей сдуло из Ленинграда накануне Рождества. Дозвонилась только Шкапской, но у нее именно в этот день, т. е. 25 числа, кто-то из близких покончил с собой. Не Есенин ли? Помочь найти Есенина отказалась, а у гроба Есенина была вместе с Софьей Толстой.

Вместе с Эрлихом сочиняла свои воспоминания и Елизавета Алексеевна Устинова, но не находят ли странным есениноведы, что ни одна душа не вспомнила о ней? Куда же она исчезла? Каким ветром замело ее следы? Ведь она могла о многом рассказать…

Если властная рука не пощадила своего человека, чекиста Эрлиха, то тем более безжалостно уничтожались другие. Почему

читатель не знает Эрлиха-поэта, на этот вопрос, по существу, ответил Виктор Кузнецов в своей статье «Тайна гибели Есенина». Стихотворения его настолько идейны и тенденциозны («Мой дом — весь мир, отец мой Ленин…»), что сами по себе могут служить «Личным делом» или сексотским досье чекиста Вольфа Эрлиха. Кузнецов приводит наиболее характерный отрывок — «поэзии в нем ни на грош но фактура любопытна»:

Много слов боевых живет в стране.
Не зная, кто их сложил.
Громче и лучше на свете нет
Песни большевика.
И этой песне меня научил
Мой первый товарищ
Выборнов Михаил,
Председатель Рузаевской ЧК.

Кузнецов продолжает: «В 1925 году поднаторевший сексот, очевидно, за особые заслуги получил квартиру. В письме матери в 1930 г, пишет: «Сам я живу замечательно. Две комнаты с передней, а я один. Сам к себе в гости хожу. Шик!» *Что ни говори — ценный кадр ЧК-ГПУ-НКВД.*

Часть lll
ЕСЕНИНА УБИВАЛ НЕ ТРОЦКИЙ

Глава 1
Вчерашние товарищи

Господин министр, я хорошо знаю Ленина и Троцкого. Многие годы мы вместе боролись за освобождение России.

Теперь они обратили ее в рабство, более страшное, чем то, в котором она пребывала раньше.

Б. Савинков — У. Черчиллю

Говоря о Есенине, мы все время возвращаемся к одной из крупнейших политических фигур того времени — Троцкому. Но перед тем, как повнимательнее всмотреться в суть их отношений, попробуем ответить на один важный вопрос. Как могло случиться, что Троцкий, имея невероятную власть и влияние в стране, после смерти Ленина потерял неожиданно все и ушел в тень?

Неоднократно дотошные репортеры задавали этот вопрос и Троцкому, и Сталину и ни разу не получали вразумительных ответов. Троцкий объяснял туманно и непонятно, злился, что его не хотят понять.

Сталин объяснял кратко и прямолинейно: мол, не для того, они, большевики, изгнали господ, чтоб теперь их место заняли другие господа. И опять было непонятно, при чем тут господа, когда у большевиков давно одни товарищи? А ведь в ответах Сталина просматривалась та самая правда, которую всегда тщательно скрывали и прятали большевики.

Похоже, что и в большевистской партии немногие знали ответ на этот вопрос, резонно полагая, что два вождя не поделили власть. Собственно говоря, так это и было, но было и другое, что не лежало на поверхности, что скрывалось от всех.

Впрочем, давайте послушаем самого Сталина из доклада на XV съезде ВКП(б):

«Вы спрашиваете: почему мы исключили Троцкого и Зиновьева из партии? Потому что мы не хотим иметь в партии дворян, пользующихся привилегиями, и крестьян, лишенных этих привилегий. Неужели мы, большевики, выкорчевавшие с корнями

дворянское сословие, будем теперь восстанавливать его в нашей партии? Закон у нас в партии один, и все члены партии равны в своих правах. Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном, и в организационном отношении, Она должна отказаться от своих антибольшевистских взглядов открыто и честно, перед всем миром. Она должна заклеймить ошибки, ею совершенные, превратившиеся в преступление против партии, открыто и честно перед всем миром. Она должна передать нам свои ячейки для того, чтобы партия имела возможность распустить их без остатка. Либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут — вышибем».

И вышибали. Прямо с трибуны. Первым — Таковского. Ему не дали связно закончить ни одной фразы… Семьдесят пять активных деятелей троцкистской оппозиции и двадцать три из группы Сапронова были на XV съезде из партии исключены. Ликвидация верхушки послужила сигналом к исключению тысяч оппозиционеров на местах в провинции. Так характеризует эту ситуацию Ю. Помпеев.

Исключали, в основном, евреев, изгоняли их из руководства и из партии. Этому факту тоже есть свидетельство — письмо Троцкого Бухарину, в котором он просит разобраться в антисемитских проявлениях. Ответом послужили издевательские слова Н. Бухарина, он списывал черносотенные проявления на «пережитки прошлого».

Изгнанный из России, Троцкий не прекратил борьбу со сталинским режимом. До самой своей насильственной кончины выпускал он «Бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев», который внимательно читали во всех столицах мира. «Со смертью Троцкого оппозиция перестала существовать. Канул в историю и «Бюллетень оппозиции», за каждую статью из которого, найденную в СССР при обыске, расстреливали без суда и следствия», — отмечает Ю. Помпеев. Бюллетень, доставляемый в Москву самолетом, читал и Сталин и не скрывал этого, часто цитируя в статьях своего злейшего врага.

Со своей стороны, Троцкий также без всяких обиняков говорит о том, что его статьи направлены против Сталина — врага номер один:

> «Сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот… Мы будем критиковать этот сталинский режим, который иначе подорвет все завоевания Октябрьской революции».

Но происходило странное: чем яростнее нападал Троцкий, разоблачая своего врага, тем безнадежнее терял он свой былой

авторитет. В слепой злобе и ненависти он выбалтывал всему миру вопиющие факты и разоблачения. Троцкий писал, доказывал, разоблачал, судился. И, как всегда в таких случаях бывает, чем яростнее он доказывал и опровергал, тем больше наживал врагов, тем меньше было ему веры. Газеты с ним не церемонились, и он это проглатывал.

Газета «Ла Вое де Мехико», орган компартии Мексики, в частности, писала:

> «Троцкий, старый предатель, доказывает нам всякий раз, что чем больше он стареет, тем делается большей канальей и большим циником.
>
> Троцкий должен ответить (…) и положить конец своему кретинизму (…)
>
> Как хитер старикашка предатель! Он превосходно знает, что в 72 часа едва ли можно только начать список всех его гнусностей и преступлений, его сообщества с врагами всех народов, начиная с народов СССР, Китая и Испании (в ответ на требование Троцкого в течение 3-х суток представить конкретные обвинения в свой адрес)».

И это Троцкий, который еще недавно был кумиром молодежи России, вершитель Революции и всех ее побед! Умом, наверно, он понимал, что против него идет обыкновенная травля, в какой он сам участвовал не раз. Надо было остановиться, оглядеться, просто замолчать наконец и подумать. Но остановиться он уже не мог и замолчать тоже. В этой борьбе он потерял все. В борьбе, которую вел за освобождение своего народа. Потерял семью, власть, свободу и Россию. Но главное, он потерял дело, которому служил. У него не осталось ничего, кроме слова и остатка жизни. Он торопился отстоять, утвердить свое имя в истории революции, откуда его изгонял злейший и коварнейший враг.

Откровения Троцкого перевернули всю нашу историю революции, приглаженную и принаряженную. Думаю, что Троцкого надо не только читать, а изучать, даже в принудительном порядке, как прежде заставляли изучать «Краткий курс истории КПСС».

Современники так и делали. Следили за «дискуссией», читали листы «Оппозиции» и мотали на ус. Каждый делал выводы для себя, учился на чужих ошибках. Странная и поучительная картина представала перед читателем, отраженная в кривом зеркале истории. В каждой статье «Оппозиции» Троцкий разоблачал Сталина как фальсификатора истории, а сам при этом «раздевал» себя перед всем миром и представал в первозданном, достаточно непривлекательном обличии.

Сталин подтасовывал и «передергивал» факты, отделяя Ленина от Троцкого, Троцкий документально доказывал, что он неотделим от революции и ее Вождя. Хотел того Троцкий или нет, но в слепой злобе и ненависти к своему заклятому врагу он документально доказал, что в разорении России и в уничтожении народа России главенствующая роль принадлежит им — Ленину и Троцкому.

Троцкий признавал, что к 1932 году ГПУ разрушило почти все его связи. Трагическая гибель «трибуна революции» подтверждает его правоту: ГПУ распоряжалось даже в самых отдаленных капиталистических странах, как у себя дома, и от возмездия не ушел никто.

За неделю до своей гибели на суде, затеянном им после первого покушения 24 мая 1940 г., Троцкий будет доказывать, что коммунистическая газета «Ла Вое де Мехико», подобно всем другим агентам ГПУ, получает материальную поддержку от своего хозяина Сталина. Иначе говоря, состоит на службе Кремля.

На службе у сталинской бюрократии состояли «все вожди компартий Мексики», доказывал Троцкий на суде.

Черчилль, который, кстати сказать, и назвал Троцкого «отставным палачом», однажды пожелал:

> *«Да проживет он еще долгие годы в состоянии бессилия и оцепенения, разъедаемый изнутри озлобленным своим умом и беспокойным характером — это было бы для него лучшим наказанием!»*

Но последней статьей Троцкий сам себе подписал приговор. Статья называлась «Коминтерн и ГПУ». Сталин на эти откровения Троцкого коротко сказал: «Блудить языком можно, но всему есть предел». По выражению Анастаса Микояна, «взаимное раздевание вождей, взаимное их оголение» перед всей страной, а затем и перед всем миром началось на XIV съезде партии в декабре 1925 года и продолжалось до гибели Троцкого.

Глава 2
«Иудушка Троцкий»

Кто же из них, Троцкий или Сталин, был более заинтересован в уничтожении Есенина?

Факты свидетельствуют, что до конца 1925 года, до укрепления своих позиций, Есенин нужен был Сталину как союзник, как единомышленник против засилья евреев в советском правительстве: «В первом советском правительстве —

Совнаркоме, русских было лишь двое. А из 556 человек, стоявших на вершине советской иерархии в 1917–1925 гг., — 448 были евреи» (И. Лысцов). «Лейба Бронштейн правит Россией, а не должен ей править». Потому Сталин и спасал Есенина от агентов Троцкого, потому в свое время и отправил на Кавказ, в Грузию, под опеку Кирова. Но укрепив на XIV съезде партии свои позиции, заручившись поддержкой Зиновьева, Каменева, Бухарина, т. е. большинства в Политбюро, и замахнувшись на самого сильного своего врага — Троцкого, решил использовать Есенина в дьявольской игре. Гибель Есенина — «ярого антисемита» — должна была сослужить ему хорошую службу.

Умный и дальновидный политик Троцкий не мог не понимать, чем обернется для него и его сторонников убийство Есенина. Всем еще памятен был пресловутый «товарищеский суд» над Есениным и его друзьями. Все знали о том, какие колоссальные усилия приложил Троцкий, чтобы «перевоспитать» Есенина, научить мыслить интернациональными категориями и отказаться от «квасного» патриотизма.

Меняться Есенин не хотел. Но по-человечески Троцкий любил Есенина. Может быть, как раз за честность и бескомпромиссность. Любил и его поэзию. Конечно, за Есениным значилось много прегрешений: из «Пролеткульта» вышел («Я сам по себе»), пролетарскую литературу объявил «мерзостью в литературе» и сделал это принародно, в докладе. Страну социализма, которую отвоевали и создавали большевики, объявил Страной Негодяев. Вождю Революции Ленину приклеил ярлык сфинкса — и понимай, как хочешь, а другому вождю — Троцкому — вручил титул «черного, черного человека». Центральные газеты давно спрашивают: «Как велико долготерпение тех, кто с «попутчиками» такого сорта безусловно возится и стремится их переделать?»

А «Послание Демьяну»? Теперь Есенина осудил бы даже покойный Ленин. Своим стихотворением поэт поставил под серьезное сомнение ленинскую политику наступления на православную веру.

На Троцкого поспешили возложить грех за смерть поэта: мол, он убил Есенина, а потом «написал яркую речь, пышную, как надгробные венки из бумажных цветов» (Н. Сидорина).

Каюсь, я так же думала, пока не изучила и не сопоставила все факты.

А факты свидетельствуют: рано или поздно, но Сталин, обвинявший Троцкого во всех смертных грехах, не преминул бы упрекнуть его и в этом — в смерти Есенина. Но ни разу, повторяю, ни разу такого упрека не прозвучало. Почему? Да потому, что приговор поэту мог исходить от кого угодно, но

только не от Троцкого. Троцкому нужен был живой Есенин, и именно как союзник.

А кроме того, нужно знать большевистскую систему: решения об уничтожении не могли выносить отдельные лица, даже если они члены правительства. Такие решения принимались коллегиально, в кругу членов Политбюро. Бумагу пускали по кругу, подписи подсчитывались, а документ уничтожался. Об этом есть много свидетельств: того же Ленина, Глебова-Авилова и других. Позже, когда болезни одолели вождя, решения начали принимать опросом по телефону, но процедура оставалась прежней. Потому и название появилось: принять решение «вкруговую».

Время и репрессии начисто стерли из памяти многих политических деятелей. Способствовала этому и неоднократно переписанная история ВКП (б). Но несложно установить, что Политбюро 1925 года состояло из семи членов. Вот их имена: Троцкий, Бухарин, Рыков, Томский, Зиновьев, Сталин и Каменев. Так вот: по одной из версий, Троцкий был единственным, кто не поддержал приговор Сергею Есенину.

Троцкий — единственный из членов правительства — был на панихиде по Есенину, со скорбью и горечью проводил поэта в последний путь. На вечере памяти Сергея Есенина в МХАТе зачитана его статья-некролог «Памяти Есенина», опубликованная 19 января в газете «Правда». Троцкий нашел душевные, трогательные слова о «незащищенной душе поэта» и о «жестокой эпохе», в которую он жил. «Нет, поэт не был чужд революции, — он был несроден ей (…) Короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой».

Почему Н. Бухарин был так настроен против Есенина? Только ли сатирическая рифма «Бухарин — невымытые хари» или стихи «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» имели такое воздействие на советского руководителя?

Среди многих версий убийства Есенина существует и такая: перед отъездом в Ленинград Есенин якобы похвастал, что имеет документ, компрометирующий большевистских руководителей. На просьбу Родионова-Тарасова показать этот документ, ответил, что не дурак носить с собой, что хранится в Ленинграде, в надежном месте. В мемуарах друзья объясняли, что такой компромат действительно был, но он касался Каменева и Зиновьева, запятнавших себя еще в 1917 г. Известен он был и Ленину. Но какое отношение имел этот документ к 1925 году? О нем написали, чтобы втереть очки и отвести подозрения от главного виновника. В 1990-е годы опубликован документ, который в Советской России стал известен в 1924 г. и имеет

касательство к стихам Есенина и к его судьбе. Это неизвестное письмо Н. Бухарина другу Илие Британу в Берлин, написанное вскоре после смерти В.И. Ленина.

Глава 3
Иудушка Бухарин, или Неизвестное письмо

Письмо Н. Бухарина, опубликованное Британом в 1924 году, имеет три эпиграфа:

> *«Где стирается призрачная грань между «Wahrheit» и «Dichtung» (истиной и поэтическим вымыслом)? Там, где нет лжи».*
>
> *«Что такое правда? Это путь к Богу».*
>
> *«Если бы не ненавидел, то не было бы во мне и Любви».*

Эти эпиграфы и должны были объяснить, почему Илья Британ решил опубликовать исповедь Бухарина. А под заголовком «Ибо я — большевик» добавил пояснение: «Тем, которые придут». Те новые, молодые, которые придут на смену нынешнему поколению, должны знать правду.

В 1928 г. «Неизвестное письмо» было перепечатано во французском журнале «Ревю универсаль» (т. 32, вып. 23) уже с комментарием, где его автором однозначно назывался Н.И. Бухарин, а адресатом — Илия Британ. Сомнений в подлинности документа у западных публикаторов не было. О подлинности говорила и интимность письма. Но перед тем как познакомиться с его текстом, давайте вглядимся в фигуры его автора и адресата.

По словам Ленина, «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Имея такую блестящую характеристику, данную самим Лениным, как было Бухарину не испытать свою судьбу? У него в руках были все шансы возглавить советское правительство.

Ленин, правда, сказал: «Он никогда не учился», — но это не помешало Бухарину учить других. Вся идеологическая сфера сосредоточена была через год после смерти Ленина в его руках: он был главным редактором большевистской газеты «Правда», а вскоре стал главным редактором журнала ЦК партии «Большевик», созданного для «защиты и укрепления

исторического большевизма против любой попытки искажения и извращения его основ».

С 1922 года Бухарин был в одной упряжке с Троцким по разгрому русской православной веры, а вместе с Зиновьевым отвечал за выработку политического курса и текущую деятельность Коминтерна. А в 1925 году в партии сложился дуумвират: Бухарин и Сталин.

> *«Для Бухарина настал период его наибольшего влияния на советскую политику» (Стивен Коэн). Каменев утверждал, что творцом и подлинным представителем социализма 1925 года был Бухарин: «Официальный большевизм 1925–26 годов был в основном бухаринским. В том же 1925 году Каменев заявлял: «Сталин целиком попал в плен этой неправильном линии, творцом и подлинным представителем которой является тов. Бухарин».*

Время и дальнейшие события показали, кто к кому попал в плен. Бухарин все больше «входил во вкус» и потому все дальше отходил от Троцкого, разрывал дружеские с ним отношения.

В книге С. Коэна о Бухарине есть такая фраза:

> *«Переписка 1926 года между Бухариным и Троцким окончилась просьбой Троцкого к Бухарину расследовать выпады, встречавшиеся в официальной кампании против левых».*

Вождь революции, ленинский соратник, первый претендент на большевистский престол Троцкий выступает в роли просителя. И обращается не к Сталину — обращается к Бухарину. Речь шла о так называемых «антисемитских выпадах».

И что же получил в ответ на свое послание Троцкий? Ответ Николая Бухарина звучал форменной издевкой. Нет, он не отрицал вспышку антисемитизма в середине 20-х годов, но относил ее исключительно к «язвам» старого режима. Джина выпустили из бутылки! Волна антисемитизма с лозунгом «все зло от евреев» прокатилась по всей стране, и даже главный идеолог Николай Бухарин в целях сохранения спокойствия в государстве в 1927 году должен был выступить дважды с докладом на антисемитскую тему.

В архиве Троцкого сохранились копии только трех писем к Бухарину. В последнем письме Троцкого речь идет не только об антисемитской пропаганде, Троцкий просит расследовать пропаганду, которая ведется в двух направлениях — «о гнусной

клеветнической, с одной стороны, антисемитской, с другой».

Есть у В. Вересаева такой рассказ — «Собачья улыбка». Он о двух друзьях-поэтах.

Один не по заслугам вознесен славой, заласкан судьбой, публикой и женщинами. Другой живет, снедаемый жестокой завистью. И потому заключает сделку с Нечистым. Ну и как положено в таких случаях, Нечистый подстраивает автомобильную катастрофу. Поэт срывается в пропасть… И сразу на ум приходят слова Льва Троцкого из некролога Есенину: «Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя».

Образы узнаваемы, хотя основательно окарикатурены. Для большей узнаваемости, чтобы читатели не ошиблись адресом, клуб, где выступают поэты, назван «Красным Пегасом». Намек более чем прозрачен: да, поэт «сорвался в пропасть», но кто подстроил эту катастрофу? Вершитель судеб. Он — Нечистый! Пасквиль не только на Есенина и его завистливого друга (Анатолия Мариенгофа). Пасквиль и на того Нечистого, Рыжего с белозубой улыбкой. И название говорит само за себя: «Собачья улыбка».

Политическое преступление низведено в разряд обыденных, бытовых, уголовных, а «крайними» оказались завистливый друг и Рыжий Нечистый.

Чей заказ выполнил В. Вересаев в рассказе «Собачья улыбка»? Рассказ был написан в 1926 году, а опубликован одновременно со статьей П. Бухарина «Злые заметки» в № 1–2 журнала «Красная нива» в 1927 году. Вот, собственно, и ответ на вопрос: чей это заказ.

Тогда-то и вытащили из небытия ленинское изречение «Иудушка Троцкий», которое давно было предано забвению и которое теперь было включено в активную пропаганду. И, надо сказать, пропаганда сработала отменно. Государственные мужи все просчитали верно. Накал антисемитских страстей к XV съезду партии был таков, что вчерашних вождей Октябрьской революции, героев гражданской войны изгоняли прямо с трибуны, куда они выходили для своей защитительной речи, не давая им даже раскрыть рта. И символически приурочили это действо к 10-й годовщине Октября.

Захаров-Мэнский в 1927 году объявил:

> *«Я не буду пророком, если скажу, сейчас этот год, год беспримерной популярности Есенина, окончился, ближайшие 365 дней будут низведением с пьедестала этого во многом переоцененного, но все же исключительного и неповторимого лирика последнего*

десятилетия. Появившийся в № 1 и 2 «Красной нивы» рассказ В.В. Вересаева («Собачья улыбка»), понятный даже и для непосвященного, — несомненное доказательство правильности моего утверждения (…)

Этот год будет годом его развенчания (…), а потом — потом, когда мы сможем беспристрастно подойти к его поэзии, мы, быть может, оценим по заслугам этого незабываемого лирика ярчайших лет, пережитых Россией».

Слова Захарова-Мэнского действительно стали пророческими.

А в течение многих последующих лет статья Троцкого о Есенине в «Правде» оставалась самой человечной и единственной добропорядочной из всего, что было написано о Есенине.

За Троцким числится много грехов и много преступлений перед русским народом, но Есенина он не убивал. Это преступление ему приписали.

О Британе известно немногое: родился в Кишиневе, расстрелян в Париже (8 июня 1885 г. — 15 декабря 1942 г.). Поэт. С 1922 г. жил в Берлине, куда выслали его большевики. Там же в 1924 г. вышли его книги «Богу», «С детьми», «Разноцвет», «Изгнанники». В 1925 г. был издан большой поэтический сборник «Полдень» (267 стихотворений), в 1927 г. — мистерия в стихах «Мария». В 1928 г. (по другим источникам, в начале тридцатых) переезжает во Францию. В 1942 г. расстрелян немцами как заложник.

Свой жизненный путь Илия Британ описал в стихотворении «В семь лет уж не дитя», вошедшем в книгу «Полдень».

До 17 лет, ведя беспорядочный образ жизни, решил покончить жизнь самоубийством:

Скоро злая жизнь
зажгла его грехами:
Восславил он разгул, пленил его порок;
Им проклят был Господь,
и ночью в темном храме
Рука, сорвавши крест, нажала на курок.

Потом следуют годы учебы в Казанском университете и долгие путешествия — дважды обогнул «тюрьму земного шара»:

В семнадцать он — борец за вольность,
он — Спартак;

Но скоро дух остыл: земной свободы мало…
Мир минус Я есть нуль;
мой ближний — он мне враг!

Последние строки стиха свидетельствуют о новой перемене жизни: на тридцатом году ушел в монастырь, пять лет провел в келье.

Монастырь, как он пишет, был на 30-м году жизни, следовательно, здесь в монастырской келье уже советской Москвы посещал друга своей юности Николай Бухарин, один из вождей мировой революции. Здесь разгорались жаркие споры, бушевали страсти.

> *«Подолгу, иногда до рассвета, засиживался я в вашей келье и не раз, признаюсь, побаивался, как бы наши чекисты, коль они нагрянут к вам с очередным обыском и приглашением «на Лубянку», не застали бы вождя мировой революции в этом столь не подходящем для него обществе».*
>
> *«Помните, как часто я беседовал с вами по душам, выбалтывая вам такие вещи, о которых никогда не решился бы, да и сейчас не решусь, сказать ни одного слова никому на свете».*

Из письма узнаем, что пути их разошлись навсегда, что Британ «отъявленный, никем не превзойденный «к-р» (контрреволюционер), и что, будучи членом Московского Совета, Британ написал Ленину «полное яду» послание. И Ленин, прочтя, сказал:

> *«Хороший он, по-видимому, человек, и жаль, что не наш. — Потом добавил: — И умный, очень умный, но дурак».*

Так вот, в письме старому другу Бухарин, продолжая какие-то давние дисскуссии, не только по старой привычке иронизирует над «нашими делами и делишками, сообщая самые невероятные случаи из советской и партийной действительности, которые, к сожаления, не были анекдотами, хотя и звучали хуже «скверного анекдота». Он берет на себя смелость расставлять по ранжиру (а точнее — сводить к политическому нулю) ближайших соратников Ленина, взявшихся осуществлять власть в стране после смерти своего лидера. Картина у него, надо сказать, получилась прегрустная:

«Итак, мы — в пустыне и — без вождя!

Посудите сами…

Сталин — нуль и все спасение видит в одном (котором по счету?) миллионе трупов.

Каменев — нуль и поучает нас, как удобнее всего сидеть между двух стульев.

Крупская — нуль и просто — дура, которой мы, для очередного удовольствия «низов» и для пущего бума да шума разрешили геростратничать, сжигая библиотеки и упраздняя школы, будто бы по завету Ильича: на мертвых все валить можно, ибо они, как известно, сраму не имут…

Зиновьев… О нем разрешите не говорить, дабы не испачкать о него даже матерное слово.

Рыков — нуль и даже разучился острить (единственная его способность, будь он трезв или пьян), к бесконечному удовольствию Луначарского, которого он прозвал Луна-паркским и Лупанарским, а вместо наркома совершенно правильно величает наркомиком.

Дзержинский — нуль, если, разумеется, дело не касается Г.П.У., в филиалы коего он превращает все решительно ведомства, куда мы его ни посылали.

Я? Ах, голубчик, и я — тоже нуль, если свести с трибуны или кафедры или вытянуть из-за письменного стола да приставить к «делу»: отлично зная себе цену, я поэтому сроду никаких должностей не занимал, тем более, что при моих спартанских вкусах — наклонностей к воровству не имею.

Знаю, вы ждете моего слова о Троцком. Но он всегда был политическим нулем, правда, большим нулем, и останется им до конца своих дней, даже если судьба все-таки сделает из него коммунистического диктатора».

Дав такую уничтожающую характеристику тем членам правительства, кто претендовал на освободившееся ленинское место, Бухарин пытается разобраться, как и почему так скоро произошли изменения в самой партии, почему «от партии пахнет «жареным» и почему деградировали революционеры ленинской гвардии, «которые еще недавно жертвовали собой, жили аскетами, не хуже «подвижников церкви», вдруг полюбили особняки, собственные поезда, шампанское, кокоток, да которые подороже, из балета, а их жены — бриллианты в орех, альфонсов и, конечно, десяток новых платьев», пытается понять «закон, превращающий революционных подвижников в обывателей, приспособленцев и хапуг».

И трудно сказать, спорит ли Бухарин с прежним единомышленником или выражает собственные чувства,

поскольку нынешняя обстановка весьма удручает: «Как хорошо, что вас здесь нет! — восклицает Бухарин. — В эти дни никакое и ничье заступничество не спасло бы вас ни от Устюга и Нарыма, ни от более неприятного путешествия — «на луну». Паршивое времечко».

Но с грустью к Бухарину, как к одному из творцов «паршивого времечка» и всего того, что творилось в стране, не приходит раскаяние. Он с невероятным цинизмом и самолюбованием пишет не только о целях и задачах пришедшего к власти в России коммунистического «ордена», как сам он называет большевиков, но и о людоедских методах правления.

«На Россию, на Русь нам наплевать! — признается он. — Мы не оставили камня на камне от многовековой постройки «государства российского»: мы экспериментируем над живым, все еще, черт возьми, живым народным организмом, как первокурсник медик «работает» над трупом бродяги. Без малейшего сожаления и сострадания к тем, кто нужен в качестве удобрения коммунистической нивы для ее будущего урожая».

«Для меня современная Россия (…) это — случайная, временная территория, где пока находимся мы и наш Коминтерн, которому (это в скобках!) ваш глупый запад с его близорукими, безмозглыми правительствами деньги все-таки даст, ибо, как-никак, а социалисты скорее наши, чем ваши, даст, не понимая, что мы на эти самые фунты и франки зажжем Европу, проломим всем им приспособления для цилиндров».

«Нам нужны деньги — деньги, как можно больше денег! Для того, чтобы получить денежки, мы не только дважды обобрали (и еще двадцать два раза оберем!) девяносто процентов России, но распродадим ее оптом и в розницу!»

Были в письме и другие откровения, например по поводу концессионеров: «Мы заманиваем их капиталы и… душим!» В заключительной части письма его автор издевательски жестко пишет о гибели России и цинично высказывает истины «большевистского Корана»: «Во имя мировой революции все дозволено и оправдано».

«Что для меня революция — все, и, потребуй она от меня жизни моей любимой жены, я спокойненько утоплю ее в умывальном ведре — медленно и мучительно».

О том, почему Илья Алексеевич Британ решился опубликовать адресованное ему частное послание, объясняет в предисловии А. Рубинштейн: «Британу было неудобно сказать правду, то есть признать, что письмо принадлежит перу Бухарина, главному редактору «Правды», автору различных советских законодательных документов. Заявить об этом было неудобно, а с

другой стороны, он считал, что письмо это достойно публикации.

Небольшая хитрость, на которую Британ пошел — на обложке поставил свое имя — не могла ввести в заблуждение посвященных».

Да и должен ли был Британ хранить доверенную только ему тайну «исповеди Бухарина», если по милости этих людей, одержимых бредовыми идеями мирового господства, страдают и гибнут миллионы таких, как он россиян? Впрочем, без сомнений не обошлось.

Хождение брошюры в России началось в 1924 году через Общество по культурным связям с заграницей, к которому были причастны братья Рябушинские. Могли привезти из Берлина советские писатели, которые печатали там свои произведения, например Пильняк, с которым часто встречался Есенин.

Бухаринское письмо существует в двух вариантах: на русском языке и в переводе с французского, потому есть некоторые разночтения. Вариант, которым располагал Есенин, содержал стихи, примитивность которых позволяет утверждать, что их сочинил не Британ:

Вокруг все хари, хари, хари
И в них плюющий наш Бухарин.

Есенин решил использовать рифму «Бухарин — невымытые хари» в стихотворении «Русь бесприютная», тем самым дав понять советскому идеологу, что его письмо стало достоянием широкой общественности. Владелец такого взрывоопасного документа действительно мог стать личным врагом Бухарина. Вот такой документ мог действительно послужить поводом к гибели поэта.

Полностью бухаринское письмо Британу публикуется в приложении к нашей книге.

Глава 4
Месть Бухарина

Есенин был принципиальным критиком так называемой пролетарской литературы. Одно название доклада в ленинградском зале Лассаля чего стоит — «О мерзости и прочем в литературе. Вызов «непопутчикам». Не менее жесток выпад в статье «Россияне»: «Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем». Одним словом, «скотный двор». И хотя полемизирует Есенин с маленьким картофельным журналистиком Сосновским и иже с

ним, все знали, в чей огород падают камешки, кто руководит в стране идеологией и культурой.

Партия не могла не осуждать Есенина. В первые послереволюционные годы рукоплескали вождям — Троцкому и Ленину, а теперь ру-коплещут Есенину, молятся на него, идут за ним. И кто? Комсомольцы! Авангард партии! Возмущению Бухарина нет предела: *«У комсомольца частенько под «Спутником коммуниста» лежит книжечка Есенина»!*

Ни один призванный партией под свои знамена писатель не смог затронуть тех струн молодежи, на каких уверенно играл Сергей Есенин. Не это ли письмо комсомольца из города Николаева переполнило чашу терпения Политбюро?

«При твоем имени я волнуюсь сердце готово выпрыгнуть и умереть… Разве можно свое чувство выразить словами… Ты единственный настоящий поэт. Провинция сейчас преклоняется перед тобой. Поклонников не сосчитать! Упас очень много есенинцев (так они и прозваны) — рабочие женотелы студенты, мещане, комсомольцы и даже пионеры!.. У каждого сердце «есенинское!» (…), делаем о тебе доклады, как помешанные, пьем ведрами твои стихи! Если пришлешь книжку стихов, будем «счастливейшими в мире»! — И так далее в таком же духе.

И разве только из Николаева шли письма? Отовсюду: из Рязани, Нахичевани, из Благовещенска-на-Амуре. И какие письма! Какие восторги! Это надо было пресечь и немедленно.

Статьи Бухарина и уже известного нам Сосновского сделали свое гнусное дело. Уже в 1927 г. Есенина превратили в отщепенца и забулдыгу, а его поэзию в «есенинщину», демонстрирующую полное несоответствие идеалам социализма. И в «скотном дворе» началась дикая травля Есенина и преследование «есенинцев».

Из письма Толстой-Есениной — А.Ф. Кони б мая 1927 года:

«Печать и руководящая общественность подняла дикую травлю на имя и творчество моего мужа, и сверх моральной тяготы это отражается практически, так как мешает мне развивать и расширять главную мою работу — в Есенинском музее. Эта работа кропотливая, трудная, но единственная моя радость». *И в тот же день М. Горькому:* «Вы единственный человек, который мог бы сейчас сказать по-настоящему, чтобы эти люди пришли в себя, а то они совсем взбесились. Вы не можете себе представить, что пишут в провинции и что говорят на диспутах. И все это с легкой руки Сосновского и Бухарина. Сергей уже стал «фашистом» (!), по отзыву особо ретивых!»

Стихи Есенина, конечно, были не ко времени, как и музыка великих, слушая которую, как говаривал Ленин, хотелось гладить людей по головам. А суровая эпоха требовала бить по головам,

бить беспощадно. Есенин мешал своей чувствительной душевной поэзией. Партийные газеты сплошь пестрели объявлениями-отречениями — самым гнусным и позорным явлением большевистской морали, а Есенин в стихах и в жизни не только не отрекался от своей «мелкобуржуазной», «кулацкой» семьи, но постоянно заботился о родителях, помогал сестрам, содержал их, учил, воспитывал.

Как была воспринята посмертная статья Бухарина о Есенине «Злые заметки» интеллигенцией, видно из писем того времени.

М. Пришвин в письме М. Горькому от 2 февраля 1927 года делится своими впечатлениями от поездки в Питер, где не был 10 лет:

«Сейфуллина в Питере — это вроде как прежде Зинаида Гиппиус. Я и у нее побывал, а передо мной был из виднейших лиц, написавший перед этим хулиганскую статью о Есенине. Он приезжал справиться, как думает литературный мир о его статье.

Мне показалось это хорошим поступком и отбавило во мне немного горечи и возмущения, и унижения, причиненных мне этой (…) статьей».

В числе тех, кто подал свой голос против бухаринской статьи, был и Вл. Маяковский. Сказал, как всегда прямолинейно и резко, и не где-то в кулуарах или в кругу друзей-лефовцев, а на диспуте в Коммунистической академии 13 февраля 1927 г., то есть ровно через месяц после опубликованной в «Правде» статьи Н. Бухарина:

> «Есенин не был мирной фигурой при жизни, и нам небезразлично у даже приятно, что он не был таковым. Мы взяли его со всеми недостатками, как тип хулигана, который по классификации т, Луначарского мог быть использован для революции, Но то, что сейчас делают из Есенина, это нами самими выдуманное безобразие».

Статьи Крученых о Есенине, вышедшие посмертно, Маяковский назвал «дурно пахнущими книжонками».

ЧАСТЬ IV
ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Глава 1
«Шедевры из пустоты»

Русская эмиграция по-разному относилась к живому Есенину, но умершего поэта вся зарубежная пресса почтила доброжелательно.

Новый, 1926 год начался с материалов о Есенине. В них неподдельная скорбь и сожаление, печаль и грусть. Есениновед Галина Шипулина отмечает «удивительно поэтичную статью» Михаила Осоргина «Отговорила роща золотая», В. Ходасевича, который подробно рассказал о жизненном и творческом пути поэта, его ошибках и заблуждениях, статьи Ю. Анненкова, А. Кусикова.

Даже такая ядовитая змея, как Зинаида Гиппиус, на сей раз не ужалила, нашла другие слова: «Есенину не нужен ни суд нащ ни превозношение его стихов. Лучше просто молчаливо, по-человечески пожалеть его. Если же мы сумеем понять смысл его судьбы — он не напрасно умер».

Пророчица и тут оказалась права. Не надо ни хвалить, ни бранить, надо понять смысл его судьбы, его жизни и смерти.

Травля Есенина начнется в большевистской печати и тотчас перекинется в мемуары красной эмиграции. В силу этого воспоминания «красных эмигрантов» ни в малой степени не могут быть документами времени, настолько они тенденциозны и явно халтурны. В них начисто отсутствуют достоверность и конкретность, зато налицо желание показать Есенина хулиганом, пьяницей и скандалистом.

В примечаниях к ним стоит одно и то же:

«Такая встреча могла быть 11–12 мая в Берлине в 1922 году». Или: «Такая встреча могла быть в марте в Берлине в 1923 году». Вот именно — могла быть, но ее могло и не быть. А написать о Есенине надо, и написать непременно отрицательно, ибо рядом с газетными статьями о самоубийстве Есенина шел упорный слух о его убийстве.

Вот потому и просматривается в этих воспоминаниях, написанных по шаблону, чистейшая халтура. Особенно грешат этим Роман Гуль, Ирина Одоевцева, Георгий Иванов, Георгий Адамович — «красные» эмигранты. Лгут, не заботясь даже о правдоподобии.

Самое доброжелательное отношение у Ирины Одоевцевой. Никакого злопыхательства, всех жалеет, всем сочувствует, сопереживает, потому так хотелось бы ей верить. Но можно ли?

> «В Берлине я живу одна, на положении «соломенной вдовы», Георгий Иванов, вот уже неделя как уехал в Париж повидать свою маленькую дочку, ну и, конечно, свою первую жену. Уехал с моего позволения и даже благословения — я, слава Богу, не ревнива».

Вот потому обедать она в тот раз пошла с Николаем Оцупом. Обедали в знаменитом русском ресторане у Ферстера — месте встреч всех эмигрантов. Там и встретились с Есениным и его компанией, «кувырк-коллегией». Из ресторана Есенин повез всех в Ад ел он, где познакомил с Айседорой Дункан. И Айседора, конечно, танцевала свой знаменитый танец с шарфом, так красочно описанный Анатолием Мариенгофом в «Романе без вранья». Вечер удался, и потому сожалели только о том, что с ними не было Георгия Иванова.

А вот что рассказал о берлинской встрече с Есениным Николай Оцуп.

«Как-то часа в четыре я зашел в один из русских ресторанов (Ферстера) на Моцштрассе поговорить по телефону, В этот час в ресторане не бывает никого, кроме швейцара и двух-трех скучающих кельнеров (…)

Из обеденного зала вышел, чуть-чуть спотыкаясь, средних лет человек, Я с трудом узнал Есенина.

У него были припухшие глаза и затекшее лицо. Руки его дрожали. Он был одет щеголевато, но держался с какой-то «осанкой заботной».

(…) Темнело. В сероватых сумерках, держась руками за голову и раскачиваясь, Есенин читал мне стихи. Мы были одни за столиком. Кусиков ушел куда-то на полчаса».

Дальше можно не продолжать. Ничего даже приблизительно похожего на то, о чем рассказала Ирина Одоевцева. Она писала свои воспоминания «На берегах Сены» спустя шестьдесят лет, в 1983–1989 годах, а Николай Оцуп — по свежим следам — в 1927 году. За это время многое изменилось в нашей стране, изменилось и отношение к Есенину, он опять превратился в любимого и почитаемого поэта России. Ну и, наконец, надо сказать главное: воспоминания Ирины Одоевцевой от начала до конца родились в ее воображении, это плод ее фантазии.

Н. Оцуп пишет: «Я встретил Есенина в Берлине за месяц до его возвращения в Россию». Значит, в июле 1923 года. И. Одоевцева заканчивает свои воспоминания такой фразой: «Когда я вернулась из санатории, Есенин уже уехал в Америку». Есенин уехал годом раньше, 27 сентября 1922 года.

Берусь утверждать, что зарубежных встреч с Есениным не было ни у Ирины Одоевцевой, ни у ее мужа Георгия Иванова, несмотря на то, что он тоже «вспомнил» в мемуарах о своей встрече с Есениным. «Вспомнил» и тот же ресторан Ферстера, и ту же весну 1923 года, и доброжелательный тон — все объясняется очень просто: «встречу» эту сочинила и написала за мужа И. Одоевцева. Вот потому в обоих текстах пойдут и «васильковые глаза», и «белокурые волосы», и «мальчишеский вид».

«Георгий Иванов был безгранично ленив, а проза, не в пример стихам, давалась ему с трудом… Помогая ему, я иногда писала по 15 часов подряд.

Так мною почти целиком были написаны «Закат над Петербургом», «Из семейной хроники» и, кроме того, вступительная статья к Есенину, за что мы получили просто смешную сумму — всего пять тысяч франков».

Известен категорический отзыв об очерках Георгия Иванова Анны Ахматовой: «В них нет ни одного слова правды». Известно и то, что Г. Иванов объявил Н. Берберовой, что в его «Петербургских зимах» «семьдесят пять процентов выдумки и двадцать пять — правды».

Творю из пустоты ненужные шедевры,
И слушают меня оболтусы и стервы…

«Шедевры из пустоты» — точно сказано. Но пальма первенства по праву здесь должна принадлежать Роману Борисовичу Гулю.

Его «шедевр из пустоты» — пример хлестаковщины, образец, достойный удивления: подумать только, на двух страницах текста суметь употребить полтора десятка раз «Есенин пил», конечно, как и положено, во всех художественных подробностях. Другие только робко заикались о нетвердой походке, опухшем лице, дрожащих руках, а Роман Борисович Гуль, единственный раз увидев Есенина, сразу и навсегда «пригвоздил его к трактирной стойке». И не «просыхал» у него Есенин до самой кончины. Нет, не Есенина, до кончины Романа Борисовича в 1986 году. Он не уставал вновь и вновь обращаться к Есенину: в 1923, 1927, 1929, 1981 годах. С самой первой реплики сюрприз и удивление: «Я познакомился с Есениным в пьяном виде». Ну, что тут скажешь? Может и весь очерк писался в таком виде? Не исключено. Читайте:

«Я шел, качаясь, пустым залом. Был пьян, И вместо комнаты, где сидели мы, — вошел, где лакеи составляли посуду. Тут на столе сидел Есенин. Он сидя спал. Смокинг был смят. Лицо — отчаянной бледности».

Роман Борисович умеет и удивить, и ошеломить:

«Если б Есенин был жив, я б рассказал только об этом вечере. Но Есенина нет. А я его очень люблю. И мне хочется — о Есенине в Берлине — вспомнить все».

И «вспоминает». Например, день приезда в Берлин 11 мая 1922 г.

> «Ночью в ресторане Есенин пил, Кусиков читал стихи. Айседора сидела с Есениным. Тоже пила…
>
> Из Америки через Париж Есенин приехал один. Он был смертельно бледен (!). И не бывал трезв (…)
>
> Он пил (…)
>
> В Шубертзале… Есенин вышел на сцену, качаясь, со стаканом вина в руке, плеща из него во все стороны (…)
>
> В Союзе немецких летчиков, на русском вечере, где впервые читал Есенин «Москву кабацкую», мы познакомились (…)
>
> Лицо было страшно от лиловой напудренности. Синие глаза были мутны. Шел Есенин неуверенно, качаясь».

На всех этих вечерах присутствовала Любовь Евгеньевна Белозерская (Булгакова), жена журналиста Василевского. Белозерская видела Есенина в день приезда в Берлин, видела в гостях у профессора Ю.В, Ключникова, видела за столом с Алексеем Толстым и Н. Крандиевской, приходил к ним Есенин и с «неразлучным» Кусиковым. Видела Любовь Евгеньевна Есенина и после возвращения из Америки и написала:

> «Мне повезло — я ни разу не видела Есенина во хмелю».

А Роман Борисович, хоть и нигде не присутствовал, но везде «видел» Есенина пьяным и опухшим, с «больным, мертвенным» лицом, «с впалым, голубым румянцем», «и синие глаза были словно от другого лица, забытого в Рязани».

Это ему, Роману Гулю, принадлежит реплика, которая могла стать для Есенина роковой:

«— Не поеду в Москву… не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн…

— Да ты что, Сережа? Ты что — антисемит? — проговорил Алексеев. И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто с яростью закричал на Алексеева:

— Я — антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу… и зарежу… понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн, это совсем другое, он правит Россией, а не должен ей править… Дурак ты, ничего этого не понимаешь».

В воспоминаниях Г.В. Алексеева «Сергей Есенин. Живые встречи» 1922 года не только нет этому никакого подтверждения, но в них нет и самого Романа Гуля, да и быть не могло, поскольку встреча Алексеева с Есениным произошла на год раньше.

Собственно говоря, в его воспоминаниях и Есенина нет. Только фраза: «Мы шли по улице большого города…» да портрет:

> «В банк вошел человек в велосипедном шлюпике, насаженном на затылок, в широком английском пальто, обвисшем на нем, как колокол, и в белых парусиновых, окаченных автомобильной грязью ботинках»… Я узнал его и нагнал у дверей».

Вот и все о Есенине.

Мемуары — такой жанр литературы, который, хочешь ты того или не хочешь, выводит на суд читателя одновременно с описываемым лицом и самого автора. Как ни пытается Роман Борисович уверить: «Я любил Есенина», — да кто же ему поверит?

Это восклицание, что поцелуй библейского Иуды.

Другое дело Георгий Адамович или Георгий Иванов, их первые воспоминания — как велела необходимость. А через четверть века напишут так, как велела совесть. В январе 1926 г. Георгий Адамович напишет:

«Поэзия Есенина — слабая поэзия. Главная беда в том, что он весь еще в детской, первоначальной стадии поэзии, что «волнует» он непрочно, поверхностно, кисло-сладким напевом своих стихов, слезливым их содержанием. Ничьей души он не «воспитает», не укрепит, а только смутит душу, разжалобит ее и бросит, ничего ей не дав».

Воспоминания Г. Адамовича 1926 года Марина Цветаева назвала «хамскими». Через 25 лет, опровергая свои высказывания, Адамович просто и лаконично скажет, что очень любит стихи Есенина и нашел в них «прелесть незабываемую (…) неотразимую».

Слегка перефразируя М. Горького, можно сказать: «Очень жуткими людями становятся господа эмигранты. Тон прессы их падает с грамотностью». (Так Максим Горький ответил на площадную брань Ивана Бунина, который в статье «Самородки» назвал Есенина «хамом», «жуликом», «мерзавцем».) А о «красных» эмигрантах М. Горький отозвался совсем нелестно: «Основным ремеслом своим сделали злое слово и весьма изощрились в этом».

Глава 2
Белая и красная эмиграции

А.Б. Кусиков — М. Ройзману.
Париж, март 1924 г.

> «Живу я сейчас в Париже. Официально «по государственным делам». Надо же послужить на пользу социалистического отечества. В нашу эпоху нельзя быть «беспартийщиком». Пока (что) организовали здесь литературно-политическое оби^ество «Друзей России». Членами общества — много видных и виднейших французских писателей. Будем приглашать и из России, т, е, русских литераторов. При «обществе» будет еженедельный журнал на французском языке» (…) Русских будем переводить. Работа интересная, а кроме того, вводит меня в тот круг общества, который для меня необходим. Ну а неофициально, и что самое для меня главное — стихи и библиотека».

Почему Кусиков предельно разоткровенничался, раскрылся «изнутри»? Потому что пишет такому же чекисту, единомышленнику, сослуживцу, своему человеку. Бобров, Ройзман, Блюмкин, Рюрик Ивнев, Кусиков, Колобов давно засветились как сотрудники ЧК-ГПУ. В «Стойле Пегаса» все были сотрудниками ЧК-ГПУ. Оно для того и создано было Троцким и Каменевым, чтобы знать, чем дышит русская интеллигенция и что думают поэты о советской власти.

Л.В. Занковская пишет: «Многих из тех, кого знал Мариенгоф в начале XX века и называл позднее своими друзьями, ждала трагическая участь. Мариенгоф, тем не менее, не предается горестным размышлениям и иногда с юмором и даже плохо скрываемой издевкой вспоминает этих людей. Пережить многих своих современников Мариенгофу, несомненно, помогли острый, практический ум, необыкновенная осторожность и могучий инстинкт самосохранения».

Увы! Время показало, что не спасли всех тех, кто подлежал уничтожению, ни «практический ум, ни осторожность, ни могучий инстинкт самосохранения».

Все дело в том, что «Мариенгоф принял революцию не извне, а изнутри». Что это значит? А значит это, что он с 1918 года уже состоял на службе правительства. Этим объясняется дружба с Борисом Малковым. Этим объясняется помощь Николая Бухарина. Этим объясняется, что чекисты — друзья Мариенгофа. Этим объясняется все в его жизни. Он был своим человеком и в кабинете Троцкого, только во всех своих воспоминаниях он всегда на втором плане, как случайный посетитель.

Знал ли об этом Есенин в те годы? Однозначно ответить трудно. Но после возвращения из-за границы точно знал. Вот потому и разошлись их пути, а ссора и ее причина — это был только внешний предлог.

Из письма Есенина Г. Бениславской (Ленинград, 3–5 мая 1924 года):

> «Со «Стойлом» дело нечисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или Вы делайте отсюда вывод. Сей вор хуже Приблудного. Мерзавец на пуговицах опасней».

Надо ли говорить, что за рубеж выпускали только особо доверенных, а Мариенгоф с женой выезжали и в 1924, и в 1925, и в 1927 годах. Для одних двери за кордон были наглухо закрыты, не пускают даже на лечение. Для других распахнуты настежь. Кусиковы и Эренбурги ездят в Париж, как на собственную дачу.

Кусиков — Ройзману:

> «Да, Мотя, работать надо… Хотел было поехать в Россию. Но подумал о друзьях, обо всем, что и как — и отложил пока поездку до тех пор, пока окрепнет «общество». Потом приеду месяца на два-три — а затем через Париж в Америку».

Для них другие законы — неписаные. А Есенина даже на неделю в Персию не пустили.

Шубникова-Гусева: «Откровенность» автора письма согласуется с оценками русской эмигрантской прессы того времени, называвшей парижское общество «Друзья России» «филиалом ГПУ», а газету «Парижский вестник», где сотрудничал Кусиков, — «чекистским вестником».

Ренэ Герра пишет:

> «Ошибочно думать, что эмиграция была только «белая». Два художника — Юрий Анненков и Сергей Чехонин — немало сделали для воспевания революции.
>
> Анненков едет во главе советской делегации на биеннале в Венецию с портретом Троцкого в полный рост, но решает не возвращаться.
>
> Другой — разработчик первых советских денежных знаков и вообще советской эмблематики уезжает спустя четыре года: жить в стране Советов невмоготу».

К словам этого «русского француза», как его называли, который достаточно изучил русскую эмиграцию, стоит внимательно прислушаться. Эмиграция была не только «белая». Эмиграция была и «красная». Это те самые «ядра», о которых говорил Ленин:

«Начиная с II конгресса III Интернационала мы прочной ногой стали в империалистических странах не только идейно и организационно. Во всех странах имеются в настоящее время такие ядра, которые ведут самостоятельную работу и будут вести ее».

В 1921 г. Ленин еще раз подчеркнул в «Заметках публициста»:

> «Нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа создания в Европе и Америке настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата, и эта работа идет».

Об этом пишет и красный эмигрант, связавший свою жизнь с зарубежьем, Юрий Анненков.

В начале 1920-х годов за рубеж выехало много русской

интеллигенции. Точнее — еврейской. Они не страдали ностальгией, у них не было языкового барьера и прочих русских причуд, они быстро и незаметно растворялись в новой среде и адаптировались к новым условиям. Сегодня он учитель в Чикаго, завтра — посол в Китае. Это журналисты, писатели, актеры, врачи, учителя. У Ленина засвидетельствовано:

«Принимая во внимание длительность нарастания мировой социа-листической революции, необходимо прибегнуть к специальным маневрам, способным ускорить нашу победу над капиталистическими странами:

(…) Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических сношений с капиталистическими странами на основе полного невмешательства в их внутренние дела. Глухонемые снова поверят. Они будут даже в восторге и широко распахнут свои двери, через которые эмиссары Коминтерна и органов партийного осведомления спешно просочатся в эти страны под видом наших дипломатических, культурных и торговых представителей».

Вот так, как у Ленина написано, и следует понимать «красных» эмигрантов: эмиссары Коминтерна и органов партийного осведомления.

Георгий Иванов в есенинских друзьях не числился, и не известна его позиция по отношению к советской власти. И в России, и за рубежом он был и оставался лидером, с мнением которого считались и которого побаивались за острый язык. «Он создает и губит репутации», «его называют «общественным мнением», — так в воспоминаниях Ирины Одоевцевой отзывается о нем Н. Гумилев.

Небезынтересны такие сведения о нем жены И. Одоевцевой:

«В начале июля 1922 года Георгий Иванов, добившись с большими трудностями и хитростями «командировки для составления репертуара государственных театров на 1923 год», спешно покинул Петербург. Спешно оттого, что его командировка была на редкость «липовой», и в «верхах» могли понять это и отменить ее…

К театральному делу Георгий Иванов никак не был причастен, ровно ничего в театре не понимал и не любил его (…)

Мои бумаги еще не были готовы — я оптировала с большими сложностями латвийское гражданство и покинула Петербург с эшелоном через две недели после того, как Георгий Иванов уплыл на торговом корабле в Германию.

(…) Луначарский тогда еще не лишился своей власти и выдавал самые фантастические командировки».

Само собой разумеется, что Луначарский здесь был ни при

чем. На Запад в капиталистические страны под любым предлогом отправляли самые надежные кадры — засылали «большевистские ядра». После раскола в большевистском правительстве и изгнания Троцкого многие из них оказались без поддержки большевиков, очевидно, те, кто служил Троцкому. Судьбы многих из них сложились трагически, а талант не реализован, не востребован. В этом смысле к числу неудачников Ирина Одоевцева причисляет и своих друзей: Георгия Иванова, Георгия Адамовича, Николая Оцупа и других «красных» эмигрантов.

«Стихи их были никому не нужны. И это делало поэтов, пишуших на русском языке, несчастными».

Глава 3
Посмертный грех Есенина

У меня ирония есть…
Если хочешь знать, Гейне — мой учитель.

(Есенин о себе. Из воспоминаний Эрлиха)

В воспоминаниях П. Чагина Есенин упоминает имя Генриха Гейне рядом с именем Карла Маркса. А между тем, Есенин уверял, что «ни при какой погоде» он «этих книг, конечно, не читал». Что же в таком случае привлекло его внимание?

Друг К. Маркса, великий поэт Германии Генрих Гейне незадолго до своей смерти в 1854 году писал о коммунистах и коммунизме: «Нет, меня одолевает внутренний страх художника и ученого, когда мы видим, что с победой коммунизма ставится под угрозу вся наша современная цивилизация, добытые с трудом завоевания стольких столетий, плоды благороднейших трудов наших предшественников».

А в следующем, 1855 году, высказался еще определенней:

> «Со страхом и ужасом думаю я о той поре, когда эти мрачные иконоборцы встанут у власти. Своими мозолистыми руками они без сожаления разобьют мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу. Они уничтожат все те безделушки и мишуру искусства, которые были так милы поэту. Они вырубят мою лавровую рощу и на ее место посадят картофель. Лилии, которые не сеяли и не жали и все же были так же великолепно одеты, как царь Соломон во всем его

блеске, будут повыдерганы из общественной почвы. Розы, праздничные невесты соловьев, подвергнутся той же участи. Соловьи, эти бесполезные певцы, будут разогнаны, и — увы! — из моей «Книги песен» лавочник наделает мешочков и будет в них развешивать кофе и табак для старушек будущего».

Разве не о похожих опасениях, живших в Есенине, вспоминал Илья Эренбург:

«Вдруг обрушился на Маяковского., Он проживет до восьмидесяти лет, ему памятник поставят (…) А я сдохну под забором, на котором его стихи расклеивают, И все-таки я с ним не поменяюсь (,)

Есенин всегда жаждал славы, и памятники для него были не бронзовыми статуями, а воплощением бессмертия».

Можно иронизировать, а можно спросить, — почему же большевистское правительство, многое пообещав после смерти поэта, не поставило ему памятника нигде, ни в Москве, ни в Рязани? Разве он не заслужил его всенародной любовью? Ответ на этот вопрос, о «площадях Маяковского», о «городах Горького», дал Георгий Иванов еще в 1950 году: «Не сомневаюсь, что нашлась бы площадь и все остальное и для Есенина, если бы за ним числились только грехи, совершенные им при жизни… но у Есенина есть перед советской властью другой непростительный грех — грех посмертный… Из могилы Есенин делает то, что не удалось за тридцать лет никому из живых: объединяет русских людей звуком русской песни, где сознание общей вины и общего братства сливаются в общую надежду на освобождение. Оттого-то так и стараются большевики внушить гражданам СССР, что Есенина не за что любить. Оттого-то и объявлен он несозвучным эпохе».

Г. Иванов объяснил и то, почему Есенин был объявлен «несозвучным эпохе»: «Среди примкнувшим к большевикам интеллигентов большинство были проходимцами и авантюристами. Есенин примкнул к ним, так сказать «идейно». Он не был проходимцем и не продавал себя (…) От Ленина он, вероятно, ждал приблизительно того же, что от царицы. Ждал осуществления мечты, которая красной нитью проходит сквозь все его ранние стихи, исконно русской, проросшей насквозь века в народную душу, мечты о справедливости, идеальном, святом мужицком царстве, осуществиться которому не дают «господа».

Есенин назвал эту мечту «Иноний». Поэма под таким названием, написанная в 1918 году, — ключ к пониманию Есенина эпохи «военного коммунизма». Как стихи, «Инония»,

вероятно, самое совершенное, что он создал за всю свою жизнь. Как документ — яркое свидетельство искренности его безбожных и революционных увлечений».

И еще: «Судьба Есенина — *пишет Георгий Иванов,* — это судьба миллионов посмертный безымянных «Есениных»… Закруженные вихрем революции, ослепленные ею, вообразившие, что летят к звездам, и шлепнувшиеся лицом в грязь. Променявшие Бога на «диамат», Россию на интернационал и в конце концов очнувшиеся от угара у разбитого корыта революции.

Потому-то стихи Есенина ударяют с такой «неведомой силой» по русским сердцам, и имя его начинает сиять для России наших дней пушкински-просветленно (…)

Подчеркиваю: для России наших дней. То есть для того, что уцелело после тридцати двух лет нового татарского ига от Великой России.

Значение Есенина именно в том, что он оказался как раз на уровне сознания русского народа «страшных лет России», совпал с ним до конца, стал синонимом и падения России, и ее стремления возродиться. Беспристрастно оценят творчество Есенина те, на кого очарование его творчества перестанет действовать… только произойдет это очень нескоро. Произойдет не раньше, чем освободится, исцелится физически и духовно Россия. (Есенин сказал то же самое: «Меня поймут лет через двести».)

В этом исключительность, я бы сказал, «гениальность» есенинской судьбы. Пока родине, которую он так любил, суждено страдать, ему обеспечено не пресловутое «бессмертие», а временная, как русская мука и такая же долгая, как она, жизнь».

Никто и никогда не сказал яснее.

Книга вторая
Валентина Пашинина
ЕСЕНИН И ЕГО ВРЕМЯ

Я чувствую себя просветленным. Не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха, Я понял, что такое поэзия.

Сергей Есенин

Часть 1
«КОММУНОЙ ВЗДЫБЛЕННАЯ РУСЬ»

Глава 1
Несозвучный эпохе

В 1926 году Троцкий доброжелательной, можно сказать, сердечной статьей проводил Есенина в последний путь, а ровно через год, в 1927-м, другой главный идеолог страны, Николай Бухарин, буквально обрушил на ушедшего поэта ушат грязи и ненависти. В 1926 г. большевистское руководство велело создать комиссию по увековечению его памяти (организация музея, издание собрания сочинений, переименование села Константиново и т. д.), а в 1927 — стараниями Бухарина, Сосновского, Лелевича (Калмансона) перечеркнуло всю его жизнь и похоронило есенинскую поэзию на долгие годы.

Из письма Александра Воронского М. Горькому, 16 февраля 1927 года:

«Против Есенина объявлен поход. Не одобряю. Нехорошо. Прошлый год превозносили, а сегодня хают. Всегда у нас так». Странный факт.

Каковы мотивы такого крутого поворота? Разве Есенин потускнел за 1926-й год? Разве померкли его популярность и его поэзия? Чем он смог провиниться перед советской властью после своей смерти? Все, что хотел сказать, он сказал при жизни, не скрывая. Все выпады против себя эта самая власть приняла и простила поэту: и «Страну Негодяев», и «Русь бесприютную», и «Москву кабацкую», и статью «Россияне»… Никто в его поэзии и пьяных скандалах не усматривал большого криминала. Смирились, вроде бы: ну что с него возьмешь — таким он, Есенин, уродился.

Более логичным выглядело, если бы сначала большевики осудили Есенина как пьяницу и хулигана, а потом начали возвращать поэзию, очищенную от скандальности его жизни. Произведения ведь, уйдя от автора, начинают жить самостоятельной жизнью… Но не тут-то было: с малопонятной ненавистью советская власть обрушилась уже на ушедшего в мир иной. В конце 1920-х годов погребли его поэзию, а в 1930-х годах стерли с лица земли всех его друзей. Друзей истинных, а не тех, кто его предал и оболгал. Такие, как Мариенгоф, умерли своей смертью.

Так чем же Есенин не угодил советской власти? Почему она

так круто обошлась с лучшим поэтом страны, которую эта самая власть взялась привести к лучшей жизни?

Чтобы ответить на вопрос, надо понять главное: что такое советская власть. Как известно, Ленин в своих работах на этот главный вопрос ответил. Советского человека на том и воспитывали.

Нас же интересует, как современники воспринимали все происходящее, как они смотрели на власть большевиков.

Глава 2
Россия завоевана еврейством

> «Сейчас Россия, — уверял В. Михайлов в 1921 году, — в полном и буквальном смысле этого слова Иудея, где правящим и господствующим народом являются евреи и где русским отведена жалкая и унизительная роль завоеванной нации, утратившей свою национальную независимость (…) Резюмируя все вышеизложенное, можно смело сказать, что еврейская кабала над русским народом — совершившийся факт, который могут отрицать и не замечать или совершенные кретины, или негодяи, для которых национальная Россия, ее прошлое и судьба русского народа совершенно безразличны Месть, жестокость, человеческие жертвоприношения, потоки крови — вот как можно характеризовать приемы управления евреев над русским народом. Никаких надежд на гуманность, сострадание и человеческое милосердие для жертвы еврейского деспотизма быть не может, ибо эти чувства недоступны еврейскому народу, который веками питает непобедимую ненависть к другим нациям, народу, все существо которого жаждет крови и разрушения».
>
> *(А. Янов. Русская идея и 2000-й год. Нева № 9–12 2000 г.)*

В 1922 году общественный деятель И.М. Бикерман писал: «Русский человек никогда не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Были и тогда, конечно, и лучшие, и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов, русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно.

Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти.

Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления.

Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахамкеса *(правильно — Нахимсона — С.М. и С.К.),* исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк.

Русский человек видит теперь еврея и судьей, и палачом. Он встречает евреев не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но все же распоряжающихся, делающих дело советской власти: она ведь всюду, и уйти от нее некуда. А власть эта такова, что, поднимись она из последних глубин ада, она не могла бы быть ни более злобной, ни более бесстыдной.

Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждается в мысли, что нынешняя власть — еврейская, и что потому именно она такая осатанелая. Что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, в этом укрепляет его сама власть» *(«Россия и евреи»).*

Это голос с той стороны. Но такие же декларации раздавались и здесь: «У нас нет национальной власти — у нас власть интернациональная». «Мы защищаем не национальные интересы России, а интернациональные интересы трудящихся и обездоленных людей всех стран»*(«Известия», 8.11. 1921 г… Ст. и С. Куняевы).*

Из Большой Советской Энциклопедии:

> Сионизм — наиболее реакционная разновидность еврейского буржуазного национализма, получившая значительное распространение в XX веке среди еврейского населения капиталистических стран.
>
> Основные положения доктрины сионизма:
>
> — евреи различных стран мира представляют экстерриториальную [1] единую всемирную еврейскую нацию;
>
> — евреи — «особый», «исключительный», «избранный Богом «народ»;
>
> — все народы, среди которых живут евреи, так или иначе антисемиты (…)
>
> Все формы классовой борьбы среди евреев — предательство (…)
>
> Сразу после победы Октябрьской революции в 1917 году в России сионизм развернул активную борьбу против молодого Советского государства.

(Большая Советская Энциклопедия, 1976 г. т.

XXIII, с. 445)

«Русских допускали в высшие учебные заведения в строго ограниченном количестве, как властителей «тюрьмы народов». В результате — самый малый процент образованных людей: 20 на тысячу, у грузин — 40 на тысячу, у евреев — 700 на тысячу».

(Дм. Жуков. Жизнь и книги В.В. Шульгина)

Глава 3
Несколько слов о голоде в России

Обращение Ленина к международному пролетариату в связи с голодом, охватившим около 33 млн. человек Поволжья и юга Украины нашло широкий отклик среди рабочих и трудящихся масс всех стран. В августе 1921 года по инициативе Коминтерна был организован «Временный заграничный комитет помощи России». В.И. Ленин в одной из своих статей приводит такие данные:

«Большую роль в организации помощи сыграли Анри Барбюс и Анатоль Франс, внесший в фонд помощи голодающим сумму полученной им в 1921 г. Нобелевской премии… Всего во Франции было собрано около 1 млн. франков. В Чехословакии собрано 7,5 млн. крон деньгами и на 2 млн. крон продуктами; компартия Германии собрала 1300 тыс. марок и на 1 млн. марок продуктов, голландские коммунисты — 100 тыс. гульденов, итальянские — около 1 млн. лир, норвежские — 100 тыс. крон, австрийские 3 млн. крон, испанские — 50 тыс. марок, польские — 9 млн. польских марок, в Дании — 500 тыс. марок и т. д.».

Особое место и особая признательность должны быть отведены человеку, которого называли Совестью народов Европы. Великий норвежец Ф. Нансен, знаменитый ученый, исследователь Арктики, видный общественный деятель в 1921 г. организовал огромную международную помощь голодающим Поволжья. *«Выступая в Лиге наций, в странах Европы, в городах Америки, он взывал к разуму и сердцу людей — не остаться в стороне и не взирать равнодушно на величайший ужас человечества — страшный голод в России. В Поволжье разыгрывается небывалая по масштабам трагедия. 33 миллиона человек голодных! Призрак смерти витает над селами и городами, собираясь пожать жатву более богатую, чем собирала война. Неописуемы страдания людей», — свидетельствовал А. Талантов.*

Фритьоф Нансен показывал европейцам потрясающей силы

документы — фотографии, снятые им самим. Дантов ад. Жуткая правда вставала перед теми, кто пытался отмахнуться, уйти в сторону.

Нансен работал не покладая рук. В «Фонд Нансена» стекаются пожертвования со всего мира. Более сорока миллионов франков! Сумма по тому времени колоссальная! Десятки, сотни, тысячи вагонов с продовольствием, одеждой, медикаментами, закупленные на собранные средства, прибывали в Поволжье.

Советское правительство, как смогло, оценило деятельность норвежского гуманиста. В признание его величайших заслуг IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 года вручил ему Почетную грамоту, которой до той поры не был удостоен ни один иностранец. В ней говорилось: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого, исследователя и гражданина Фритьофа Нансена».

Не осталась в стороне и знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан, помогавшая в годы Первой мировой войны детям Германии, Албании и других стран и с огромным сочувствием относившаяся к русской революции. Нуждаясь в помощи большевистского правительства на содержание своей школы в России и не имея этой помощи, Айседора тем не менее 30 % сбора от своих выступлений в 1921 году отчисляла голодающим Поволжья. Она признавалась потом:

> «Я в самом деле верила, что на земле каким-то чудом создано идеальное государство, о котором мечтали Платон, Карл Маркс и Ленин.
>
> Со всей энергией своего существа, разочаровавшегося в попытках достигнуть чего-либо в Европе, я была готова вступить в государство коммунизма».

Но патриарх Тихон в том же году говорил, что в России из 13 миллионов голодающих помощь получают только 2 миллиона человек. Ходили слухи, что продовольствие не доходит до голодающих. Красная Армия отбирает присылаемое продовольствие.

Глава 4
Экономическое наступление

Перед нами выдержки из документа 1921 года, подписанного председателем ВЦИК М. Калининым, экземпляр которого хранится в архиве Александра Блока:

«Ко всем труженикам и труженицам Петрограда! Товарищи!

Республика наша вновь переживает трудные времена. Наступает весна, а весна все три года была для Советской страны самым трудным временем. С хлебом плохо, с топливом плохо, с железными дорогами плохо. А Петрограду приходится особенно плохо. В окрестностях Петрограда голодно. Подвоза к городу нет почти никакого. Петроград очень отдален от хлебных мест.

Всей Республике придется пережить тяжелую весну. А Петрограду в особенности. Из-за недостатка топлива нам пришлось на время остановить часть наших фабрик и заводов. Это вызывает у рабочих понятную тревогу и недовольство. Из-за ряда причин нам пришлось на время сократить паек. И это вызывает законное недовольство.

Этим пользуются меньшевики, эсеры и прочие белогвардейцы, организуют восстания крестьян в Сибири и разлагают рабочую гвардию на местах.

(…) Советская власть дает нам 7 маршрутных поездов за хлебом. Советская власть все подготавливает для того, чтобы питерские рабочие могли обработать и засеять в этом году побольше огородов (…) купила за границей за золото восемнадцать миллионов пудов угля для Питера.

(…) Петроградский Совет постановил приказать заградительным отрядам не отнимать продовольствия у рабочих, а следить только за спекулянтами.

(…) Организованно преодолеть все препятствия и пережить трудное время».

В июле 1921 года был создан ПОМГОЛ — Комиссия помощи голодающим при ВЦИК под председательством М.И. Калинина. Но в сентябре 1922 года Комиссия была распущена. Почему? Может быть, новый урожай 1922 года делал ненужным эту форму помощи? Может, в стране уже не было голодающих? Так нет же. Выдержки из газеты «Правда», приведенные в романе Анатолия Мариенгофа «Циники», свидетельствуют о другом (глава называется «1922»):

«(…) Бездорожье, засуха первой половины лета выжгли озимые, яровые, огороды и покосы от Астрахани до Вятки.

(…) Саранча, горячий ветер погубили позднее просо. Поздние бахчи запекло. Арбузы заварились (Донской округ).

Просо, бахчи и картофель из-за жарких и мглистых ветров

погибли (Украина).

(…) Неурожай распространился на все хлебные злаки.

(…) Земля высохла и отвердела — напоминает паркет. Недосожженное поедает саранча.

(…) Крестьяне стали есть сусликов.

(…) Желуди уже считаются предметом роскоши. Из липовых листьев пекут пироги. В Прикамье употребляют в пищу особый сорт глины. В Царицынской губернии питаются травой, которую ели только верблюды.

(…) По нансеновскому подсчету, голодает тридцать три миллиона человек.

(…) Людоедство и трупоедство принимает массовые размеры».

Среди историков существует мнение, что голод в России в 1920-е годы поддерживался большевиками искусственно.

Конечно, признать такое явление — это значит признать, что чудовищ страшней и омерзительней, чем тогдашние правители России, мир еще не знал и не ведал. Но именно в пользу этой страшной правды говорят многие факты: тот же «военный коммунизм», который обрекал крестьян на голод, наводившие ужас заградительные и продотряды, изымавшие все «излишки», включая семенной фонд. Очень красноречива и оброненная Лениным фраза:

> «Если мы в течение трех лет страшного голода ухитрялись удержать рабочих против нашествия иностранного капитала, то неужели не ухитримся здесь? (в концессиях)?»

Ленин требовал, чтобы помощь — средства голодающим — переводили на язык цифр в перерасчете на золотой рубль и публиковали в печати помесячно. Зачем? Конечно, не ради признательности и благодарности капиталистам, а чтобы это золото тотчас направлять на поддержку революций в Европу.

Те же «буржуи», что недавно пытались задушить революцию, оказывали помощь голодающим России, хотя и понимали, что помощь оборачивалась против них. Кто еще, кроме большевиков, мог заставить голод работать на себя?

По предложению М. Горького и А. Луначарского был создан теперь уже Всероссийский комитет помощи голодающим, в который вошли буржуазные общественные деятели: Прокопович, Кускова, Кишкин, многие ученые, литераторы. Естественно, что в комитет вошли и представители советской власти во главе с Каменевым. М. Горький внес свое предложение 28 июня, 29 июня оно уже было рассмотрено на Политбюро и одобрено. Группу

большевиков утвердили 12 июля, но уже 26 августа Ленин потребовал руководителей арестовать, а группу распустить: «Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи (…) Остальных членов «Кукиша» (так презрительно назвал он комитет по начальной части фамилий Кусковой и Кишкина — Авт.) тотчас, сегодня же выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог под надзор».

Всех их действительно держали под надзором, только не в уездных городах, а во внутренней тюрьме Лубянки. По Москве поползли слухи, что они будут расстреляны. Ведь только что по «Делу Таганцева» поставили к стенке большую группу — 61 человека. Среди них был и Николай Гумилев.

Комитетчиков спасло — так они считали — вмешательство Фритьофа Нансена. Он якобы только на таком условии соглашался продолжать свою миссию. Так или иначе, но Комитет помощи голодающим завершил свою деятельность, не начав ее. Что же послужило мотивом к роспуску?

Позже, уже в эмиграции, Борис Зайцев, который вместе с писателем Осоргиным был причастен к этому Комитету, в занимательной эпистолярной форме расскажет, как за «компанию» вошли и они в этот Комитет: собирались, обсуждали, сделать ничего не успели, потому что распределять было нечего. На последнем заседании поставили большевикам условие: «Либо нашу делегацию выпускают в Европу для сбора денег, либо мы закрываемся, ибо местными силами помочь нельзя». Это и было расценено как противоправительственные речи. Зайцев так и не понял, за что они были арестованы, да и сидели они недолго, 2–3 недели.

Но в документах Ленина от 11 и 13 августа 1921 г. читаем: «Абсолютно необходимо назначить от Политбюро особую комиссию: Каменев, Троцкий, Молотов (,») для ежедневного решения вопросов, связанных с помощью голодающим… Условия поставить архистрогие: за малейшее вмешательство во внутренние дела — высылка и арест». *Ленин учит, как* «утереть нос этим торгашам», *намечает перспективу:* «а впоследствии осрамим их перед всем миром». «Газетам дадим директиву (…) завтра же начать на сотни ладов высмеивать «кукишей». Изо всех сил высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев (…) Гвоздь, по-моему, в двух вещах: как найти умных и свирепых людей для травли (…) послать архиядовитую ноту (…) Не надо забывать, что в сельских местностях у нас вообще нет и не было никогда никаких пайков».

Вот вам и разгадка всей этой заморочки: как же можно

разрешать надзирать за распределением, если в сельской местности никаких пайков не было никогда!

Спецхраны сберегли и донесли до нас еще один документ — письмо Каменева Ленину по поводу воспрещения на выезд эмиссаров за сбором средств голодающим: «Воспрещение уже разрешенного выезда за границу компрометирует весь наш новый курс и столь успешно начатое втирание очков всему свету не только в сборах на голод, но и в вопросе о займах и переговорах о концессиях) Ведь мы еще только на пути к успехам, самих успехов ни в голоде, ни в займах, ни в концессиях нет».

Новый курс большевиков-сионистов заключался в максимальном использовании голода в своих интересах: под нажимом голода заставить Запад заключить долгосрочные займы. Правительственное сообщение о роспуске Всероссийского комитета помощи голодающим ввиду его контрреволюционной деятельности было опубликовано в «Правде» № 191 от 30 августа 1921 года.

На языке Ленина, действия большевиков по слому сопротивления измором и голодом и приведению к смирению и покорности назывались лаконично и благозвучно: экономическое наступление:

«В 1921 году мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас (…) Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, что мы не обеспечили себе достаточной базы (…), что непосредственный переход к чисто социалистическим реформам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление, то нам угрожает гибель (…)

В июле 1921 года в связи с тяжелым продовольственным положением снято со снабжения 30 % едоков. Не представляется ли возможным снятие с пайков всего нетрудового населения Москвы?»

Подумать только! Не представляется ли возможным вообще не кормить население?! И в это же время на просьбу ЦК коммунистической партии Финляндии российские большевики тотчас отвечают:

«Выдать партии по смете на первое полугодие 1921 г. четыреста пятьдесят пять тысяч (455 000) шведскими кронами

(за неимением крон золотом), четыре миллиона пятьсот шестнадцать тысяч (4 516 000) финских марок (за неимением таковых николаевскими кредитными билетами) и тридцать шесть миллионов (36 000 000) советскими деньгами.

(…) Для ведения коммунистической пропаганды и просветительной работы в Финляндии и среди финнов в Скандинавии, Америке и в других странах отпустить драгоценностей, как-то: золото, платина или драгоценности вообще, всего на сумму десять (10) миллионов финских марок. Расход нашей деятельности за пределами Советской России составляет помесячно полтора (1.5) миллиона финских марок».

По сведениям Фритьофа Майера, немецкий «товарищ Томас» для организации восстания КПГ в 1921 году получил драгоценностей и валюты на сумму 62 млн. марок.

Глава 5
Из школьного учебника истории

Можно дурачить весь народ некоторое время.

Можно дурачить часть народа некоторое время.

Но нельзя дурачить весь народ все время.

Авраам Линкольн

В школьном учебнике по истории отечества для 11 класса, выпущенном в 1995 году в издательстве «Дрофа», читаем:

> *«Историки по-разному определяют характер и значение октябрьских событий 1917 года. Октябрь называют «социалистической пролетарской революцией», «крестьянской революцией», «буржуазно-демократической», «мелкобуржуазной». Именуют Октябрь также «переворотом» и «жидомасонским заговором».*

В свое время Лев Троцкий бросил соратникам по борьбе такие слова: «Вы не отличаете лица революции от ее противоположной части». Обидные, конечно, слова, но, если подумать, справедливые. Как видим, ученые до сих пор не разобрались в революции 1917 года, как не разобрались в том, что построили после революции. Впрочем, Георгий Иванов еще в 1950-е годы катастрофу великой России назвал просто и точно: новое татарское иго.

Выдающийся английский писатель-фантаст Герберт Уэллс осенью 1920 года посетил Советскую Россию. Беседовал с Лениным. Удручающее впечатление осталось у писателя. Россию он увидел поверженной, а будущее — во мгле. Он и книгу так назвал: «Россия во мгле». «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром». Ленин говорил об электрификации России, о новых шоссейных и железных дорогах, об обновленной мощи и индустриализированной коммунистической державе.

Конечно, писателя-фантаста интересовало в первую очередь не блестящее коммунистическое будущее России, а ее ближайшее настоящее. Когда же начнется возрождение страны? В свою очередь Ленин обратился к англичанину с вопросом, который интересовал его:

«Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтоб подготовить ее? Почему вы не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?

— Что вам дала социальная революция? Успешна ли она? — задал встречный вопрос писатель.

— Чтоб она стала успешной, в нее должен включиться западный мир. Почему это не происходит?» — ушел от прямого ответа Ленин.

И знаменитый фантаст делает вывод:

«Большевистское правительство — самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира (…) В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще (…) Оно исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей «капитализма» и незримых интриг реакции; временами оно испытывает страх и совершает жестокости (…) Но по существу своему оно честно. В наше время это самое бесхитростное правительство».

Знал бы Уэллс, как жестоко он ошибался в своих выводах! О чести, о совести большевистские руководители имели понятие самое приблизительное. Когда же захватили власть, эти понятия отбросили (по их собственному выражению), как ненужный хлам. Гнусные, подлые, кровавые дела нельзя творить, имея честь и совесть.

Так, как Герберт Уэллс, смотрели на большевистских руководителей многие на Западе, пока не появились разоблачительные статьи «Оппозиции» Л.Д. Троцкого, содержащие свидетельства о крайнем цинизме большевиков.

«Известие о расстреле царя, царицы, царских детей и их слуг

пришло на имя Ленина в Москву, когда делегация во главе с Иоффе находилась в Германии.

> *Ленин, радостный, предупреждал: «Пусть Иоффе ничего не знает, ему там, в Берлине, легче врать будет». А 25 февраля 1922 года Ленин инструктирует Чичерина: «Действительно, впечатление можно произвести только сверхнаглостью».*

Ленин — Л.Б. Каменеву:

> *«Почему это задержалось? (Вопрос о монополии внешней торговли). Ведь решено чуть лине 1–1,5 месяца тому назад? Лежаве я давал тогда 2–3 дня срока. Христа ради, посадите вы за волокиту в тюрьму кого-либо! Ей-ей, без этого ни черта толку не будет».*

Аксельрод никогда не называл ленинскую клику партией. «Ленинская компания» — это «шайка черносотенцев и уголовных преступников» внутри социал-демократии. Алексей Ганин именовал эту партию «сектой изуверов-человеконенавистников», а Есенин — «Страной Негодяев».

Глава 6
Соратники

> *Мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять.*
>
> *Ленин,1920 год*

Ленину приписывают следующие высказывания:

> *«На Россию мне наплевать. Это только первый шаг к мировой революции. Пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожило до мировой революции».*

После Октября Троцкий шел с Лениным рука об руку, но всегда ли так было? Вот письмо 1913 года. Троцкий написал его председателю IV Государственной Думы Чхеидзе. Перехваченное тогда же царским департаментом полиции, оно попало в руки Ленина после Октября.

> *«Каким-то бессмысленным наваждением кажется*

дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении…

На темные деньги, перехваченные у Каутского и Цеткин, Ленин поставил орган… А когда газета окрепла, Ленин сделал ее рычагом кружковых интриганов и беспринципного раскольничества. Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения».

В семнадцатом Троцкий открыто повинился, признал свои ошибки и был прощен Лениным. С марта 1917 года они были в одной упряжке, и уже к началу 1918 года Троцкий добился привилегий для себя и своего народа.

После смерти Ленина, когда началась сталинская травля оппозиции, Троцкий легко опровергал все выдвинутые обвинения:

«У меня есть под руками один документ, который стоит сотни других:

«Товарищи. Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)».

Когда он мне это вручил, он мне сказал: «До меня дошли сведения, что против вас распускают слухи, что вы расстреливаете коммунистов. Я вам даю такой бланк и могу дать вам их сколько угодно, что я ваши решения одобряю, и на верху страницы вы можете написать любое решение и на нем будет готовая моя подпись».

Это было в июле 1919 года. Я хотел бы, чтобы кто-нибудь другой показал бы мне вот такой карт-бланш вот такой незаполненный бланк за подписью Владимира Ильича, где Ленин говорит, что он заранее подписывает всякое мое решение, — а тогда от этого решения часто зависела не только судьба отдельных коммунистов, но и нечто большее».

И Троцкий сполна использовал такое доверие: выезжая на фронт, он без суда расстреливал армейских командиров. Так правомочно ли Ленина отделять от Троцкого? Нет, не было в советском правительстве никого другого, кому Ленин так

безоглядно готов был доверить штурвал корабля. Троцкий был незаменим в гражданской войне. Незаменим в подавлении крестьянских восстаний против советской власти. Троцкий был незаменим в уничтожении русской православной веры. За ним усматривался один только недостаток: он был еврей.

Из воспоминаний С. Липкина: «В те годы Троцкий завораживал молодежь, строившую новую, как ей казалось, жизнь (…) Конечно, Троцкий, с его громовым красноречием, с его романтической страстностью, с его ролью героя — главнокомандующего Красной Армией, победителя белых, был образцом для тогдашних молодых людей, в свои незрелые годы ставших во главе фронтов, ЧЕКА и прочих ответственных учреждений».

Заручившись ленинским мандатом. Главный Инквизитор обеспечил себе свободу действий, уничтожая без суда и следствия кого угодно и когда угодно. Черный гений сумел пролить потоки крови руками тех людей, которых глубоко презирал, ненавидел тысячелетней ненавистью. Благодаря индульгенции, он везде одерживал скорые и блестящие победы, в короткий срок добился славы великого полководца. Но добиться царствия земного, как и царствия небесного, было не в его власти. Зная, что за все рано или поздно приходится платить, Троцкий говаривал, что умрет на гильотине.

Чтобы теперь, в настоящем, обеспечить себе неприкосновенность, Троцкий прикрылся подставной фигурой всероссийского старосты Калинина. Калинина возвели на высочайший пост председателя ЦИК, не дав ему никаких прав и полномочий. Эта шахматная пешка нужна была большевикам, чтобы взвалить на нее всю ответственность за чудовищный разор в стране и ею прикрываться. Видно, опасаясь, как бы эта фигура не вышла из-под контроля и не прибрала к рукам власть, Троцкий не уставал напоминать о фиктивной роли председателя ЦИК: «Когда формальный глава государства председатель ЦИК Калинин произносит в Твери речь, (…) вы скажете: *«Мало ли что сказал почтенный Михаил Иванович…» (Троцкий, из доклада). «После смерти Свердлова предложение выбрать «рабоче-крестьянскую» фигуру исходило от меня у — доказывал Троцкий. — Кандидатура тов. Калинина была выдвинута мною. Мною же он назван был всероссийским старостой».*

Да, все так и было, только Сталин прозвал его тогда же «всероссийским козлом», потому что такую роль отвели ему два вождя, Ленин и Троцкий, — быть козлом отпущения.

В документе от 19 марта 1922 года, продумав и разработав методы уничтожения духовенства и изъятие церковного имущества, Ленин строжайшим образом предписывает:

«Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинину — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий». («Ленинское письмо» Молотову для членов Политбюро. Строго секретно.)

После кронштадтского мятежа в устав партии внесены изменения, запрещавшие всякие возражения снизу под угрозой дисциплинарных мер.

Само собой разумеется, что вверху тем более не допускались ни малейшие отклонения от общепринятой линии. Пока Ленин был жив, Троцкий вынужден был подчиняться решениям, хотя часто не был согласен. После смерти Ленина он пошел прежним курсом мировой революции. Собственно говоря, он никогда и не сходил с него.

> *«Лев Троцкий был великим революционером, революционером до мозга костей, как Марат и Робеспьер, как Ленин, как Че Гевара. Реформистский путь был для него неприемлем уже просто потому, что он казался ему отвратительно долгим. Зачем ждать, когда пролетарская революция может сократить наступление реального социализма! Нельзя ждать, можно потерять все».*

Конечно, разногласия были всегда. Но Ленин неустанно следил, чтобы внутри партии царили мир и согласие. Всякие попытки склок и сплетен пресекались им в самом зародыше. Вспоминают, какими «любезностями» обменялись две враждующие группировки на XII съезде партии в 1923 году.

Троцкий всегда появлялся в сопровождении своих «вассалов», своих подданных. Он и на съезд пришел в сопровождении Радека. Ворошилов словно того и ждал, чтобы съязвить по этому поводу:

— Вот идет лев, а за ним его хвост, — нарочито громко сказал он.

Радек не остался в долгу, он тотчас пустил гулять экспромт:

> У Ворошилова тупая голова.
> Все мысли в кучу свалены.
> И лучше быть хвостом у Льва,
> Чем жопою у Сталина.

Весь XII съезд бурно «дискутировал» по этому поводу. Пикировка стала известна Ленину. Членам своей партии пишет он последнюю статью, можно сказать — завещание, призывая к

единению и сплочению. Сила большевиков — в единстве партии. Вражда и раздор смертельны. Авторитет Ленина был велик. А кроме этого, существовала железная дисциплина, которой подчинялись все.

Совсем другая атмосфера создалась в партии после смерти вождя. Триумвират большевистских руководителей единства во взглядах и действиях не имел, а потому, как в басне Крылова каждый тянул телегу в свою сторону. Частые перебежки членов Политбюро из одной фракции в другую вели страну к полной деградации.

Понятно, что требовалось, в первую очередь, поднять авторитет правящей партии, показать всему миру, что партия стоит на ленинских позициях, а страна идет по ленинскому пути. Только который путь — ленинский?

Глава 7
Мировая революция отменяется

Последние годы жизни Ленина показали, что революция в Европе вряд ли разгорится: люди устали от войны. Более того, затухали те очаги, которые еще недавно вспыхивали то в одной, то в другой стране.

В Финляндии в 1917 году революционное движение развивалось в исключительно благоприятных условиях под прикрытием и при прямой военной поддержке революционной России. Но местные коммунисты скомпрометировали себя, им теперь не до революции — сохранить бы партию!

Провалились революции в Германии: и в1918, и в 1919 годах. Такая же история — в Венгрии. «Победоносная — без боя и без поражения — венгерская революция» просуществовала недолго. В крови было подавлено революционное выступление в Болгарии 1923 года.

В Англии наступление планировалось на 1924 год. На него большевики возлагали надежды. Но «революция не хотела проходить ни в какие двери: ни через коммунистическую партию, ни через профсоюзы» (Троцкий. «Уроки Октября»). О Франции речи не шло, так как ее экономическое положение было более стабильно. Надеялись на ее колонии, где выступления рабочих систематически подавлялись. Круг замкнулся: возрождение страны зависело от мировой революции, а мировая революция разгораться не хотела, видя перед собой не блестящее коммунистическое будущее, а голод и хаос. Потому на Западе не торопились разрушить выстроенное веками, а взамен получить развалины и нищету. Надо было остановиться, подумать. Многие

большевики в 1921-м году заявляли: «Мы на краю гибели». Откуда такое отчаяние? Революция в России победила. В гражданской войне опять же верх взяли большевики. Интервенцию одолели. Откуда этот пессимизм?

Посудите сами. Семь лет войны. Семь лет неслыханных трудностей и голода. А по существу — семь лет экспериментов над народом. Вот-вот народ поднимется на свой последний и решительный бой со всеми иноземными экспериментами, и в этом его тотчас поддержат все иностранные державы.

Почему большевики, вместо ожидания мировой революции, не начинали возрождение страны? Потому что, по теории большевиков, в этом заключалось основное противоречие: для возрождения страны нужна мирная обстановка, а для революции нужны войны, борьба и смута.

А кроме того, все средства, что добывались в эти годы с великим трудом, опять же направлялись в европейские государства на подготовку революций. Костры революции сами по себе разгораться не хотели, их надо было поддерживать ассигнациями, конфискованным в России золотом и драгоценностями.

И, наконец, главное: *«бывшие «женевские эмигранты» (так называли большевиков их политические противники), привыкшие жить в Западной Европе, по-видимому, не думали надолго задерживаться в России, собираясь вскоре перенести центр руководства мировой революцией, скажем, в привычную Швейцарию или Германию. Вплоть до 1922 года вся страна работала на войну, армию, экспорт революции. Россия была нужна, — по словам Л. Занковской, — лишь как исходный рубеж борьбы, как плацдарм, как источник ресурсов».*

Бухарин в 1926 году цитировал Троцкого: *«Без государственной помощи со стороны победившего западноевропейского пролетариата мы обязательно столкнемся с мужиком, который нас обязательно свалит».*

В 1921 году Ленин выступил по вопросу сотрудничества Советской России с иностранным капиталом.

«Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай Бог, с костылями двигаться! Вот мы в каком положении!

Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма.

Мы потом с лихвой себе вернем.

Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, за которую конечно он сдерет сотенные проценты, нельзя. Это надо понять. И поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего.

Кто иначе ставит вопрос, тот не понимает в практической экономике абсолютно ничего и отделывается теми или иными остротами.

Надо признать такой факт, как переутомление и изнеможение масс. Семь лет войны, как они должны были сказаться у нас, если четыре года войны в передовых странах до сих пор дают себя чувствовать там?!»

«Общественное мнение» отнеслось к словам Ленина с иронией: «Вот так коммунизм вышел! Вроде того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка». В последнем своем выступлении, встреченном с необычайным подъемом, Ленин пообещал: «Из России нэповской будет Россия социалистическая». В те же дни он записал в своем дневнике: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

Но пока на повестке дня стояла другая задача. Подводя пятилетний итог революции на IV Конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, Ленин сказал:

> «Без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем как самостоятельная страна. Это мы хорошо знаем.
>
> В отсталых капиталистических странах для этого и существует одно средство — долгосрочные стомиллионные займы…
>
> Упас этих займов не было, и мы до сих пор ничего не получили…
>
> Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы как цивилизованное государство, я уже не говорю как социалистическое, — погибли».

Вождь революции с особым вожделением взирал на сытую и богатую Америку, которая никак не хотела признавать факт существования Советского государства.

Итак, первый ленинский путь — это продолжение мировой революции; второй путь — возрождение страны, которое надо

начинать с индустриализации. Эти два пути буквально раскололи страну на два враждующих лагеря.

ЧАСТЬ II
«ОДОЛЕЛА НАС СИЛА НЕЧИСТАЯ»

Глава 1
Отступить, чтоб вернее ударить

В 1921 году первомайские торжества совпали с праздником Пасхи. Газеты, конечно, рекомендовали использовать эту ситуацию для развеивания религиозного «дурмана».

Ленин своевременно — в начале апреля — дал разъяснение: *«Это нельзя. Это нетактично. Именно по случаю Пасхи нужно рекомендовать иное: не разоблачать ложь, а избегать, безусловно, всякого оскорбления религии».* Соглашаясь с вождем, ЦК РКП(б) 21 апреля 1921 года опубликовал в «Правде» разъяснение: *«Ни в коем случае не допускать каких-либо выступлений, оскорбляющих религиозное чувство массы населения».*

Надо полагать, было еще рано. Более подходящим Ленину покажется 1922-й год, когда страну постигнет невообразимый голод. Он с энтузиазмом засядет за циркуляр, в котором до подробностей разработает план уничтожения православной веры, цинично взяв в союзники и помощники голод. И даже людоедство!

Ленин писал: *«Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местах едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления (…)*

Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь (…) Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

(…) Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в

самый кратчайший срок.

Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всей операции было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общественном и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях, церквях».

Этот секретный ленинский документ был опубликован лишь в 1990 году («Наш современник», № 4). На документе есть указание Ленина о запрете снимать копии.

Назначая Троцкого на пост душителя и палача русской православной церкви, Ленин знал, что лучшей кандидатуры в советском правительстве нет, но памятуя о русской неприязни к евреям на бытовом уровне, о еврейских погромах, спрятал Льва Давыдовича за спину Калинина. Имя Троцкого упоминать было запрещено.

Интересная деталь: первыми декретами советская власть отделила церковь от государства и запретила антисемитизм. Именно это, надо полагать, большевики считали первостепенным. Но церковь как была, так и осталась, прихожан не уменьшилось. Такое положение вещей совершенно не устраивало большевиков-сионистов. Один из последних ленинских документов от 10 марта 1922 г., ставший фактически его завещанием, посвящен той же проблеме:

> *«Церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили.*
>
> *Формально изъятие в Москве будет непосредственно от ЦК Помгола. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и закончиться в кратчайший срок. Повторяю, комиссия эта совершенно секретна».*

Теоретическую разработку проекта постановления Ленин поручает Ярославскому и Бухарину, а практическую часть возьмет на себя и доверит Троцкому. И работа закипела:

> *«Тов. Молотову. Немедленно пошлите от имени ЦК*

шифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквях и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их.

Ленин».

Продиктовано по телефону 12 марта 1922 г. в 13 ч. 35 мин.

Чем была вызвана срочная телефонограмма? Письмом Троцкого:

«В.И., из церквей не изъято фактически почти ничего (…) Изъятие ценностей будет произведено, примерно, к моменту, партийного съезда. Если в Москве пройдет хорошо, то в провинции вопрос решится сам собой. Одновременно ведется подготовительная работа в Петрограде. В провинции кое-где уже изъяли, но подсчет, хотя бы и приблизительный, пока еще невозможен. Главная работа по изъятию до сих пор шла из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая, а работа далеко еще не закончена.

12 марта 1922 г. Ваш Троцкий».

Примечательно, что XI партийный съезд состоялся 27 марта 1922 г. Вот такими темпами шло изъятие ценностей. Такими темпами пойдет и разрушение храмов.

В тот же период Троцкий посылает на имя Ленина телеграмму, в которой сообщает, что «золота нет, а есть только серебро и, следовательно, улов незначителен». Тотчас, 19 марта 1922 г., появилось уже известное нам письмо Ленина. И хотя изъятие церковных ценностей проводилось под лозунгом борьбы с голодом, в письме нет ни слова о непосредственной помощи голодающим. В нем — думы о пустой казне государства и о предстоящей Генуэзской конференции. В нем — требование скорейшего, немедленного изъятия церковного имущества в монастырях, лаврах и последующей расправы с духовенством.

После смерти Ленина борьба с церковью и духовенством обрела «второе дыхание». О ее победном исходе наиболее рьяно заботился Троцкий. Ему помогал и прикрывал его деяния Николай Бухарин.

По оценкам соратников, Троцкий блестяще справлялся с возложенной на него миссией.

Но можно в одночасье разрушить церковь, изъять ее ценности, физически уничтожить служителей церкви. А вот уничтожить веру, искоренить тысячелетнюю традицию — невозможно. А Троцкий спешил. Спешил взять реванш за многовековую трагическую историю еврейского народа, за еврейские погромы в России, за отношение к евреям как к людям второго сорта. В конце-концов, за то, что ему, еврею, не дано возглавить русское, советское правительство.

Троцкий знал себе цену. Знал, что он, наиболее достойный заменить Ленина, вынужден отказаться от этого в силу своего происхождения уступить необразованным, неумным, диким «туземцам». Если б можно было покончить с религией раз и навсегда, вытеснить ее не только из жизни человека, но из сознания и сердца! С рабочим человеком — пролетарием — это намного проще. Крестьянство — вот тормоз, и особенной помехой являются крестьянские поэты.

Именно крестьянские поэты рассмотрели истинное лицо сионистских вождей в большевистских мундирах. Проанализировав программу их действий, они раньше других узрели в «нынешних руководителях» «господствующую секту изуверов, человеконенавистников коммунистов». За что впоследствии и поплатились. Среди первых — автор статьи «Мир и свободный труд» поэт Алексей Ганин, расстрелянный 30 марта 1925 года. В его статье содержался призыв к борьбе с большевиками-изуверами за «великое возрождение Великой России». Приведем несколько тезисов этого документа:

«Россия (…), на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и пращуров завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распродающих наше вели кое достояние.

(…) Только путем лжи и обмана, путем клеветы и нравственного растления народа эти секты силятся завладеть миром.

(,) После тщательного анализа проповеди этой ныне господствующей секты изуверов, человеконенавистников коммунистов о строительстве нового мира мы пришли к тому категорическому убеждению, что все эти слова были только приманкой для неискушенных еще в подлости рабочих масс и беднейшего крестьянства, именем которых все время прикрывает свои гнусные дела эта секта.

(…) Бесконечные реквизиции, бесчисленные налоги, облагается все, кроме солнечного света и воздуха.

(…) Наконец, реквизиции церковных православных ценностей, производившиеся под предлогом спасения голодающих… Но где это спасение? Разве не вымерли голодной смертью целые села, разве не опустели целые волости и уезды цветущего Поволжья? Кто не помнит того ужаса и отчаяния, когда люди голодающих районов, всякими чекистскими бандами и заградилками (только подумать!) доведенные до крайности в нашем двадцатом веке в христианской стране, дошли до людоедства, до пожирания собственных детей».

Статья подписана только именем Ганина. Но вполне возможно, что в составлении тезисов документа принимали участие и другие крестьянские поэты — настолько он близок по убеждениям тому же Есенину (вспомним его поэмы); Клюеву (перечитаем протоколы допросов); тем, кому на суде 10 декабря 1923 г. предъявляли обвинения в антисоветских выпадах и антисемитизме. Все они тоже были расстреляны — в 1938 году.

Глава 2
«Русь бесприютная»

Троцкий один из немногих знал, какие несметные богатства появились в руках большевиков с уничтожением православных храмов. И потому нужно было как можно скорее использовать этот шанс для победы мировой революции. И чем скорее это начнется, тем больше шансов на успех. И Троцкий после болезни отправляется на Кавказ: совместить свое лечение с уничтожением самой большой сокровищницы России — Нового Афона.

Диву даешься теперь, изучая, как ошеломляюще быстро шло разрушение святынь в такой православной верующей стране, как Россия. И делалось это руками самих православных. Есть ли этому объяснение? Есть.

Повсюду распространялись слухи, что монахи уничтожали раненых красноармейцев, которые находили приют за стенами монастырей. Естественно, что изуродованные трупы красноармейцев приводили народ в ярость. Расправа была короткой и жестокой: божьих служителей без суда и следствия живыми закапывали в землю, а святыни уничтожали. Эти чекистские спектакли успешно применялись в годы гражданской войны. Теперь тоже пригодились как повод поднять людей на уничтожение храмов. Разработанные в чрезвычайке сценарии ставились по всей России и имели потрясающий успех.

Разве не об этом рассказал Есенин в своих стихах? «Попы и дьяконы (надо думать, красные попы и дьяконы) «о здравьи молятся всех членов Совнаркома». А разговоры ведут, «забыв о днях опасных»:

Уж как мы их…
Не в пух, а прямо в прах…
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных.
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах.

Надо полагать, обезображенных (только вот кем?) красноармейцев «нашли» и в Ново-Афонском монастыре. Из воспоминаний Николая Вержбицкого:

> *«Как раз в те дни были опубликованы в газетах материалы о «святых отцах» Ново-Афонского монастыря около Сухума, которые с винтовками боролись против Красной Армии».*

Экспроприацию ценностей Ново-Афонского монастыря большевики провели в 1924 году под предлогом открытия на его основе детской колонии. Мол, несколько тысяч детей, собранных в Тифлисе, уже ожидают открытия коммуны.

Когда закрывали Ново-Афонский монастырь, появилась поэма Есенина о беспризорниках «Русь бесприютная». Все друзья в воспоминаниях пишут, что Есенин очень переживал, видя на улицах Москвы грязных, оборванных, голодных детей. Посетил он и детскую колонию в Тифлисе, читал ребятам свои стихи, беседовал с ними. Все это так.

Но хочется спросить, почему стихотворение «Русь бесприютная» до сих пор публикуется с купюрами? Почему до настоящего времени не печатали строк: «В них Троцкий, Ленин и Бухарин…»? Здесь тоже была обнаружена крамола? Или из-за оскорбительной рифмы «Бухарин — невымытые хари»?

Есть в «Руси бесприютной» и такие строки:

Россия-мать! Прости меня. Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути
Не приголублю И не поцелую.

За что просит Есенин прощения?

Читатель найдет ответ в письме Бухарина:

> «Мы ободрали церковь, как липку, и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из

них ни шиша голодающим; при Г.П.У, мы воздвигли свою церковь при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», закон божий — политграмотой, посрывали с детей крестики да ладанки, вместо них повесили «вождей» и постараемся для Пахома и «низов» открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом… Дурацкая страна!»

Русь оказалась бесприютной. Не только ее дети — сама мать стала бесприютной, беспризорной, без родины. У обманутой, поруганной православной Руси и просит Есенин прощения.

Глава 3
Новая атака на церковь

Пока не разрушена церковь,
Россия жива.

Митрополит Кирилл.

Есенинская комиссия ищет документы о последних днях поэта. И, скорее всего, напрасно. Большевистские руководители научились не оставлять компрометирующие документы. Это было не в их интересах. Искать следует не документы, а следы и мотивы, побудившие к насилию. Анализировать факты.

Разве недостаточно ленинского письма, чтобы понять это? Ленинского письма членам Политбюро тоже не должно было быть. Этот документ появился вопреки ленинской логике: не оставлять компромата. Он появился благодаря болезни Ленина. Болезнь помешала Ленину присутствовать лично на заседании Политбюро с устным разъяснением: как следует поступить в сложившихся обстоятельствах — при изъятии церковных ценностей верующие проявили сопротивление. Пролилась кровь в Шуе. Дальнейшие действия приостановили, не имея соответствующих указаний.

В связи с ограничением на выезд эмиссаров из России за помощью голодающим появилось письмо Л.Б. Каменева В.И. Ленину:

«Воспрещение уже разрешенного выезда за границу компрометирует весь наш новый курс и столь успешно начатое втирание очков всему свету не только в сборах на голод, ной в вопросах о займах и переговорах о

концессиях, Ведь мы еще только на пути к успехам, самих успехов ни в голоде, ни в займах, ни в концессиях нет».

Окончательную победу большевиков над духовенством знаменовало уничтожение храма Христа Спасителя. Первый документ о его уничтожении датирован 1924 годом, хотя взорван он был в 1931 г.

Только один человек осмелился публично выступить в защиту храма. Это был Аполлинарий Михайлович Васнецов. Он предложил строить Дворец Советов на Воробьевых горах. Но для большевиков-сионистов принципиальным было не то, где будет стоять Дворец советов — на Воробьевых горах или на месте храма. Принципиальным было, чтоб храм Христа Спасителя нигде не стоял. Руководством к действию стали слова вождя: «Материалиста возвышает знание материи, природы, отсылая бога и защищающую его философскую сволочь в помойную яму. Пошло-поповская идеалистическая болтовня о величии христианства (с цитатами из Евангелия!!). Мерзко, вонюче!.. Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!» («Задушевные мысли, заметки Ленина для себя, на полях Гегеля». Масарский М.В.)

Огромный котлован на месте взорванного храма Христа Спасителя, заполненный грунтовой и дождевой водой, был точным исполнением воли вождя. Помойная яма по содержанию была ближе к их идеалам.

Большевики могли отступать от генеральной ленинской линии, поскольку она была невыполнима, но в «мелочах» они строго следовали его заветам. Разве могли большевики не покарать Есенина за его заступничество за Христа, за веру?

Есенин был глубоко верующим человеком, но верил по-своему. Своей веры никому не навязывал, в церковь ходил только в Константинове. Айседоре Дункан однажды сказал: «Эх, Изадора, ведь все от Бога!» Она тотчас воскликнула: «Нет!» Для нее там была пустота, ее бог был земным: танцы, жизнь, любовь, наконец. А для Сергея Есенина… Он вот что писал в письме Григорию Панфилову:

«Гений для меня — человек слова и дела, как Христос.

Читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового, Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто, свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душой, как в образец в последовании любви к ближнему».

Даже не верится, что слова эти сказаны в 1913, а не в 1925 году.

Через 12 лет в светлые дни Христова Воскресения

возмущенный святотатством Демьяна Бедного, вступится Есенин за оскорбленного Человека-Христа, за поруганную христианскую веру. Вступится и погибнет, распятый на трубе парового отопления.

Трогательную сцену рисует Анна Берзинь. Мать Сергея, Татьяна Федоровна, по христианскому обычаю хотела предать сына земле — осыпать землей, рассыпая ее крестообразно. «Она хотела в Дом печати привести священника с причтом, чтобы тут совершить 5 обряд отпевания. И пришлось долго ее уговаривать, что гражданские похороны с религиозным обрядом несовместимы». Утром мать заочно отпевала Сергея в церкви, а когда пришла на гражданскую панихиду, «причитая, наклонилась над сыном. Это было страшно и удивительно, как она, стараясь, чтоб не заметили люди, крестообразно посыпала сына землей».

Отец Иван тайно отпел убиенного Сергея Есенина в церкви Казанской Божьей Матери в с. Константиново.

ЧАСТЬ III «ПОПУТЧИК» ли СЕРГЕЙ ЕСЕНИН?

Глава 1
О мемуарах и мемуаристах, или «Мелочи» времени

> *Газет он не читал. Наклонится, бывало, к уху и заговорщически, шепотком спросит меня, «осведомленного» человека: — А какое теперь, правительство в Англии?*
>
> *Эмиль Кроткий о Есенине*

Чтоб опровергнуть это утверждение, возможно, достаточно привести запись из дневника Галины Бениславской:

> «Сергей Александрович очень интересовался статьями о литературе в зарубежных газетах, Яна обещала ему доставать. Больше всего интересовался статьями и заметками о нем самом и об имажинистах вообще. Поэтому я и Яна доставали ему много газет, Я добывала в информационном бюро ВЧК, а для этого приходилось просматривать целые комплекты «Последних новостей», «Дня» и «Руля».

Почему же политически ограниченный и неосведомленный Есенин заинтересовался не тем, о чем пишут большевистские газеты, а неожиданно спросил: «А какое теперь, Миша, правительство в Англии?»

Имя Эмиля Кроткого упоминается Есениным в письмах из-за рубежа накануне его возвращения, т. е. в 1923 году. Значит, и встречи с ним могли быть в конце 1923 и в 1924 году. Ныне из документов, не публиковавшихся прежде, известно, что революцию в Англии большевики планировали на 1924 год.

В 1924 году бурная дискуссия в партии развернулась вокруг новой книги Л. Троцкого «Уроки Октября». Опережая события, Троцкий «пророчески» предсказывал революцию в Англии. В главе «Филистер о революционере» Троцкий критикует скептически настроенного автора — Герберта Уэллса, «обывателя с узким кругозором» и недвусмысленно предрекает:

«Мы берем на себя смелость предсказать, что не в столь уж

отдаленном будущем в Лондоне, например на Трафальгарскверe воздвигнуты будут рядом две бронзовые фигуры: Карла Маркса и Владимира Ленина… Ибо и английская социальная революция совершится по законам, установленным Марксом».

В этой же книге в главе «О больном»: *«И если раздастся с Запада набат — а он раздастся (…) мы откликнемся без колебаний и без промедления».*

Эмиль Кроткий, как говорится, лукавил. Есенин внимательно следил за всеми большевистскими газетами, а книгу Троцкого прочитал одним из первых. «Осведомленный человек» был из той среды, о которой Есенин сказал: «До чертиков надоело вертеться с моей пустозвонной братией». А потом еще покрепче добавил: «Очень уж опротивела эта беспозвоночная тварь со своим нахальным косноязычием».

А.К. Воронский, знавший поэта лучше других, в одном из писем отметил, что он как умный крестьянин — сдержан и всегда себе на уме;

«Есенин был дальновиден и умен. Он никогда не был таким наивным ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представлялся иным простакам…

Он был сметлив и смотрел гораздо дальше других своих поэтических сверстников. Он легко добился успеха и признания не только благодаря своему мощеному таланту, но и благодаря своему уму…

Казался он вежливым, смиренным, спокойным, рассудительным и проникновенно тихим… И представлялось непонятным и неправдоподобным: как мог не только буйствовать и скандалить, но и сказать какое-либо неприветливое слово этот обходительный, скромный и почти застенчивый человек!»

Прощаясь, заметил:

— Будем работать и дружить. Но имейте в виду: я знаю — вы коммунист. Я — тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по своему. Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет».

Воронений, как все друзья и знакомые, в воспоминаниях не обошел клеветой поэта, иногда «перепевает» с чужих слов (в основном, Эрлиха), а эпизоды со скандалами преподносит в искаженном, нарочито усугубленном варианте:

«Некоторые шутки его в последнее время были странны и непонятны. Явившись как-то ко мне навеселе, он принес с собой пачку коробок со спичками, бросил их на стол и сказал, улыбаясь:

— Иду и думаю: чего бы купить в подарок. Понимаешь, оказывается, воскресенье, все закрыто. Вот нашел на лотке только

спички, бери — пригодятся. Или лучше: отдай своей дочурке, пусть поиграет».

Воронскому непонятна выходка Есенина. Читатель тоже подумает: действительно, что-то непонятное творилось с поэтом. Но ответ на загадку легко найти в главе «1922 год» романа А. Мариенгофа «Циники»): «Сегодня по купону № 21 продовольственной карточки выдают спички — по одной коробке на человека». В разоренной большевиками Москве не было больше НИЧЕГО. Просто Воронений темнит, «перенеся» странный подарок во времени — на конец жизни Есенина. А непосвященному читателю какая разница — ведь это было? Было.

О том же вспоминает Виктор Шкловский:

> «Был месяц сахарина, когда в магазине нельзя было найти ничего, кроме пакетиков с ним. Был месяц, когда все ели одну капусту… Был месяц — все ели картофельную шелуху… Был месяц падающих лошадей, когда каждый день и на всякой улице бились о мостовую ослабевшие лошади, бессильные подняться. Умирали просто и часто».

А по мнению Есенина, «Мелочи для историков будут иметь более важное значение, чем имена людей и крупные события, которые и без афиши не будут забыты». Об этом рассказывает «последний имажинист» Рюрик Ивнев:

«Я показал ему афишу большого концерта, в котором участвовал; он прежде всего обратил внимание не на известные имена, а на извещение в конце афиши: «Зал будет отоплен».

(…) Есенин вспомнил пример из моего документа 1918 года, — это была официальная бумага с тремя подписями: наркома просветления А.В. Луначарского, управделами Наркомата Покровского и начальника канцелярии КЛ. Федина (известного писателя). Эта любопытная бумага гласила: «Прошу выдать моему секретарю тов. Ивневу РЛ. теплые перчатки, которые ему крайне нужны, так как ему часто приходится разъезжать по служебным делам в открытом экипаже». Как он хохотал тогда, читая этот документ».

Так что пусть потомки помнят и этот коробок спичек, подаренный Воронскому. И его свидетельство — поистине уникальный документ, граничащий с идиотизмом воспетого Маяковским «заседания по поводу покупки склянки чернил губкооперативом». Ведь и это было в жизни страны, управляемой большевистскими руководителями, и заседания на самом высоком политическом уровне по поводу покупки партии консервов в голодный 1921 год. Этому факту Ленин отвел в

докладе не две строки, а две страницы!

Кстати о Маяковском. На словах Ленин одобрил стихотворение «Прозаседавшиеся», а на деле строго взыскивал за нарушение установленных бюрократических порядков.

Глава 2
Есенин и колхозы

Много разного в мемуарах Юрия Либединского, и все же, несмотря на их абсурдность, они заслуживают более пристального внимания. В расширенные и дополненные мемуары Либединский включил фрагмент, на анализе которого следует остановиться особенно обстоятельно. Рассказывая о последней встрече с Есениным, он пишет:

«Я, опираясь на одну из последних работ Ленина «О кооперации» и на недавние постановления правительства и партии, говорил о возможности другого, кооперационного, социалистического пути развития.

Слово «колхоз» еще не было произнесено, но оно носилось в воздухе. Речь шла о переходе «к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина». Именно эта сторона процесса больше всего интересовала Есенина, он вставлял в наш диалог вопросы о том, что предстоит пережить крестьянину при переходе к социализму, насколько мучительно отзовется на крестьянине этот процесс перехода, какими душевными изменениями ознаменуется для крестьянина этот переход.

И вот, когда мне пришлось нести на плечах гроб Есенина, я все вспоминал эту последнюю нашу встречу у него дома, наш горячий спор и милое, полное искреннего и самозабвенного волнения лицо его: ведь спор шел о самом для него дорогом — о судьбе родины, о социализме, о пути родного ему крестьянства».

Сцена эта, конечно, вымышлена, но зачем-то же она была включена Либединским в воспоминания. Думаю, затем, чтобы исследователями понята была закономерность и предопределенность судьбы Есенина. Это — подсказка, ниточка, которая поможет размотать клубок лжи.

Юрий Либединский только слегка изменил время действия и обстановку: не в «порядливой квартире» Софьи Толстой это было, и не с Есениным шел разговор, а о том, за что душа Есенина действительно болела. И шел этот разговор на XIV съезде партии, проходившем в декабре 1925 года в строгом соответствии с ленинской инструкцией от 1922-го года. А в инструкции говорилось:

«На съезде партии устроить секретное совещание всех делегатов или почти всех по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала…

Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществить их самым энергичным способом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут».

На XIV съезде партии стоял один из самых важных и сложных вопросов строительства социализма — вопрос «о социалистическом пути развития деревни», о коллективизации. Иначе говоря, о «раскулачивании» и «раскрестьянивании». Какими методами и темпами следует его, социализм, строить, ясности не имел никто. Сколько было речей — столько было мнений.

Бухарин говорил: *«Процесс создания капитализма был стихийным (капитализм не строили, а он строился), процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным процессом… Мы пойдем медленнее в своем развитии, но мы все же будем неуклонно идти вперед».*

Сталин выдвинул курс на обострение классовой борьбы. Этот курс требовал тщательной подготовки, но мог быть осуществлен в самый короткий срок, «ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут». А жестокости предстоят великие. Без жестокостей революций не бывает. И, чтобы скрыть от народа последующие изуверские действия, применяли свой жаргон. Бухарин называл эти действия «эластичными» (умение быстро перестраиваться, приспосабливаться), язык — «социологическим». А чтобы читателю стали понятны большевистские термины «раскулачивание» и «раскрестьянивание», следует напомнить еще один термин — «расказачивание». По поводу этого термина в 1919 году вышло постановление большевиков о полном уничтожении казачества на Дону. Ленин так и требовал: «Убивайте всех казаков без исключения и без разбора».

Понятно, что «раскулачивание» также предполагало и уничтожение кулака как класса, но почему «раскрестьянивание»? Это было непонятно. Изучая в школе «Поднятую целину», никогда не понимала, почему коммунисты Гремячего Лога не давали возможности Титу Бородину засеять лишнюю десятину пустовавшей земли. И силы у него были, и возможности были, и он вполне логично заявлял, что тем самым большую пользу принесет советской власти. А советская власть в лице

коммунистов Давыдова, Разметнова, Нагульнова всячески препятствовала этому. Ан нет, нельзя. А все потому, что вся политика большевиков сводилась к одному: чем безнадежней положение народа, тем легче проводить все преобразования. Чем хуже будет положение крестьян, тем легче провести революцию. Отсюда родился лозунг: «Чем хуже — тем лучше!»

Ленин учил: *«Хлебная монополия (…) является в руках пролетарского государства, в руках полновластных советов самым могучим средством учета и контроля… Это средствоконтроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины (…) И средство для всякого сопротивления есть, это хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность».*

Чтобы держать крестьян в определенных рамках, большевики ввели налог на всякую сельскохозяйственную продукцию и живность: есть в хозяйстве куры или нет — неважно, 200 штук яиц хозяин обязан сдать государству. Налогом обложено все и вся, в том числе и сады — каждое фруктовое дерево. А яблонька дает урожай через год. Не имея возможности ежегодно сдавать фрукты государству, крестьяне вырубали сады.

Не знаю, был ли такой налог на крестьян введен в 1924 г. (Ганин в прокламации написал так: «Бесконечные реквизиции, бесчисленные налоги, облагается все, кроме солнечного света и воздуха») но Есенин об этом пишет в поэтическом письме сестре Кате:

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад,
И сад губили.
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко… Семь…
Иль восемь лет назад.

Монголо-татары в свое время брали десятину. Большевики — требовали треть, да еще устанавливали дополнительные налоги. Вспоминает А. Воронский*: «Есенин возмущался тем, что за сапоги и несколько аршин ситца крестьянин должен отдать весь свой урожай. Мириться с таким положением дел он не хотел и собирался идти к Калинину искать заступы. От Калинина вернулся притихший и как будто потерявший что-то в родимых краях».*

За годы войны и разрухи крестьяне основательно разорились, обносились. Не было промышленных товаров, одежды, обуви, инвентаря. К 1924 году все руководители понимали, что крестьяне не будут добровольно производить или отдавать

излишки зерна. Продразверстку, которая буквально разоряла крестьян, обрекая их на голод, большевики уже в 1921 году вынуждены были заменить продналогом. Теперь излишки хлеба оставались у крестьян. А чтобы крестьянин не имел возможности возрождаться, большевики изобрели «ножницы»: так стали называть несоответствие стоимости промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства.

«Структура цен («ножницы») определялась как ключевое средство общественного накопления» (Коэн). И потому государство поспешало с преобразованиями в стране: планировались индустриализация, коллективизация, культурная революция. И все это, конечно, ускоренными темпами.

Революция в деревне будет разработана и утверждена на XV съезде партии, т. е. в 1927 году, но планы строительства социализма утверждались на XIV съезде, в 1925-м. Более того, уже в апреле на XIV партийной конференции рассматривались важнейшие проблемы политической и хозяйственной жизни страны, в том числе вопросы о кооперации и о сельскохозяйственном налоге.

Вот об этом и написал в мемуарах Юрий Либединский. В апреле 1925 года Есенин был на Кавказе. Будущее села особенно интересовало и беспокоило его, от большевистских преобразований ничего хорошего для крестьянина он не ждал, потому и высказал свои соображения в стихотворении «Письмо сестре», которое было опубликовано сразу после этой партийной конференции:

Но сад наш!..
Сад…
Ведь и по нем весной
Пройдут твои
Заласканные дети.
О! Пусть они
Помянут невпопад.
Что жили…
Чудаки на свете.

Обратите внимание на многоточие, смысловое расположение слов:

«Что жили…» сделал бо-о-ль-шую, безнадежную паузу, пропустил целую строку после слова «жили» и, как всегда, с грустной улыбкой закончил: «Чудаки на свете». А строфой выше предупреждает сестру: «Мне жаль тебя. / Останешься одна, / А я готов дойти хоть до дуэли».

Нет, дуэли не будет. Не тот век, не те нравы. Партийным руководителям было ясно, если теперь своим «Посланием евангелисту Демьяну» Есенин срывал важное политическое задание по уничтожению религии, то деревню на уничтожение не отдаст. Потому и дело вели, опять же по ленинской инструкции, подбирая «умных и свирепых людей для травли».

Мы знаем некоторых: Сосновский, «родовская братия», пролеткультовцы, но, конечно, всех превзойдет Николай Бухарин. Потом скажут, что Николай Бухарин санкционировал репрессии.

Следует уточнить: партконференция проходила в Москве с 27 по 29 апреля 1925 года, а стихотворение опубликовано в газете «Бакинский рабочий» 10 мая, то есть по свежим следам. И это еще не все. Опубликовано в бакинской газете 10 мая, но написано оно в Тифлисе, до 9 мая: «Здесь, в Тифлисе, на наших глазах писались эти мучительные стихотворные послания «К матери», «К сестре», «К деду» и их воображаемые ответы» (Тициан Табидзе. Есенин в Грузии). Даты указывают, как пристально следил Есенин за всем, что происходило в стране, как мучительно переживал события.

На съезде прозвучала еще одна ленинская инструкция — о недоносительстве, причем в расширенном и углубленном варианте: «Ленин нас когда-то учил, что мы страдаем не от доносительства, а от недоносительства. Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше, идти на доносительство. Каждый член партии должен быть агентом Чека», — такими словами напутствовал молодых партийцев старый еврейский большевик Сергей Иванович Гусев» (Я.И. Драбкин).

Есть сведения, что на вопрос о Есенине Сталин якобы ответил: «Он мне не мешал». Но это далеко не так. Есенин мешал, еще как мешал! Мешал всем строителям новой жизни.

Все писатели объединились в группировки, союзы, общества, а он оставался сам по себе и, вопреки постановлениям и резолюциям партии, отстаивал право на свободу творчества. В партийном руководстве говорилось: «Критерием подхода к проблеме организации литературной жизни 20-х гг. было и остается для советского литературоведения положение резолюции ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 года». А резолюция требовала: «Как не прекращается у нас классовая борьба вообще, так она не прекращается и на литературном фронте». А Есенин всех поэтов, писателей, художников объединял, собирая под своды своего «Вольнодумца». И по аналогии с лозунгом «Вся власть Советам!» выдвинул свой лозунг «Вся власть поэтам!» Одни видели в этом мальчишество, другие — хулиганство, а

третьи — контрреволюцию.

Да и своей лирикой он просто срывал планы правительства! Патриотическими настроениями он поворачивал молодежь лицом к стране, к деревне. Это потом скажут: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна». И осудят интернационалистов и космополитов. А в те годы пронзительная задушевная лирика поэта была несвоевременна, потому что готовились новые бои и новые революции: революция в деревне и культурная революция. А молодежь страны Советов в эти годы, забросив настольную книгу Николая Бухарина «Азбука коммунизма», вся обратилась к поэзии Есенина.

А песню «Ты жива еще, моя старушка?» буквально через неделю после создания пели в Москве и Одессе. Автора музыки тотчас забыли, музыку объявили народной. Автором был студент Московской консерватории Василий Николаевич Липатов, земляк Есенина, очень одаренный юноша, немало пострадавший потом «за Есенина». (Н. Обыденкин. «Россия поклоняется Есенину…» Рязань, Узорочье, 2001). Так было во всех городах.

Все точно с ума посходили. Объединялись в есенинские общества, читали его стихи, переписывали в заветные тетради, писали ему письма со всех концов необъятной страны. И какие письма! Вот одно из них:

> *«У нас очень много есенинцев — рабочие, женотделы, студенты, мещане, комсомольцы и даже пионеры… (У каждого сердце «есенинское»). Дорогой Сергей, помоги нам! Оживи нас!!! Если ты нам пришлешь свои стихи (книги), мы будем счастливейшими в мире! Пожалуйста, Сергей! Я за твой «Березовый ситец» последние брюки готов загнать».*

А потом, получив ответ Есенина, совсем ошалел от счастья. И это не рядовой комсомолец, а комсомольский вожак города Николаева. Такой популярности при жизни даже Пушкин не имел! А после смерти Есенина скажут: «О Ленине так не жалели».

Конечно, Николай Бухарин мог прийти в бешенство, было от чего. Есенин увел за собой всю молодежь страны! Даже Максим Горький не выдержал, вмешался, подал совет из своего «прекрасного далека» дать умный подзатыльник: «Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которую требует время и его задачи, огромность которых невообразима».

Как должен был реагировать на такие письма Николай Бухарин? Обстановка в стране для партийного идеолога Бухарина была далеко не простой и не легкой. После партийной чистки

1921 года многие партийцы, не согласные с политикой партии, выходили из партии сами, например Василий Наседкин, побывавший в 1921 году на родине в Башкирии. Можно только предполагать, что услышал Василий Федорович на родине и что он там увидел. Увидел, как на деле воплощается политика большевиков в жизнь. Но теперь, в 1924 году, все как будто менялось в лучшую сторону: в год смерти Ленина было принято в партию «четыреста тысяч от станков горячих — Ленину первый партийный венок», по словам Владимира Маяковского.

Видимость единства с народом была соблюдена, но Союз начал трещать по швам, потому что новое пополнение — в основном молодые люди — значительно отличалось в убеждениях от тех, кто ринулся в революцию в 1917 г. Они устали дожидаться мировой революции, и потому в 1925 году Бухарину пришлось много выступать с докладами, обращенными к комсомолу и молодежи, вразумлять, наставлять, доказывать, воспитывать («Ленинское воспитание молодежи», «Комсомол, за углубленную большевистскую работу!», «Учительство и комсомол», «О работе комсомола» и т. д.).

С комсомольским вожаком из Николаева он поговорит особо. Поговорит и тотчас «перевоспитает». Марка Цейтлина, страстного есенинского почитателя не стало, с новым именем он перешел в новое качество. Бухарин жаловался в письмах, оправдываясь, что его буквально затравили. Видно, потому и официальную статью о Есенине назовет прямолинейно: «Злые заметки». Всех пролеткультовцев настроил против него! «Многие критики не могли забыть «Москвы кабацкой» и наперебой упрекали Есенина в отсутствии выдержанной пролетарской идеологии». «Мужик, кулак. Он из тех мужиков, кто французскую революцию погубил», — говорили они про Есенина. «В то время в нашей прессе уже возникло пренебрежительное слово «есенинщина» (В. Мануйлов). Понимал ли хоть сколько-нибудь партийный руководитель, каково приходилось Есенину от его травли?

Совершенно справедливо характеризует Станислав Куняев *«банду лихой молодежи, страшной своей спаянностью, наглостью и полной беспардонностью как в человеческом, так и в литературном поведении.*

С кем у Есенина не могло быть никаких контактов, так это с «молодой гвардией» бездарностей, лихо копытящей на ниве русской словесности и потрясающей при каждом удобном случае своим национальным происхождением».

Так было на Кавказе, так было в Ленинграде, так было и в Москве. Гурвич вспоминает: «Я Есенина обожал, зачитывался его стихами, другим советовал читать их. За это мне здорово

попадало от Пира (Пиравердиева) и особенно от Тарасова (напостовцы, сотрудники газеты «Труд»)». А вот убеждения молодого «октябревича» Безыменского: «Но ты — поэт. И враг. И пусть!/ Но все же странно, право слово,/ Что выучил я наизусть/ Твои стихи — врага лихого». Этот «октябревич» называет Есенина врагом. Есенин, конечно, не был другом, но не был и врагом пролеткультовцам. Они же почти все считали его недругом советской власти. Надо сказать, что пролеткультовцы не только Есенина считали несоветским поэтом, как ни покажется странным, пролеткультовцы и Маяковского не считали советским. Это потом, в 1935 году, когда Сталин «прозреет» для другого решения и воздаст должное «лучшему, талантливейшему поэту», все литературоведы сделают и Есенина советским.

О рапповцах, которые доставляли Есенину много неприятностей и буквально отравляли ему жизнь, пишет и Галина Бениславская:

> *«Группу журнала «Октябрь» Сергей Александрович ненавидел, его иногда буквально дрожь охватывала, когда этот журнал попадал ему в руки. Травля «Октябрем» «попутчиков» приводила Сергея Александровича в бешенство, в бессильную ярость. Не раз он начинал писать статьи об этой травле, но так и не кончал, так как трудно было писать в мягких тонах, резкую статью не было надежды опубликовать».*

А после гибели Есенина все рапповцы, октябристы, напостовцы объявили себя друзьями Есенина и писали свои «дружеские» воспоминания.

На основе изученных документов Виктор Иванович Кузнецов («Сказка об «Англетере». «Совершенно секретно», № 9, 1998) пришел к выводу: «Практически вся компания свидетелей, понятых, поставивших свои подписи под документами о смерти Есенина, — сексоты ГПУ». Этот вывод подтверждается фактами — самыми надежными документами эпохи. Здесь как раз уместно напомнить читателю последние слова Есенина, которые приводит в книге «Право на песнь» Эрлих:

> *«Ты понимаешь? Если бы я был белогвардейцем, мне было бы легче! То, что я здесь, это неслучайно. Я — здесь, потому что я должен быть здесь. Судьбу мою решаю не я, а моя кровь. Поэтому я не ропщу. Но если бы я был белогвардейцем, я бы все понимал. Да там и понимать-то, в сущности говоря, нечего! Подлость — вещь простая. А вот здесь… Я ничего не понимаю, что делается в этом*

мире! Я лишен понимания!»

Это были последние слова Есенина в казематах гостиницы «Англетер».

К годовщине смерти Есенина Иннокентий Оксенов подготовил статью, из которой каратели печатного слова выбросили следующие слова:

«Смерть Есенина — как чудовищный сон, кошмар, от которого нельзя уйти, нельзя проснуться. Как круги по воде, расходятся и ширятся по миру отзвуки этой страшной гибели. Последствия этой смерти больше и серьезнее, чем можно было бы думать. Надломано много душ перед многими снова встали во весь рост извечные «проклятые вопросы» о ценности жизни».

Уже готовилась бухаринская резолюция о зловредности поэзии Есенина. Ну а дальше было то, о чем сказала в письме Есенину Галина Бениславская: «Эти люди сумеют не только физически уничтожить его, но и испортить то, что останется во времени после него». Есенина сузили до имажинистского кружка и наделили чертами не слишком образованного человека и поэта средней руки. Об этом и сказал в свое время Георгий Свиридов: «Сергей Есенин — это колоссальная фигура в мировой поэзии, а он был принижен ниже всякой меры сознательно. И мы с этим, к сожалению, смирились».

Глава 3
Крестьянский вопрос в партийных документах

Читателю, воспитанному на советской истории, трудно поверить, что Есенин и колхозы — вполне реальные временные понятия. Чтоб убедиться в этом, пришлось обратиться к архивам 1926–1927 годов. Выяснилось много интересного. Оказывается, вопрос о крестьянстве уже поднимался на съездах партии ещё при Ленине. Но вначале болезнь, потом в 1924 г. смерть Ленина помешали осуществлению планов. И хотя все руководители претворяли в жизнь заветы Ильича, оказалось, что большевикам легче было совершить революцию в стране, чем революцию в деревне. Крестьянский вопрос был основным в решениях партии в течение всего 1925 года, но подробно разработан и утвержден на XIV партконференции в апреле 1925 года, а в октябре вновь вернулись к вопросам о налогах, о повышении отпускных цен, о работе партийной организации в деревне и т. д. И окончательно уже в декабре на XIV съезде партийные руководители и делегаты утверждали решения апрельской конференции.

Если в 1924 году план имел установку «создать условия,

способствующие смычке города с деревней», то в 1925 г. планы касательно крестьянина были самые грандиозные, с перспективой на далекое будущее. Резолюция XIV съезда по отчету ЦК гласила: «Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической государственной промышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы».

Здесь все было ложью, кроме разве последней части. Но и ту часть надо было читать по-другому: «преодолевая и уничтожая капиталистические элементы», т. е. уничтожая кулака, самого крепкого хозяина. Не было возрастающего экономического руководства со стороны социалистической госпромышленности, не было кредитных учреждений (откуда им было взяться?), а была, по выражению Рыкова, «сверхиндустриализация на словах и пораженчество на деле. И выходило так: неурожай — плохо, а урожай — еще хуже. Новый урожай (1924 г.) застает нас без достаточных товарных запасов». А кредиты предлагали «добывать» опять же путем ограбления деревни. И не только кредиты, главное было — найти средства для индустриализации. Источник был один — ограбление деревни, больше взять неоткуда.

Преображенский: *«Неизбежна и необходима эксплуатация пролетариатом крестьянства, социалистической промышленностью — крестьянского хозяйства. Но пока не уничтожен кулак, нечего думать об источниках доходов».*

И хотя по советской статистике кулака на селе только 3 %, но это была сила, с которой приходилось считаться. Этой силы основательно боялись победители. На съезде все докладчики, в том числе и Сталин, подчеркивали «кулацкую опасность». Происки кулака видели в том, что крестьяне не отдают государству излишки хлеба. По поводу этих выступлений Рыков сказал:

«Как вы думаете, после ужасов 21 года можно ли требовать от крестьянина, чтобы он не страховал себя на случай повторения 21 года, особенно, если принять во внимание, что никакой государственной страховки до сих пор у нас нет. Как же можно после этого говорить, что «кулак регулирует» социалистическое строительство при помощи хлебных запасов. Я вам откровенно говорю, что если бы я был крестьянином Саратовской или

Царицынской губернии, что бы мне ни говорил Смилга, я обязательно бы запасся хлебом, будь я в бедняцкой, середняцкой или кулацкой группе. Я вас уверяю, что это самое сделал бы и Смилга, в порядке «планового» руководства не государственным, а своим индивидуальным крестьянским хозяйством. Смотреть на факт образования крестьянских хлебных запасов, как на попытку кулака бороться со строительством социализма, совершенно неправильно».

Так думал не один Рыков, так думал и Троцкий. «Крестьянин потерял на разнице цен, на «ножницах» неизмеримо больше, чем выиграл, например от снижения налога. Это всякий мужик скажет, а не статистика ЦСУ».

Но взять средств было негде, и потому резолюция XIV съезда гласила: «Партия подчеркивает необходимость борьбы с кулаком и указывает ленинский путь этой борьбы».

А что это значит? А это значит, что в резолюциях утверждали благие мысли, воплощать в жизнь самые светлые мечты человечества, надежды и чаяния крестьянина, на деле утверждали уничтожение самого трудолюбивого и крепкого мужика — кулака, хозяина земли. Ленин назвал его «мироедом» и с первых лет советской власти стал воспитывать в народе ненависть к нему. И чтобы эта ненависть не ослабевала и при нэпе, в деревенские Советы направили партийных пропагандистов, основная задача которых состояла в том, чтобы расслоить крестьянство. Уничтожить кулака можно только руками самого крестьянина. Опору партия видела в бедняке и батраке. «Беднота и прежде всего батраки являются опорой пролетариата в деревне. Как бороться с кулаком? Главное — отвоевать у него середняка». Расслоение деревни в партийных документах именовалось, конечно, другим термином — «смычкой города с деревней». Уничтожение кулака — «вытеснением капиталистических элементов» и т. д.

Расслоив деревню с помощью пропагандистов двадцатипятитысячников, партия успешно и в короткий срок справилась с поставленной задачей. Генеральный секретарь И. Сталин подводил победные итоги. 1929 год победители назвали годом Великого Перелома.

По поводу победных реляций Михаил Пришвин записал в дневнике:

> *«Весь ужас этой зимы, реки крови и слез он (Сталин) в речи на съезде представил как некоего таракана, которого испугался человек в футляре. Таракан был раздавлен. «И ничего — живем!» (Оглушительные*

несмолкаемые аплодисменты.)

Иной совестливый человек содрогается от мысли, которая навязывается ему теперь повседневно, что самые невероятные преступления: ложь, обманы самые наглые, систематическое насилие над личностью человека — все это может не только оставаться безнаказанным, но даже быть неплохим рычагом истории, будущего».

Глава 4 Дискуссии по Есенину

О Ленине так не жалели.

В. Мануйлов

Следует объяснить читателю, почему же революция в деревне началась не в 1926 году, как задумывали большевики. Весь 1926 год кипели, бушевали «страсти по Есенину». Подумать только, вся страна была вовлечена в «дискуссию»! Большевистским руководителям пришлось отложить в сторону все намеченные планы по разорению деревни и заниматься только «дискуссиями» по Есенину. Послушайте, это говорит современник:

«Широчайшая дискуссия в печати об упадничестве, связанная с именем Есенина, на митингах, на собраниях в вузах, в рабочих общежитиях и комсомольских ячейках развернулась в конце 1926 — начале 1927 годов. Она вовлекла в круг дискутантов писателей, литературных критиков и подогревалась экономическими и идеологическими контрастами нэпа».

Дискуссия в рядах молодежи имела трагические последствия. В этой книге приводится немало примеров самоубийств среди молодежи, прокатившихся по всей стране, отрывки из воспоминаний современников.

Сколько усилий пришлось приложить литературным деятелям из ГПУ, сколько придумать хитроумных сценариев, чтобы похоронить поэзию Есенина, особенно такие произведения, которые при жизни не были опубликованы: главу из «Пугачева», «Страну негодяев», поэму «Черный человек» и, конечно, «Послание евангелисту Демьяну». А результаты явно дискредитировали все усилия чекистов и общественных дискуссий. Вот эпиграмма, пришедшая в адрес очередного «друга» Есенина Василия Князева (опубликовал Виктор Кузнецов). Она явно свидетельствует о бесплодных усилиях власть предержащих.

Циничен, подл, нахален, пьян
Средь подлецов, убийц и воров
Был до сих пор один Демьян,
Ефим Лакеевич Придворов.
Но вот как раз в Великий пост
Из самых недр зловонной грязи
Встает еще один прохвост —
«Поэт шпаны» — Василий Князев.

Не Есенин.

Василий Князев наряду с Демьяном Бедным всю жизнь был в «Красной газете» советским пропагандистом и даже псевдоним носил — Красный Звонарь, а расстрелян был на Колыме по статье 58–10 — за антисоветскую пропаганду. Таков парадокс советской истории.

В эти годы уже существовал Не-Буква, теперь в пику пропагандистам-дискутантам появился не менее острый и потому не менее опасный Не Есенин. Как должны были руководители отвечать на то, что все их усилия сводились на нет? Как всегда — террором и репрессиями.

Наряду с трагическими эпизодами были чисто анекдотические. Так, Юрий Анненков в книге «Дневник моих встреч» рассказал, что и Надежда Константиновна Крупская не осталась в стороне от общей дискуссии. Она передала во Францию Борису Суварину и в Соединенные Штаты Максу Истману противосталинское «Завещание», которое там было опубликовано и вызвало ответную бурю. «Коммунистическая пресса всего мира обрушилась на них, называя клеветниками, а завещание — выдумкой». Развязка инцидента весьма анекдотична: для партийной элиты «Завещание» не было тайной, а Крупскую Сталин поставил на место, пригрозив, что объявит ленинской вдовой Стасову. Надежда Константиновна смирилась.

Дискуссии по Есенину продолжались в течение всего 1926 года и закончились диспутом в Москве в Коммунистической академии с 13 февраля по 5 марта 1927 г., организованном по инициативе правительства. Было выработано общее решение о вредности поэзии Есенина и о «есенинщине». На диспуте выступил Владимир Маяковский и явно не согласился с этим решением. Он сказал:

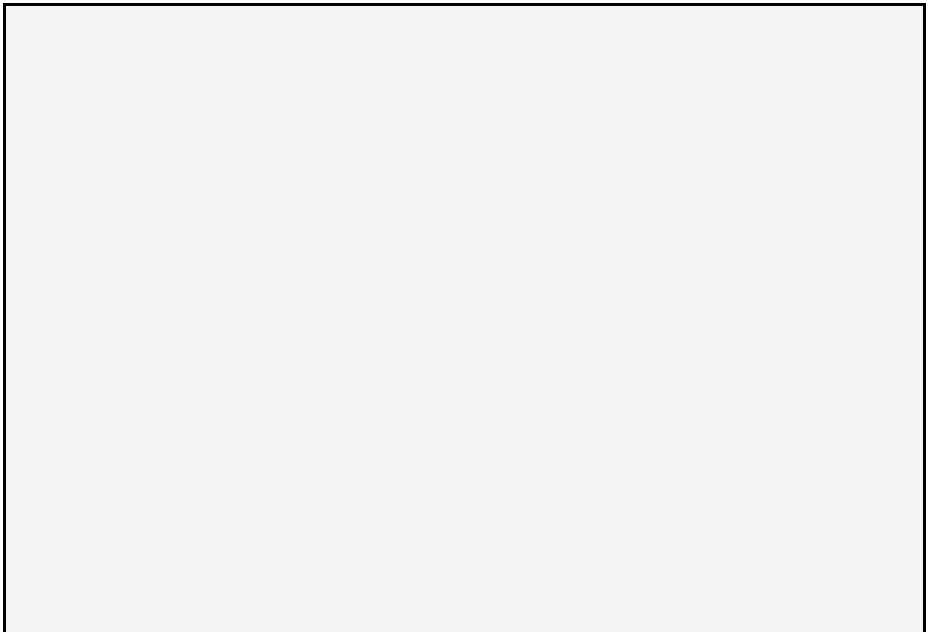
> *«Есенин не был мирной фигурой при жизни, и нам безразлично, даже приятно, что он не был таковым. Мы взяли его со всеми недостатками как тип хулигана,*

который по классификации т. Луначарского мог быть использован для революции. Но то, что сейчас делают из Есенина, это нами самими выдуманное безобразие».

И только поставив в дискуссии последнюю точку, правительство обратилось к планам социалистического преобразования деревни. По выражению Н.С. Хрущева, «готовилось величайшее преступление большевиков против своего народа».

Трудно понять большевистских руководителей, которые шли семимильными шагами к Мировой Революции, не считаясь ни с какими жертвами, и вдруг остановились и больше года топтались на месте. Отставили в сторону планы по крестьянскому вопросу и все ударились в дискуссию. Возможно ли такое? Более того, они целый год поддерживали эти настроения, слегка направив их в другую сторону — «против есенинщины».

Людмила Васильевна Занковская дала предельно четкое и ясное объяснение: *«И «Злые заметки», и многочисленные антиесенинские сборники, и фильм С. Эйзенштейна «Против есенинщины» — вся эта кампания была направлена не только и не столько против Есенина, сколько против всей русской национальной культуры. Без этого поругания и оскорбления русской деревни, ее культуры, труда, быта и традиций была бы невозможна очередная изуверская война большевиков против народа — сталинская коллективизация».*



Сергей Есенин.

Художник Юрий Анненков, 1923 г

Итак, партийные руководители были заинтересованы в поругании есенинской поэзии, а Николай Бухарин, главный идеолог страны, был лично заинтересован и в уничтожении самого поэта. В том, что у него были для этого причины, нас с вами убеждают в том числе и факты, изложенные в этой книге.

Глава 5

Грузинский инцидент

«Грузинский инцидент» связан с периодом включения закавказских республик в состав СССР в конце октября 1922 г. ЦК Компартии Грузии в полном составе подал в отставку. Такого в истории партии не бывало. А в ночь с 20 на 21 октября вызвали по прямому проводу секретаря ВЦИК Енукидзе и попросили передать Каменеву и Бухарину следующее обращение: «Советская власть в Грузии никогда не находилась в таком угрожающем положении, как в данный момент».

Информируя о решении Заккрайкома освободить М. Окуджаву от обязанностей секретаря ЦК КП Грузии, они сообщали о намерении грузинского ЦК всем составом выйти в отставку. *«Все это, — подчеркивалось в обращении, — создано Орджоникидзе, для которого травля и интриги — главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невмоготу жить и работать при его держимордовском режиме. Неужели мы не заслужили лучшего руководителя в смысле марксистском и обречены быть объектом самодурства?»*

Стиль, который использует Есенин в своей статье «Россияне», как видим, напоминает стиль обращения грузинских товарищей, и лексика та же:

> *«Россияне! Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни (…) Лакействовать, травить, держимордовские порядки, революционные фельдфебели, Пришибеевы».*

Есенин из Ленинграда ринулся в Грузию и Азербайджан, не сказав никому ни слова, и только в письме из Ленинграда 15 апреля 1924 года написал Г. Бениславской и А. Берзинь:

> *«Галя милая! Я очень и очень извиняюсь: что уехал, не простясь с Вами. Уехал же потому, что боялся, как бы Петербург не остался для меня дальше Крыма».*

Грузия, единственная из советских республик, имела уже сложившиеся торговые связи с капиталистическим миром через Батум. И это обстоятельство, по мнению Ленина, «требовало большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам, — в частности интеллигенции, мелким торговцам и т. д».

Из воспоминаний К. Вержбицкого:

«В начале декабря мы с Есениным отправились в Батум. До этого поэт настойчиво просил меня достать документы на право

поездки в Константинополь. Кто-то ему сказал, что такое разрешение, заменяющее заграничный паспорт, уже выдавалось некоторым журналистам. А свое намерение съездить в Турцию Есенин объяснял сильным желанием повидать настоящий Восток. Один из членов Закавказского правительства, большой поклонник Есенина, дал письмо к начальнику Батумского порта с просьбой посадить нас на какой-нибудь торговый пароход в качестве матросов с маршрутом: Батум-Константинополь-Батум».

Из письма Есенина Бениславской, 17 октября 1924 года:

«Первая попытка проехать через Тавриз не удалась. Пишу мало. Думаю засесть писать в Тегеране. Зачем черт несет — не знаю. Из Персии напишу подробней».

Ни в конце 1924, ни в начале 1925 года Есенину не удалось уехать ни в Персию, ни в Турцию. Казалось, это так просто… Из воспоминаний П. Чагина: *«С.М. Киров (…) обратился ко мне после есенинского чтения с укоризной: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. (Речь идет о «Персидских мотивах» — Авт.). В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, которые его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. По ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай же. Чего не хватит — довообразит».*

«Мы не пустили», «тебе поручили» — эти слова наводят на размышления. Судьба Есенина, его жизнь решалась где-то наверху. Не смогли помочь друзья, не помогли и посвящения.

«Грузинский инцидент» 1922 года еще долго был источником брожения и общего недовольства своим «старшим русским братом» в среде интеллигенции. Вот почему Есенин, вернувшийся из-за рубежа в новую, но чужую для него Россию, нашел временно в Грузии приют и единомышленников.

…И потому в чужой стране
Вы близки и приятны мне…
Товарищи по чувствам, по перу.

Поездка в Грузию была для Есенина одновременно и попыткой уехать из Страны Советов. Грузинский инцидент не был оставлен без последствий. Эхо его долго отдавалось в судьбах людей.

2 сентября 1924 года Есенин выехал в Баку, около 5 сентября остановился в бакинской гостинице «Новая Европа», где произошла его встреча с Блюмкиным (Ильиным, по др. источникам — Исаковым), от которого, как рассказал Н. Вержбицкий, Есенин должен был бежать в Тифлис. Блюмкин был

назначен военным инспектором в Закавказье. («Этот совершенно неуравновешенный человек начал бешено ревновать поэта к своей жене».) Трудно сказать, что было на самом деле. По материалам, опубликованным ныне, Лиза Горская, по доносу которой был арестован и затем расстрелян Яков Блюмкин, к этому времени уже была замужем за Василием Михайловичем Зарубиным. (Из рассказа дочери Зарубиной — Зои). Но вот что было дальше.

13 сентября Есенин подготовил для газеты «Заря Востока» № 676 заметку: «О литературе в предстоящем сезоне». Заметка не сохранилась: сохранился черновой автограф окончания благодаря тому, что на обратной стороне листа записано было стихотворение «На Кавказе»: «Делают смычку рабочих и крестьян, то дайте нам смычку поэтов всех народностей. Мы будем об этом писать и говорить еще раз. Вот потому-то и предстоящий сезон в литературе обещает быть шумным».

19 сентября «Заря Востока» опубликовала стихотворение «На Кавказе»:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме.
Но он их главный штабс-маляр.
Поет о пробках в Моссельпроме.

Это был ответ Маяковскому на «балалаечника».

Приезд Есенина в Баку был отмечен сердечным приемом работников печати, об этом сообщалось в газете, но «доброжелатель» не преминул в этой же статье намекнуть на «болезненное состояние» поэта (разумеется, от употребления алкоголя). Потому предписывалось «в случае обнаружения поэта вне дома в болезненном состоянии, лицам, коим сим ведать надлежит, бережно доставлять его в общежитие, где он жил тогда у Чагина. Предупредительная эта мера оказалась излишней, а слухи о болезни Есенина сильно преувеличенными. Для литературных околоточных того времени Есенин был только «упадочным поэтом с сомнительным имажинистским прошлым. Для «Бакинского рабочего» (так называлась газета) это был ценный постоянный сотрудник». Об этом пишет В.В. Швейцер.

Обиду Есенин проглотил молча, но, уезжая из Баку, сделал на групповой фотографии такую надпись:

«Пускай я порою от спирта вымок».

25. IV.25 г.

В Баку Есенин приехал 20 сентября, в священный для бакинцев день — день памяти 26 комиссаров. Поэт ежедневно печатает в газете новые стихотворения, тогда же им была написана и «Баллада о 26».

Из письма Г. Бениславской, 8.IV. 1925 г., Баку:

> *«Внимание ко мне здесь очень большое. Чагин меня встретил как брата. Живу у него. Отношение изумительное. Для Вас у меня уже есть стихи. Главное в том, что я должен лететь в Тегеран. Аппараты хорошие. За паспорт нужно платить, за аэроплан тоже. Поймите и Вы, что я еду учиться. Я хочу проехать даже в Шираз, и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики».*

Шесть месяцев прожил Есенин в Грузии в свой первый приезд. Это был самый плодотворный период в его литературной деятельности, его «болдинская осень».

Из письма Г. Бениславской 20 декабря 1924 года: *«Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра. Только одно во мне сейчас живет. Я чувствую себя просветленным. Не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия».*

В ноябре опубликовал стихотворение «Поэтам Грузии», в котором есть знаменательные строки:

Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови,
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.
И потому в чужой
Стране
Вы близки
И приятны мне.
Века все смелют,
Дни пройдут.
Людская речь
В один язык сольется.
Историк, сочиняя труд.
Над нашей рознью улыбнется.
Он скажет:
В пропасти времен
Есть изысканья и приметы…

Дрались сонмища племен.
Зато не ссорились поэты.
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

На десятилетие опережая официальную политику, Есенин проводил в жизнь главную мысль об объединении и содружестве всей литературы. Правительственный лозунг: «Вся власть Советам», как уже отмечалось, он сменил на другой: «Вся власть поэтам».

Суд над футуристами, суд над имажинистами, суд над символистами, сеяли рознь, вражду, недоброжелательство. Не «суды» и «чистка» нужны поэтам, а дружба и сотрудничество. Есенин мечтал о своем журнале «Россиянин» или «Вольнодумец» и для этого сплачивал вокруг себя талантливую молодежь, собирал друзей — единомышленников. В октябре написал шуточное стихотворение «Заря Востока», которое посвятил сотрудникам тифлисской газеты «Заря Востока». Жалобы на безденежье перемежаются с крамолой:

Так грустно на земле.
Как будто бы в квартире,
В которой год не мыли, не мели.
Какую-то хреновину в сем мире
Большевики нарочно завели…
…Дождусь ли дня и радостного срока.
Поправятся ль мои печальные дела?
Ты восхитительна, «Заря Востока»,
Но «Западной» ты лучше бы была.

Из письма Тициану Табидзе, 20 марта 1925 года: *«Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качу к Вам, увидеть и обнять Вас. В эту весну в Тифлисе, вероятно, будет целый съезд москвичей. Собирается Качалов, Пильняк, Толстая и Вс. Иванов. Бабель приедет раньше. Уложите его в доску. Парень он очень хороший и стоит гостеприимства. Спроси Паоло, какое нужно мне купить ружье по кабанам. Пусть напишет № (…)*

Похождения наши здесь уже известны вплоть до того, как варили кепи Паоло в хаши!»

Разгром грузинской литературы начался с литературного

объединения «Голубые роги», где был душевно принят Есенин, где нашел искренних друзей и единомышленников.

«Группировка» грузинских поэтов возникла в 1916 году и просуществовала до 1930 года. Группировка «Голубые роги» была формалистической, декадентской. Мистика, бегство от действительности ее приверженцев сочетались с богемой. После утверждения советской власти в Грузии (1921 г.) эта группировка переживала кризис. Лучшие представители «голубороговцев», с которыми дружил Есенин, будучи в Тифлисе, преодолев ошибки, стали впоследствии выдающимися поэтами Советской Грузии: Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Галактион Табидзе — читаем в комментарии к изданию 1955 года под редакцией К. Зелинского. Последний «умолчал», что выдающимися они стали посмертно. Паоло Яшвили застрелился в 1937 г. (по др. источникам расстрелян). Тициан Табидзе репрессирован, погиб в 1937 г. Галактион Табидзе покончил жизнь самоубийством в 1959 г.

Теперь эти поэты — гордость грузинской литературы.

Между тем «А. Дункан оповестила французскую и немецкую желтую прессу о новом этапе в карьере поэта: «Сергей, — сообщает она, — теперь на Кавказе, занимается бандитизмом. Он пишет поэму о бандитах и, для лучшего изучения вопроса, стал во главе шайки разбойников. Он пишет, что пока все идет очень хорошо». (И. Аксенов. Автобиографические опыты А. Дункан.)

Есенин в письме Г. Бениславской 11 декабря 1925 года: *«Читали ли Вы, что пишет обо мне Дункан за границей?»*

Несомненно, эта информация имела прямое отношение к сфабрикованному заговору и, должно быть, подлила масла в огонь.

Откуда, из каких источников пошла версия об участии Есенина в заговоре? Придумано это для вящей убедительности виновности Есенина перед советской властью или действительно существовал заговор?

Протоколы допросов Ганина, Орешина, Приблудного и других, когда осужденные под пытками подписывали все, что от них требовали палачи, не могут восприниматься за достоверные источники. Но вот некоторые факты, совпадающие во времени, наводят на размышление.

При переходе границы 18 августа 1924 года ОГПУ был арестован Борис Савинков. 13 октября 1924 года была опубликована его статья в газете «Правда» «Почему я принял советскую власть», как отказ от ведения дальнейшей борьбы с большевиками. А 7 мая 1925 года Савинков выбросился из окна 4-го этажа. (Существует версия и о том, что выбросили.)

Если все так, как написал Борис Савинков и напечатала

«Правда», то как понять дошедшую до нас из архивов информацию, будто бы перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР Борис Савинков в назидание потомкам сказал: «Не мы, русские, подняли руку на Ленина, а еврейка Каплан; не мы, русские, убили Урицкого, а еврей Канегиссер. Не следует забывать об этом. Вечная слава им!» Последняя строка, естественно, в печати не появлялась.

Канегиссер был другом Есенина, а другой друг Есенина, Алексей Ганин, был арестован в Москве в эти же дни августа, когда арестовали Б. Савинкова. Вместе с Алексеем Ганиным было арестовано двенадцать человек по делу «Ордена русских фашистов», и шестеро из них вскоре будут расстреляны на Лубянке.

Понятие фашизм в те времена было синонимом понятия национализм и патриотизм. Случайно ли это совпадение или была здесь какая-то связь?

Случайно ли совпадение, что в те дни, как арестовали Алексея Ганина, Савинкова, Есенин уехал на Кавказ? Или посоветовали убраться подальше? Есть косвенное свидетельство того, что Сталин дал этот совет Есенину и Пастернаку. Восстание меньшевиков в Грузии датируется 28 августа 1924 года (спустя 10 дней после ареста Савинкова). Было оно или придумано для последующей расправы с Центральным Комитетом компартии Грузии?

Случайно или нет, что Есенин вторично уезжает на Кавказ, когда А. Ганину вынесли приговор, а накануне вызывали его в ЧК ГПУ именно по делу А. Ганина? На эти вопросы пока нет ответов.

Много лет спустя, в 1976 г., художник Мансуров напишет в письме госпоже Синьорелли, что Есенина вызвали в ЧК ОГПУ и спросили: государственный преступник Алексей Ганин называет себя поэтом и другом Есенина, что вы на это скажете? Есенин якобы ответил: как друг он — ничего, как поэт — говенный. А вечером здорово напился. (Об этом пишут Бениславская и Анна Берзинь.) Видно, уже тогда понимал, что потерял еще одного друга.

27 марта 1925 года Есенин уехал в Баку. Алексей Ганин и пятеро его «подельников» 30 марта 1925 года были расстреляны.

Глава 6
Бакинские мотивы

Непонятны и потому, можно сказать, загадочны взаимоотношения Есенина и Чагина, редактора газеты «Бакинский рабочий». В феврале 1924 года где-то познакомились,

быстро сблизились. Знакомство также быстро переросло в сердечную дружбу. Как в родную семью ездил Есенин в Баку, охотно печатался в его газете, посвящал Чагину стихи. И вдруг без видимой причины Есенин срывается с места, возвращается в Москву и снимает посвящения со стихов. Однако на их отношениях, на их дружбе это вроде бы совсем не отразилось. Есенин по-прежнему продолжает встречаться с Чагиным и печататься у него. Сохранилась переписка, но из переписки мало что можно извлечь. А воспоминания Чагина, написанные через сорок лет, состоят в основном из общих фраз, какие звучат в юбилейные дни. с полным основанием можно 1 предполагать, что их сближению мог способствовать Сергей Миронович Киров. Петр Иванович Чагин (Болдовкин) — партийный работник, ближайший помощник С.М. Кирова, секретарь ЦК компартии Азербайджана и редактор газеты «Бакинский рабочий». Он с готовностью принял от Кирова наказ «создать» для Есенина «иллюзию Персии в Баку». А кто, спрашивается, поручил Сергею Мироновичу распоряжаться судьбой Есенина? Вопрос риторический.

«Продолжим шефство над ним в Ленинграде». Но, к величайшему сожалению и горю, не довелось С.М. Кирову продолжить шефство над Сергеем Есениным. По сути дела весь смысл шефства над Есениным заключается в словах: «Продлить животворное влияние партии на поэта и на его творчество».

Со дня возвращения Есенина из-за рубежа его судьбу решали в высших эшелонах власти. Ни на один день его не оставляли без присмотра, без «шефов», без осведомителей. Чагин в данном случае был одним из исполнителей решений партии. И, надо сказать, хотя в житейских вопросах новые друзья симпатизировали друг другу, однако в убеждениях и взглядах согласия быть не могло.

«Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду», — так заявил в первый же день знакомства Есенин коммунисту Александру Воронскому. Так скажет и своим новым опекунам: «Я вам не кенар. Я поэт!»

О Чагине Есенин мог сказать то, что сказал о Вардине: *«Вардин ко мне очень хорош и очень внимателен. Он чудный, простой и сердечный человек. Все, что он делает в литературной политике, он делает как честный коммунист. Одна беда, что коммунизм он любит больше литературы».*

Конфликта нельзя было избежать, он возникнет сам собой, поскольку в литературе, в поэзии Есенин не выносил никакой опеки, был даже груб и несдержан. *«По линии писать абсолютно невозможно, Будет такая тоска, что мухи сдохнут».*

Причиной конфликта, как считают есениноведы и как сказал

позже Чагин, стало стихотворение «Стансы», которое отказался печатать Чагин в своей газете. Почему отказался? Якобы из этических соображений. «Стихотворение посвящается Чагину. Скажут, что Чагин печатает стихи о самом себе. Предлагал еще убрать «Демьяна», но Есенин сказал, что напечатает и так». (Объяснение Чагина записал В. Субботин.)

Нет, не «Стансы» были причиной конфликта. Время показало, что после этого стихотворения между ними было полное единение и согласие: Чагин охотно печатает все, что отовсюду присылает Есенин, а Есенин, в свою очередь, посвящает новый цикл «Персидские мотивы» Петру Ивановичу, да не просто «посвящает», а «с любовью и дружбой».

Ссылка Чагина на «этические соображения» тоже критики не выдерживает. В 1945 году, когда Софья Андреевна Толстая-Есенина готовила сборник Есенина к изданию, Чагин напоминает ей о возвращении посвящения, якобы снятом Воронским. И Софья Андреевна посвящение возвращает. И даже в 1956 году — что особенно возмутило Корнелия Люциановича Зелинского — в сборнике воспоминаний, где были сняты все посвящения, «исключение сделано одному составителю, то есть П.И. Чагину. С его стороны это нескромно. Я бы на месте Петра Ивановича на это не пошел, но Бог ему судья». И в том же письме Николаю Вержбицкому еще более резко напишет: «Я всецело поддерживаю и разделяю Ваше недоумение по поводу вызывающей улыбку претензии П.И. Чагина выдавать себя не только за главного, но едва ли не единственного благодетеля Есенина».

Вот вам и этические соображения! А каково же было Есенину внимать советам своих благодетелей, когда он получал от Чагина, например, такие наставления после очередной партконференции:

> *«Дружище Сергей!.. Что пишешь? Персидские мотивы продолжай, невредно, но работай над ними поаккуратней, тут неряшливость меньше всего уместна. Вспомни уклон в гражданственность, тряхни стариной — очень неплохо было б, чтобы соорудить что-нибудь в честь урожая, не браваду и не державинскую оду, а вещь, понимаешь?»*

Должно быть, после подобных советов Есенин написал «Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве», где каждый рефрен тоже оканчивался наставлением: «Трудно хворостиной управлять скотиной». И предназначалась сказка не только детям, но и дядям. И, как знать, не эту ли сказку так близко к сердцу принял Николай Бухарин, когда обрушился на Есенина с хулиганской статьей? Партийные товарищи никогда не забывали ленинской характеристики в его адрес: «Он никогда

не учился и, думаю, никогда не понимал диалектики».

Конфликт с Чагиным относится по времени к концу мая 1925 года, когда Есенин вернулся в Москву. Видимых причин для разрыва отношений не было, хотя не только личное могло лежать в основе конфликта, а опять же «уклон в гражданственность».

В Персию его не пустили, но надежду на поездку все время поддерживали. Поддерживали весь этот год. А это значит, что Персию надо было заслужить. Других-то выпускали: «Пильняк спокойный уезжает в Париж». И за рубежом уже опубликовал не одно произведение.

От Есенина требовали гражданственности: воспеть созидательный труд рабочих нефтяных промыслов, куда возил его Чагин, и революционный Первомай, где он находился с членами правительства, воспеть героику гражданской войны в Астрахани и полководцев Фрунзе и Кирова. Поэт, конечно, еще в долгу перед вождем революции Лениным. Вот когда Есенин станет по-настоящему своим, советским поэтом, тогда и будет ему и Персия, и Париж. Поэт жалуется на свою бездомность? Будет ему не только квартира, будет ханская дача хоть в тех же Мардакянах. Поэт жалуется, что его мало печатают, что он не может издать подготовленные сборники? Ему предлагал иметь свой журнал Троцкий, почему же он отказался? Его не устраивают условия? А какие условия его устраивают? Быть самим по себе? Нет, этого не будет, советская власть такого допустить не может. Все поэты и писатели уже объединились. «У нас в одной Москве до черта литературных школ, но хороших писателей и поэтов меньше, чем названий» (Пильняк). Вот потому и носятся с Есениным и ублажают его. В декабре 1924 года, опять же не без поддержки Чагина, в Баку вышел сборник «Русь Советская», он же написал и предисловие, в котором подчеркивал, что вошедшие в сборник стихи — «предвестники настоящей революционной весны есенинского творчества», «в гражданских стихах Есенина нашел свое поэтическое выражение перелом, происходящий теперь в настроениях и сознании нашей интеллигенции. Это лишний раз свидетельствует о непочатой силе есенинского таланта и о том, какого большого поэта приобретает в нем революция».

Новый цикл поэзии, созданный Есениным в Баку, Чагин мог поставить и себе в заслугу, ибо такие благоприятные для поэта условия были созданы не без его помощи и участия.

А 17 января 1925 года уже Федор Раскольников, после отстраненного Воронского возглавивший журнал «Красная новь», спел поэту дифирамбы: «Приветствую происходящий в Вас здоровый перелом», — и открыл поэту зеленую улицу для публикации новых стихотворений. Знаменательный пример того,

как пристально советская идеология следила за каждым шагом поэта.

Хотя Воронский, очевидно, лучше других знавший Есенина, осторожен в оценке и предупреждает от скоропалительных выводов, но все же многие уже видели благотворное влияние на Есенина «кавказского климата» и приписывали заслуги в «перевоспитании» поэта Петру Ивановичу Чагину. Козловский отмечает: «Есенин с вниманием прислушивался к его литературным советам». Так ли это? Шефам-благодетелям и впрямь уже показалось, что «великий перелом» в сознании поэта и в его творчестве уже начался. Они не замечали — или не хотели замечать? — двойной смысл всей его новой поэзии.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде.
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Или такое:

Отдам всю душу октябрю и маю.
Но только лиры милой не отдам.

Вот так ясно и категорично — свое перо и талант на службу большевикам не отдам. И чтобы понять позицию поэта, надо вновь обратиться к событиям, фактам и документам. В эти два месяца (апрель и май), что поэт находился в Баку, он много болел, периодически лежал в больнице. Такое же состояние вновь повторилось в Баку во время последнего приезда с Толстой. Софья Андреевна вспоминала:

«В то время Есенин очень плохо себя чувствовал. Опять появилось предположение, что у него туберкулез. Он кашлял, худел, был грустен и задумчив», — так прокомментированы ею последние стихотворения, написанные в Баку: «Жизнь — обман с чарующей тоскою», «Гори, звезда моя, не падай». «Настроениями и разговорами этих дней навеяны оба эти стихотворения», — так заключает она.

Там, в больнице водников прочитал Есенин в газете «Правда» «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», самое пошлое и кощунственное произведение, какое только можно было состряпать. В советской печати это называлось: вести борьбу с религией.

Светлый день любимого в народе праздника Пасхи выпадал в

тот год на 19 апреля. За неделю до праздника, начиная новый виток борьбы с религией, правительственная газета стала активно печатать «шедевр» Демьяна. 30 глав его поэмы пришлись на апрель. Оставшиеся главы опубликованы были в трех майских номерах.

11–12 мая Есенин пишет Галине Бениславской: «Лежу в больнице. Верней, отдыхаю… Почему не пишу? Потому что некогда. Пишу большую вещь». Надо думать, это и было «Послание евангелисту Демьяну».

Обычно в письмах Есенин указывал, над чем сейчас работает. Здесь вещь не названа, нигде о ней не упоминал. Но с полной уверенностью можно сказать, что черновой вариант «Послания…» он не мог не показать, выйдя из больницы, Петру Ивановичу. И было это между 20–25 мая. Какой резонанс произвело «Послание…», показали дальнейшие события.

Петр Иванович Чагин мог принять выпад, содержащийся в «Послании…», не только на счет Демьяна, но и на свой счет. Почему? Потому что ленинское завещание — «отделить религию от народа» — было обязательной политической задачей для каждого члена партии. Есенинское «Послание…» перечеркивало все «хорошее», что уже намечалось в есенинской поэзии и что поторопился в хвалебной статье отметить Чагин. Как ни болен был Есенин, кощунственное произведение Д. Бедного не могло оставить его равнодушным.

Ни одного есенинского стихотворения не напечатал главный редактор «Правды» Николай Бухарин на страницах центральной большевистской газеты, а бездарными, пошлейшими опусами не постыдился начинять газету в течение двух месяцев. Есенин воспринял «Новый завет Демьяна» как позор молодой советской литературы:

Ведь там, за рубежом, прочтя твои «стихи». Небось, злорадствуют российские кликуши: — Еще тарелочку Демьяновой ухи. Соседушка, мой свет, пожалуйста, покушай!

Мог ли Есенин оставаться бесстрастным и равнодушным, когда новые фарисеи начали глумиться над Христом и вновь распинать его? Понимал ли Есенин, чем для него обернется это «Послание…»? Понимал ли, под какой удар ставит себя? Да и Чагина тоже? По долгу службы Чагин обязан был доносить — докладывать обо всем. Этого требовал Устав. Этого требовал Ленин: «Мы страдаем от недоносительства». Недоносительство строго каралось. Я не берусь рассматривать кодекс чести большевистской морали, вся страна была повязана слежкой и доносами.

Есенин не мог не знать о доносителях, думаю, что его об этом

информировали не только друзья и подруги. Ивана Приблудного он разоблачил прежде полученной информации от Галины Бениславской (см. ее последнее письмо к Есенину).

Из жизненной крестьянской морали Есенин вынес свой кодекс чести. Друзьям он прощал многие пороки: и попойки на дармовщину, и желание поживиться за чужой счет, и вранье, и сплетни, даже зависть и мордобой. Но доносы не прощал никому. В Москве ему негде было жить, но уходил он сразу, безоглядно под каким-нибудь нелепым предлогом — предпочитал скитаться, как неприкаянный. Якобы обиделся на Мариенгофа, что не его первым напечатал в журнале. У Бениславской стал «делить столы и стулья — это мол мои, но пускай постоят», чем особенно оскорбил ее. Ничего лучше не нашел, как приревновать Чагина к Толстой.

Понимал ли Есенин, насколько все было серьезно? Думаю, понимал. Отсюда и строки «Прощай, Баку, тебя я не увижу». Это стихотворение посвящено Василию Болдовкину, но писалось оно для Петра Чагина — это «голова его, как роза золотая, кивала нежно» «в сиреневом дыму» паровозной дымки, хотя на самом деле Петр не поехал провожать поэта: накануне они, должно быть, крепко «поговорили». Поссорились. Провожал Есенина Василий, жгучий брюнет, типичный персиянин. Есть версия, что Чагин перед смертью сообпдил, что Есенин тогда принес ему не только «Стансы», но и «Послание евангелисту…», из-за которого друзья и повздорили.

А вот понимал ли Демьян Бедный, чем обернется для него его кликушество? Он добросовестно, как умел, выполнял задание партии и крепко верил, что ленинское «благословение» навеки обеспечивает ему авторитет первого поэта-большевика.

Незаслуженная популярность Демьяна Бедного поддерживалась, конечно, правительством и тиражами его книг. Но «он настроил всех против себя» (Троцкий), а вскоре лишился и партийно-правительственной поддержки. А затем и Сталин его басни, опубликованные в «Правде», назвал «литературным хламом».

В 1938 году Демьяна Бедного исключают из партии (восстановлен он был только посмертно в 1956 году), и в течение четырех лет ему, как это было принято в то время, запрепдают печататься. Разрешили заниматься литературной работой лишь во время Великой Отечественной войны. Нигде не работаюпдий писатель жил исключительно за счет продажи мебели и книг из личной библиотеки и, каждый день ожидая ареста, сжег весь свой архив.

Часть IV
В КРУГУ СОБРАТЬЕВ ПО ПЕРУ

Глава 1
Нерасшифрованные письма

Звенел загадочным туманом…

Сергей Есенин

В есенинском наследии есть несколько нерасшифрованных писем, которые просто ставят в тупик не только читателя, но и исследователей. О них стараются вообще не говорить. Их не понимают. Это строки из письма Жене Лившиц 1920 года, строки Мариенгофу из Саратова по дороге в Туркестан, последнее письмо-шарада Чагину из психиатрической больницы, дурашливые письма Повицкому.

Ну как можно юной девушке Жене, которой едва исполнилось 19 лет, писать об истории, «которая переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого» у о «нарочитом социализме без славы и без мечтаний» в котором «тесно строящему мост в мир неведомый». Что приходит на ум после прочтения такого послания? Только то, что автор очень хотел порисоваться своей образованностью, начитанностью и пленить сердце провинциалки. Вот и «звенел загадочным туманом». Такое мнение подтверждается мемуарами Льва Повицкого:

«Я приехал в Харьков и поселился в семье моих друзей. Конечно, в первые же дни я прочел все, что знал наизусть из Есенина. Девушки, а их было пятеро, были крайне заинтересованы как стихами, так и моими рассказами о молодом крестьянском поэте. Можно себе представить их восторг и волнение, когда я, спустя немного времени, неожиданно ввел в дом Есенина.

(…) Пребывание Есенина в нашем доме превратилось в сплошное празднество. Есенин был тогда в расцвете своих творческих сил и душевного здоровья. Помину не было у нас о вине, кутежах и всяких излишествах».

Впрочем, это не помешает Чапыгину, жившему на соседней улице, написать нечто другое: «Часто заставал их хмельными и веселыми»:

«Есенин целые вечера проводил в беседах, спорах, читал свои стихи, шутил и забавлялся от всей души. Девушки ему

поклонялись открыто, счастливые и гордые тем, что под их кровлей живет этот волшебник и маг художественного слова.

Есенин из этой группы девушек пленился одной и завязал с ней долгую и нежную дружбу. Целомудренные черты ее библейски строгого лица, по-видимому, успокаивающее действовали на «чувственную вьюгу», к которой он прислушивался слишком часто, и он держался с ней рыцарски благородно».

Добавьте к этой идиллической картине вешние солнечные дни, зеленые скверы и хлебосольный город. И картина готова. Так обычно описывают этот безмятежный месяц жизни Есенина. Позади зимняя стужа, стылые московские квартиры и голодная Москва. Друзья отъедались, гуляли, развлекались. Мирное, ничем не омраченное существование. Живи да радуйся!

Почему же именно в этот период, в Харькове, написал Есенин одну из самых мрачных и трагических поэм «Кобыльи корабли»? (Это именно поэма, а не стихотворение, как считают исследователи его творчества.) Почему стихи этого периода самые мрачные и пессимистические?

Харьковский период, надо полагать, имел для Есенина важное значение, можно сказать, он перевернул его душу, мировоззрение, его жизнь, и потому следует более подробно остановиться на этом отрезке жизни поэта.

Есенин, Мариенгоф и Сахаров выехали в Харьков 23 марта. Город несколько раз переходил из рук в руки и только недавно окончательно освобожден был от белых. На улицах еще не утихли разговоры об убийствах, грабежах, арестах, голоде, белом и красном терроре, гибели беззащитных людей. Пришли красные — их газеты стали много писать о белом терроре. Припхел Деникин, тотчас велел учредить Особую комиссию по расследованию преступлений ЧК с последующим опубликованием списков казненных чекистами. Результаты этого и подобных расследований отозвались потом в лозаннских событиях. Напомню, что в Лозанне 10 мая 1923 года белогвардейцами М. Конради и А. Полуниным был убит советский дипломат Вацлав Боровский. Суд над ними превратился в процесс обличения большевистских зверств. В защиту Конради и Полунина выступило много свидетелей. Они были оправданы. Красный террор описан многими, в том числе и С.П. Мельгуновым: «Моря крови затопили человеческое сознание».

Большевики тоже не оставались в долгу. Приведу только один пример, рассказанный в книге С.П. Мельгунова, поскольку он нашел отражение в есенинской поэме.

«В Москве на выставке, устроенной большевиками в 1920–1921 гг., демонстрировались «перчатки», снятые с человеческой руки. Большевики демонстрировали этот образец зверств белых. Но об этих «перчатках», снимаемых чекистом Саенко, доходили давно в Москву слухи. Харьковские анархисты, привезенные в Бутырскую тюрьму, единогласно свидетельствовали об этих «перчатках», содранных с рук пытаемых».

О зверствах Чрезвычайной комиссии и чекисте-садисте товарище Саенко ходили в городе самые невероятные слухи. В частности, о Чайковской улице, где чекисты организовали концлагерь и кладбище.

В Харькове друзья навестили больного и голодного Белимира Хлебникова, который не только оказался свидетелем этих кровавых событий, но и сам подвергался аресту, несколько месяцев скрывался от мобилизации в белую армию в психиатрической больнице, где болел тифом и голодал. Удручающее впечатление оставила эта встреча: ничего не было в комнате Велимира, лишь куча тряпья, на которой лежал больной поэт, да хромой стул. Харьковские события 1919 г. нашли отражение в его поэме «Председатель чеки». Читатели знали Хлебникова как «заумного» поэта, теперь, же Председатель Земного Шара, предстал автором современного эпического полотна:

Дом чеки стоял на высоком утесе из глины.
На берегу глубокого оврага,
И задними окнами повернут к обрыву.
Оттуда не доносилось стонов.
Мертвых выбрасывали из окон в обрыв…
Ямы с нечистотами были нередко гробом.
Гвоздь под ногтем — украшением мужчин…
И мрачная слава окружала его, замок смерти.
И еще несколько строк о «председателе чеки»:
Тот город славился именем Саенки.
Про него рассказывали, что он говорил.
Что из всех яблок он любит только глазные.

Портрет палача-чекиста долго висел в харьковском музее. Мне неизвестна дальнейшая судьба Саенко, должно быть, большевики его расстреляли как скомпрометировавшего себя. Но его помощник, не меньший палач и садист Ногтев объявился в качестве первого начальника Соловецкой каторги в 1922 году.

Сосланный на каторгу писатель Борис Ширяев в произведении «Неугасимая лампада» пишет: «На Соловки стекали последние капли крови из рассеченных революцией жил России, Здесь оказались мученики и мучители». Каждую партию заключенных Ногтев встречал словами, которые вскоре стали крылатыми: «У нас власть не советская, У нас власть соловецкая». И в подтверждение своей безнаказанности и вседозволенности выбирал человека с военной выправкой и расстреливал на виду прибывшей партии заключенных. Ногтев тоже вскоре был расстрелян большевиками.

На самом деле, как написал в письме Эд. Хлыстаков (2002 г.), ни Саенко, ни Ногтев не были расстреляны, умерли своей смертью в почете, заботе семьи. А слухи о расстрелах палачей распространяли сами чекисты.

А «перчатки», содранные с руки, трансформируясь, нашли отражение в творчестве имажинистов: Вадим Шершеневич пишет пьесу «Дама в черной перчатке». Есенин поначалу тоже назвал свою поэму «Черный человек в черной перчатке». Харьковские события отражены и в есенинской фразе:

Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Эти строки из поэмы «Кобыльи корабли» вскоре «украсили» «Стойло Пегаса», большими буквами были начертаны на стене под красной ладьей.

Мариенгоф свидетельствует, что в есенинской поэме нашел отражение голод 1919 года. Ходасевич определил «Кобыльи корабли» как «горький и ядовитый упрек большевикам». Кто из них прав? Свидетельствуют даты: под поэмой стоит год 1919. Это значит, что прав Мариенгоф. Современники знали, что поэма написана в Харькове в 1920 году и опубликована там же в сборнике «Харчевня зорь» маленьким тиражом на очень плохой бумаге. «Селедки бы обиделись, если бы вздумали завертывать их в такую бумагу». (Новицкий). А это значит, что «Кобыльи корабли» не только о московском голоде («Бог ребенка волчице дал, человек съел дитя волчицы»), о павших лошадях на Тверской («число лошадиных трупов раза в три превышало число кварталов от нашего Богословского до Красных ворот. Мариенгоф), о «воронах, выклевывающих глазной студень», это и харьковские «ужасы чрезвычайки», и приговор красному террору: не на Корабле Современности плывут они в Светлое Будущее, а на кобыльих кораблях с парусами вороньими.

Поэма «Кобыльи корабли» сродни искусству Иеронима Босха

и Питера Брейгеля. «Корабль дураков»! Была же эта картина иконостасом в храме — христианским предупреждением человечеству.

С такими строителями новой жизни Есенину было не по пути, он отмежевался сразу и категорично: «Не нужны мне кобыл корабли и паруса вороньи». Харьковские события были потрясением для Есенина, для него окончательно рухнул мир, выстроенный революцией, рухнули все надежды, мечты, планы.

Только недавно в Москве он в «Небесном барабанщике» провозглашал большевистские лозунги:

Да здравствует революция
На земле и на небесах!

А в Харькове будто подменили человека:

Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

В Москве звал к свержению старого мира, а в Харькове написал:

Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

В голодной Москве видел «злачные нивы с стадом буланых коней» воодушевлял:

Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

а в Харькове написал: *«Злой октябрь осыпает перстни с коричневых рук берез».*

Еще недавно призывал: *«Кто хочет свободы и братства, Тому умирать нипочем»,* — и сам был готов на жертву:

С земли на незримую сушу
Отчалить и мне суждено.
Я сам положу свою душу
На это горящее дно.

А теперь категорично заявил:

Звери, звери, приидите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать!
…Никуда не пойду с людьми.
Лучше вместе издохнуть с вами.

Харьковские события изменили поэта. Наступило отрезвление во всех смыслах: «Больше я так пить не буду», — писал он друзьям. И те понимали, о чем идет речь.

Харьковские события были потрясением для всех, но каждый пережил их по-своему. Уезжавшему на родину Есенину Мариенгоф скажет вдогонку: «Ну, теперь Есенин ничего не напишет». А Есенин вдруг ответил: «Буду петь, буду петь, буду петь! Не обижу ни козы, ни зайца». И ответил знаменитым стихотворением «Сорокоуст», которое высоко оценили Валерий Брюсов и Иван Розанов.

«Сорокоуст» — поминальная служба по умершему, совершаемая на сороковой день. По словам И. Розанова, *«в «Сорокоусте» Есенину удалось дать образ необычайный и никому другому не удававшийся в такой степени по силе и широте обобщения: образ старой, уходящей деревянной Руси — красногривого жеребенка, бегущего за поездом».*

Сам же Есенин так сказал об этом: *«Маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни и ликом Махно. Она и он в революции страшно походят на этого жеребенка тягательством живой силы с железной».*

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?
Черт бы взял тебя, скверный гость!
Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не пришлось
Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть.
Красить рты в жестяных поцелуях, —
Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной «аллилуйя».

«Сорокоуст» — панихида по погребенному. Погребены надежды, чаяния, рухнула мечта, названная «Инонией», погребена вера. Об этом пишет и исследователь Валентин Сорокин: «*Поэзия этого периода — это пророчества поэта — угадывающий взгляд на свою судьбу, на судьбу своего поколения, на судьбу своего народа».*

Никуда вам не скрыться от гибели,
Никуда не уйти от врага.
…Вот он, вот он с железным брюхом
Тянет к глоткам равнин пятерню…

«Ни одно из произведений Есенина не вызывало такого шума», — *скажет потом И. Розанов.*

Есенин пишет цикл стихотворений, которые по смыслу и настроению созвучны с произведениями «Кобыльи корабли» и «Сорокоуст»: «Я покинул родимый дом», «Хорошо под осеннюю свежесть», «Русь моя, деревянная Русь! Я один твой певец и глашатай…» Но они помечены 1918–1919 гг., а это значит, что к харьковским событиям они не имеют никакого отношения. Даты эти вызывают полное недоумение: что, ученые не разобрались? Или не захотели разобраться? Зато чекисты сразу разобрались и поняли, и потому 19 октября Есенин оказался на Лубянке. Исходя из вышеизложенного, есенинской комиссии следовало бы внести соответствующие поправки в последний том «хронологии жизни и творчества Есенина».

Евдокимов, издававший первое собрание сочинений Есенина, пишет, что пьяный Есенин часто путал год создания своих произведений. Не исключено, что делалось это умышленно, из цензурных соображений: стоит под поэмой «Кобыльи корабли» 1919 год, значит, харьковские события никакого отношения к поэме не имеют, тем более, что поэму много раз к печати не допускали.

Стихотворение «Теперь любовь моя не та» с посвящением Клюеву тоже отнесено к 1918 году. Благодаря внимательному изучению Сергей Иванович Субботин убедительно доказал ошибочность даты. Стихотворение написано в 1920 году. А это значит, что не на поэтическом поприще разошлись их с Клюевым пути и не «Избяные песни» собрата по перу были тому причиной, как до сих пор утверждают исследователи. Есенин осудил друга за то, что тот вступил в партию большевиков:

Грустя и радуясь звезде.
Спадающей тебе на брови.
Ты сердце выпеснил избе.

Но в сердце дома не построил.

Поэма «Кобыльи корабли» не удостоилась внимания исследователей, гротескные образы и абсурдность смысла остались за гранью понимания. Даже в Литературной энциклопедии поэме отведено только одно предложение («победа образа над смыслом», «освобождение слова от содержания»), а ведь эта поэма стала программным произведением поэта.

И в нерасшифрованных письмах наблюдается своя особенность, можно сказать, закономерность: эзоповым языком пишет тогда, когда катастрофически все плохо, беспросветный мрак на душе и ни о чем нельзя сказать ни в письме, ни лично.

Вот она, суровая жестокость.
Где весь смысл — страдания людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под сердце режут лебедей.
И свистят по всей стране, как осень.
Шарлатан, убийца и злодей…
Оттого, что режет серп колосья.
Как под горло режут лебедей.

Повицкий, большевик с революционным стажем, в воспоминаниях 1954 года «харьковский эпизод» перевел в другую плоскость, заретушировал трагическое и проявил лирическое: художественно, а потому весьма убедительно описал, как беспечно жилось поэту в культурном обществе милых, обаятельных девушек, как весело он проводил свое время.

В письме Софье Андреевне в 1928 году Повицкий напишет другое:

> «Душевное спокойствие уже тогда было нарушено, и отсюда под прикрытием шутки — такие фразы, как «я живу ничаво больно мижду прочим тижало думаю кончать.
>
> (…) Это одна из тех масок («хулиган», «вор», «конокрад»), без которых Есенин — этот целомудреннейший и чистейший сердцем поэт и человек наших дней — не позволял себе показываться на людях».

Характеристика, данная Есенину, показывает, насколько хорошо и глубоко знал его Лев Иосифович. Но и он, Повицкий, не скажет в письме правды, а «переструение» Есенина объяснит так:

«Он и тогда бродил по московской земле гостем нечаянным и чужеземцем. Наивный политический максимализм и сельский лиризм народнического толка уже сталкивались в нем с наступающими мотивами политического пессимизма и социально-утопической героики».

Типичная для писателя социалистического реализма фраза!

В родной деревне тоже произошли перемены не в лучшую сторону.

Из письма Жене: *«Дома мне, несмотря на то, что я не был там три года, очень не понравилось, причин очень много, но о них в письмах теперь говорить неудобно».*

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же мог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Есенин действительно в этот период много путешествует. Побывал в Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге, Кисловодске, Пятигорске, Баку и Тифлисе. Но в том же письме Жене Лившиц скажет о вредности путешествий для него. Почему? Да потому, что во время путешествия в Туркестан Есенин стал свидетелем другой величайшей трагедии нашего народа.

В хронологии жизни и творчества Есенина за 1921 год есть такие пометки:

«16 апреля. Выехал в Туркестан. Первая неделя мая. Вынужденная остановка в Самаре.

12 и 13 мая. Приезд в Ташкент.

30 мая — 2 июня. Выезжал из Ташкента в Самарканд.

До 10 июня. Вернулся в Москву».

Выходит, целый месяц добирался в Ташкент. Поезда плохо ходили? Конечно. Всякие непредвиденные остановки? Безусловно. Но назад-то ехал только неделю. В чем же дело? Вынужденная остановка в Самаре вызвана жестокой необходимостью. Именно в это время по приказу Ленина и ЦК Красная армия под командованием М. Тухачевского подавляла кулацкие восстания на родине Ильича и в близлежащих губерниях Поволжья.

«В банде Антонова к 16 июля осталось всего около 1200 человек, в то время как в начале мая их было около 21 тысячи» *(Из докладной М. Тухачевского Ленину — Авт.)*. Число восставших

по всей России доходило до 150 тысяч. Восстание было вызвано грабительской продразверсткой, что обрекало крестьянский люд на голодное вымирание. Расправа с восставшими была жестокой. Ныне «Российская газета» от 22 августа 1997 года опубликовала этот документ под заголовком: «Жалея патроны, топили в реке». А рубрика названа «Забытая история». Не забытая история — опять же — сокрытая в секретных архивах. Ленин был убежден в том, что большевики не удержат власть. Он считал ситуацию в стране «абсолютно провальной» и потому дал поручение Вячеславу Молотову «подготовить переход партии к работе в подполье».

В письме из Самары Есенин пишет Мариенгофу: «Был Балухатый, рассказал много интересного». О чем мог рассказать профессор Самарского университета Сергей Дмитриевич Балухатый? Должно быть, о том, о чем спустя 78 лет поведала «Российская газета», а в 2002 году опубликовала липецкая газета:

«Под пензенским селом Наровчат, где в 20-х годах базировалась часть войск Тухачевского, были обнаружены баллоны с боевыми отравляющими веществами. Есть свидетельства о двух тысячах жертв артхимического обстрела повстанцев около села Черныхова. Еще живо слово «тухачевки» — так называли в тамбовских и пензенских селах газогенераторные автомобильные душегубки, на 20 лет опередившие технологию фашистских газовых камер на колесах.

Десятилетия методы расправы с бунтовщиками держались в секрете. Ныне известный пензенский исследователь Юрий Вобликов обнародовал карту мест применения отравляющих веществ войсками красного полководца Михаила Тухачевского при подавлении антоновского восстания в 1921–1923 гг.». *в тех боях с бунтовщиками отличился будущий писатель Аркадий Гайдар, с военными «заслугами» которого мы познакомимся чуть позже.*

В Самаре в сознании Есенина окончательно оформился мотив «Пугачева». Он переделал окончание, вставил слова: «Дорогие мои… хорошие!..» — слова Антонова-Тамбовского, произнесенные им при прощании со своими соратниками.

Вариант шестой главы «Пугачева» при жизни поэта опубликован не был. После смерти Бениславской текст хранился у Назаровой. В настоящее время машинопись находится в РГАЛИ, ее текст поврежден купюрами — ножницами вырезано около ста строк. Вот откуда в письме слова:

«Сейчас у меня зародилась мысль о вредности путешествий для меня. Я не знаю, что было бы со мной, если б случайно мне пришлось объездить весь земной шар? Конечно, если не пистолет юнкера Шмидта, то, во всяком случае, что-нибудь разрушающее

чувство земного диапазона».

Пушкин тоже в период южной ссылки сказал: «Но вреден север для меня». В письме из Саратова Сергей Есенин писал Мариенгофу: «Я сейчас собираю себя и гляжу внутрь. Последнее происшествие меня-таки сильно ошеломило».

Иванову-Разумнику: «Конечно, перестроение внутреннее было велико. Я благодарен всему, что вытянуло мое нутро, положило в формы и дало ему язык. Но я потерял зато все то, что радовало меня раньше от моего здоровья. Я стал гнилее. Вероятно, кой-что по этому поводу Вы уже слышали».

Так вот в контексте каких переживаний было написано письмо 19-летней Жене Лифшиц!

«Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений. Конечно, кому откроется, тот увидит тогда эти покрытые уже плесенью мосты, но всегда ведь бывает жаль, что если выстроен дом, а в нем не живут, челнок выдолблен, а в нем не плавают».

Недаром Надежде Вольпин Есенин показался не таким, как всегда, *«даже мелькнула мысль, что в Есенине притаилась душевная болезнь. В сознании Есенина окружающие резко делятся на друзей и врагов».*

Ну да что же? Ведь много прочих.
Не один я в миру живой!
И стою я, кривясь от корчи.
Черных сил заглушая вой.

Есенин сказал, что эту душевную болезнь лечат не в больнице, тут нужен пистолет юнкера Шмидта. Но у него было еще оружие — его поэзия. Он выработал свою программу борьбы:

Я пришел как суровый мастер
Воспеть и прославить крыс.

Требовалось немалое мужество объявить такое, тем более написать. Но выполнить задуманное можно только под маской хулигана, пьяницы, скандалиста — словом, под маской шута — только королевскому шуту позволено «истину царям с улыбкой говорить» или сболтнуть под пьяную руку. Разве трезвому придет

на ум объявлять войну железному гостю? Потому и нет ничего удивительного, что в его поэзии появится стихотворение «Волчья гибель», которым по существу завершится цикл «Стихов скандалиста».

О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты, — я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.
Как и ты — я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но отведает вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.
И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу…
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Нельзя сказать с полной уверенностью, какой берег имел в виду поэт, но не исключено — и тот, куда уезжал Илья Эренбург с дарственной книгой Есенина. То, что выбор тогда пал на Илью Эренбурга, думается, совсем не случайно. Отношения Есенина и Эренбурга не описаны в литературе, и слишком коротка их связь. Чтобы понять эти взаимоотношения, попробуем рассмотреть их на фоне революционных событий.

Известно, что Илья Эренбург долго жил за границей, явно к рапповцам не принадлежал. К советской власти тоже относился прохладно и, хотя некогда вместе с Николаем Бухариным участвовал в революционных выступлениях, революцию 1917 года принять не торопился. Путь его, как и многих, был тернист и извилист. В 1918 г. приветствовал взятие Киева деникинцами, потом почти год прожил в Крыму у Волошина, а весной 1921 г. с разрешения советской власти и благословения опять же Бухарина выезжает в командировку за границу. Но и тогда еще Эренбург будет аттестован в «Правде» как «эстет, ненавидевший советскую республику за то, что она разбила его прекрасные игрушки», а ныне «сменовеховец».

Чем ближе подходила к завершению гражданская война, тем ожесточеннее и кровавее было сопротивление и наступление. 14 ноября 1920 г. последний караван судов увозил из Севастополя в неведомое русских беженцев, но многие добровольно остались, сложив оружие. Им было обещано помилование.

«Судьба большинства оказалась ужасной. Великодушный М.В. Фрунзе покинул Крым, судьбой оставшихся занялись бывший

военнопленный австро-венгерской армии Вела Кун и суровая комиссарша Розалия Землячка (Залкинд). На роскошных крымских берегах начались бесконечные казни. По подсчетам ученого С.С. Маслова, в Крыму было тогда уничтожено 65–85 тысяч человек, в том числе до 15 тысяч офицеров. Даже могил не сохранилось». Такие данные приводит С. Семанов.

Братской могилой стало им Черное море.

Р. Землячка за свои подвиги удостоилась в 1921 году ордена Красного Знамени и благополучно дожила до своей кончины в 1947 году. А Бела Кун в 1939 году будет расстрелян.

Интересно отметить, что сведения о крымской казни в Париж повезет Илья Эренбург, который, как пишет Ю. Анненков, 10 мая 1921 года рассказывал Буниным: *«Офицеры остались после Врангеля в Крыму главным образом потому, что сочувствовали большевикам, и Вела Кун расстрелял их только по недоразумению». Анненков добавляет: «Вряд ли это было недоразумение, а не установка. Б. Кун в свое оправдание опубликовал такое заявление: «Троцкий сказал, что не приедет в Крым, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму».*

Эренбург просил Буниных приютить и обласкать Ивана Сергеевича Шмелева, который оказался невольным свидетелем тех страшных событий, был убит свалившимся на него горем и деморализован увиденным. Он чрезвычайно тяжело пережил крымскую трагедию: потерю сына, голод, мародерство, террор. Сын Шмелева лежал тогда в госпитале и был расстрелян вместе с другими.

Там, во Франции, в 1923 году напишет Шмелев свое выдающееся произведение «Солнце мертвых» о том, как на фоне прекрасной крымской природы по вине человека гибнет все живое: птицы, животные, люди. Это объясняет позицию Есенина по отношению к «милому недругу» Оренбургу.

Ни Матвей Ройзман, ни Юрий Либединский, ни Всеволод Рождественский в есенинских друзьях не числились и потому не могут похвастать ни одним дарственным стихотворением Есенина. Тем более, нечего говорить о зарубежных друзьях. Илья Эренбург, напротив, имел (и не одну) книгу с дарственной подписью и душевными словами Есенина. Награда немалая! Почему же в скромных и сдержанных воспоминаниях Ильи Эренбурга не нашлось для Есенина достойных слов? Нашел же он такие слова для есенинской поэзии! Поэзию поставил высоко, а ее автора, можно сказать, совсем обошел словом.

Может сидела в нем личная обида? До отъезда за границу Есенин как будто выделял Эренбурга из общей массы, а после возвращения скажет о его романе: «Пустой. Нулевой. Лучше не

читать». Конечно, такая оценка не могла не задеть писательского самолюбия: Бухарин одобрил и благосклонно отнесся к первым литературным опытам, а Есенин, видите ли, ничего положительного не нашел. Кроме того, интернационалистов по духу не могло не раздражать есенинское «ищи родину». «Мои друзья без чувства родины». Примечательны в этом плане слова Эренбурга о Есенине: «Часто я слышал, как, поглядывая своими небесными глазами, он с легкой издевкой отвечал собеседнику: «Я уж не знаю, как у вас, а у нас в Рязанской…» И наконец, поистине прав поэт, сказав однажды:

> Остаться можно в памяти людской
> Не циклами стихов и не томами прозы,
> А лишь одной-единственной строкой:
> «Как хороши, как свежи были розы!»

в памяти людской можно остаться «чистюлей» и «деревенским аристократом», а можно «человеком, которым вымыли пол». Нет, это не насмешка, не издевка и не карикатура на ведущего советского писателя. Такой портрет оставил близкий друг Эренбурга Максимилиан Волошин:

«С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитическими губами, с очень длинными и прямыми волосами, свисающими несуразными космами (…) сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке, посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом, имеющий вид человека, которым только что вымыли пол».

Это потом Илья Григорьевич приобретет гордую осанку, импозантный вид и красивую шевелюру, а современники 20-х годов знали его иным.

«До чего же он мне не понравился! — пишет Белозерская-Булгакова, встречавшая Эренбурга в Берлине в 1921–1922 гг. — *Во-первых, почему писатель должен ходить всклокоченным? Можно ведь и причесаться! А потом, разговаривал он «через губу», недружелюбно. Я наблюдала его несколько раз. Ох, не хотела бы я зависеть от этого человека!»*

Читаем у Ирины Одоевцевой:

> «Симонов очарователен. Мне он очень понравился. Но Эренбурга как будто подменили. Другой человек и только… Тот, прежний Эренбург, просто карикатура на теперешнего. Этот — сенатор, вельможа. Сам себе памятник».

Вот и судите, что могло остаться от человека и писателя Ильи Эренбурга, проживи он, как Есенин, только 30 лет.

В 1921 году наметилось их расхождение и в жизни, и в литературе. Есенин не принял большевистской идеологии и оставался «сам по себе». «По линии писать абсолютно невозможно. Будет такая тоска, что «мухи сдохнут». «По линии», т. е. по указке партии. Есенин выбрал свою дорогу: «Я понял свое предназначение». «Есенин пошел по другой дороге, не по той, которую ему указывали» (Екатерина Есенина).

Эренбург официально представлял на Западе советскую державу и советскую идеологию. Не всем современникам нравилась такая метаморфоза: Горький назовет его «пенкоснимателем», а Юрий Анненков — «эластичным»:

> *«Задача, возложенная на Эренбурга коммунистической партией, заключалась в том, чтобы создавать впечатление либерализма и свободомыслия советских граждан и советской действительности. Задача далеко не легкая, требующая большой эластичности, и Эренбург является поэтому одним из редчайших представителей советской страны, которым поручается подобная миссия. Он весьма успешно выполняет ее на протяжении целого сорокалетия».*

Анненков приводит конкретные примеры «эластичности» советского писателя: «Он (Пастернак) читал мне стихи… Я ушел полный звуков», — но тут же добавляет: «С головной болью».

Несколько иначе, как противопоставление «лучшему, талантливейшему поэту советской эпохи, Маяковскому написана статья о Есенине, но также «эластично».

«Илья Эренбург вообще очень хорошо знает, о чем, когда и как следует писать, а к 1925 году окончательно оформился как фаворит советской власти» (Ю. Анненков). Вот это и объясняет, почему Илья Эренбург не нашел для Есенина других слов, хотя воспоминания написаны в конце жизни писателя. И почему в 1921 году Есенин написал: «Илье Эренбургу с любовью и расположением» у — а в 1923 г.: «Пустой. Нулевой. Лучше не читать».

С тех пор много станут писать о пьянстве и хулиганстве Есенина и, как правило, Есенин не будет разубеждать, отрицать, будет даже поддерживать это мнение. Далеко ходить за примерами не надо. Вот что пишет Юрий Анненков:

«В 1920 году, сразу после занятия Ростова-на-Дону конницей Буденного, воспетой Исааком Бабелем, я приехал в этот город и в тот же день попал на «вечер поэтов»., в помещении «Интимного театра».

— Есенина! Есенина! — кричали с галерки.

Голос из публики ответил:

— Есенин не дождался своей очереди и ушел ужинать в «Альгамбру».

(…) Проголодавшись, я отправился в названную «Альгамбру», где и встретил Есенина, и мы снова провели пьяную ночь.

— В горы! Хочу в горы! — кричал Есенин. — Вершин! Грузиночек! Курочек! Цыплят!.. Айда, сволочь, в горы?! — «Сволочь» — это обращалось ко мне.

(…) Есенин стучал кулаком по столу:

— Товарищ, лакей! Пробку!!

«Пробкой» называлась бутылка вина, так как в живых оставалась только пробка: вино выпивалось, бутылка билась вдребезги.

Я памятник себе воздвиг из пробок.
Из пробок вылаканных вин!..

— Нет, не памятник — пирамиду! — И, повернувшись ко мне: — Ты уверен, что у твоего Горация говорилось о пирамидах? Ведь при Горации пирамид, по-моему, ещё не было?

Дальше начинался матерный период. Виртуозной скороговоркой Есенин выругивал без запинок «Малый матерный загиб» Петра Великого (37 слов), с его «ежом косматым, против шерсти волосатым», и «Большой загиб», состоящий из двухсот шестидесяти слов».

Ничего этого не было и быть не могло, потому что, во-первых, этот нелепый пьянчужка никаким местом не напоминает того Есенина, которого они все любили и знакомством с которым гордились. А главное, Есенина не было в это время в Ростове. Все это придумано, придумано для того, чтоб подтвердить основную мысль: «Наше знакомство в Пенатах перешло в забулдыжное месиво дружбы». Одну только ночь провел Есенин в родовом куоккалском доме Юрия Анненкова и сразу стал «Сережа, Серега, Сергуня».

То было на рубеже 1915–1916 гг. В Ростове, в 1920 г. он уже отпетый пьяница и хулиган. Ну, а в 1925 г. это будет уже совсем больной человек.

Но не было, повторяю, встречи в Ростове, не было и того знакомства в Пенатах, о котором написал красный художник.

О том, что «гипотеза о поездке Есенина в Пенаты не подтвердилась» у сказал еще Н.Г. Юсов в работе «Сергей Есенин в Куоккале». Не подтверждается и «гипотеза» забулдыжной встречи в ресторане «Альгамбра». Поразительно, на какие ухищрения и

выдумки пускались эти «друзья», чтобы «достоверно» показать поэта, и в какие глубины души надо было прятать при этом свою совесть! Свои забулдыжные воспоминания Анненков опубликовал в Париже в 1924 году, спрятавшись за инициалами Ю.А. Закончил он их так:

> *«Через три дня, протрезвившись, я возвращался в Москву. Есенин дал мне для кого-то «важное» письмо» (Его Анненков в дороге потерял). «Есенин по возвращении в Москву о нем тоже забыл: тогда начинался дункановский загиб. Боюсь, однако, что на том свете вспомнит и, если характер его не изменился, он непременно набьет мне морду».*

Анненков приехал в Ростов по командировке М. Горького сразу после освобождения города. После голодной красной Москвы был поражен изобилием продуктов и деликатесов белого Ростова. Конечно, отъедался, весьма нахально затоваривался бесплатными продуктами на обратную дорогу, пользуясь именем писателя, которому все хотели услужить. Максима Горького только ленивый не обманывал. Имя Горького было мандатом и оберегом от заградительных отрядов, которые, в свою очередь, грабили всех голодных мешочников.

Есенин приехал в Ростов через полгода после освобождения Ростова. Следовательно, пути их ни коим образом не пересекались. О том, как было на самом деле, рассказывает Нина Осиповна Александрова (Грацианская):

> «Вечер с участием *С.* Есенина состоялся в помещении кинотеатра «Колизей». Я сидела рядом с ним и по его сжатым губам и напряженному взгляду видела, как серьезно он готовился к выступлению… Есенин читал ярко, своеобразно. В его исполнении не было плохих стихов: его сильный, гибкий голос отлично передавал и гнев, и радость — все оттенки человеческих чувств. Огромный, переполненный людьми зал словно замер, покоренный обаянием есенинского таланта. Бурей аплодисментов были встречены «Исповедь хулигана», «Кобыльи корабли», космическая концовка «Пантократора».

Лирическим стихам «Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь. / В три звезды березняк над прудом / Теплит матери старой грусть» аплодировали так неуемно, что, казалось, Есенину никогда не уйти с эстрады.

(…) Почти ежедневно в течение двух недель, проведенных в Ростове, Есенин бывал в доме моего отца. Здесь, окруженный поэтической молодежью, Сергей Александрович читал стихи, рассказывал о своей юности, о своих первых встречах с Городецким и Блоком».

Есенин и сфотографировался в Ростове, присев на цоколь решетки городского сада. Это одна из самых поэтичных и вдохновенных фотографий поэта. Накануне отъезда друзья устроили Есенину прощальную встречу:

«Мы сдружились с московским гостем, жаль было, что он покидает Ростов. По нашей просьбе Есенин без устали читал свои стихи. Прочел полюбившееся нам, приветствующее революционную новь стихотворение, где есть строки:

Разбуди меня завтра рано.
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Все были взволнованны, все молчали… И вдруг Есенин по-озорному сказал: «А ведь есть продолжение!» И прочел:

Расступаются в небе тучи.
Петухи льют с крыльев рассвет…
Давно уже знаю, что я самый лучший.
Самый первый в России поэт!

Таким подъемом закончился прощальный вечер».

На этом можно было бы поставить точку. Но и тут есть продолжение: когда Есенин в сопровождении слушателей, пришел к себе «домой», а жили они в вагончике, его в вагон не пустили, проводник объявил, что пьяного Есенина ему пускать не велено. А дальше было то, о чем Есенин сам рассказал в письме из Парижа: «Я бил Европу и Америку, как Гришкин вагон». Конечно, дебош списали на то, что Есенин был пьян, а «друзья» постарались показать картину в самом красочном виде.

Нина Осиповна Александрова права: строки о лучшем поэте нигде напечатаны не были, «очевидно, экспромту-шутке Есенин не придал никакого значения», но друзья этого ему не простили. Другой причины не было.

Глава 2
Гнусный вечер

Гнусный вечер «Чистосердечно о Блоке» устроили имажинисты. Есенин на нем не присутствовал и участия в нем не принимал. Возмущенный до глубины души увиденным и услышанным Владимир Пяст опубликовал осуждающую статью:

> *«Имена участников этого паскудства я не предам печати на сей раз, достаточно знаменит за всех них Герострат, в психологии коего дал себе сладострастный труд копаться один, крепко теперь по счастью, забытый русский стихотворец».*

Трудно что-либо понять из этого страстного монолога. Но такая уж манера была излагать, нападать, обличать… А кого? Пусть, мол, догадаются сами. Кстати, о Есенине до сих пор пишут таким стилем, таким «эзоповым языком».

Скандальный вечер «памяти» Блока состоялся 28 августа 1921 года. Со словом «О дохлом поэте» выступали Шершеневич, Мариенгоф, Бобров и Аксенов.

Есенин сидел один и плакал. Пришла Надежда Вольпин. Поэт встретил ее словами: «Вам уже сказали? Умер Блок. Блок! Лучший поэт наших дней — и дали ему умереть с голоду… Не уберегли… стыд для всех… для всех нас!»

Читателю, которому со школьной скамьи внушили, что Блок первым воспел революцию, покажутся нелепой выдумкой слова Есенина о голодной смерти Александра Блока. Но послушаем С. Алянского:

«Настал день, когда Александр Александрович не мог совсем вставать с постели. Доктор заявил, что больному необходимы санаторные условия, особое питание…

Вечером 3 августа доктор Пекелис вышел из комнаты больного с рецептом в руках. Жена осталась с больным. На мой вопрос, как больной, Пекелис ничего не ответил, только развел руками и, передавал мне рецепт, сказал:

— Постарайтесь раздобыть продукты по этому рецепту. Вот что хорошо бы получить. Сахар, белая мука, рис, лимоны.

4 и 5 августа я бегал в Губздравотдел. На рецепте получил резолюцию зам. зав. Губздравотделом, адресованную в Петрогубкоммуну. В субботу 6 августа заведующего не застал. Пошел на рынок и купил часть того, что записал.

В воскресенье 7 августа утром звонок Любови Дмитриевны:

— Александр Александрович скончался. Приезжайте, пожалуйста».

Как видим, не лекарства требовались больному, в первую очередь — усиленное питание.

Кощунственный вечер был, конечно, санкционирован

большевистским руководством. На публикацию произведений «Двенадцать», «Скифы» и статьи «Интеллигенция и революция» большевики ответили критикой. Их позицию в прессе излагал некто, спрятавшийся за псевдонимом Петроник.

10 марта 1918 года Блок записал в дневнике: *«Марксисты — самые умные критики, и большевики правы, опасаясь «Двенадцати».*

О поэме «Двенадцать» Максим Горький тогда сказал: *«Это самая злая сатира на все, что происходило в те дни».*

Чуковский подтверждал: *«Он разочаровался не в революции, но в людях: их не переделать никакой революцией».*

В конце 1920 года в дневнике Блока появляется такая запись: *«Под игом насилия человеческая совесть умолкает, тогда человек замыкается в старом; чем наглей насилие, тем прочнее замыкается человек в старом. Так случилось с Европой под игом войны, с Россией — ныне».*

18 апреля 1921 года Блок поставил стране окончательный диагноз:

> *«Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая…). Вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и все теперь будет меняться, только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы».*

А к поэме «Возмездие» добавил новые строки, среди них такие:

> Под знаком Равенства и Братства
> Вершились темные дела.

Не все поддерживали большевиков в их нелюбви к Блоку. И.Н. Розанов вспоминает такой инцидент. Во время последнего выступления Александра Блока в Москве 5 мая 1921 года «появился на эстраде Михаил Струве… и стал говорить, что Блок исписался. Блок умер». Тогда выступил Сергей Бобров и резко отчитал Струве: какое право имеет такая бездарность, как Струве, судить о Блоке? Что он понимает в поэзии?

Об этом же случае вспоминают и другие, например С. Алянский и П. Антокольский, причем все отмечают, с какой яростью Сергей Бобров отстаивал «ПО-Э-ТА, потрясая кулачищами». Напомню, это было 5 мая 1921 года, а спустя три месяца Россия провожала своего лучшего поэта в последний путь.

И вот 28 августа 1921 года четверо имажинистов, среди них Бобров, устроили глумление «со словом о дохлом поэте». Чем

можно объяснить подобное преображение? Да все дело, должно быть, в том, что, по убеждению Георгия Иванова, Бобров был «чекист и кокаинист»? А может, не только Бобров?

Официальная версия гласит: Александр Блок умер 7 августа 1921 Ему было сорок лет.

Глава 3
Рапповцев не любил

Практически вся компания свидетелей и понятых, поставивших свои подписи под документами о смерти Есенина, — сексоты ГПУ.

В. Кузнецов

Современному человеку не понять, почему большевистская печать организовала дикую травлю Есенина. По словам Софьи Есениной-Толстой, «они просто взбесились, называя Есенина фашистом». Возглавляли травлю Сосновский и Бухарин. У них хватило цинизма назвать фашистом поэта, который, как никто другой, любил родину и говорил с поразительной искренностью:

Тебе одной плету венок.
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок.
Тебя люблю, тебе и верую.

Всю сознательную жизнь «любовь к родному краю его томила, мучала и жгла» — и после всего попал в фашисты! Особенно пролеткультовцев раздражали строки, являющиеся жемчужиной его патриотической лирики:

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть Земли
С названьем кратким «Русь».

В 1926 году в сборнике «На путях искусства» издательства «Пролеткульт» в одной из статей говорилось: *«Для пролеткультовцев многое неприемлемо в Есенине, но главное и основное — «есенинский патротизм». Тут уж Есенин воистину не имеет себе подобных в современности. Как будто самые понятия*

«большевизм» и «патриотизм» не являются взаимноисключающими». В дальнейшем, конечно, эти строки никогда в печати не появлялись.

Об отношении Есенина к рапповцам пишет в воспоминаниях и Г. Бениславская:

> *«Группу журнала «Октябрь» Сергей Александрович ненавидел, его иногда буквально дрожь охватывала, когда этот журнал попадал ему в руки. Травля «Октябрем» «попутчиков» приводила Сергея Александровича в бешенство, в бессильную ярость. Не раз он начинал писать статьи об этой травле, но так и не кончал, так как трудно было писать в мягких тонах, резкую статью не было надежды опубликовать». А вот комментарий А. Козловского: «Шумно декларируя свою приверженность борьбе за идейность в литературе, некоторые участники группы основную свою задачу увидели в критике «непролетарских» писателей, к которым относили М. Горького, В. Маяковского, Л. Леонова, в том числе и Есенина».*

Летом 1924 года, после фактического отстранения А. Воронского от журнала «Красная новь», отношения Есенина с рапповцами резко обострились. Из письма Есенина сестре: «Мне страшно будет неприятно, если напостовцы его съедят». Напостовцы добились своего — редакцию «укрепили» Ф. Раскольниковым. Вот тогда и посвятил Есенин свое крупнейшее произведение «Анна Снегина» А.К. Воронскому — как знак своего уважения опальному редактору.

Да, Есенину было не по пути с пролеткультом. Он не мог любить рапповцев, этих «хулиганов и бандитов в душе», писавших по политическому заказу нечто, мало напоминающее поэзию. Показательно в этом отношении «Красное евангелие» Василия Князева:

> Сердца единой верой сплавим.
> Пускай нас мало — не беда!
> Мы за собой идти заставим
> к бичам привыкшие стада!
> Чего жалеть рабов-солдат
> С душой бескрылою и куцой.
> Пусть гибнут сотнями, добрят
> Поля грядущих революций.

Все пролетарские поэты, полные задора и энтузиазма, писали стихи и считали себя поэтами. Мол, не Пушкины, конечно, но, во всяком случае, не хуже Есенина. Теперь это сравнение наивно и смешно, но в 1920-е годы Есенин тоже считался просто подающим надежды крестьянским поэтом. Молодых рифмоплетов (не в укор будет сказано!) и собрали отовсюду под своды Пролеткульта, чтоб хоть как-то залатать образовавшуюся брешь в литературе. И Надежда Вольпин была убеждена, что она рифмует не хуже Есенина. И Вениамин Каверин тогда писал стихи, считал себя значительным поэтом и перестал рифмовать, лишь услышав суровый приговор Осипа Мандельштама: «От таких как вы, надо защищать русскую поэзию».

«Рапповцев не любил»… Думаю, что они его тоже не любили, за то, что таким заносчивым и высокомерным был с ними, почитая себя первым и единственным после Пушкина. Обижались пролет-культовцы на Есенина и за то, что он стоял в стороне от всяких организаций.

А разве не раздражал Есенин всех «безродных космополитов» постоянным напоминанием: *«Ищи родину. Найдешь — пан». «Безродины нет поэта». «Чувство родины — основное в моем творчестве».*

А разве не раздражал этот деревенский аристократ пролетарских поэтов своим внешним видом?!

Пролетарские поэты, пришедшие с фронтов гражданской войны, с оружием в руках устанавливали в стране советскую власть. И что получили от советской власти? Старой потрепанной шинелькой едва прикрывали свой «срам». А этот «первый дезертир» и «попутчик», примазавшийся к советской власти, должно быть, только и делает, что переодевается: то деревенским пастушком представится, то в крылатке и цилиндре вокруг памятника Пушкину щеголяет, то английские костюмы по нескольку раз на дню меняет. Нечего говорить, каким щеголем из-за границы вернулся и сколько привез барахла, купленного на деньги Дункан. Так ведь сказал не только лучший друг Мариенгоф. За примерами далеко ходить не надо:

> *«Но вот Королевич окончательно разодрался со своей Босоножкой и в один прекрасный день снова появился в Москве, «как денди лондонский одет», — это голос Валентина Катаева. А вот — Ивана Старцева: «Выглядел скверно. Производил какое-то рассеянное впечатление. Внешне был европейски вылощен, меняя по несколько костюмов в день».*

Быть франтом и щеголем в двадцатые годы, когда дамы

довольствовались платьями из стареньких гардин, а зимнюю одежду шили из стеганых ватных одеял, было просто неприлично. (Читайте воспоминания Лизы Стырской, жены Эмиля Кроткого.)

А вот, казалось бы, лучший из мемуаристов — Юрий Либединский. Доброжелательно и тактично повествует он о своем длительном знакомстве с поэтом, между прочим упоминая: «Взять хотя бы годы нашего знакомства — 1923, 1924, 1925» (…) Три года знакомства — срок немалый — дают полное основание читателю верить написанному. И что следует из написанного? Посудите сами:

> *«Едва ли не с начала моего знакомства с Есениным шли разговоры о том, что он женится на Софье Андреевне Толстой, внучке писателя Льва Толстого».*

Как же так: «с начала моего знакомства», «женится на Софье Толстой»? Так это же было под самый есенинский занавес! Ведь познакомился Есенин с Софьей Толстой 5 марта 1925 года. (В дневнике Софья Андреевна отметила 9 марта).

Еще из воспоминаний Либединского: *«Мы собрались на «мальчишник» у той нашей приятельницы, которая и познакомила меня с Есениным».*

Тот из есенинских «друзей», кто заведомо лжет в воспоминаниях, как правило, не называет имен и не указывает, когда происходит действие: «Мы собрались у нашей приятельницы», на «мальчишник». Иначе говоря, пишут «вне времени и пространства». Попробуй, проверь их!

Есенин будто бы «оплакивает» свою предстоящую женитьбу: «Не выйдет у меня ничего из женитьбы!» — жалуется он другу. Ю. Либединский продолжает:

> *«Я не помню нашего тогдашнего разговора, очень быстрого, горячечного, — бывают признания, которые даже записать нельзя и которые при всей их правдивости покажутся грубыми.*
>
> *— Ну если ты видишь, что из этого ничего не выйдет, так откажись, — сказал я.*
>
> *— Нельзя, — возразил он очень серьезно. Ведь ты подумай: его самого внучка! Ведь это так и должно быть, что Есенину жениться на внучке Льва Толстого, это так и должно быть!*
>
> *Женился на громком имени и тотчас начал жаловаться: «Борода одолела. Куда ни взгляни, везде «борода». Хоть из дому беги!»*

Надо хоть немного знать Есенина, чтоб со всей определенностью сказать: нет, это не Есенин. Это сатира (или клевета!), и сатира злая. Что значит художник слова и умелый подход к делу! Две маленькие сцены, и перед нами совершенно аморальный, разложившийся тип. И не сразу сообразишь, в чем же причина: в есенинском легкомыслии или в его аморальности?

И при том Либединский ни разу не упомянул о пьянстве Есенина! Наоборот. Ему достаточно одного намека, чтоб довершить его облик: «Мне могут поставить в вину, что я мало пишу о несчастной болезни Есенина». Вот, собственно, и все. Портрет готов! Все выверты Есенина, все несуразности, в том числе и его «женитьба на громком имени», — все от его несчастной болезни.

Не стоит цитировать и продолжать эти нелепости. Надо просто сказать: не было свадьбы, не было и «мальчишника». Был список приглашенных. Его составили Есенин и Софья. В этом списке фигурирует и фамилия Ю. Либединского. Включенный в комиссию по литературному наследству Есенина, Ю. Либединский не мог этого не знать. По мере написания мемуаров фантазия его «взыграла».

Свадьбы и «мальчишника» не было потому, что Есенин вынужден был бежать из столицы на Кавказ. По этой же причине не мог Есенин приглашать Ю. Либединского и на спектакль Мейерхольда и Н. Эрдмана «Мандат». Ведь премьера пьесы состоялась 20 апреля 1925 года, а Есенин в это время лежал в больнице «Водник» города Баку.

Между прочим, Есенин был на спектакле «Мандат», но был 16 октября вместе с Софьей Андреевной, а не «в теплый летний день» с Ю. Либединским. Это отмечено в ежедневном календаре Софьи Андреевны. И известно, что Есенин осудил интерпретацию Вс. Мейерхольда, а не бравировал, как о том написал Либединский.

Допустим, это мелочь. А главное в воспоминаниях Либединского — полуправда. А что это значит? А значит, например, что фраза о «великом старце» действительно есть, только не в «дружеском» разговоре с Либединским, а в письме Николаю Вержбицкому, у которого жил Есенин в Тифлисе и которому мог доверять некоторые интимные вещи.

Почему же не Вержбицкий цитирует эти деликатные подробности? Думаю, что Николай Вержбицкий и не видел, и не получал этого письма. Оно не «хранилось у адресата», как о том написано все в тех же злополучных комментариях к 5-му тому. И до сих пор «местонахождение автографа неизвестно»!

И это значит, что Юрий Либединский, войдя в комиссию по

литературному наследству Есенина, использовал материалы в своих неблаговидных целях. И что это они, рапповцы, создали в воспоминаниях тот портрет Есенина, аморальный и безнравственный, который мы имеем на сегодняшний день. Это они приписали ему убеждения, которых он не имел.

Разве случайно, что в день гибели Есенина в 5-м номере гостиницы «Англетер» оказались одни рапповцы?

Верно говорят, мемуары бывают разные, и цели преследуются разные: одни пишут для истории, чтобы правдиво запечатлеть великого человека. Другие — чтобы показать себя на фоне великого человека и въехать с ним в историю.

Читатель сам разберется, кто есть кто. Ему нужны только факты. Факты свидетельствуют не в пользу Ю. Либединского. Это о рапповцах Есенин писал в 1924 году: «Бездарнейшая группа мелких интриганов и репортерских карьеристов выдвинула журнал, который паз. «На посту».

Как видим, многие характеристики подтвердились. Это о них через год напишет Воронский: *«Не стало Есенина, «На посту» принялся за новую жертву, ибо своей специальностью избрали травлю попутчиков… Склоки между братьями-писателями растут. Нездоровая атмосфера».*

В. Кузнецов в статье «Сказка об Англетере» (газета «Совершенно секретно») в 1998 году обратит внимание на то, что *«практически вся компания свидетелей и понятых, поставивших свои подписи под документами о смерти Есенина, — сексоты ГПУ».*

Понятно и объяснимо, что все рапповцы пришли на службу к большевикам и потому обязаны были выполнять свой долг. Политработник на фронтах гражданской войны Юрий Либединский оставался политработником и на литературном фронте. Но как понять, что лживые, беспардонные мемуары, написанные на политическую потребу, вновь переизданы в 1986 (в двухтомнике «С.А. Есенин в воспоминаниях современников», комментарий А. Козловского) и в 1988 (в книге «Жизнь Есенина. Рассказывают современники» под редакцией С.П. Кошечкина) годах? И не как-нибудь опубликованы, а с большевистским размахом — в 100 тыс. и 500 тыс. экземпляров! И опять Либединский представлен читателю лучшим другом Есенина.

Но дело не только в этом. Через 60 лет мы сталкиваемся с новыми фактами фальсификации. Судите сами. С одной стороны, Козловский пишет: «Краткие воспоминания Ю.Н. Либединского о Есенине были впервые напечатаны в ж. «На литературном посту» М. 1926. М 1, с. 32–34». С другой, — С.П. Кошечкин комментирует: «Ли бединский Ю.Н. «Мои встречи с Есениным» впервые опубликованы в 1958 году». На первый взгляд, простая

неточность. Пустячок. Но случайный ли? Ведь Кошечкин внимательно изучил предыдущую работу коллеги, даже похвалил за обстоятельность комментария.

Что хотели скрыть за маленькой неточностью? Вероятно, то, что похоронив «яростного попутчика», рапповцы начали дружно от него отрекаться. В их глазах «даже товарищеское общение с литературным противником казалось пятнающим честь» (Козловский), а то и могла иметь нежелательные последствия. И потому Юрий Либединский, сочинив свои двухстраничные воспоминания в 1926 году, предпочел дистанцироваться от Есенина:

> «Сергея Есенина я знал очень мало и ни в коем случае я не претендую на то, чтобы считать себя лично близким ему человеком».

В 1957 году он, по сути дела, заново написал свои воспоминания. Теперь они охватывали 1923, 1924, 1925 годы. Опровергать было некому. В 1957 году ушла из жизни Софья Толстая-Есенина.

Тираж лжи, повторяю, сверхмассовый. Зато ценнейшее исследование жизни и гибели Есенина, которому Людмила Васильевна Занковская, доцент кафедры русской литературы Московского педагогического университета, отдала тридцать лет труда, издан тиражом в 5 тысяч экземпляров. (См. «Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии», 1997 г.) Интересно знать, какую помощь оказала ей есенинская комиссия?

Глава 4
«Советы издалека» Максима Горького

Огромной любовью пользовался в Советской России пролетарский писатель Максим Горький.

«Вы себе, вероятно, не представляете, до какой степени Вас здесь любят, в частности, молодежь… Вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого (…) Сообщаю, что все мы следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову», — это одно из последних писем Есенина. Написано 3 июля 1925 года, адресовано Алексею Максимовичу, но почему-то осталось не отосланным.

Почему? Оставим пока вопрос открытым. Ответим на следующий: почему в 1929 году всеми любимый писатель, «буревестник революции», в Советском Союзе подвергся

жесточайшей брани?

Максима Горького в печати (!) обвиняли в том, что «он становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы». Потребовалось постановление ЦК ВКПб) от 25 декабря 1929 года, которым «буревестник» был взят под защиту, а нападки на него названы «грубо ошибочными и граничащими с хулиганством». «Подобные выступления в корне расходятся с отношением партии и рабочего класса к великому революционному писателю тов. М. Горькому».

«Четыре года в Сорренто, — говорил Горький, — *я прожил в тишине более глубокой, чем тишина русской дореволюционной деревни. Эта тишина… научила меня внимательней вслушиваться в голоса из городов, из деревень России».*

С 1928 года в летние месяцы начал приезжать в Россию, теперь Советский Союз. Вынужденный жить вдали от родины, он вел большую переписку с писателями страны, время от времени подавал правительству мудрые советы. Но как-то так получалось, что все добрые советы оборачивались обратной стороной для россиян.

В мае 1929 года М. Горький побывал на Соловках. *«Знакомство с заключенными наглядно убедило писателя в правильности воспитания трудом».* Такой вывод делает биограф М. Горького Изабелла Михайловна Нефедова. Сам Горький писал: *«Присматриваясь к современным «социально-опасным», я не могу не видеть, что, хотя труд восхождения на гору и тяжел для них, они понимают необходимость быть социально-полезными».*

Для первых советских заключенных и название придумают облагороженное: «труд армейцы», «каналармейцы». А принудительный труд назовут «перековкой».

Одобрение Горьким большевистского перевоспитания трудом обернется геноцидом для всего советского народа. Одобрит писатель и «мудрую сталинскую политику» раскрестьянивания: «Великая это радость — строить прекрасную, ладную жизнь на колхозной земле».

«Таков итог многолетних горьковских раздумий над трудными судьбами русского мужика», — делает вывод та же Изабелла Нефедова.

К мнению Максима Горького прислушивались и на Западе. Даже Ленин вынужден был считаться с его мнением: *«Прочитал (в «Социалистическом Вестнике») поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но \ решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться».*

Процесс над эсерами Горький характеризовал как «приготовление к убийству людей, искренне служивших делу

освобождения русского народа». Письмо направил и в советское правительство на имя Рыкова, предупреждая, что смертные приговоры обвиняемым вызовут со стороны Европы моральную блокаду России. Копию письма послал Анатолю Франсу, чтоб заручиться его поддержкой.

Слово пролетарского писателя было услышано. Люди были спасены.

Но 13 июля 1925 года Максим Горький на имя Николая Бухарина отправил послание другого рода. Оно касалось крестьянских поэтов и писателей и, конечно, Сергея Есенина. Это письмо о недавно принятой резолюции ЦК «О политике партии в области художественной литературы:

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же. Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которую требует время и его задачи, огромность которых невообразима (…) Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство».

«К допустимым (и даже полезным) методам руководства Горький относит «умный подзатыльник, который толкнет вперед наше словесное искусство», — видимо, не предполагая, какой реальный размах может получить эта метафора», — так комментирует указания М. Горького Наталья Сидорина.

Узнав, что пролетарский писатель предал крестьянских поэтов, Есенин прекратил с ним связь — вот почему упомянутое письмо осталось не отосланным, а Соне Есениной-Толстой сказал: «Уже не надо». А в письме другу Николаю Вержбицкому объяснил: «Все, на что я надеялся, идет прахом».

В 1926 году, после гибели Есенина, Владимир Маяковский сделает попытку объяснить, намекнуть, к чему приводят добрые советы, поданные издалека. Это он сделает в «Письме писателя Вл. Вл. Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому»:

Очень жалко мне, товарищ Горький,
Что не видно Вас на стройке наших дней.
Думаете — с Капри, с горки
Вам видней?

«Смысл письма — не усвоил», — так ответил Горький на

стихотворное послание. Прозрение придет позже, когда он сам все потеряет: и личную свободу, и свободу слова, и близких, когда сам окажется заложником тирана Сталина. Тогда в сердцах скажет, напирая по-волжски на «о»: «Связался я с вами, негодяями, и сам негодяем стал».

Возможно, в то время Горький искренне не понимал, какую мину подложил под крестьянских поэтов своим доброжелательным советом дать хороший подзатыльник. Но в январе 1927 года, когда Маяковский в «Новом лефе» опубликовал свое стихотворение, Максим Горький тотчас отреагировал письмом в адрес Воронского, требуя оградить свое имя от оскорблений подобного рода. В это время уже шли переговоры о возвращения писателя на родину. Поэтому Воронский в ответном письме заверял Горького, что «Маяковский будет поставлен на место, что повторений подобного «ерничества» больше не будет». Понятно, что Воронений отвечал не только от своего, но и от имени правительства, которое прибирало к рукам все и все регламентировало.

А в 1929 году добрые советы и одобрения любимого пролетарского писателя, поданные из «прекрасного далека», вызвали взрыв возмущения и негодования. Тогда еще можно было негодовать, возмущаться и возражать, даже печатать статьи.

Когда в Советском Союзе после возвращения Горького начали активно называть его именем города, улицы, библиотеки, школы, фабрики, заводы, музеи, Карл Радек предложил всю эпоху «приблизить» к писателю Максиму Горькому и назвать ее «Максимально Горькой».

В каждой шутке есть доля шутки и правды. Чего здесь больше?

Глава 5
О Маяковском

Я не твой, снеговая уродина!

В, Маяковский

Маяковский с поразительной последовательностью шел своим путем. После юбилейной поэмы «Хорошо!», написанной к 10 годовщине Октября, он преподнес правительству «Клопа», затем «Баню» и целую галерею остросатирических портретов тех чиновников, которые строят новую жизнь: «Плюшкин», «Трус», «Подлиза», «Сплетник», «Ханжа» и т. д. Есть в его дневнике и такая запись: *«Пишу поэму «Плохо».*

Демьяна Бедного осудили за какую-то ничтожную басню, за то, что пел не в лад с большевистской пропагандой, а главный поэт революции обрушил целый шквал контрпропаганды. И «во весь голос» пообещал ещё поэму «Плохо». И ничего?

Через три месяца после юбилейной поэмы «Хорошо!» в поездке по Союзу Маяковский оказался в Свердловске (26–29 января 1928 года), где 17 июля 1918 года были расстреляны бывший русский император Николай II и члены его семьи. Одно дело прочитать об этом в газете скупое сообщение, другое — побывать в подвале Ипатьевского дома, где изрешечены пулями стены…

Перефразировав лермонтовские строки *«На острове том есть могила, / А в ней император зарыт» Маяковский написал:*

Здесь кедр топором перетроган,
Зарубки под корень коры,
У корня, под кедром, дорога,
А в ней — император зарыт.

Никаких примет, ни холмика, ни креста, ни надгробья. Вехи поставил поэт:

За Исетью, где шахты и кручи.
За Исетью, где ветер свистел,
приумолк исполкомовский кучер
и встал на девятой версте.
«На всю Сибирь, на весь Урал
метельная мура».

Запечатлел Маяковский и свою, может быть, единственную встречу с императорской семьей. Вот праздничная Москва, звон колоколов, нарядные дамы, шпалерами на Тверской рядовые, приставы, городовые.

И вижу — катится ландо,
И в этой вот ланде
сидит военный молодой
в холеной бороде.
Перед ним, как чурки,
четыре дочурки.

Нарочитая грубость «как чурки» уничтожается ласковым

«дочурки». Вот этот штрих художника моментально осветил трагическую картину: их-то за что? Но в стихотворении, как и подобает революционному поэту, вывод-предупреждение буржуям:

Прельщают многих короны лучи.
Пожал те, дворяне и шляхта.
Корону можно у нас получить.
Но только вместе с шахтой.

Остались «за кадром» две неопубликованные строфы. У поэта финал был иным:

Мы повернули истории бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден.

Словно тогда в жизни поэта произошло просветление, поворотный момент. Как некогда безапеляционно и категорично принял революцию, так перед роковым выстрелом в себя столь же категорично отверг то, чему служил двадцать лет. «Я не твой, снеговая уродина» — эту строку Маяковского цитирует Лев Аннинский. Разве в ней не слышен отзвук написанного в Свердловске стихотворения?

С 1920-х годов его верная подруга Лиля Брик и его самый близкий друг Ося Брик были секретными сотрудниками ВЧК. Можно ли поверить, что в течение 10 лет Маяковский даже не догадывался об этом?

А самым преданным другом Лили Брик после арестованного в 1925 году Александра Михайловича Краснощекова стал главный палач страны Яков Агранов.

О том, что произошло с Поэтом Революции, сказал еще Борис Пастернак:

Я знаю, ваш стих неподделен.
Но как вас могло занести
Под своды таких богаделен
На вашем великом пути?!
Этим сказано все.

К чести Есенина, его, шлявшегося по всем кабакам,

трактирам и ночлежкам, никогда никаким ветром на его великом пути не заносило под своды литературных, правительственных и других богаделен. Он выиграл свою дуэль с Главным Поэтом Революции.

Лев Повицкий в воспоминаниях пишет: «Вражда к футуристам жила в нем (в Есенине — Авт.) до последних дней». Свое отношение к футуристам Есенин определил еще в статье «Ключи Марии» в 1918 году:

> *«Футуризм крикливо старался напечатлеть нам имена той нечисти (нечистоты), которая живет за задними углами наших жилищ, Он сгруппировал в своем сердце все отбросы чувств и разума и этот зловонный букет бросил, как «проходящий в ночи» в наше, с масличной ветвью ноевского голубя, окно искусства».*

По мнению Есенина, футуризм содействовал становлению власти большевиков, укреплению их позиций и, следовательно, и на них, футуристах, лежит вина в гибели нашего отечества, в гибели нашего национального искусства.

В ответ Маяковский обронит:

> Ну, Есенин,
> мужиковствующих свора.
> Смех!
> Коровою в перчатках лаечных.
> Раз послушаешь…
> Но это ведь из хора!
> Балалаечник!

По свидетельству Мануйлова, эти *«стихи Маяковского казались Есенину самой большой обидой во всей жизни, и он не скрывал, что они его больно ранили».*

К сожалению, личного, человеческого сближения Есенина с Маяковским не произошло ни в 1924, ни в 1925 году, хотя Асеев и другие отмечали эту тягу к содружеству. Об этом сочинил целую историю в мемуарах Николай Вержбицкий. Но факты — не досужий вымысел мемуариста.

Глава 6
Имажинизм и «клиштер идеологии»

В этой книге читатель наверняка обратит внимание на слово

«ЧЕ-КА-ГО» — отнюдь не моим «изобретением». Придумали его остроумные, ироничные имажинисты. Те самые, кто заявил парадоксальное: «Поэт — самый страшный из палачей живого». «Развитое искусство, — по убеждению раннего Мариенгофа, — это совершенствование мастерства — формы и содержания. Это то же, что огранка булыжника, вставляемого в перстень, когда он засверкает всеми своими гранями».

В первые годы своего образования имажинизм смело и дерзко отстаивал свободное слово и отвергал навязываемую правительством идеологию. Своих воззрений теоретики имажинизма не скрывали, проповедовали их открыто и со свойственным им сарказмом.

Имажинисты в Москве, по словам В. Полонского, в «кафейный» период советской литературы были господствующим течением. *«Когда большинство поэтов и поэтиков в СССР пошли прислуживаться писанием транспорантных стихов, декретовых басен и лозунгов для завертывания мыла, — имажинисты остались в стороне… С полнейшим и открытым отрицанием относились имажинисты и к «пролетаризации» литературы, к приданию ей классового характера»* — писал в марте 1924 года в парижской газете «Последние новости» М. Осоргин.

Вот несколько выдержек, характеризующих позицию имажинистов по отношению к искусству и идеологии.

> *«Рассматривание поэзии с точки зрения идеологии — пролетарской, крестьянской или буржуазной — столь же нелепо, как определять расстояние при помощи фунтов».*
>
> *«Не напоминают ли пролетарствующий «ЛЕФ» и литературные октябристы из «На посту» потемкинские деревни?»*
>
> *«То, что нынче называется пролетарским искусством, это бранный термин, это прикрытие модной вывеской плохого товара. В «пролетарские поэты» идут бездарники вроде Ясинского или Князева или недоучки вроде Семена Родова. Всякий рабочий, становящийся поэтом — профессионалом, немедленно фатально порывает со своей средой и зачастую понимает ее хуже, чем «буржуазный» поэт».*
>
> *«Шарлатаны от искусства, этакие критики, как Коган и Фриче, хилое, простуженное на сквозняках упадочности искусство, пытаются врачевать клистером, (…) как врачевал Арлекино сухой кашель Панталоне, на что больной мудро возражал: «Кашель-то у меня спереди, а не сзади происходит (…) Искусство болело формой, а к*

нему лезли с клистером идеологии».

Могли ли простить большевики столь ядовитые насмешки?

В стихах имажинистов 1918 года еще присутствует поощряемая новыми властями тема перерастания Октябрьской революции в мировую. У Мариенгофа читаем:

Скоро к сосцам твоим прикоснутся,
как братья,
Новые своры народов…
Еще не одна революция
Нянчиться будет в твоей зыбке.

Но в 1921 году В. Шершеневич уже напишет:

Не хотели ль мы быть паровозом
Всех народов, племен и стран?
Не хотели ль быть локомотивом,
Чтоб вагоны Париж и Берлин?
Оступились мы, видно, словом.
Поперхнулись теперь под уклон.

А в 1923 году, когда стало ясно, что расчет советского руководства на то, что вслед за Россией революция охватит страны Европы, не оправдался, он же добавит:

Победы нет! И горечь пораженья
Победой лицемерно мы зовем.

Имажинисты стали для большевиков опасны. В письме Ширяевцу от 26 июня 1920 года Есенин пишет: *«Уж очень трудно стало у нас с книжным делом в Москве. Почти ни одной типографии не дают для нас, несоветских, а если и дают, то опять не обходится без скандала. Заедают нас, брат, заедают».*

Выверты и перекосы имажинизма были устранены правительством в голодный 1922 год, после отъезда Есенина в Америку. В воспоминаниях Галины Бениславской читаем: *«Денежные дела Мариенгофа были очень плохи. «Стойло Пегаса» закрылось, магазин ничего не давал, и Мариенгоф с женой, ждавшей тогда ребенка, форменным образом голодали».*

Пока вместе: А, Мариенггоф, С. Есенин, А. Кусиков, В. Шешеневич

(слева направо), 1920 г.

По мнению Э. Шнейдермана, маленькая группа поэтов-имажинистов проиграла — не могла не проиграть — могучему государству борьбу за свободу творчества, за независимость поэзии от власти. Сопротивление имажинистов большевики сломили голодом. Многое объясняет, как всегда циничное, но точное их собственное выражение: «Революция духа зависит от революции брюха».

Со знанием дела Илья Эренбург напишет: *«Если футуризм (…) был художественным и общественным явлением, то имажинизм мне всегда казался наспех сделанной вывеской для группы литераторов». А Владислав Ходасевич скажет еще более определенно: «Все писали стихи, и все имели непосредственное касательство к ЧК».*

Тот, кто не пошел на службу к большевикам, попросту говоря, был уничтожен. Грузинов и Эрдман прошли ссылку. Афанасьев-Соловьев был расстрелян. Чернов, Шершеневич и Полоцкий умерли от чахотки, Грузинов и Шмерельсон в годы войны — от голода. Мариенгоф хоть и умер своей смертью, но был отмечен клеймом неблагонадежности до конца своих дней (Э. Шнейдерман).

Мариенгоф, вероятно, добровольно, по убеждению мог пойти на службу к большевикам. И служил он, видно, честно, поскольку от него требовалось то, что он умел и любил делать: злословить и презирать.

Окружение также могло способствовать его «переходу». Тот же двоюродный брат министр водного транспорта и его друг Борис Малкин заведующий «Центропечатью». Или его жена, Анна Борисовна Никритина, хотя до сих пор не расшифрована как агент, нет сомнения, что была связана с ЧК. (Иначе зачем было Марии Федоровне Андреевой принимать деятельное участие в ее судьбе? Именно по ее протекции Никритина перебралась в Москву и попала в Камерный театр.)

Ну а то, как советская власть обошлась с имажинистом Сергеем Есениным, вообще не имело прецедентов.

Глава 7
Вранье без романа

О Есенине писали много и многие. Но никакая ложь «друзей» не может сравниться с той гнусностью, какую сотворил лучший друг — Анатолий Мариенгоф. Для примера процитирую читателю

небольшой отрывок из романа «Без вранья» (глава 14, «Плакать хочется»), может быть, наиболее яркий, а потому наиболее гнусный, который был отвергнут за вранье всеми, кто хоть сколько-нибудь знал Есенина.

«Сергей втащил свои шкафы-чемоданы и, пошатываясь не только от их тяжести, сказал:

— Вот, Толя, к тебе привез. От воров.

— От каких, Сережа, воров? Кто ж эти воры? Где они?

— Все! Все воры! Кругом воры! Кругом!.. Ванька Приблудный вор! Наседкин вор! Сестры — воровки! Пла-а-кать хочется.

(…) Поднимает крышку. В громадном чемодане мятой грязной кучей лежат — залитые вином шелковые рубашки, разорванные по швам перчатки, галстуки, платки носовые, кашне и шляпы в бурых пятнах.

А ведь Есенин был когда-то чистюлей! Подолгу плескался в медном тазу для варенья, заменявшем ванну, или под ледяным краном. Сам гладил галстук и стирал рубашку, если запаздывала прачка…

— Вот все, что нажил великий русский поэт за целую жизнь!..

Он говорил неправду, зная это: жалкое содержимое чемодана куплено на деньги Дункан, которая и десять тысяч долларов считала мусором.

— Я, знаешь ли, по три раза в день проверяю… Сволочи! Опять шелковую рубашку украли… И два галстука…

— Обсчитался, наверно. Замки-то на твоем «кофере» прехитрые. Как тут украсть?

— Подделали! Подделали ключи-то! Воры! Я потому к тебе и привез. Храни, Толя! Богом молю, храни! И в комнату… ни-ни! Не пускай, не пускай эту мразь! Дай клятву!

Не совладев с раздражением, я резко спрашиваю:

— Кто подделал? Какую клятву? Кого не пускать?

— Ваньку Приблудного! Наседкина! Петьку! Сестер! Воры! Воры! По миру меня пустят… Плакать хочется…

Сжавшись в комочек, Никритина шепчет мне на ухо, с болью, с отчаянием, со слезами на глазах:

— Сережа сошел с ума.

— Не выдумывай, Нюша… не выдумывай… На него ужасно действует водка… Проклятая медицина! Даже от этого вылечить не могут.

Обдавая водочным духом, Есенин целует меня, целует Никритину и, пошатываясь, уходит со словами: «Пла-а-кать хочется».

Да, действительно хочется плакать».

Мариенгоф в конце жизни высказал обиду, что в 1955 году *«наши редакторы, литературные невежды и хамы вроде Чагина, вычеркивают из книг Есенина его посвящения мне». А, мол, когда-то «мы жили с Есениным вместе… Писали за одним письменным столом, паровое отопление не работало — спали в одной постели, согревая друг друга; все тяготы лишений, голода перенесли вместе».*

«Невежды» и «хамы» (Чагин и Софья Толстая) вычеркнули из книг посвящения, как вычеркнул «друзей» из своей жизни Есенин. Да и было за что. «В грязном стойле Шершеневича, — по словам Бориса Лавренева, — поэтическая братия стряпает все то, что эхом отдается на другом континенте и прокатится по всему миру».

Мариенгоф утверждает: «Есенин уехал с Пречистенки надломленным, а вернулся из своего свадебного путешествия по Европе и обеим Америкам безнадежно сломанным». И в лад с Троцким добавляет: «другим» человеком. Какой смысл вложил, — понятно из вышеприведенной сцены с заграничным барахлом.

Только вот не являлся Есенин к Мариенгофу по возвращении! Уже хотя бы потому, что самого Мариенгофа не было в Москве. Сидел Мариенгоф с семьей у моря и ждал… Нет, не погоды. Погода была, не было денег на обратную дорогу. Всем друзьям разослал SOS о помощи. И помощь пришла, только не от тех, к кому обращался. Помощь пришла от Есенина. Сергей выслал щедро — целую сотню. Мариенгоф прыгал от радости, целовал жену и сына, теперь, имея такую сумму, не торопился в Москву, предпочитая еще понежиться у моря. А возвращался в отдельном купе мягкого вагона, накупив разных подарков и новую колыбель для сына.

И, как видим, потом «отблагодарил» своего щедрого друга, что и возмутило всех его современников, знавших всю эту историю.

О том, как было в действительности, Мариенгоф запамятовал. Вспомнила его супруга, Анна Борисовна Никритина (воспоминания не опубликованы):

> *«1923 год, август. Мы в Одессе, у нас сын. Мы без денег, в долгах. И вдруг телеграмма от Есенина и деньги: выезжайте немедленно!*
>
> *Как он почувствовал, что мы без средств? — не знаю… Но радости нашей не было конца.*
>
> *Мы кладем своего месячного сына в чемодан без верхней крышки — это у нас что-то вроде коляски — и едем в Москву. В Москву на встечу с Сережей!»*

Илья Шнейдер тоже вспомнил об этих злополучных чемоданах, но совсем иначе, чем Мариенгоф. Вот его рассказ о том, что было с Есениным после отъезда Айседоры в Кисловодск на гастроли: *«Есенин ночью вернулся с целой компанией, которая к утру исчезла вместе с Есениным, сильно облегчившим свои чемоданы: он щедро раздавал случайным спутникам все, что попадало под руку. На следующий день Есенин пришел проститься — чемоданы были почему-то обвязаны веревками.*

— Жить тут один не буду. Перееду обратно в Богословский — ответил он на мой вопрошающий взгляд.

— А что за веревки? Куда девались ремни?

— А черт их знает! Кто-то снял.

И он ушел. Почти навсегда».

По-другому рассказала и Мэри Дести:

«Сергей привез в Россию из поездки множество костюмов, пар обуви, плащей, пальто, шелковых рубашек, пижам и массу денег, и все это он собирался расшвыривать, как сумасшедший, своим приятелям…

(…) Вышло так, что Мариенгофу и многочисленным приятелям Сергея много что перепало из бесчисленных костюмов, обуви, в общем всего гардероба Сергея, с которым он вернулся и который так щедро раздавал, что в конце концов остался ни с чем».

А кому всегда служил Мариенгоф, видно из его слов:

«Первые недели я жил в Москве у своего двоюродного брата Бориса (по семейному Боб) во втором доме Советов (гостиница «Метрополь»). При входе матрос с винтовкой, вход по пропускам… В первый же день пришел (…) Бухарин… В тот же вечер решилась моя судьба. Через два дня я уже сидел за большим столом ответственного литературного секретаря издательства ВЦИК».

В раннем творчестве Мариенгоф призывал к массовому террору:

> Святость хлещем свистящей нагайкой…
> И хилое тело Христа на дыбе
> Вздыбливаем в Чрезвычайке.

И хотя Есенин сам допускал выпады против религии на раннем этапе революции — их расхождения были видны невооруженным взглядом. Вот мнение критика Львова-Рогачевского:

> *«Никакая каторга с ее железными цепями не укрепит и не свяжет этих заклятых врагов не на жизнь, а на*

смерть. Сам же Мариенгоф проводит резкую непереходимую черту между творчеством обоих мнимых друзей».

Зинаида Райх и Айседора Дункан не любили Мариенгофа, он их тоже. Мариенгофа не любили и в Константиново. Александр Никитич на вопрос жены Татьяны Федоровны (отец и мать Сергея) ответил:

— Мерин-Гоф? Ничего, кормится он, видно, около нашего Сергея.

Дочь Есенина и З. Райх, Татьяна Сергеевна в разрыве отношений родителей винит Мариенгофа, которого Зинаида Николаевна «не переваривала»: «О том, как Мариенгоф относился к ней, да и вообще к большинству окружающих, можно судить по его книге «Роман без вранья».

С этим нельзя не согласиться.

Что собой представлял А. Мариенгоф, читатель поймет хотя бы из этого небольшого эпизода.

В Москве он поселился со своим гимназическим товарищем Малабухом (Григорий Колобов) в квартире одного инженера. У инженера была старая мать, которая подсматривала и подслушивала, заподозрив в них тайных агентов правительства.

(Впрочем, они и были таковыми).

«Тогда-то и порешили мы сократить остаток дней ее бренной жизни. Способ, избранный нами, поразил бы своей утонченностью прозорливый ум основателя иезуитского ордена» («Роман без вранья» гл. III).

Такой иезуитский утонченный способ находит Мариенгоф и в литературе: одним ударом уничтожить нескольких есенинских друзей, а самому при этом остаться сторонним наблюдателем. Вот его отзыв о Пимене Карпове и Петре Орешине: *«Жизнь у них была дошлая… Петька в гробах спал… Пимен лет 10 зависть свою жрал… Ну и стали, как псы, которым хвосты рубят, чтобы за ляжки кусали (…) Есенин рассвирепел: «А талантишка-то на пятачок сопливый (…), ты попомни, Анатолий, как шавки за мной пойдут… подтявкивать будут». Еще большая ненависть к Клюеву: «В патоке яд, не пименовскому чета, и желчь не орешинская».*

Такую ненависть и злобу обрушивает Мариенгоф на головы есенинских друзей, но эту злобу он вкладывает в уста Есенина. Мол, это он так отзывается о своих друзьях. Нет, Есенин не был бы Есениным, если б позволил себе так говорить о людях вообще, а о друзьях в особенности. Чтоб убедиться в этом, достаточно прочитать душевные воспоминания о Есенине Петра Орешина, написанные с огромной любовью и доброжелательством.

«Есенин во всем был прост и деликатен», но «пожалуй, наибольшее расположение питал к Петру Орешину. Их связывало многое и в прошлом, и в настоящем», — это слова Василия Наседкина, к ним стоит прислушаться.

Кто же, по мнению Мариенгофа, «распространяет» клевету о Есенине? Давайте послушаем:

«Шнейдер поторопился жениться на некрасивой Ирме Дункан, приемной дочери Изадоры, чтобы разъезжать по Европе и обеим Америкам в таких же моднейших щегольских пиджаках, как Есенин. Но… не вышло. И вот он, сидя на Пречистенке в опустевшем особняке, захлебывается желчью.

(…) Слова, как блохи продолжают прыгать с языка:

— Сергей Александрович только и мечтал греметь на оба полушария, как лорд Байрон. Шнейдер хихикает, демонстрируя целую кипу газет, журналов, Есенин в них существует только как молодой супруг знаменитой босоножки Айседоры Дункан.

В далеком детстве жирная коричневая пенка в молоке вызывала у меня физическое отвращение. До судорог в горле!

Теперь такое отвращение вызывает этот администратор».

Сцена написана так ярко и образно, что у читателя и впрямь остается впечатление, что это Шнейдер виноват в распространении смрада и чада. Но чадит-то Мариенгоф!

В главе «Мартышка» Мариенгоф описывает «мальчишник». Разговор, помеченный концом осени 1922 г., идет о предстоящ;ей женитьбе на Никритиной, о том, как женщины разбивают мужскую дружбу. Шершеневич советует за это женщин душить или, как людоеды, съедать своих жен. «А через 3 месяца 31 декабря 1922 года я женился». В главе действуют; «жирный гном Рюрик Ивнев, Шершеневич, М.Л., критик Л.Б. и Есенин. Есенин при этом «лихо свистнул, заложив в рот четыре пальца».

Есенин уехал с Айседорой Дункан в мае 1922 г., а вернулся в августе 1923. Следовательно, его не было ни на «мальчишнике», ни на свадьбе Мариенгофа. Это знали все, забыть это Мариенгоф не мог. Ну, допустим, это мелочь. Дальше — больше. По Мариенгофу:

«К отцу, к матери, к сестрам (обретавшимся тогда в селе Константинове Рязанской губернии) относился Есенин с отдышкой от самого живота, как от тяжелой клади.

Денег в деревню посылал мало, скупо, и всегда при этом злясь и ворча. Никогда по своему почину, а только после настойчивых писем, жалоб и уговоров (…) начинал советоваться, как быть с сестрами — брать в Москву учиться или нет (…) Может быть, и насовсем оставить в деревне (…), мало-де радости трепать юбки по панелям и делать аборты.

— Пусть уж лучше хлев чистят да детей рожают.

(…) Сестер же своих не хотел везти в город, чтобы, став «барышнями», они не обобычнили его фигуры. Для цилиндра, смокинга и черной крылатки (о которых тогда уже он мечтал) каким превосходным контрастом должен был послужить зипун и цветистый ситцевый платок на сестрах, корявая соха отца и матери подойник».

Напомню, что во всех письмах из-за границы Есенин просил Анатолия помочь материально Кате, которая жила и училась в Москве и была на иждивении Сергея. Помочь ей сам не мог по условиям того времени. Очень беспокоился о сестре. Но ни разу Мариенгоф не откликнулся на просьбу друга. После отъезда Сергея ей перестали давать и ту долю, которая причиталась от «Стойла Пегаса». Собственно говоря, еще и по этой причине началось между ними охлаждение.

Как уверяет Илья Шнейдер, в «нашумевшем «Романе без вранья» единственный верно описанный Анатолием Мариенгофом эпизод из эпопеи Дункан-Есенин, это их первоначальное знакомство».

Похоже, что это правда, потому что многократно подтверждается фактами. Но после всего вранья, даже когда Мариенгоф хочет сказать что-то доброе и хорошее, ему не веришь. Вот отрывок из главы «Сын» (в сокращении):

Александр Никитич и Татьяна Федоровна Есенины — отец и мать поэта, 1905 г.

«Никритина забрюхатела. А камерный театр собирался в заграничную поездку…

Александр Яковлевич Таиров, косясь на ее округлость, столь для него антиэстетическую, искренне возмущался:

— Театр едет на гастроли в столицы мира, а вы рожать вздумали! Что это за отношение к театру? Актриса вы или не актриса?

А Изадора Дункан нри каждой встрече нежно гладила Никритину по брюшку:

— Это чудно! Я буду обожать вашего малютку. Я буду ему бабушка.

— А вот Таиров ругает мою обезьянку.

— У него очень маленькое сердце! — сказала Изадора. — (…) Один ребенок Никритиной — это больше, чем весь камерный театр».

Есенин звал Анну Борисовну Никритину Мартышкой, Обезьянкой (Мартышон). Так называет ее и Анатолий Мариенгоф в «Романе без вранья».

Факты свидетельствуют: сын у Никритиной родился 10 июля 1923 года. Есенин и Дункан уехали 10 мая 1922 года, т. е. более года отсутствовали. Если Айседора до отъезда «нежно гладила по брюшку», то хочется посочувствовать бедной Анне Борисовне. Сколько же ты носила своего первенца — полтора или два года?!

Вся эта сцена выдумана от начала до конца. Мариенгофа совсем не смущает даже такая подтасовка фактов, которую любой читатель легко может проверить: Камерный театр Таирова уезжал на гастроли в конце лета, то есть после рождения Кира. Но Никритина сама отказалась ехать, объясняя это тем, что Таиров, якобы, не согласился взять визу на Мариенгофа.

Успокаивая жену, Мариенгоф сказал:

— Ничего, не огорчайся, дорогая! Роди мне сына, а в Европу я тебя повезу в будущем году.

И возил. И в 1924, и в 1925, и 1927 гг. Заграницу надо было заслужить. И служил он новым господам, которые именовали себя товарищами. Так и слышишь «за кулисами» голос хозяев: «Нет, Анатолий Борисович, за границу мы вас на пустим. Сейчас вы здесь нужны. Есенин возвращается, он теперь вдвойне опаснее стал. За ним глаз да глаз нужен. Нам надо знать, чем он дышит, над чем работает, где свои антисоветские поэмы печатать собирается. Их нельзя допускать к читателю. А за границу мы вас

с женой в будущем году непременно отправим». Так и было. Из шести подготовленных Есениным за рубежом сборников ни один не появился в печати в 1923 году. О поэмах «Страна негодяев» и «Черный человек» и говорить не приходится: поэмы при жизни Есенина опубликованы не были.

Так новая власть учила непокорного поэта.

Порывая с имажинистами, Есенин в письме Мариенгофу предрекал: «Тебя ветром задует в литературе». И был прав. Мариенгоф забыт был еще при жизни.

В воспоминаниях «Последний имажинист» Рюрик Ивнев рассказывает:

«Позже Мариенгоф написал несколько пьес. Но ему поразительно не везло. Если даже какая-нибудь пьеса и была принята, то через некоторое время ее запрещал репертком. Так было и с пьесой «Наследный принц». Самым тяжелым в жизни Мариенгофа была потеря сына. Это было в Ленинграде, куда он переселился в 30-е годы. Мальчик, наслушавшись о самоубийстве Есенина, не по летам развитой, умный и талантливый, вдруг неожиданно, без всяких тому поводов, повесился. Это произвело очень тяжкое впечатление как на А. Никритину, так и на Анатолия, и долгое время было очень трудно говорить с ними об этом».

Есенин любил детей. Новорожденного Кира (Кирилла) встретил как родного, хотел стать его крестным отцом. Пообещал: купель будет из шампанского, а вместо псалмов и молитв он напишет по такому случаю цикл стихотворений.

К сожалению, этому не суждено было осуществиться.

Умный, не по годам развитой, в 16 лет написавший драму «Робеспьер», Кир не мог не понять закулисную интригу заговора против Есенина и неблаговидную роль самого дорогого ему человека — отца и друга. И произошла катастрофа. Катастрофа, которой могло не быть, если бы отец и сын объяснились своевременно. Разве дело в них, в имажинистах, обвиненных Борисом Лавреневым в статье «Казненный дегенератами»? Они были только послушным орудием в других руках и сыграли свою гнусную роль. Но Есенин знал, кому служили все имажинисты. И хотя порвал с ними и вышел из объединения, он первым протянул руку Мариенгофу. Пусть это было формальное примирение, но оно было.

Общеизвестен отзыв С.Т. Коненкова на вышедший роман Мариенгофа «Роман без вранья». Сергей Тимофеевич назвал его «Романом вранья».

Недавно опубликована статья Ф. Раскольникова, в которой есть такие строки: «Вскоре после самоубийства Есенина Мариенгоф

написал о нем «Роман без вранья». Ленинградское отделение Госиздата попросило меня написать предисловие. Я прочел рукопись, но от предисловия отказался. Мне показалось, что это не «Роман без вранья», а вранье без романа».

«Роман без вранья» стал нарицательным явлением советской литературы — дань времени, где господствовала наглая, бесстыдная ложь. Это литературный памятник гнусности и подлости. Вспоминает Илья Шнейдер:

«Много написали и наговорили о Есенине — и творил-то он пьяный, и стихи лились будто бы из-под пера без помарок, без труда и раздумий. Все это неверно. Никогда ни одного стихотворения в нетрезвом виде Есенин не написал».

Августа Миклашевская: «Читая «Роман без вранья» Мариенгофа, я подумала, что каждый случай в жизни, каждый поступок, каждую мысль можно преподнести в искаженном виде».

До какой низости, подлости, гадости и цинизма мог опуститься человек. И почему? Зависть руководила им или что-то другое?

Мариенгофа осудили все, и все от него отошли. Он остался в полном одиночестве. Любил только жену и сына. Привязанностей больше никаких, разве только писательское дело. Но печатали его исключительно мало. В книге он пишет, что любил Василия Ивановича Качалова (Шверубовича), но и здесь, верный себе, не удержался от злопыхательства. О таких людях говорят: Бог ему судья! Но осудил его самый близкий и дорогой для него человек, осудил сын. Осудил и ушел от него навсегда! Ушел к Есенину.

О таких, как Мариенгоф, говорили: ради красного словца не пожалеет и отца. Свой творческий метод — «дать зрителю по морде», якобы позаимствовал у Чехова. Вот в этом весь Мариенгоф. Добросовестно излагая якобы только факты, оставаясь всегда в стороне, он чужими руками «дает по морде» всем своим друзьям. Кто же из читателей знает, что факты «перевернуты»? Рюрик Ивнев предупреждал:

> *«Есенина знают оболганным и урезанным…*
> *Есенин не был никогда ни мелочным, ни мстительным, Благородство души не позволяло ему искать союзников для борьбы с бывшими друзьями».*

На чем держался имажинизм и его служители? Это стало понятно тотчас, как уехал Есенин. Уже через четыре месяца все пришло в упадок. Не было посетителей, не стало дохода. Ходили ведь только на Есенина, а Есенин теперь в отъезде.

Мариенгоф в письме Старцеву от 12 сентября 1922 г. пишет: *«Настроение неважное… С кафе дрянь. Стали закрывать в 11.*

Кончился наш Помгол!»

Положение было бедственным настолько, что в Москве оставались только Мариенгоф и Гр. Колобов. Остальные разбежались по периферии, где можно было пережить голод. В то же время Мариенгоф в ответных письмах Есенину сознательно передергивает факты: дескать, все по-старому в Москве. *«Все действующие лица (Богословской коммуны) живы и здоровы… Есенинские родственники тоже в порядке и здравии. Магазинские дивиденды получают полностью. Катюшу видел раза два. Теперь ее в Москве нет».*

В действительности было все не так. В августе пожар в Константиново уничтожил более двухсот строений. Есенинские родственники бедствовали, как все погорельцы в деревне, а Кате пришлось уехать из Москвы, потому что жить было не на что, и дивиденды она, конечно, не получала. Да и сам Мариенгоф уже укладывал чемоданы, чтобы отправиться с женой в Коктебель или Одессу, в теплые и хлебные края.

Без стыда и совести передернул Мариенгоф и факт относительно танцевальной школы Дункан, о которой очень беспокоилась Айседора, но помочь не могла.

Из писем Есенина И. Шнейдеру: «Изадора в сильном беспокойстве о Вас. При всех возможностях послать Вам денег, как казалось из Москвы — отсюда, оказывается, невозможно».

А Айседора ждала приезда школы. Подготовляя почву, по словам Есенина, «мчалась в автомобиле то в Любек, то в Лейщиг, то во Франкфурт, то в Веймар». Ждал и Есенин и 13 июля 1922 г. писал: «Милый, милый Илья Ильич! Со школой, конечно, в Европе вы произведете фурор. С нетерпением ждем Вашего приезда».

А Наркомпрос 21 июля 1922 г. постановил: «Гастрольную поездку школы Дункан в Америку признать нежелательной». А Мариенгоф, зная о решении правительства, в том же письме Ивану Старцеву от 12 сентября 1922 г. пишет: «Вчера был на прощальном вечере Ирмы Дункан. На днях уезжают. Изадора с ними поступила погано. Попросту: плюнула, ни денег, ни писем, а выезжать — изволь».

Спрашивается, при чем же здесь Айседора Дункан? Советское правительство постаралось сорвать гастрольную поездку детей в Америку, не пустили их и в Европу. А выезжать на гастроли по России — «изволь». Советское правительство школу не содержало. Школа кормила себя сама, какую-то помощь оказывала Америка (АРА), но ее было явно недостаточно. Так же будет и в 1924 году. Отказавшись выпустить детей на гастроли за рубеж, где они могли заработать на свое содержание, правительство обрекло школу на закрытие.

Что руководило Мариенгофом и подвигло на эту и подобную ложь? Наверно, как всегда, зависть — одно из самых ядовитых свойств человеческой натуры: Есенину все — слава, почет, уважение и самая знаменитая женщина мира! Справедливо ли это? Почему он, Мариенгоф, должен прозябать в тени и довольствоваться второстепенной ролью? Совсем по Пушкину: умный, образованный, даровитый писатель Мариенгоф — Сальери и легкомысленный, малообразованный крестьянский Моцарт — Есенин.

Начинал с передергивания фактов и очернительства, а окончил наглой, бесстыдной ложью — «Романом без вранья». В предисловии к нему А. Мариенгоф рассказал о той реакции, которую вызвала книга в 1920-е годы:

«Николай Клюев при встрече, когда я протянул руку, заложил за спину и сказал: «Мариенгоф! Ох, как страшно!»

Покипятился, но недолго чудеснейший Жорж Якулов. Почем-Соль (Григорий Романович Колобов — товарищ мой по пензенской гимназии) оборвал старинную дружбу. Умный, скептический Кожебаткин (издатель «Альционы») несколько лет не здоровался.

Совсем уж стали смотреть на меня волками Мейерхольд и Зинаида Райх, Но более всего разогорчила меня Изадора Дункан, самая замечательная и самая по-человечески крупная женщина из всех, которых я когда-либо встречал в жизни. И вот она — прикончила добрые отношения… О многом я в «Романе» не рассказывал. Почему? Вероятно, по молодости торопливых лет. Теперь бы, думается, написал полней. Но вряд ли лучше».

Жаль, что это предисловие не попало в книгу. Думаю, оно явилось бы некоторым покаянием перед памятью друга.

Но вот что интересно. Первая книга А. Мариенгофа «О Сергее Есенине. Воспоминания» была издана в Москве в 1926 году. Вторая — под названием «Роман без вранья» — в Ленинграде, в 1927 году. Когда же успела Айседора прочитать роман? В рукописи? Факт заслуживает внимания исследователей.

В. Чернявский писал о «Романе…»: «Выпуск 10 000 экземпляров книжки Мариенгофа явно поощряется, а простая популяризация поэта вредна и недопустима… Она раскупается и имеет успех (говорят: «Очень интересно!»), и ее развязная фельетонность, насквозь пропитанная запахом мариенгофского пробора, конечно, не бездарна… Противны очень (…) некоторые места — до зловредности, а мне лично — весь тон книжки».

Наделенный от природы редчайшим поэтическим даром, Есенин обладал не менее редким обаянием, умением дружить, быстро сближаться с людьми, всегда быть верным в дружбе. Со всеми своими женами, законными и незаконными, он умел

поддерживать добрые отношения. Аристократ телом и духом, Есенин, которого знала вся Москва, да что там Москва — вся Россия, рубаха-парень, широкая натура, на деньги которого мог выпить любой примазавшийся новоиспеченный друг, — Есенин в «Романе без вранья» предстал как самый настоящий сквалыга, сутенер, пьянь кабацкая, ни родителей не почитает, ни друзей в грош не ставит. Жалкое, отвратительное зрелище!

Это было неслыханное предательство! «Нож в спину». И что вдвойне усугубляет вину Мариенгофа, написал он это не при жизни Есенина — эту гнусность он водрузил на есенинскую могилу — в 1927 году. А исправленный и дополненный вариант вышел в 1965 г..

Все, знавшие Есенина, дружно осудили этот опус, но он создавался для тех, кто не знал Есенина лично, кто мог поверить и принять за правду любую мерзость — ведь писал же лучший друг Есенина! Откуда было знать молодым, что все друзья Есенина состояли на службе правительства и просто обязаны были выполнять его требования. Они и выполняли в меру желаний и способностей. Об этом предостерегал и К.Л. Зелинский директора Государственного издательства художественной литературы А.К. Котову в 1955 году, предлагая подготовить и выпустить в 1957 г. сборник «С. Есенин в воспоминаниях современников»:

«Отсутствие литературы о Есенине привело к тому, что в представлениях пхирокого читателя — и, что особенно неприятно, в восприятии молодежи — наиболее достоверными кажутся воспоминания его «друга» Мариенгофа «Роман без вранья», произведения, как известно, лживого, тенденциозно искажающего факты и всецело отбрасывающего Есенина в буржуазно-декадентский лагерь.

Ничто не нанесло такого удара репутации Есенина как советского поэта, нежели этот ловкий «Роман без вранья». В этом меня убедили встречи с читателями на шести вечерах, посвященных творчеству Есенина в связи с его 60-летием…

Очевидно, на нас лежит долг «отмыть» поэта от той лжи и грязи, которой залепил Мариенгоф Есенина, восстановить правду».

И в письме Н. Вержбицкому от 3 февраля 1956 г. К.Л. Зелинский пишет:

«Необходимо в глазах широкого I читателя отмыть облик Есенина от той грязи, какую на него налепили его лжедрузья. Трудно, в частности, измерить тот вред, какой нанесла репутации Есенина пресловутая книжка Мариенгофа «Роман без вранья».

Вы же знаете, что в этой книжке крупицы бытовой правды перемешаны с таким количеством порочащей поэта выдумки, что в

целом эта книга явилась тем свинцом, который погрузил Есенина в болото нечистой обывательской молвы. В книжке Есенин изображен спекулянтом, который спекулировал солью, кишмишем, изображен двурушником и негодяем, измывающимся над своим отцом, матерью и сестрами, изображен растленным и циничным представителем богемы, который, по уверению своего якобы «друга», обожал заплеванные панели и презирал родную деревню.

Если Дантес убил Пушкина, то Мариенгоф на добрые три десятилетия убил славу Есенина как советского поэта и помог людям из блатного мира, которые по сей день сочиняют всякие фальшивки «под Есенина», распространяя их в рукописи (вроде «Послания Демьяну Бедному», «Исповеди проститутки» и др.)

…Из сказанного вовсе не следует, что нужно в чем-то приукрашать Есенина или что-то скрывать от читателя. Можно и должно говорить о трагедии Есенина… По освещать ее со стороны истории, а не со стороны «Стойла Пегаса».

Маститый критик и литературовед не верит в есенинское авторство «Послания евангелисту Демьяну Бедному», но интересно его замечание, что «люди из блатного мира распространяют их в рукописи». А заключенные сталинских лагерей не сомневались в есенинском авторстве «Послания…». И среди людей «из блатного мира» было немало великих умов России. К сожалению, «Исповедь проститутки» мне видеть не пришлось.

Уничтожающая, беспощадная характеристика дана Мариенгофом Илье Шнейдеру, которого большевистское правительство приставило к Айседоре, конечно, не только в качестве администратора и переводчика. Безусловно, он был доносителем и сексотом. Но разве не такую же роль играл Мариенгоф при Есенине?

Может быть, он посчитал несправедливым, что их, имажинистов, печатно заклеймили «убивцами» и «дегенератами», а Илья Шнейдер остался чистым?

А. Козловский замечает, что первые публикации воспоминаний 1926 года Мариенгофа о Есенине и друзьях не были такими циничными. Они «были встречены критикой благожелательно. Журнал «На литературном посту» отмечал, что написаны они с большой нежностью и дают ряд интересных черт из жизни покойного поэта.

Но в следующем, 1927 году появился «Роман без вранья», который был воспринят всеми, знавшими Есенина, как клевета на него».

Почему так изменилось отношение Мариенгофа к покойному

другу?

Да потому, что изменилось отношение советской власти к поэту. Выступил главный идеолог Николай Бухарин и дал установку и направление, как смотреть на Есенина и оценивать его творчество. Это будет первая большевистская «критика», которая положит начало беспардонной, беззастенчивой травле инакомыслящих.

Мариенгоф и друзья-имажинисты точно и своевременно выполнят указание правительства. На смену литературным статьям Троцкого, написанных язвительно, с сарказмом, но тонко, остроумно и даже с любовью к поэту, пришла подзаборная бухаринская брань с «кобелями» и «сисястыми бабами» и именно она стала олицетворением литературы скотного двора, о чем в свое время писал Есенин.

Ну, а что касается Ильи Шнейдера, то и тут все ясно: в 1949 году Илья Шнейдер был репрессирован. Не знаю, что инкриминировали Шнейдеру следователи, но, думаю, не последнюю роль сыграли изданные им мемуары, пронизанные большой душевной теплотой к Айседоре и Есенину. И тотчас, в 1950 году, Мариенгоф напишет новые воспоминания и по-новому поглумится над своим бывшим единомышленником.

Писатель Максим Горький сурово осудил «Роман без вранья».

Когда некий писатель Лутохин Далмат Александрович в письме 16 сентября 1927 года напишет М. Горькому: *«Понравился мне «Роман без вранья» Мариенгофа. В нем много искренности и свежести. От романа у меня осталось подозрение, что Есенин покончил с собой, заразившись нехорошей болезнью. Или с перепою?»* М. Горький ему ответит:

«Не ожидал, что «Роман» Мариенгофа понравится Вам, я отнесся к нему отрицательно. Автор — явный нигилист, фигура Есенина изображена им злостно, драма — не понята».

Нет, уважаемый Алексей Максимович, недооценили вы Мариенгофа! Нигилист и циник — это точно, он этого не скрывал никогда. А вот драму Есенина он знал и понимал как никто другой. Читайте у Мариенгофа:

«Есенин был невероятно горд и честолюбив. Он считал себя первым поэтом России. Но у него не было европейского имени, мировой славы. А у Изадоры Дункан она была! Во время их поездки по Европе и Америке он почувствовал себя «молодым мужем знаменитой Дункан». Надо сказать, что ничтожные журналисты, особенно заокеанские, не очень-то щадили его. А тут еще болезненная есенинская мнительность! Он видел этого «молодого мужа» чуть не в каждом взгляде и слышал в каждом слове. А слова-то были английские, французские, немецкие — темные,

загадочные, враждебные. Языков он не знал.

И поездка превратилась для него в сплошную пытку, муку, оскорбление. Он сломался. Отсюда многое.

Вина Изадоры Дункан, как сказали бы мы сейчас, была объективной».

Вот так, предельно откровенно, четко и ясно: всему миру представить Есенина сутенером-апашем, и соответственную роль отводили Айседоре Дункан. Вот, мол, откуда есенинские строки об Айседоре:

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж…

И о себе:

Я обманывать себя не стану.
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Должно быть, поначалу Есенин действительно поверил в возможность сдружить, сблизить, «повенчать» два великих народа, потому ехал на Запад с распахнутой душой. Да и как было не верить, если это была идея вождя революции.

Дар поэта — ласкать и карябать.
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.
Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Из книги Матвея Ройзмана «Все, что помню о Есенине»:

«Есенин написал Мариенгофу в июне 1925 года: — Я заслонял тебя, как рукой пламя свечи от ветра, А теперь я ушел, тебя ветром задует в литературе».

А наедине Матвею Ройзману якобы сказал: «Мариенгоф нигде служить не сможет. Он — сам четвертый. Закроетесь, им нечего будет есть. Я удивился: после всего, что натворил Анатолий, Есенин проявлял о нем заботу».

Затыкал, затыкал Матвей Ройзман себе рот, как бы чего лишнего не сболтнуть, да и брякнул под занавес: «После всего, что натворил Анатолий!»

Как показало время, Есенин тоже недооценивал способности своего друга, и забота, и тревога о нем были необоснованны: большевистские руководители не дали умереть с голоду Мариенгофу и его семье. Закрылось «Стойло Пегаса», но открылось кафе «Калоша», которым теперь единолично владел Мариенгоф.

Матвей Ройзман в своей книге «Все, что помню о Есенине» не обошел молчанием «печально известный «Роман без вранья» своего собрата по перу, но «ушаты цинизма» объясняет тем, что Мариенгоф просто-напросто забыл некоторые факты или сохранил в памяти какие-то части их, своеобразно преломленные. Ройзман пишет о своем разговоре с Мариенгофом летом 1927 года, вскоре после выхода книги. Он утверждает, что Мариенгоф, узнавший о своих оплошностях, обещал во втором издании «Романа» все исправить. Но, добавляет здесь «мемуарист», резко встреченная критикой книга не была переиздана, и Мариенгоф, таким образом, просто не имел возможности исправить свои досадные ошибки.

В. Базанов опровергает эти свидетельства: «Второе издание Мариенгофа с теми же «ушатами цинизма» вышло в 1928, а третье — в 1929 году».

Матвей Ройзман, видно, запамятовал не только это. В своих воспоминаниях 1926 года, опубликованных в сборнике «Памяти Есенина», «никому неведомый «собрат по перу» суконным языком, с провалами в безграмотность, Ройзман писал о моментах личных встреч с Есениным, которые, может быть, выявят новые данные, характеризующие его как человека» (В. Базанов). Именно такую скромную задачу ставил автор в первом варианте, и занимали его воспоминания всего десять страничек. А опубликованный почти через полвека новый вариант воспоминаний — более пятнадцати авторских листов, 272 страницы! И задача теперь стояла глобальная: показать себя лучшим другом Есенина. Потому и издание вышло огромным тиражом — в 100 тыс. экземпляров.

Уже первые отклики на воспоминания Матвея Ройзмана предупреждали читателя «осторожнее подходить к авторской интерпретации фактов».

Исследователь-есениновед В.В. Базанов категорически возражает:

«С этим невозможно согласиться, ибо и сами факты (а не только их интерпретация) оказываются подчас весьма сомнительными». Он подверг мемуары тщательному анализу и

сделал вывод: «Не вызывают доверия и подробнейше описанные эпизоды», «незнание фактов биографии поэта», «насколько далеки от истины суждения «мемуариста». И само слово «мемуарист» везде взято в кавычки.

Все верно, никакой он, Матвей Ройзман, не мемуарист, а чекист. Но Есенина-то он действительно знал. Так почему же с этой книгой он так оплошал? Почему допустил столько «проколов» в своих солидных мемуарах?

А откуда было Матвею Ройзману знать биографию Есенина? Близким другом он никогда не был, в деревню к себе Есенин его не приглашал. От чекистской слежки сотрудников «Стойла Пегаса» ушел еще в 1922 году, автобиография Есенина в изданных книгах более чем скромная, а хлынувшая в 60-е годы мемуарная литература в основном носила такой же заказной, лживый характер. Единственный друг из имажинистов Мариенгоф умер в 1962 году, следовательно, консультировать и исправить досадные оплошности было некому. Но следует обратить внимание на весьма существенное замечание Ройзмана. Большинство мемуаристов пишут, что не было более везучего и счастливого человека, чем Есенин: и жар-птицу, Айседору, за хвост поймал, и счастье за ним по пятам ходило, и всего, чего хотел, добился при жизни. А Матвей Ройзман, хорошо зная ситуацию тех лет, вдруг заявляет: «Есенину не везло при жизни, но то, что обрушилось на него после смерти, ни в какое сравнение с этим не идет».

В 2005 году в Бресте вышло серьезное исследование Петра Ивановича Радечко «Троянский конь репутации Есенина». Автор убедительно доказал, что «Роман без вранья» был написан Мариенгофом по заказу большевистских вождей и не должен браться на веру серьезными исследователями жизни и творчества Сергея Есенина.

Глава 8
Штрихи к портрету Бурлюка

Об отношениях Сергея Есенина и Давида Давидовича Бурлюка написано мало. Бур люк — поэт и художник, «отец» и пропагандист русского футуризма — короче говоря, фигура достаточно колоритная. Но так и остался известным лишь узкому кругу литературоведов. Каковы его взгляды? На чью сторону баррикады встал на изломе истори?

Известно, что Бурлюк покровительствовал поэтическому таланту Маяковского, который сразу занял одно из ведущих мест в поэзии и революции. Ученик решительно заявил: «Принимать

или не принимать революцию — такого вопроса для меня не было. Моя революция». А что же учитель-Бурлюк? Если его убеждения были столь же революционны, почему он уже в апреле 1918 года уехал из революционной Москвы? Не просто уехал, а отступал на восток вместе с колчаковской армией. Переезжая из города в город, добрался до Владивостока, где жил до 1920 года. Активно участвовал в деятельности группы «Творчество», в которую входили Н. Асеев, С. Третьяков, С. Алымов, П. Незнамов, Н. Чужак и другие. Когда японская армия оккупировала Владивосток, Д. Бурлюк уехал в Японию, а в августе 1922 года — в США.

Бурлюк и Есенин появились в Нью-Йорке почти одновременно — с разницей в один месяц. Впрочем, Бурлюк успел наобещать Есенину и американским читателям переводы стихов, поэзо-вечера и прочее. Наобещал — и исчез. И объявился только накануне анонсированного на 22 декабря в нью-йоркском Парк-Паласе вечера. То есть сначала он участвует в провале есенинских планов, а потом, как ни в чем не бывало, является с приглашением на вечер, предлагает показывать Есенину Америку и американцев, как о том пишет Морис Мендельсон.

Спрашивается: мог ли Бурлюк быть гидом для Есенина? Конечно, нет. Не для этого пришел он к Есенину. И не хотел уходить не солоно хлебавши, не выполнив возложенного на него поручения.

Прибыв в США, Бурлюк первым делом объявил себя, как значится в «Библиографическом словаре» 2000 года, «первым истинным большевиком в литературе», подчеркивая, что «и на чужбине ведет неустанную работу пером в защиту Советской родины моей».

Возникает закономерный вопрос: почему этот «истинный большевик» предпочитал неустанно защищать Советскую родину на другом полушарии земли и даже не пытался вернуться в СССР? Противоречия здесь нет. Самых преданных и надежных людей чекисты внедряли везде. Например, отступая с колчаковской армией, надежные люди могли проследить путь увозимого белыми царского золота. Таким образом проясняется гражданская позиция Давида Бурлюка. Недаром же его заслуги были отмечены, он дважды приезжал в СССР.

Знал ли Есенин, кому служит отец футуристов в Америке, трудно сказать, но решительно не стал сотрудничать с «большевиком в литературе» и участвовать в большевистских мероприятиях.

В 1929 году Давид Бурлюк охотно откликнулся на просьбу Софьи Толстой-Есениной собрать и прислать для музея

материалы о пребывании Есенина в Америке:

«Я соберу здесь весь материал о есенинских днях в Америке:

Номера газет того времени,

Отдельно рисунки гостиниц (одну — «Валдорф» — начали ломать),

Фото с картины Григорьева «Детство Есенина»(…),

И свои воспоминания о 3–4-х встречах с Есениным здесь,

Адрес Ветлугина, «секретаря», он теперь издатель журнала (американского) «Paris-Comet». (Надо читать, не секретаря, а осведомителя).

Если Вы мне поможете провести мои воспоминания, книжку о нем или же в журналах — толстых Москвы или Ленинграда, я приступаю к работе, получив от Вас указание, что мой труд не пропадет неопубликованным.

(…) Очень интересен скандал у еврейского поэта Манилейба, у меня имеется подробная запись очевидца…» (Нью-Йорк, до 19 октября 1929 г.)

(…) По поводу обещанных материалов о Есенине: «Теперь здесь обещаний уже не даю, но берусь вскорости за перо о Сер. Ал. Ее., изложу все, как видел и слышал здесь о нем. Кой-кому влетит здесь слегка на орехи, но лучше писать все, чем в архивах умалчивать».

Сергей Есенин. Художник Давид Бурлюк

Но переписка на этом оборвалась. Что же помешало Давиду Бурлюку выполнить обещание? Времени не хватило? Рано ушел из жизни? Нет, он прожил еще 37 лет, а в 1956 году по приглашению Союза писателей приезжал в СССР. Значит, причины были другие: материалы эти не должны попасть в СССР. Тем более, что обещал написать правду, «как видел и слышал здесь о нем».

Галина Ивановна Аверина (Рязань) нашла любопытный материал, касающийся Бурлюка и Маяковского. Оперный певец и педагог Н. Хлестов, живший некоторое время на квартире у Маяковского вместе с молодым поэтом, рассказывает:

«В августе 1965 года во время приезда Давида Бурлюка и его

жены в СССР «Московский комсомолец» опубликовал интервью с приехавшими из США. Я прочел и не поверил собственным глазам. Со слов М.Н. Бурлюк, сообщалось, будто В 1911 году Давид привел к себе домой изможденного, оборванного, с больными руками юношу Маяковского, и будто бы Бурлюки его усыновили, и он прожил у них четыре года. Мне неизвестно, для чего сочинили эту неправдоподобную историю, но я и все, кто знал Маяковского в те годы, отлично помнят, что он до 1915 года, до отъезда в Петроград, жил в своей родной семье».

О том, что Бурлюк мог сочинять неправдоподобные истории вспоминал и соученик Бурлюка по художественному училищу художник Г.Ф. Котляров: «Мы-то знали, что Давид не таков, каким рисовался перед Володей (Маяковским — Авт.). Все человеческие отношения — философствовал он в минуту откровения — основаны только на выгоде. Любовь и дружба — это слова, отношения крепки в том случае, если людям выгодно друг к другу хорошо относиться».

Нам Давид Бурлюк интересен прежде всего тем, что за два года до свое смерти написал портрет Сергея Есенина. Выходит, он вынашивал его долгие годы, осмысливал пройденный поэтом путь, его судьбу.

Портрет приобрел английский есениновед Гордон Маквей. Вот как он описывает изображенного Бурлюком поэта: «На голове розоволицего голубоглазого юноши Есенина белая кепка (с желтым и голубым оттенком), с коричневатым козырьком, сливающимся по цвету с его волосами. На нем белоснежная рубашка, темно-красный галстук, оранжевый жилет и темно-голубой пиджак… Слева от Есенина желтая ветряная мельница около зеленого дерева, и эта цветовая схема повторяется в правом углу картины, где изображены два желтых деревенских дома (с пурпурными крышами) и рядом зеленая корова».

Бурлюк наверняка помнил высказывание Есенина, раздражавшее рапповцев: «Мы хотим поставить памятник не Марксу, а корове».

Портрет написан с явной симпатией. Должно быть в то время у Бурлюка родились эти слова: «Надо быть тупослепым, чтобы не видеть зависимость жизни от творчества в искусстве».

Глава 9
О Ветлугине

«Двадцатитрехлетняя полячка Лола Кипел приехала в Висбаден в середине 1922 года, чтобы стать секретаршей Айседоры. Ее воспоминания «Под пятью орлами» кажутся

честными и правдивыми. Отлично владея русским языком, могла понять Есенина гораздо лучше, чем Мэри Дести и Ирма Дункан», — так пишет Гордон Маквей.

Но от услуг переводчицы Лолы Кинел, которую якобы нашла Айседора, Есенин отказался. И, должно быть, не случайно: не исключается ее осведомительская роль. В Берлине Есенин встретился с Ветлугиным, с которым был знаком с 1918 года, и пользовался его услугами.

А. Ветлугин — псевдоним Рындзюна Владимира Ильича (1897-после 1946). Сведений о нем мало — писатель, эмигрант. Зато много нареканий в его адрес, начиная с того, что в переводчики он никак не годился, потому что сам плохо знал английский. Эту сплетню пустил Дон Аминадо (так пишет Елена Толстая). Судя по названиям его книг, большевиков не любил. Да и как их можно было любить, если в 1920-х годах Ветлугин был свидетелем жесточайшего белого и красного террора на юге России.

Троцкий в работе «Литература и революция» дал ему такую характеристику: «В трупном разложении эмиграции довершился некий полированный тип посвистывающего циника (…) Совсем закончено представлен этот тип нестесняющимся г. Ветлугиным, который был с белыми и отверг их, когда они провалились (…) Ветлугин пишет маргариновый роман с наводящим на размышление заглавием «Записки мерзавца». И таких немало».

Известно, что роман этот Ветлугин посвятил Есенину и Кусикову. Владимир Бесперстов, редактор газеты «Милицейские ведомости», Санкт-Петербург, в «Истории литературного авантюриста» пишет о Ветлугине: «О Советах писал одно время с откровенной ненавистью, а идеологи Советов старались его уничижительно не замечать. Ветлугин сотрудничал в свое время с отделом пропаганды Добровольческой армии (ОСВАГом), а прежде печатался в московском органе анархистов. В эмиграции (во Франции) работал во врангелевской газете, затем переметнулся в берлинские издания просоветской ориентации».

Короче говоря, ему было все равно кому служить, лишь бы хорошо платили. Об этом Ветлугин весьма откровенно сообщает Есенину 6 октября 1923 года: «Быть Рокфеллером значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным (…) Мне мое имя — строка из паспорта, тебе — надпись на монументе».

Иван Бунин дал ему такую характеристику: *«Нынешний Ветлугин смотрит на мир ледяными глазами (…) и говорит: «Все вы черт знает что, и все вы идите к черту!» (…) Нужно, необходимо, чтобы хоть иногда на ледяные глаза навертывались слезы».*

А по поводу книги Ветлугина «Третья Россия» А. Ященко написал: *«У него необычайно острые глаза на всякие мерзости жизни. Живо и хлестко написана эта книга и всяким прочтется она с интересом. Для будущих историков она, пожалуй, останется любопытным документом наших дней (…) Он, несомненно, талантливый писатель» («Новая русская книга», 1922 г. № 3).*

Мог ли Есенин не познакомиться с его произведениями, изданными тогда же в Берлине?

Сохранилось письмо 1925 г. на имя Луначарского, в котором Ветлугин сообщал: *«В продолжении двух лет я состою редактором нью-йоркской газеты «Русский голос», стоящей на советской платформе (…) Весной прошлого года нами собрано и переслано Н.К. Лениной (Крупской) 2000 долларов в фонд Живого памятника Ленину».*

В Америке Ветлугин стал влиятельным русскоязычным журналистом.

Глава 10
Несколько слов о Гайдаре

Мы уже упоминали, что при подавлении крестьянских мятежей 1920-х годов, жестокость расправы с которыми так поразила Есенина, отличился семнадцатилетний командир красноармейского 58-го полка Аркадий Голиков — будущий популярный писатель Гайдар.

«Имею благодарность от штаба войск за успешную борьбу с бандитизмом в Тамбовской губерниш», — писал он в автобиографии 1922 года.

Во время подавления антоновского восстания Аркадий был ранен и контужен в голову.

Ни один советский писатель не пользовался такой любовью юных граждан страны и таким авторитетом, как Аркадий Петрович Гайдар. Но сам он не знал покоя и всю оставшуюся жизнь был не в ладах с самим собой (или с властью?) Никогда не гордился он своими победами, да и никогда не рассказывал о них.

Не принесли они ему ни самоуважения, ни почестей.

«Снятся мне люди, убитые не на войне», — так записал в своем дневнике. Сжег он в борьбе за советскую власть свою совесть. Одно дело бороться с иноземными захватчиками, другое — с собственным народом. И бороться самыми жестокими методами. Известно, что красноармейцы под командованием юного Аркадия, экономя патроны, топили восставших крестьян в реке, а тех, кому удавалось скрыться в лесах, травили

удушливыми газами.

Всадник, Скачущий Впереди, — так расшифровывали его псевдоним. Но местные жители (буряты) вспоминают другое: когда Аркадий Петрович собирал свой карательный отряд, они обычно спрашивали: «Гайда (куда — Авт.)? Голиков, гайда?» Не оттуда ли его псевдоним? Жители интересовались, куда направляются каратели, чтобы предупредить соседей о грядущей расправе.

Заслуженное уважение принесли Аркадию Гайдару серьезные мудрые книги, в которых он учил юных граждан «честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту землю, которая зовется Советской страной».

Часть V
КАКИМ БЫЛ и НЕ БЫЛ ЕСЕНИН

Глава 1
О фотографиях и не только

Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была… Да не эта!

Н. Рубцов

Этот крестьянин был безукоризненный аристократ.

Фр. Эллеенс

Есенин оставил после себя много фотографий, охотно дарил их друзьям и подругам. Ну просто кинозвезда голливудская! Так себя любил? Любил покрасоваться? Конечно, портреты нужны были для сборников. Но во всяком случае именно есенинские фотографии наглядно убеждают: не был Есенин алкоголиком.

Единственный раз вышел фотоальбом: должно быть, Софья Андреевна и Екатерина Есенина в 1928 году постарались. Больше не издавался никогда, несмотря на миллионные тиражи книг. Почему? Ведь так интересно увидеть «живого» поэта! Должно быть, по этой самой причине и не издавался: увидит читатель живого Есенина, посмотрит на его многочисленные снимки и скажет: «Почему все друзья врут, что Есенин пьяница? Да разве у пьяницы бывают такие ясные глаза и такое чистое лицо, такая нежная кожа?»

О есенинском пьянстве написано много. Это стало расхожим штампом и не подлежит никакому сомнению. Скажи теперь читателю, что Есенин не был пьяницей, на смех поднимут, тотчас приведут в опровержение десятки примеров.

Еще бы! Эту сторону не обошел вниманием ни один мемуарист. Первыми изрядно постарались друзья и подруги. Да что там друзья, когда пишут сестры, пишет сам поэт о своей «запойной болезни». Нынешние исследователи либо обходят молчанием этот вопрос, либо касаются очень деликатно. Пожалуй, единственный, кто не боится говорить на эту тему, Эдуард Хлысталов. И говорит, казалось бы, странные вещи. Есенин никогда не употреблял водки, тому он имеет

документальное подтверждение. Странный, по русским меркам, пьяница!

Почему же тогда Есенин в мае 1922 года перед отъездом за границу пишет Клюеву: «Последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным»? А через год не менее тяжкое обвинение «в пьяной есенинской свалке» и «непробудном кабаке» находим в письме самого Николая Клюева. Клюев — не Мариенгоф, его никто не обвинил в клевете. Как не верить Клюеву? Так откуда же тогда все это?

В письме Есенина на самом деле речь идет не о «запойной болезни», а об аресте. И арестован был не за пьяный дебош, а по подозрению в контрреволюции. Это совсем другое дело.

Органами ВЧК Есенин арестовывался дважды, это опять же доказал Эдуард Хлысталов. Исследователи пишут только об одном аресте в 1920 году, должно быть, потому, что «Личное дело» Есенина, арестованного в 1921 году, не найдено.

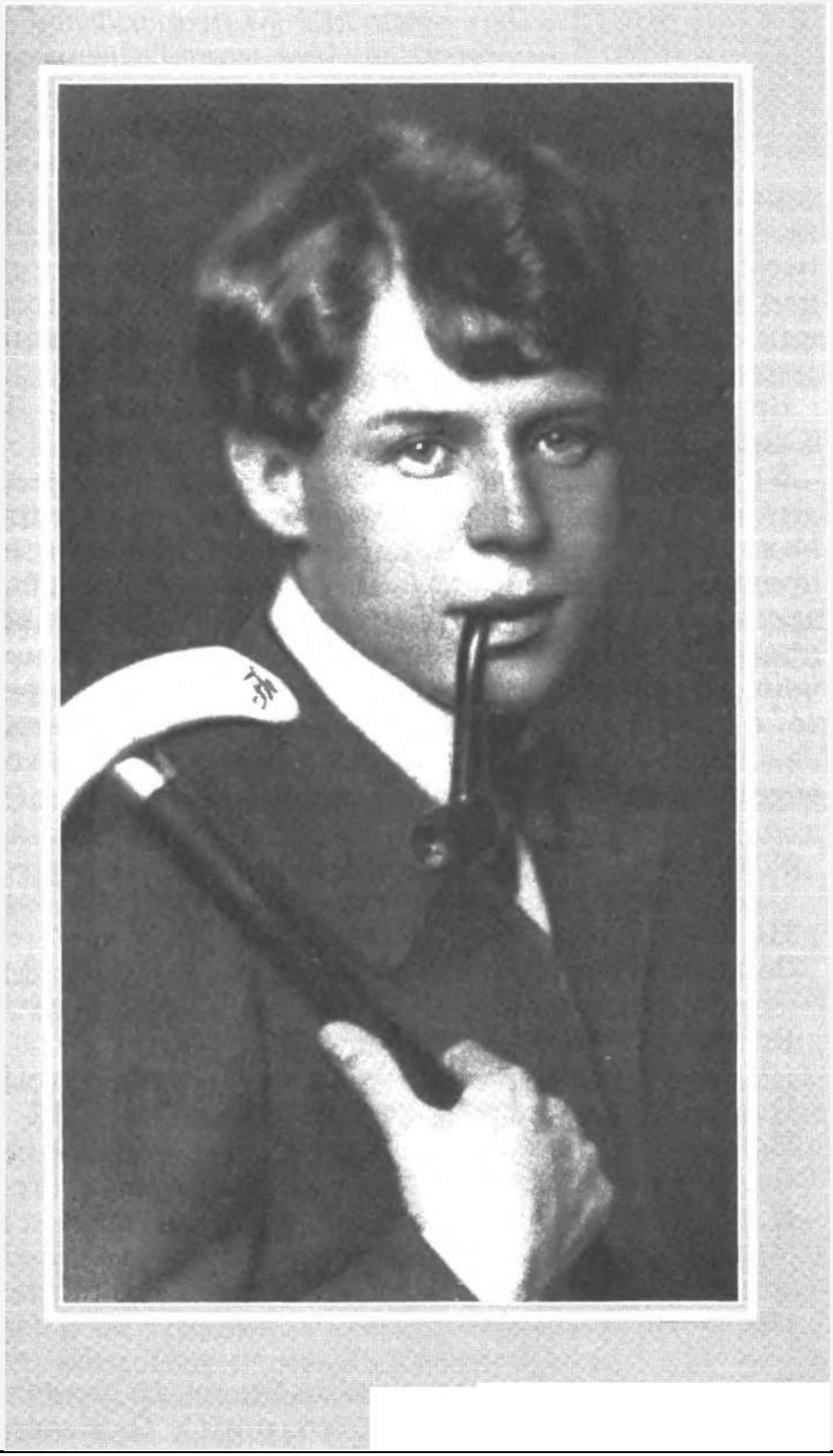
Первый раз он арестован был на квартире Кусикова по подозрению в контрреволюции. (Младший брат Кусикова служил в Добровольческой армии Деникина). В письме Иванову-Разумнику 4 декабря 1920 года поэт объясняет:

«Дорогой Разумник Васильевич!

Простите, ради Бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так все неожиданно и глупо вышло. Я уже собрался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК.

Это меня как-то огорошило, оскорбило и мне долго пришлось выветриваться».

Кроме подозрительной связи с Кусиковым, Есенин открытым текстом писал о своем негативном отношении к советской власти Евгении Лившиц 11 августа 1920 года: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал».



Сергей Есенин. 1919 г.

Восемь суток находился Есенин в тюрьме на Лубянке.

В августе 1921 года по делу Таганцева расстреляли большую группу интеллигенции. Тогда же ликвидировали по приказу Ленина «Помголы», прошли массовые аресты. Должно быть, тогда был арестован и Есенин. Неизвестно, сколько дней провел он в тюрьме во второй раз, но теперь, наученный горьким опытом, он пишет уже не об аресте, а о «запойной болезни». Этот конспиративный язык будет часто использовать в письмах и стихотворениях:

Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке.
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.
Благодарю за дружбу граждан сих.
Но очень жестко
Спать там на скамейке
И пьяным голосом
Читать какой-то стих
О клеточной судьбе
Несчастной канарейки.

В стихах все выходит даже забавно, на деле было — не до шуток. Вот что писал С. Есенин Н. Клюеву в мае 1922 года: *«Очень уж я устал, а последняя моя запойная болезнь совершенно меня сделала издерганным, так что даже и боюсь тебе даже писать, чтобы как-нибудь беспричинно не сделать больно».*

Было от чего стать издерганным — ведь не пощадили даже такого талантливого поэта, как Гумилев, хотя лично М. Горький просил за него Ленина. И было чего Есенину беспокоиться за друга, того только недавно исключили из партии, потому боялся своим письмом навлечь на него чекистские неприятности.

«Запойная болезнь» и «пьяная есенинская свалка» того же происхождения, что и «чекистская Тетушка», о которой не без юмора рассказал в тюремных мемуарах Иванов-Разумник:

«Теткой прозвали мы в небольшом писательском кругу ГПУ, а поводом к этому послужили две строчки из

поэмы «Комсомолия» замечательного поэта земли русской Безыменского: Комсомол — он мой папаша, ВКП — моя мамаша».

Надо сказать, что шедевр «поэта земли русской» был настолько популярен в те годы, что вдохновил другую «знаменитость», Вольфа Эрлиха, на создание подобного двустишия:

Мой дом — весь мир.
Отец мой — Ленин.

Безыменский воспел «трехбуквенную мамашу» — ВКП, а Разумнику Васильевичу тотчас на ум пришла «трехбуквенная Тетка — ГПУ». Почему Тетка? Потому что «еще Фамусов знал о ней, грозя сослать дочь «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!» «Тетка» пришлась всем по душе, тотчас прижилась в писательском кругу, а вскоре появилась и на страницах есенинских писем, например в письме Кусикову: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть… Теперь, когда от революции остались только клюнь да трубка, злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь. Ну да ладно, оставим этот разговор про Тетку».

«Клюнь» — тоже появилось над зачеркнутым трехбуквенным непечатным словом.

Чтобы расшифровать письмо Клюева о «непробудном кабаке и пьяной есенинской свалке, которая длится днями и ночами», достаточно взглянуть на этот период жизни Есенина. Ко всем житейским неурядицам — квартирным, финансовым, семейным и прочим — прибавилась амурная и с той стороны, откуда меньше всего ожидал.

Рассказывают так. Сосед Бениславской по квартире Грандов приревновал к Есенину свою молодую жену (сотрудницу газеты «Беднота», будущую писательницу Елену Кононенко), которая была страстно влюблена в поэта. Поскольку дом этот был ведомственным, и жили в нем работники печати, сотрудники газет «Правда» и «Беднота», Грандов, ближайший коллега Сосновского, редактор «Бедноты», третирует Бениславскую, требуя немедленно выписать Есенина — ему не место в доме работников партийной печати. Да Есенин, собственно говоря, почти и не жил здесь в это время, как бездомная собака, скитался

он по чужим углам.

Из ревности или по другой какой причине Грандов сделал все возможное, чтоб жизнь Есенина стала невыносимой. Конфликт закончился трагически: Грандов повесился.

Здесь рассказчики, как правило, умолкают, предоставляя читателю возможность самому «импровизировать» и делать вывод. А вывод непременно будет такой, как в мариенгофском «Романе»: Есенин вернулся «другой», безнравственный и аморальный. И таким сделали его за короткое время богемная жизнь с Дункан и заграничное турне. А все потому, что не было у деревенского парня внутреннего стержня. Съехал с Пречистенки, ушел от Мариенгофа, остепенившегося, женатого человека, окружил себя гаремом: Галина Бениславская. Августа Миклашевская, Надежда Вольпин, Анна Берзинь — всех и не перечислишь. Совершенно безнравственный и растленный тип, пьянь кабацкая.

Ну, а что же молодая жена Грандова — Елена Кононенко? Неизвестно, довела ли сотрудница газеты «Беднота» своего супруга до этого нервного срыва, но точно известно, что Есенин здесь ни при чем. Его уже не было в живых, когда Грандов в 1927 и 1928 годах все еще редактировал свою газету. Лишь в 1929 году придет другой редактор, а Грандова найдут повешенным на батарее (не правда ли, знакомый почерк?).

Еще на «товарищеском суде» над поэтами «друзья» Мариенгоф и Рабинович впервые указали «на болезненное состояние Есенина». На то, что он «совершенно спился, что он опасно болен, что он близок к белой горячке, и что его необходимо лечить». Мариенгоф, напомню, объяснял друзьям, что эта вопиюпдая ложь была во имя спасения Есенина. В «Литературной энциклопедии» 1930 года уже как непреложный факт написано, что привел Есенина к самоубийству наследственный алкоголизм.

А есенинские выступления? Доклад поэта в Ленинграде 14 апреля в зале Лассаля «О мерзости в литературе» (Есенин назвал его «Словом») в воспоминаниях «друзей» оброс новыми подробностями о невменяемости Есенина.

Особенно изощрялся Романовский (Морщинер) Иосиф Семенович. В письме Белоусову он так описывает один из «литературных вечеров» в Ленинграде:

«К 3 часам дня все билеты были распроданы — громкая слава Есенина сделала свое дело.

Стемнело, близился вечер… А Есенина в гостинице нет. Как ушел утром, так с тех пор не появлялся. Начинаю волноваться. То и дело выбегаю из своего номера, стучу в двери есенинского номера,

оттуда никто не отзывается. Спускаюсь вниз, к швейцару(…)

— Нет, не приходили.

Возвращаюсь к себе в номер. Вдруг — стук в дверь…

Какой-то мальчишка вручил швейцару клочок бумаги (…) Читаю. Характерным есенинским почерком написано: «Яво второй, вверх к вокзалу». Стараюсь понять. Наконец меня осенило: речь идет о пивной или столовой. Бросаюсь по Невскому, захожу во все пивные и рестораны. Увы! Нигде поэта нет. Наконец в каком-то ресторане вижу за столом большую компанию и среди них Есенина».

И только в 1980 (!) открылась правда. В 6-томнике опубликована записка Есенина с таким содержанием: «Устроителям вечера поэзии в зале Лассаля. Я ждал. Ходил 2 раза. Вас и не бывало. Право, если я не очень нужен на вечере, то я на Николаевской, кабачок слева внизу».

И был в кабачке, и беседовал с друзьями, и читал стихи, и пришел вовремя. И был небывалый успех. Два вечера подряд! А почему ушел Есенин с самого утра и не показывался устроителям вечера? Да потому, что вечер собирались провалить, споив поэта. Для того припасли массу бутылок и в гостинице, и за кулисами. Возглавлял этот шабаш Георгий Устинов, а помогали ему молодые друзья, воинствующие имажинисты.

О таких приготовлениях читаем в воспоминаниях Чернявского:

> *«Кажется, он был совсем трезв (вино, однако, было приготовлено за кулисами). В артистическую комнату в перерыве ломились многие, меня долго не пускали, грубо отказываясь сказать обо мне Есенину. Его охраняли как знаменитого артиста».*

Подлость и предательство есенинских друзей, по-другому не скажешь, заключается в том, что они-то все знали, что Есенин никогда не был пьяницей, что «пьяные есенинские скандалы» нужны были провокаторам. И очернили его потому, что отказался сотрудничать с большевиками.

Клевета исходила не только от друзей и подруг. Поддался этой клевете и Максим Горький, который собрал в письмах из России большую корреспонденцию о Есенине и внес свою ложку дегтя в распространение неправды. Его очерк «Сергей Есенин» был опубликован в «Красной газете» 5 марта 1927 года. После очерка всеми уважаемого нашего учителя Алексея Максимовича никто уже по-другому писать не смел, хотя сам «уважаемый учитель» на полях рукописи против этих слов сделал пометку: «Считаю нужным заметить, что Максим Горький для нас не

является авторитетом бесспорным, а как и все из прошлого — подлежит внимательному изучению, серьезнейшей критике».

Золотые слова! К ним давно пора прислушаться. Ведь в воспоминаниях 1926 года рисовался другой облик Есенина. Он представал таким, каким при жизни его знала и любила вся Россия.

> *«Он был чист, строен, красив — у него ж одни русые кудельки чего стоили! (…) А потом на пруду купались. Он плавал мастерски, едва ли не лучше нас всех. Мне запомнилось чистое, белое, крепкое тело Сережи. Я даже и не ждал, что оно так сохранилось, это у горькой-то пропойцы!»*

Эти слова Дмитрий Фурманов написал сразу после гибели Есенина! Ему самому судьба отводила после этого всего три месяца жизни. Да и прочитать эту фразу можно по-другому: «И этого-то чистого, светлого, красивого человека нарекли! горькой пропойцей?»

На есенинской конференции в октябре 2001 года был поставлен вопрос о пьянстве Есенина. Юрий Львович Прокушев ответил так: «Творческий путь Есенина — 10 лет. 10 лет его имя не сходило со страниц печати, с 1915 по 1925 годы (…) 33 книги вышли при жизни и 27 подготовленных к изданию, смакетированных даже, нашли в архивах. 60 книг за 10 лет подготовить! Титанический труд. Где уж тут пить? Алкоголики не знают творчества. О пьянстве ли говорить! Выпить, чтобы снять усталость, напряжение — да. Но алкоголиком Есенина считать — грех».

Подтверждением могут быть и слова Рюрика Ивнева:

«Здесь надо упомянуть (и это очень важно для уяснения некоторых обстоятельств жизни Есенина после его возвращения из Америки), что в ту пору он был равнодушен к вину, то есть у него совершенно не было болезненной потребности пить, как это было у большинства наших гостей. Ему нравилось наблюдать тот ералаш, который поднимали подвыпившие гости. Он смеялся, острил, притворялся пьяным, умышленно поддакивал чепухе, которую несли потерявшие душевное равновесие собутыльники. Он немного пил и много веселился, тогда как другие много пили и под конец впадали в уныние и засыпали».

Большого внимания исследователей заслуживает письмо Марка Азриэлиевича Гецова (1901–1942), студента Государственного института искусств, адресованное Жене и Рите Лившиц. Письмо хранится в частном собрании И.М. Бернштейн. Опубликовано впервые в 1997 году. Вот его сокращенный вариант:

«Ленинград, 2 мая 1924 года.
Милые Женя и Рита!

Хочу до педантичности быть аккуратным. Прошло всего два часа, как я повидал Есенина, а я уж делаю вам подробный письменный доклад об этом. Буду по возможности обстоятелен и постараюсь не пропустить ни одной подробности… Обещал я вам быть у Есенина вчера (1-го), а попал к нему только сегодня утром… Хотел раньше с Сахаровым поговорить, но в первой же комнате наткнулся на Есенина. Я сразу узнал его, отдал письмо. Он очень любезно усадил меня в кресло, а сам наскоро пробежал глазами все ваши письма. Пока Сергей Александрович читал, я все время следил за ним, и чем больше я на него глядел, тем светлее становилось у меня на душе… Так было со мной.

Есенин встретил меня очень вежливо, но с тем холодком, который сквозит в речах человека, который совсем не расположен переходить за границу делового разговора. Но через минуту уж он так открыто и сердечно улыбнулся мне, что я почувствовал себя так, как если б я был с ним знаком целую вечность.

Признаться, мне было не по себе, когда я направлялся к Есенину. Уж очень не лежит у меня сердце к литературной богеме, и мне было досадно, что Есенина, который все же по своему духовному складу ее типичный представитель, я увижу с этой самой непривлекательной стороны… А оказалось совсем не то. Куда там богемная манерность, кабачковый стиль — чудесный, простой, сердечный человек. Мне стало ужасно хорошо. Не вязался в моем представлении образ человека, который сидел передо мной, с тем Есениным, о котором вы мне рассказывали столько тяжелого и гнетущего, как кошмар. Может, я попал в один из тех счастливых моментов, когда Сергей Александрович бывает исключительно хорошим, ну и отлично — я очень рад. Теперь я Есенина люблю вдвойне… Вообще-то говоря, Есенин не произвел на меня впечатления больного человека…

Уходя, я встретил в коридоре Сахарова. Мы прошли с ним в его кабинет. На мои расспросы Сахаров ответил, что Есенин ведет себя прилично, почти не пьет и скоро собирается в Москву».

Такие легенды и слухи о Есенине распространяли самые близкие его друзья и подруги.

Глава 2
О порезанной руке

Сколько лжи накручено вокруг порезанной руки Есенина! Пишут: «порезал по пьянке», «порезал в пьяной драке», а наиболее

«усердные» доказывали, мол, Есенин и раньше пытался покончить с собой, вскрывал вены. Не обошел, конечно, молчанием этот эпизод и Матвей Ройзман:

> *«Ночью Есенин ехал на извозчике домой, ветром у него сдуло шляпу. Он остановил возницу, полез за ней в проем полуподвального этажа, разбил стекло и глубоко поранил правую руку. Его отвезли в Шереметьевскую больницу».*

Приблизительно так же рассказала об этом эпизоде и Екатерина Есенина. Следовательно, Есенин ничего не рассказывал о себе даже самым близким людям.

Рассказывая во всех подробностях о своей встрече с Есениным в больнице, Ройзман несколько раз упоминает о перебинтованной правой руке, которая «лежала поверх серого одеялаи потому с ним и Анной Берзинь Есенин поздоровался, подав левую руку.

Не забыл Мотя Ройзман ни про гостинцы, ни про стихи, «перепутал» только руки Есенина, да «забыл» сказать самое главное, что Анна Берзина (Берзинь) не с Мотей Ройзманом ходила к Есенину в Шереметьевскую больницу, а с Бардиным, что друг Есенина имажинист Мотя Ройзман с самого начала был соглядатаем и сексотом, что после разрыва с имажинистами и ухода Есенина Матвею Ройзману, естественно, нечего стало делать в «Стойле» — он возвращается на службу туда, откуда пришел, в ГПУ. И начнет писать не стихи, а прозу о работе чекистов, милиции. Одна книга так и будет названа: «Друзья, рискующие жизнью». В этой области он больше преуспеет. Его друзья-чекисты, писатели Лев Кассиль и Лев Шейнин, дадут высокую оценку его чекистской деятельности и его детективному жанру.

Вот как этот вечер описан в воспоминаниях Анны Абрамовны Берзинь «Последние дни Есенина»:

«Дома у нас Сергей Александрович держался неуверенно. Его отпугивала, видимо, суровость и подтянутость товарищей из нашей среды…

Не помню ни одного его визита к нам в нетрезвом виде. Мне даже казалось тогда, что о его выпивках и скандалах ходят легенды.

Несколько раз приходилось ссориться с товарищами, которые очень решительно и, как мне казалось, понаслышке придавали досужим сплетникам больше веры, чем мне, утверждали, что Сергей Александрович пьяница и дебошир…

Первого февраля, в день моего рождения, в 1923 году, среди приглашенных был и Сергей Александрович. Все уже в сборе, а Сергей Александрович откуда-то позвонил и сказал, что скоро

придет. Мы не садились за стол, но время шло, а его все не было. Мы перестали его ждать, и вечер пошел своим чередом.

Довольно поздно меня вызвал по телефону чей-то взволнованный женский голос и сказал, что Сергей Александрович лежит в больнице Склифосовского, что он упал и поранил очень сильно руку, что меня просят срочно приехать к нему, и я все на месте увижу. Было странно, что звонила незнакомая женщина и что она была явно чем-то встревожена. Я рассказала обо всем Бардину, и он обещал на другой день поехать со мной вместе. Так и сделали. Бардин зашел за мной на работу, и мы поехали на Сухаревскую площадь.

Есенин лежал в палате очень встревоженный, напуганный. Мы говорили, что опасности никакой нет, что поправится он быстро. Тогда он зашептал:

— Вы видели в коридоре милиционера около двери?

— Нет, не видели.

— Он там стоит и ждет, чтобы арестовать меня!

— За что?

Он начал рассказывать что-то бессвязное о том, что он упал и рукой нечаянно разбил окно, порезался, явился милиционер и хотел арестовать его, и опять о том, что разбил окно. Мы, как могли, успокоили его, пообещав, что его никто не тронет. Он настороженно, с неестественным холодным блеском в глазах, слушал нас. Мне показалось, что у него какое-то потрясение, а Вардин решил, что он с перепоя…

Дежурный врач, к нашему удивлению, подтвердил, что милиционер действительно находился некоторое время в больнице, чтобы забрать Сергея Александровича, где-то наскандалившего».

Анна Берзинь — писательница, рядом с мужем прошла дорогами гражданской войны. В годы знакомства с Есениным работала редактором отдела крестьянской литературы Госиздата. Частыми гостями в доме Берзинь были военные — сослуживцы мужа и друзья по гражданской войне. Первого февраля (13 февраля по новому стилю) был день ее рождения. Был приглашен и Сергей Александрович Есенин.

А. Берзинь ошибочно указывает на 1923 год. В феврале 1923 года Есенин с Дункан находятся за границей. Логично предположить, что она описывает тот же день, но в 1924 году.

По счастью, сохранился регистрационный больничный журнал. Его разыскал Эдуард Хлысталов:

> *«Есенина положили в Шереметьевскую больницу 13 февраля. Привезли его из квартиры Галины Бениславской в 23 час. 30 мин. Диагноз написан по-латыни: «Рваная рана*

левого предплечья». Резаных вен не было. Клевета опровергнута документально.

В больничном журнале нет ни слова об алкоголе».

В первой редакции воспоминаний М.Д. Ройзман писал, что в тот день, когда случилось это несчастье, Есенин участвовал в очередном совещании имажинистов *«и по обыкновению первым поставил свою характерную подпись»: «Успел только позвонить Анне Абрамовне, сказал, что скоро приедет. Взял извозчика (…), а дальше знаем, что поздно вечером оказался в Шереметьевской больнице».*

В архиве КГБ хранится следственное дело Эмиля Кроткого. Он был арестован одновременно с блистательно начинавшими Н. Эрдманом и Вл. Массом в 1933 году. В следственном деле — воспоминания о Сергее Есенине, фрагменты задуманной книги. Вот что писал Эмиль Кроткий о Есенине:

«Пьяный провалился в застекленный люк перед обувным магазином, жестоко порезал руку. Выйдя из больницы, показывал багровый рубец:

— Вот ведь какая рука! Руку отрезать хотели. Не позволил. Теперь не действует.

И жалостливо смотрит на свою якобы недействующую руку. А лицо — как у ребенка, который хочет, чтоб поцеловали ушибленное место. А через минуту — задорно:

— Рука-то ведь эта действует! В «Стойле» на меня вчера трое навалились, — так я их…

И это не совсем точно. Дрался-то он действительно с тремя, но, рассказывали, отнюдь не победоносно».

В воспоминаниях Эмиля Кроткого есть неувязка: «Вчера на меня трое навалились». А прежде сказал: «Выйдя из больницы, показывал багровый рубец».

Трех лет ссылки в Сибирь хватило Эмилю Кроткому на всю оставшуюся жизнь. Сравнивая его старт и финиш, приходится с горечью признать: Эммануил Яковлевич Герман уцелел, но сатирик Эмиль Кроткий навсегда превратился в юмориста. Впрочем, под жестоким давлением власти и более стойкие его современники претерпевали ту же метаморфозу — ярко начав, к концу жизни тускнели. Платили талантом за право жить.

Только в 1991 году стало достоверно известно, что же случилось с Есениным в тот злополучный вечер 13 февраля 1924 года.

В больнице Есенин находился до конца марта. Навеп],авшим его давал ясно понять, что его пытались убить в «Стойле Пегаса», что были при этом обище знакомые, были свидетели. Почему же

никто никогда не сказал правды? На что рассчитывали нападавшие? Что назавтра в газетах появится заметка о том, что вчера, в пьяной кабацкой драке?.. И все читатели и почитатели есенинского таланта только вздохнут? Приблизительно так ведь сказал Д. Бедный после гибели Есенина:

— Этого следовало ожидать! Какой талант, и как разменял себя Есенин! И какая глупая кончина. И все потому, что нянчились с ним, все спускали ему с рук!

Нет, не в пьяной драке, его подстерегли трезвого. Этот замысел разгадал Есенин, потому и сказал о нем в самом задушевном своем стихотворении:

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Посетившими его в больнице девушкам, Софье Виноградской и Яне Козловской, Есенин читал свои новые стихи:

Как тогда я отважный и гордый
Только новью мой брызжет шаг…
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.
И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего, я споткнулся о камень.
Это к завтраму все заживет».

«Он не стихи читал, он рассказывал жуткую правду своей жизни, он кричал о своих муках», — напишет потом С. Виноградская («Как жил Есенин»).

Наталья Сидорина записала со слов вдовы Ивана Приблудного имя одного из тех троих, что покушались на Есенина: Марцелл Рабинович, сотрудник ЧК ОГПУ; он тоже числился в есенинских приятелях. Именно Марцелл Рабинович вслед за Мариенгофом два месяца назад на «товарищеском суде» впервые указал на болезненное состояние Есенина:

«Поэты Мариенгоф и Рабинович отметили, что Есенин совершенно спился, что он опасно болен, что он близок к белой горячке и что его необходимо лечить».

В комментариях Н.И. Шубниковой-Гусевой говорится, что «это утверждение не соответствовало действительному утверждению дел», что это «пример дружеской «лжи во спасение». Но мы ведь теперь знаем, как аукнулась для Есенина эта дружеская ложь — и в его судьбе, и в «Романе без вранья».

Евгений Черносвитов пишет, что этот приговор «неизвестно на основании каких данных» будет записан в «Литературной энциклопедии» 1930 года: «Богема и принимавший все более острые формы наследственный алкоголизм привели Есенина к гибели: под влиянием тяжелых психических переживаний он окончил жизнь самоубийством». «Самоубийство бродяги» — эти слова употребил некий Б.Л. Розенфельд.

Отныне часто будут ссылаться на наследственный алкоголизм Есенина. В хронологии, приведенной Шубниковой-Гусевой, 4-я книга), записано:

> «1923 г. 17 декабря. Помещен для лечения в профилакторий.
>
> 1924 г. февраль-март. Продолжение лечения в Шереметьевской и Кремлевской больницах».

Такая трактовка в корне неверна и искажает действительные события. 17 декабря 1923 года после «товарищеского суда», который чуть не стал последним глотком свободы, угодил в профилакторий после нервного потрясения. А 13 февраля 1924 года (через 10 дней после выхода из санатория) попал в больницу после покушения на него в «Стойле Пегаса». Поэтому не может идти речь о «продолжении лечения», речь идет о покушении, о попытке физической расправы.

Глава 3
Как Есенин «одарил любовью» Шагала

Один из механизмов рождения лжи о Есенине удается проследить на примере двух зарубежных исследователей его творчества.

Сначала профессор славянских языков и литературы Калифорнийского университета в Беркли Симон (Саймон) Карлинский пишет в письме Гордону Маквею:

«Идея о том, что Есенин и Мариенгоф могли быть любовниками, впервые пришла мне в голову, когда я читал воспоминания Никритиной… Она описывает жизнь обоих поэтов не слишком богемную: они вместе снимали комнату, имели общие деньги, вместе ели и пили… Меня поразило это описание их

хозяйства как типичного для веселой мужской парочки».

и далее:

«Еще раз перечитав «Роман без вранья», я понял, что Мариенгоф отчетливо намекает на природу своих взаимоотношений с Есениным для тех читателей, кто способен это понять, хотя в то же время заметает следы для остальных».

Потом профессор прошелся по «заметенным следам» «Романа без вранья», далее по следам стихотворных посвящений, таких, как «Прощание с Мариенгофом» Есенина и, видно, основательно убедил английского слависта — исследователя, жизни и творчества Есенина Гордона Маквея — в своих предположениях.

Вдова Мариенгофа Анна Никритина «считала предположение Карлинского о гомосексуальных отношениях Мариенгофа и Есенина смехотворным, но не оскорбительным». Об этом свидетельствует Фр. Блэйер.

Гордон Маквей пишет: *«В «Сорокоусте» вспышки самоуничижения поэта переходят в шокирующие образы сексуальных отношений с животными и предметами».*

Анекдотично? Да. Но по размышлении можно себя спросить: а ведь действительно, кто, какой иностранец может перевести русский мат на свой язык без сексуальных вывертов? Вот и есенинские «загибы» в «Сорокоусте» истолкованы в точном соответствии со значением слов в русском толковом словаре.

Все это так, и было бы понятно, если б оба профессора с завидным фанатическим упорством не начали изучать и перевертывать всю лирику Есенина под гомосексуальным углом зрения. О раннем есенинском стихотворении 1916 г. «День ушел, убавилась черта» С. Карлинский пишет: «Поэт посылает свою тень заниматься любовью с другим мужчиной вместо себя». И даже широко известное посмертное стихотворение поэта «До свиданья, друг мой. До свиданья!», по его мнению, «является любовным посланием к молодому человеку, с которым он провел ночь за несколько дней до этого».

Словом, идея, рожденная профессором Карлинским, понравилась профессору Гордону Маквею. Он развил и дополнил ее «некоторыми фактами», которые до сих пор замалчивались: например, письмом от мужчины, который написал Маквею: «Сказать по правде, он (Есенин) подарил мне свою любовь».

Такое письмо действительно существует. Вот оно с незначительными сокращениями:

> «22 мая 1964 года. Уважаемый господин! Я отвечаю Вам на французском языке, хотя Вы удивительно хорошо пишете по-русски. Я понимаю, что Вы должны любить

поэзию Есенина. Он из характернейших поэтов России. Я хорошо знал его, и тогда он был чрезвычайно красив. Я думаю, что мы были примерно одного возраста, но все же тогда я был гораздо моложе! По правде говоря, мне повезло. Он одарил меня своей любовью.

(…) Со временем для меня становится все более и более ясно, что из всех русских поэтов он мне ближе других.

Марк Шагал».

Вот так неожиданность! Имя Марка Шагала рядом с именем Есенина не упоминает ни один есениновед. Откуда же оно? Каким ветром его занесло — витебским или парижским? На самом деле все было так.

15 марта 1964 года, будучи студентом Оксфордского университета, Гордон Маквей написал К.Л. Зелинскому в Советский Союз письмо: *«Я очень надеюсь, что Вы в качестве редактора и исследователя произведений Есенина поможете мне в моей работе! (Я изучаю жизнь и творчество Есенина)».* Чего же спрашивать с иностранца! Иностранный студент заметил массу противоречий в сборниках разных лет, неточностей и ошибок. Вот это-то и просит разъяснить.

Сергей Есенин и Леонид Леонов. 1925 г.

Видно, из-за большой загруженности Корнелий Люцианович передоверил ответ своим помощникам. Леонид Леонов 14 апреля 1964 года пишет Гордону Маквею, что не располагает достаточным материалом о Есенине, поскольку познакомился с ним лишь в последний период его жизни. Встреч с Есениным было немного. «Фотоснимок, на котором мы изображены с ним вместе, сделан случайно в редакции журнала «Прожектор» весной 1925 года».

Вот, пожалуй, и все, что мог рассказать Леонов. Зато Марк Шагал 22 мая 1964 г. в письме поведал нечто такое, что два профессора расшифровывают до сих пор. Их эстафету в России подхватил Александр Шаталов. А Александр Лукьянов, врач-психотерапевт, «научно доказал», что Есенин и не мог быть нормальным и психически здоровым, ибо еще в утробе матери был с отклонениями. Вон аж куда заглянул ученый человек!

Как Шагал, родившийся восемью годами раньше Есенина, оказался в его признании «гораздо моложе» Есенина, мы теперь не узнаем. Старость ли подвела Марка Шагала, и он даты «перепутал», французский ли язык с нижегородским спутали переводчики. Кто теперь поймет?

ЧАСТЬ VI
МУЗЫ ЕСЕНИНА

Глава 1
Любившие по приказу?

Начнем с воспоминаний Галины Бениславской: *«Есенин о чем-то возбужденно шепотом говорил с Катей. «Подождите минутку, Галя», — сказал, когда я вошла.*

Что же ей сказал СЛ.? Чтобы она была очень осторожна со мной, так как я вовсе не из бескорыстной любви и преданности вожусь с ним, — я агент ГПУ и в любой момент могу спровоцировать его и посадить в тюрьму.

Но тут же СЛ. стал ей говорить, что если с нами — большевиками — будут расправляться, то она все же должна спасти меня, так как, несмотря на это, я для него много сделала. Катя недоуменно спросила:

«Или правда, что ты из ГПУ, тогда Сергея надо спасать от тебя, и вообще — куда же тогда Сергей попал? Или, если это не так, то Сергей сумасшедший, и от этого не легче».

Конечно, Екатерине Есениной нелегко было разобраться, да и что тогда она могла понимать? Прозрение придет в Бутырской тюрьме, где она отсидит в 1938 году с 3 октября по 16 ноября как жена уже расстрелянного к тому времени Василия Наседкина. За Катей был еще один существенный грех — она была сестрой Сергея Есенина и его секретарем.

Полтора месяца отсидела она в тюрьме, но это в глазах советской власти несмываемым пятном легло на нее на всю оставшуюся жизнь. «Теперь я считаюсь социально опасным элементом, не имеюищм права проживать в пятнадцати городах сроком на пять лет», — писала сестра поэта в заявлении на имя Берии. И вот какой ей был выдан документ:

«Удостоверение

Дано административно-высланной Есениной Екатерине Александровне в том, что она состоит на учете в 8 отделе УКГ УНКВД по Рязанской области и обязана проживать в с. Константиново Рыбновского района Рязанской обл. без права выезда за пределы

указанного пункта. Обязана явкой на регистрацию в 8-й отдел УГБ УНКВД по Рязанской обл. каждого 15 числа. При отсутствии отметки и своевременной явки на регистрацию удостоверение не действительно.

Начальник 8-го отдела УКГ УНКВД Булатов».

В таком режиме прожила много лет сестра великого русского поэта Екатерина Александровна Есенина.

У Мариенгофа в «Романе без вранья» есть такие строки: «Примерно недели через две литературная Москва жила сенсацией: Есенин с Мариенгофом поссорился».

Сенсация была не для литературной Москвы, потому что дружба эта скорее удивляла; Есенин и Мариенгоф всегда были разные, можно сказать — противоположные. Поэтому не удивительно, что они расстались. Сенсация и переполох были в ГПУ. Как же теперь быть? Кто будет доносить? Есенин порвал со всеми имажинистами. Кого прикрепить ненавязчиво, тактично, чтобы следить и доносить? Ведь другом сразу не станешь. Для этого нужно время.

В Ленинграде, куда едет Есенин, собирают всю молодежь — воинствующих имажинистов. Их возглавляет Эрлих (сотрудник ЧК-ГПУ). Но главная сила, которую «бросили» в образовавшуюся брешь — это были сотрудники женского пола. Самые красивые, самые умные и обаятельные: Галина Бениславская, Августа Миклашевская, Анна Берзинь.

Не менее интересна тайная, засекреченная есенинская муза — Надежда Вольпин. Вызывает удивление, что ее имя никогда не упоминалось друзьями-имажинистами, хотя она была знакома с Есениным с 1919 года. Надежда Вольпин — поэтесса, тоже из группы имажинистов, знала все есенинское окружение, и ее знали все. В мае 1924 года родила от Есенина сына (так значится в документах). И что же? Никто, ни один человек, «не вспомнил» о ней в мемуарной литературе, посвященной Есенину, даже Мариенгоф. Может ли быть такое? Оказывается, может. Чем же это объясняется? Необычайной скромностью есенинской музы? Или она не хотела затеряться в многочисленном обществе есенинских жен, потому и ушла в небытие на десятки лет? И только в 1987 году Надежда Вольпин опубликовала свои мемуары «Вспоминая Сергея Есенина. Глазами друга».

Даже персиянка Шаганэ — бывшая подпольщица в годы дашнакской Армении — вылетела не из шахского гарема, а все из той же организации. И ее засекреченная личность высветилась только в конце 1950-х годов.

В отличие от Айседоры Дункан у этих женщин была другая

роль.

В 1925 году на XIV съезде партии секретарь контрольной комиссии С. Гусев (Драбкин) сказал: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить». Недоносительство каралось всегда и каралось строго. И в 1932 г. Каменев и Зиновьев попали в политизолятор, а потом в ссылку именно за это преступление.

Вот каким был период есенинского многоженства.

Каждый член партии просто обязан был в первую очередь выполнять свой долг перед партией. Чувства были потом. А женщин «прикрепляли», «подсаживали» к каждому поэту, разумеется, более или менее выдающемуся.

При Маяковском состояла Лиля Брик. (Сейчас известно, что вместе с Осей они были сотрудниками ЧК с 1920 года). Правда, в поездках по Союзу Маяковского по линии ЧК «обслуживал» Павел Ильич Лавут. Максима Горького опекали очаровательные Мария Федоровна Андреева и Мария Игнатьевна Будберг (она же Закревская, она же Бенкендорф). К поэту Николаю Гумилеву была «прикреплена» его «ученица», «девушка с бантом» Ирина Одоевцева (Ираида Густавовна Гейнике) — и так к каждому большому писателю. И потому большевики хорошо знали, чем каждый дышит, о чем думает. И потому каждому воздали по заслугам.

У Мих. Эльзона есть точное выражение по поводу практики «бдительного присмотра»: *«Ведущий научный сотрудник, специалист по крестьянским поэтам, ныне плодотворно трудящийся под бдительным присмотром кандидата филологических наук».* Лучше не скажешь!

Ну а потом каждый, отлично зная своего подопечного, писал о нем душевные воспоминания, руководствуясь евангельским изречением: «Если служение осуждения славно, то тем паче славно служение оправдания».

«Официально Россия не считалась страной, завоеванной иноземцами, но революция и гражданская война расщепили ее элиту, и, прежде чем приступить к ликвидации ее национальной, патриотически ориентированной части, правительству следовало «отделить агнцев от козлищ», выявить в ней своих сторонников и противников. Для этого в писательскую среду и были внедрены тайные и явные агенты политического сыска: супруги Брик, Агранов, Волович, Эльберт и множество других. Литературные амбиции привели в эту когорту присматривавших за писателями и Якова Блюмкина, который даже пользовался среди них труднообъяснимой популярностью». Об этом пишет С. Курбатов.

Мариенгоф, хотя знал, что его не опубликуют, пишет «в стол»

«Это вам, потомки!» Не хотел уйти из жизни, не поведав читателям о некоторых фактах из биографии Августы Миклашевской, несомненно, достойных внимания тех самых потомков.

По его словам, когда Есенина познакомили с А. Миклашевской, у нее был муж или кто-то вроде мужа — «приходящий», как говорили тогда. Она любила его — этого лысеющего профессионального танцора… Приезжая к Миклашевской со своими новыми стихами, Есенин раза три-четыре встретился с танцором. Безумно ревнивый Есенин совершенно не ревновал к нему. Думается, по той причине, что роман-то у него был без романа.

Цикл стихов о любви был написан. «И муза из Камерного театра стала Есенину ни к чему».

Выходит, романа-то и не было. Мариенгоф не только к этому факту привлекает внимание читателя. Он завершает повествование полным развенчанием есенинской музы.

«Попав во время войны в бывшую Вятку, я неожиданно встретил там Миклашевскую. Она уже несколько лет работала на провинциальных сценах — с Таировым поссорилась из-за своего танцора. Не желая на целый год расставаться с ним, она наотрез отказалась ехать в гастрольную поездку за границу, Таиров принял это как личное оскорбление: «Возмутительно! — говорил он, — Променяла Камерный театр на какую-то любовь к танцору!

(…) Война. Эвакуация. Вятка.

— А вы, Гутенька, все так же хороши! — сказал я, крепко расцеловавшись с ней при свете «коптил-ки» военных лет.

— Так же ли, мой друг? На другой день, при белом свете, я не без грусти понял и оценил правдивую горечь ее вопроса. Хоро та, красива, но…»

Многоточие поставлено автором. Время и трудные военные годы изменили внешность есенинской музы. Понимая, что «партийные красавицы, как известно, увядают не так быстро, как беспартийные, Гутенька подала заявление в ВКП(б)». А к открытию нового театрального сезона, конечно, не без содействия Мариенгофа, Гутя Миклашевская снова была актрисой Камерного театра.

«Какие роли сыграла она там, я не помню, вероятно, нечего было помнить, — продолжает Мариенгоф. — Тем не менее Таиров вскорости выхлопотал ей звание заслуженной актрисы.

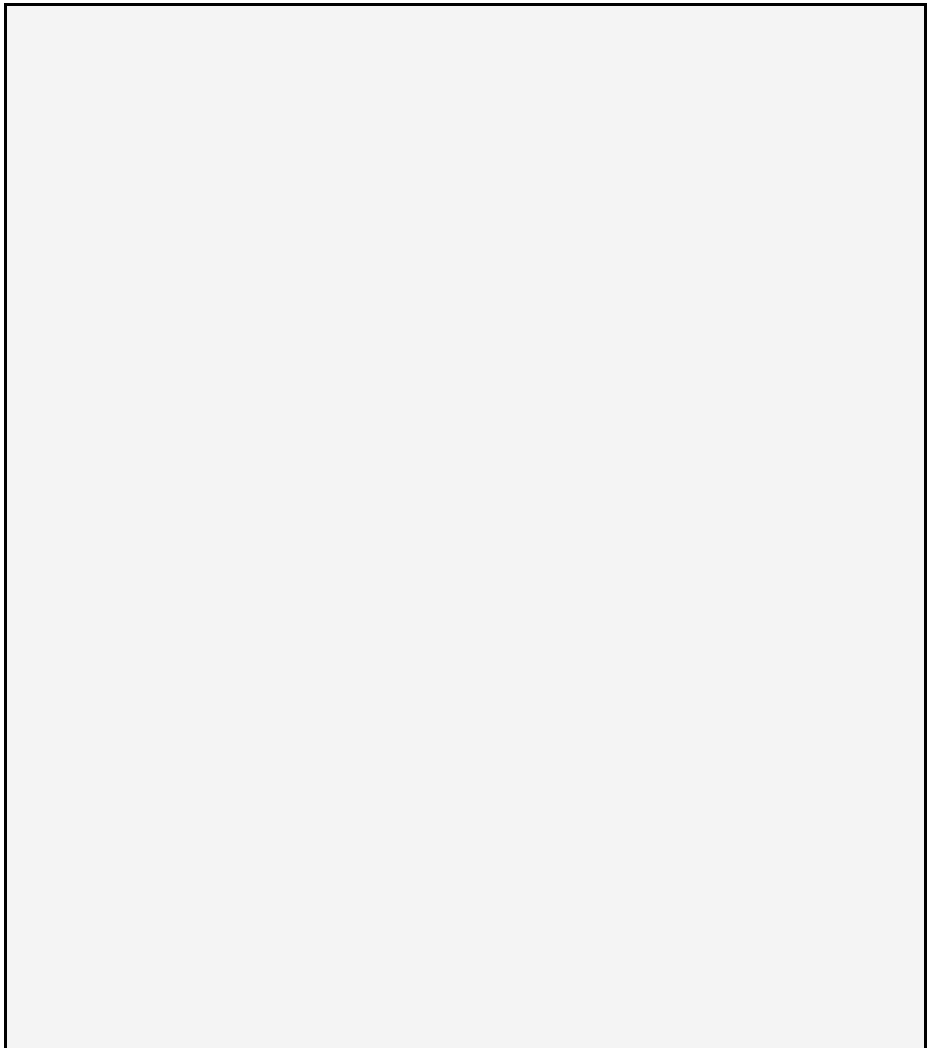
А когда, по предложению Сталина, Александра Яковлевича и Алису Георгиевну выгоняли из их театра, из Таировского и Кооненского Камерного театра, член партбюро Августа Леонидовна Миклашевская, став оратором, пламенно ратовала за

это мудрое решение вождя человечества.

Эх, Гутенька, Гутенька!

После того я уже не встречался с ней. Что-то не хотелось».

И хотя при жизни Мариенгофа произведение «Это вам, потомки!» опубликовано не было (только в 1992 году), но для чего-то он поведал этот нелицеприятный биографический факт. Может быть, возмущался несправедливостью, что его, Мариенгофа, напрочь вычеркнули из посмертной жизни Есенина, а Августу Миклашевскую приглашали в качестве почетной гостьи на все есенинские праздники? Но со всей определенностью можно сказать, что непризнанный гений Мариенгоф-Сальери не мог равнодушно относиться к баловню судьбы, незаслуженно вознесенному славой, а потому уничтожал и пачкал все, что возвышало Есенина и его окружение.



Августа Миклашевская, 1923 г.

Знал ли Есенин, кому служили его музы?
А как понимать тогда 6-ю главу «Пугачева»:

И деньгами, и ляжками покупает Екатерина
У продажных мерзавцев мою голову для плахи.
Только плевать мне, плевать на мразь!
Знаю я, что не в бабьей говядине сила
Это отбиваются за грабительскую власть
Сволочные и подлые дворянские рыла.

А как понять последние любовные стихи поэта?

Подруга охладевших лет.
Не называй игру любовью…

Или эти, датированные 13 декабря 1925 г., строки:

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветреный поэт.
Как случилось? Что со мною сталось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость.
Не смиряясь с горечью измен.
Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых.
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?
Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

Нынешние читатели знают и удивляются, что разница в возрасте Есенина и Айседоры Дункан была почти в 18 лет, но почему-то не удивляются, что бывшая жена Желябужского, а потом и Максима Горького, выйдя вновь замуж за горьковского секретаря П. Крючкова, являла образец разницы в двадцать один

год. Почему-то скромно умалчивают, что Мария Игнатьевна Будберг вообще годилась Максиму Горькому в дочери и, должно быть, потому именовалась секретарем, а не женой. Огромная разница в возрасте была у многих политических деятелей и их жен: Сталина, Бухарина, Луначарского и т. д. (здесь, конечно, перевес шел в мужскую сторону).

Но политические проститутки типа Коллонтай даже у Ленина не находили осуждения. И когда Александра Михайловна, бросив все партийные дела, бежала с новым любовником Павлом Дыбенко, а Троцкий потребовал публично осудить ее за нарушение партийной дисциплины и приговорить к расстрелу, Ленин под общий дружный хохот партийцев предложил приговорить лучше к 5 годам верности. (Кстати, Александра Михайловна тоже была старше Дыбенко на семнадцать лет.)

Как нынешние политические деятели и коммерсанты начали перестройку с перестройки своих кабинетов и офисов, так и революционные деятели провели прежде революцию в своей семье: подавая пример, обновили жен. Женились на юных. Такой была официальная политика новых завоевателей России — разрушение семьи как основы государства.

И в этом ряду «удивительных» женщин особые отношения сложились у Есенина с Софьей Андреевной Толстой.

Софья Андреевна (она сама и ее имя) могла помочь Есенину уехать за границу — уйти от преследований. Есенин пошел на союз с Толстой, убедившись, что Галина Бениславская оказалась идейной сторонницей Троцкого: Есенину она объявила о серьезных отношениях с Львом Седовым, сыном Троцкого — опального политика, за которого собиралась замуж. На Берзинь он тоже не мог положиться, довериться.

Все дальнейшее поведение Софьи Андреевны показывает, что она добровольно взвалила на свои плечи непомерную ношу — уберечь поэта, дать ему возможность работать, избавить от «друзей», спасти.

Она сделала все, что было в ее силах. И даже тот факт, что С.А. Толстая не оставила воспоминаний о Есенине, лучше всего прочего объясняет ее отношение к поэту и к власти: если нельзя писать правду, то лучше ничего не писать. С.А. Толстая так и сделала. Но всю свою жизнь она посвятила Есенину. Ее доброе, нежное чувство проявилось во всех записях, письмах (Горькому, Калинину и др.), во всех комментариях к стихам. Она приложила максимум усилий, чтобы собрать воедино, восстановить утраченное, сохранить творчество поэта.

Толстая поставила целью своей жизни — спасти от извращения и лжи, от уничтожения и забвения поэзию. Это было

нелегко в долгие годы запретов и гонений. Она делала копии стихов, копии писем, статей, собирала воедино и готовила полное собрание его стихотворений, писала комментарии к ним, хотя никто в те годы издавать Есенина не собирался. Только в 1940 году обратилась она к М.И. Калинину, напоминая ему о радушной встрече, о которой Есенин помнил всегда. Ответ Калинина был обнадеживающим. И к 1941 году Софья Андреевна подготовила к изданию собрание сочинений Есенина. Но началась Великая Отечественная война. Собрание сочинений вышло только в 1946 году.

Подвиг С.А. Толстой сродни подвигу декабристок. Но тех женщин их жертвенность возвышала, поднимала в общем мнении, делала уважаемыми, почти святыми. Софье Андреевне выпала на долю другая участь — людская клевета и злословие. Благодарности она не дождалась. Ей было несравненно тяжелей, может быть, потому она так рано ушла из жизни. После смерти Есенина ей долго пришлось скрываться, скитаясь по родным и знакомым, как некогда поэту. Объясняли, что Софья боится оставаться одна. Собственно говоря, так оно и было, только никому, даже матери, она не могла сказать правды. Боялась не мертвого Есенина, а живых его палачей, которые теперь преследовали ее. Ее видели всегда молчаливой и замкнутой. «Высокомерной», «гордой» называет ее М. Ройзман, которому она не подавала руки и с которым не разговаривала.

Мать, очень переживая за дочь, опасаясь за ее душевное состояние, приводит в письмах к М. Волошину факты безобразного поведения С.А. Есенина по отношению к Соне (что не подтверждала сама Софья Андреевна). Но клеветники — сосновские, бухарины, лелевичи, устиновы — могли радоваться: мнение о Есенине как об алкоголике и психобандите подтверждалось его родственниками. В 1955 году, готовя к изданию собрание сочинений Есенина, П. Чагин и С. Толстая вычеркнули из книг посвящения Мариенгофу. Они знали, что делали. Вычеркнут был и Чагин, причем самим Есениным. Думается, тоже не случайно. Его роль в судьбе Есенина еще не изучена.

Есть еще одно соображение о том, что сблизило их, Софью и Сергея. Следователь по особо важным делам Н.А. Соколов, расследовавший дело убийства большевиками царской семьи, несмотря на чудовищные трудности, сумел вывезти через Харбин и спасти все следственные материалы: свидетельства, документы, фотоснимки, предметы — улики, изобличавшие преступников и ими совершенное злодеяние. В 1922 году Соколов Н.А., перебравшись в Европу, жил в Берлине, затем в Париже.

Продолжал вести следствие, писал книгу. Издана она была в 1925 году после его кончины.

За границей Есенин не мог не встретиться с Соколовым, потому что знал царскую семью, читал в ее кругу стихи, уважительно отзывался о царице и получил от нее в дар перстень. Свидетельств их встречи нет, но вряд ли Есенин мог пройти мимо столь компрометирующего большевиков материала. Тогда же в Берлине был и М. Горький.

В свою очередь, большевиков тоже очень интересовали эти документы, собранные Соколовым, ибо они могли причинить большевикам немало неприятностей. Кроме уничтожения этих документов или приобретения их, большевики в качестве «наследников» русского престола хотели знать, где хранится царское золото. И потому поддерживали (или распространяли) слухи о том, что царская семья жива. Не без их участия «воскресали» чудесным образом из небытия «царские дочери» и «великие князья» и оказывались за рубежом, претендуя на наследство.

К расследованию гибели царской семьи был причастен генерал-лейтенант Дитерихс М.К., впоследствии написавший книгу «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале». Ольга Константиновна Толстая, урожденная Дитерихс, мать Софьи, была родной сестрой генерала Дитерихса, поэтому могла знать подробности расследования или даже хранить документы. Могла все это знать и Софья.

Глава 2
Галина Бениславская

Бесконечно любя Есенина, Бениславская попыталась вырвать из сердца отравившее ее чувство. Из этого ничего не вышло — замужество с Л. не состоялось.

После смерти Есенина 1926 год она прожила, видно, только для того, чтобы написать о нем правду, хоть чуточку приоткрыть завесу из плотной ткани лжи и предательства. Закончив дневник, покончила с собой. Сама застрелилась или заставили? Известно, что из партии она вышла после гибели Есенина.

«Л.» — исследователи расшифровывали как Лев Повицкий (вместо Лев Седов, сын Троцкого). Помогать отцу Лев Седов начал с 1923 года, об этом пишет в некрологе Троцкий, впервые обдумывая нелегкий путь старшего сына, ставшего с 1923 года его преданнейшим помощником:

«Оставаясь молодым, он как бы стал нашим

ровесником. По собственной воле Лев ушел из Кремля в пролетарское студенческое общежитие, чтобы не отличаться от других. Он отказывался садиться с нами в автомобиль, чтобы не пользоваться этой привилегией бюрократов. Он скоро постиг искусство конспирации: нелегальных собраний, тайного печатания и распространения документов оппозиции. Зимой 1927 года, ни минуты не колеблясь, Лев решил оторваться от своей молодой семьи и школы, чтобы разделить нашу участь в Центральной Азии. Он действовал не только как сын, но прежде всего как единомышленник: надо было во что бы то ни стало обеспечить нашу связь с Москвой. Мы называли его министром иностранных дел, министром полиции, министром почт и телеграфов»

(Ю. Помпеев).

Заметьте, в то время как Галина Бениславская рассчитывала на серьезные отношения, Лев Седов уже имел «молодую семью». Жена с ребенком приезжали к Троцким в Алма-Ату в 1928 году.

Что же касается Льва Осиповича Повицкого (1885–1974), то он в своих воспоминаниях о Есенине предельно ясно пишет, что едва был знаком с Галиной Бениславской. Знакомство их было преимущественно заочным, через Есенина, который не забывал в письмах передавать им приветы.

Кому же потребовалось «расшифровать» дневник Галины Бениславской таким образом, что едва знакомый человек сделался ее любовником? Случайно ли исследователи ошибались?

Ничего случайного в искажении фактов нет, есть целенаправленная ложь: события, факты, характер отношений, даты, имена — все искажалось, путалось, подчищалось, недоговаривалось, все сводилось к намеченным формулам: алкоголик, «психобандит» с манией преследования — самоубийца. Порциями выдаются дозволенные «находки», что десятилетиями лежат в спецхранах. Все фамилии вымараны, кроме дозволенных.

Дневники Галины Бениславской, которые могли бы пролить свет, изданы в сокращении — якобы из-за чрезмерной интимности. Нелепо и смешно читать об интимности дневников в наше время, когда печать и телеэкран заполнены порнографией.

Бениславская вела дневник, где немало досталось есенинским друзьям да и самому поэту, а в 1926 году, видно, под влиянием обрушившейся на Есенина клеветнической литературы начала писать воспоминания, где пыталась объяснить читателю,

как невыносимо тяжело было жить Есенину в Москве в последнее время. Вот отрывок из ее дневника:

«Сергей — хам. При всем его богатстве — хам. Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам. А ведь с него больше спрашивается, нежели с кого-либо простого смертного.

(…) Я думала, ему правда нужен настоящий друг, человек, а не собутыльник… Думала, что для него есть вещи ценнее ночлежек, вина и гонорара. А теперь усомнилась… стоил ли Сергей того богатства, которое я так безрассудно затратила.»

Из воспоминаний: *«Несмотря на все тревоги, столь непосильные моим плечам, несмотря на все раны, на всю боль — все же это была не только сказка. Все же было такое, чего можно не встретить в такую короткую жизнь, но и в очень длинную, и очень удачную жизнь».*

Такой же крутой поворот сделала Галина в отношении Николая Клюева:

«Сначала я и Аня Назарова были очарованы Клюевым. Клюев завоевал нас своим необычным говором, меткими, чисто народными выражениями, своеобразной мудростью, чтением стихов (…) Мы сидели и слушали его почти буквально развесив уши».

Но уже через несколько дней мнение резко изменилось. Клюев оказался не просто плохим — отвратительным.

«Ханжество, жадность, зависть, подлость, обжорство, животное себялюбие и обуславливаемые всем этим лицемерие и хитрость — вот нравственный облик, вот сущность этого, когда-то крупного поэта».

Ну и ну! Клюева знали многие. И многие писали о нем. Но чтобы вот так, как Галя… Нет, такого не было. Все грехи смертных нашли воплощение в Клюеве.

Многие отмечают его чудачества: дескать, лицедей, двоящийся в своем актерстве между образованным европейцем и простоватым пейзанином. На люди обряжает красную рубаху и смазные сапоги, а дома сидит в «спинжаке» и при галстуке и «маракует» (изучает) в подлиннике Гейне и Маркса.

«Таинственный деревенский Клюев», по словам Анны Ахматовой, одним виделся скромным, тихим и набожным, другим, напротив, елейным, вкрадчивым, неискренним» (К. Азадовский).

Остается только удивляться и гадать, как это удалось Галине Артуровне за столь короткое время, что жил Клюев в Москве, рассмотреть в нем столько отрицательного, что на всех есенинских друзей и недругов хватило бы? А может быть, и загадки никакой нет, и ответ лежит на поверхности?

> *«Как приехал «Николай» да увидел, в каких условиях живет его любимый братик Сереженька, так и начал на все лады расхваливать Айседору да уговаривать, чтобы Сереженька вернулся к ней. «Вот бы мне такую бабу!..» На*

Сереженьку молился и вздыхал».

А после гибели Есенина сказал: «Слушался бы меня, ничего бы с ним не случилось».

Как было Гале спокойно смотреть и слушать, могла ли не возмущаться, смириться, отдать любимого, которого уже и так не чаяла никогда вернуть? В дневнике она писала:

«А. (Айседора), именно она, а не я предназначена ему, а я для него — нечто случайное. Она — роковая, неизбежная (…) Я — «не по коню овес».

Так преданно любить, так самоотверженно — до забвения себя — угождать… На все была согласна: не хочет взять женой, будет подругой. Не подходит эта роль, будет нянькой, мальчиком на побегушках, секретарем — на все готова. И все потеряла, когда явилась божественная Айседора. Конечно, кто устоит перед богиней! Поняла и безропотно ушла в тень. Не ждала и уже ни на что не надеялась. Сам пришел! Сбежал от богини. И тут явился этот «смиренный Николай».

Клюев писал в эти дни в письме: *«Я живу в непробудном кабаке, пьяная есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льется рекой, и люди кругом бескрестные, злые, неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса».*

Некоторым утешением было для Клюева общение с Айседорой Дункан, подарившей поэту свою фотографию с надписью. По этому поводу Клюев сообщал в письме Архипову: *«Я ей нравлюсь и гощу у нее по-царски».*

Из дневника Галины Бениславской:

«Ведь что бы ни случилось с Е. и А., но возврата нет (…)

Если внешне Е. и будет около, то ведь после А. — все пигмеи, и несмотря на мою бесконечную преданность я — ничто после нее (с его точки зрения, конечно). Я могла бы быть после Л.К., З.Н. (Лидии Кашиной, Зинаиды Николаевны Райх — Авт.), но не после нее. Здесь я теряю».

Собственно говоря, так и было в их отношениях: ценил ее Сергей за преданность. Как женщину не любил никогда.

А в воспоминаниях в 1926 году Бениславская написала:

«Быть может, прав Сергей Александрович: «Клюев расчищал нам всем дорогу. Вы, Галя, не знаете, чего это стоит. Клюев пришел первым, и борьба всей тяжестью на его плечи легла (…)

Быть может, потому, несмотря на брезгливое и жалостное отношение, несмотря на отчужденность и даже презрение, Сергей

Александрович не мог никак обидеть Клюева, не мог сам окончательно избавиться от присосавшегося к нему «смиренного Николая», хотя и не хотел этого.

Быть может, из благодарности, что не пришлось ему, Есенину, бороться с этим отвратительным оружием, ханжеством и притворством, в руках; что благодаря Клюеву не испоганилась вконец и его душа, а эта борьба коверкала душу — это и Сергей Александрович сам по себе почувствовал, об этом не раз он с болью вспоминал в последние годы, когда стал подводить итоги, когда понял, что нет ничего дороже, как прожить жизнь «настоящим», «хорошим», когда видел в себе, что все это гнусное все же не захлестнуло подлостью душу, и с детской радостью и гордостью говорил:

Зинаида Николаевна Райх с детьми Константином и Татьяной Есенинами, 1925 г.

«Я ведь, все-таки, хороший. Немножечко — хороший и честный».

И на самом деле Сергей Александрович по существу был хорошим, но его романтика, его вера в то, что он считал добром, разбивались о бесконечные подлости окружавших и присосавшихся к его славе проходимцев, пройдох и паразитов. Они заслоняли Есенину все остальное, и только, как сквозь туман, сквозь них виделся ему остальной мир. Иногда благодаря этому туману казалось, что тот остальной мир и не существует, И он с детской обидой считал себя со своими хорошими порывами дураком. И решал не уступать этому окружению в хитрости и подлости, и почти до конца в нем шла борьба этих двух начал — ангела и демона.

А «повенчать розу белую с черной жабой» он не сумел, для этого надо очень много мудрости, ее не хватило».

Читаешь эти, такие противоречивые, строки Бе- ниславской и невольно думаешь: и это пишет женщина, которая, как все уверяют, без памяти любила Есенина?! Любила ли? Или выполняла долг — любить и воспитывать?

Исследователи считают, что перед смертью не лгут. Должно быть, так. Но тогда как понять ее любовные связи? Без памяти любила Есенина, а отдыхать на Черное море поехала с Покровским, а замуж собралась за сына Троцкого? И это все в одно и то же время. А как понять тогда ее письма Эр- лиху — теперь они опубликованы — написанные через три месяца после гибели Есенина, когда еще все раны кровоточат, письма такие пустые, бессодержательные, удручающе равнодушные, с потугами на скоморошество, словно человеку все трын-трава? Обмениваясь письмами, ни Эрлих, ни Бениславская ни словом не обмолвились о человеке, которого они так любили! Возможно ли такое?

Софья Толстая не через три месяца, а через семь лет напишет в годовщину смерти Есенина: «Господи, Сереженька мой, как я могу жить без него и думать, что я живу, когда это только гнилая, затрепанная оболочка моя живет, а я ведь с ним погибла».

Это крик души. Так пишут, когда сердце истекает кровью. Но об этой любви почему-то не принято говорить.

Такие документы, как «Послание евангелисту Демьяну», сохранили и донесли до потомков те люди, которые подверглись репрессиям: ссыльные и узники ГУЛАГа. Людмила Васильевна Занковская и ее супруг работали по распределению в Мурманской

области. Однажды, после их лекции один из слушателей, расстегнув свою телогрейку, вытащил из огромного кармана, пришитого грубыми стежками, маленький клочок бумаги, на котором был отрывок из «Страны Негодяев», в те годы еще не опубликованной поэмы.

Благодаря этим людям было найдено и «Последнее письмо Галины Бениславской». Письмо впервые опубликовано в книге Л. Занковской «Новый Есенин» в 1995 г. (И тоже, как «Послание…», не включено в Полное собрание сочинений). Вот что было в письме Бениславской от 16 июля 1925 года:

«Сергей, если Приблудный когда-либо в своих мерзостях пойдет далеко, и притом окружающие забудут, кем он был до сих пор, расскажи об этом Яне (Яне Козловской — **Авт.),** она, быть может, поможет выявить его физиономию, но только, если это действительно будет нужно, и если он начнет именно тебе делать гадости… Яна тебе большой друг; несмотря на то, что она на жертвы не пойдет, это верный друг.

А Соня Виноградская — ты даже не представляешь, от чего она спасла тебя в 1923 году. Запомни это.

Из твоих друзей — очень умный, тонкий и хороший — Эрлих. Это, конечно, не значит, что ему ничего от тебя не нужно. Но на это, что ему надо, он имеет право. Больше среди них я никого не видела.

Знай еще: Сахаров — Сальери нашего времени, немного лучше, но и намного хуже пушкинского. Он умнее того Сальери и сумеет рассчитать, чтобы не только уничтожить тебя физически (это ему может не понадобиться), но и испортить то, что останется во времени после тебя. Не будь дураком и в дураках, не показывай беспардонную храбрость там, где ее смешно показывать. Ты не имеешь права давать волю твоему истеричному любопытству и лететь в огонь. Помни, что Сахаров может дать только плохой конец, только унизить тебя. Он хорош, пока ты силен и совсем здоров. Имей силу уйти от него. Несмотря на то, что он много отдал тебе. Ты же не виноват, что ему дано очень много, но не все, чтоб быть равным тебе. А зло против тебя у него в глубине большое, ты это как будто сам знаешь.

Ну, а остальных ты видишь? Не слишком доверяй себя Анне Абрамовне (Берзинь). Здесь можно ошибиться и в хорошую, и в плохую сторону. Хорошего она много сделала, и все же внимательно смотри. Мне кажется, тебе надо устроить свою собственную пристань, чтобы не бросать якоря в открытом море. Плавай, но знай, где твоя пристань.

И последнее: по-моему. Толстая очень хорошая (по рассказам о ней; я ведь ее не знаю), будь бережливым, если будешь с ней —

не швыряйся ею; она слабее других, меньше знает тебя, ей труднее и не она тебя, а ты ее должен беречь — может статься, что в этом (в ее слабости) и твое спасение.

А зачем я это пишу? И для тебя, и для моего собственного спокойствия, чтобы, уехав, не мучиться сознанием, что не сказала, а тебе может пригодиться. Письмо порви и не болтай о нем направо и налево».

«От этой характеристики «друзей» поэта становится не по себе. Оказывается, еще в 1923 году над поэтом нависла смертельная опасность… Оказывается, что и в ближайшем окружении Есенина есть люди, которые сумеют не только уничтожить физически, но и испортить то, что останется во времени после него» (Занковская Л.В.).

Да, письмо требует осмысления и ответов на многие вопросы. И все ли соответствует мыслям Бениславской? Вот хотя бы ее характеристика Софьи Толстой: сколько в письме внимания, чуткости, деликатности. И куда подевались ее чуткость и деликатность, когда писала дневник?! А ведь дневник заполняла уже после письма — 16 ноября 1925 года.

И кто объяснит, почему Есенин его не уничтожил, как о том просила Бениславская? Не отразилось ли оно на ее судьбе, ведь она называет секретных сотрудников ОГПУ, а этого чекисты не прощали.

Глава 3
Почему Есенин ушел от Айседоры?

На этот вопрос по существу ответила Галина Бениславская: не имел морального права Есенин вешать на Айседору своих сестер, своих родителей, строительство нового дома, взамен сгоревшего, и все свои проблемы.

Ей было не легче. «Хорошо откормленное советское общество» не замечало ее трудностей, и потому помощи не было ниоткуда. Спонсировавший ее АРА прекратил свое существование.

И все же интересно отметить, что «босоножка» почуяла, что-то подсказывало ей: Бениславская не та женщина, на которую Есенин мог променять ее, Айседору. Соперницу она увидела в Августе Миклашевской. К ней поехала знакомиться, ей. Августе Миклашевской, сказала то, что думала:

«Вся Европа знайт, что Есенин был мой муш, и вдруг первый раз запел про любоф — вам, нет, это мне! Там есть плохой стихотворень: «Ты такая ж простая, как все». Это вам!»

Она была права: не о ней (Августе) думал поэт, когда писал

этот цикл. Тому есть подтверждение. Есенин написал в 1923 году, после возвращения из Америки:

> *«Сегодня я вытащил из гардероба мое весеннее пальто. Залез в карман и нашел там женские перчатки…*
>
> *Некоторые гадают по рукам, а я гадаю по перчаткам. Я всматриваюсь в линии сердца и говорю: теперь она любит другого.*
>
> *Это ничего, любезные читатели, мне 27 лет — завтра мне будет 28. Я хочу сказать, что ей было около 45 лет.*
>
> *Я хочу сказать, что за белые пряди, спадающие с ее лба, я не взял бы золота волос самой красивой девугпки.*
>
> *Фамилия моя древнерусская — Есенин. Если переводить ее на сегодняшний портовый язык, то это будет — осень.*
>
> *Осень! Осень! Я кровью люблю это слово. Это слово — мое имя и моя любовь. Я люблю ее, ту, чьи перчатки держу в руках, — вся осень».*

Н. Никитин написал: «Какая полынь отравила этот роман, я не знаю». А Мариенгоф, как всегда оригинальничая, в романе «Мой век…» тоже выскажет свое мнение:

«— Почему, мой друг, ты не женился на этой знаменитой и богатой женщине?

— Да потому, — ответил мужчина, — что не хотел стать женой своей жены.

Вот только не помню, в каком веке был этот разговор».

Айседора Дункан после смерти Есенина в парижской прессе объявила: «Протестую против легкомысленных высказываний, опубликованных американской прессой в Париже. Между Есениным и мною никогда не было ссор, и мы никогда не были разведены. Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием».

И это была истинная правда, которую тоже погребли под нагромождением лжи. Это ей, своей Изадоре, пишет Есенин в мае-июне 1925 года:

Айседора Дункан

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Но есениноведы до сих пор адресуют эти стихи Августе Миклашевской.

Глава 4
В защиту Анны Берзинь

Гулагом проверенный человек.

В. Кузнецова

Роль Анны Берзинь в судьбе Есенина до конца не понята. Несмотря на доброе отношение к ней самого поэта, исследователи, со слов «друзей», приписывают ему отрицательный отзыв о ней.

Кто же она: добрый ангел-хранитель, который помогал ему уходить от врагов в последние два года жизни, или «набитая дура и подлица»?

Известно, что сестры Есенины не жаловали Берзинь — «очередная любовница», обижались и на неполную выплату за посмертное собрание сочинений Есенина (от нее ли это зависело?).

В дневнике Софьи Толстой есть запись не в пользу Анны Абрамовны: *«Говорит, «предлагаю товарообмен» — дает рукопись «36-ти» в том варианте, когда она называлась «26», и за нее просит 4 тома Гиза. Торгует бессовестно, а я даже не могу выразить ей своего отвращения — боюсь отпугнуть и потерять его рукопись. Не могу отдать последние книги, и сердце разрывается — как же быть?»*

Оскорбление тяжкое: «набитая дура», «подлица» — и пусть это всего два слова, но это, по существу, два библейских гвоздя, которыми Анну Берзинь прибили к позорному столбу. Странно другое: Есенин друзей не оскорблял, разве только Мариенгофа, поссорившись, но и тому, говорят, как истинный христианин, первым протянул руку.

Вокруг Есенина не могло быть случайных людей в том смысле, что это были проверенные, преданные делу революции люди. Им, своим сотрудникам, чекисты старались обеспечить приемлемую «легенду», алиби. Не потому ли рядом с убитым

Есениным не было ни Бениславской, ни Вольпин?

Анна Верзинь с дочерью, 1928 г.

Впрочем, позднее убирали всех, кто так или иначе был близок к Есенину. Поплатились все: кто — за свою дружбу, расположение, кто — за то, что укрыл когда-то, сберег от расправы, продлил ему жизнь, а кто — за то, что стал свидетелем преступления власти против поэта.

Анна Абрамовна Берзинь — русская, дочь псковских крестьян, была комиссаром в отряде героя гражданской войны Оскара Берзиня (расстрелян в 1937 года). В трудные годы войны вышла за него замуж, затем окончила Тимирязевскую академию. Много читала. И сама печаталась под псевдонимом «Ферапонт Ложкин». Работала редактором крестьянской литературы в Госиздате.

Весной 1929 года в Москву приехал польский писатель и поэт Бруно Ясенский. Его она пошла встречать на вокзал вместе с сотрудниками отдела, там они познакомились и больше не расставались до самого его ареста.

Саму Анну Абрамовну арестовали за то, что она категорически отказалась отречься от мужа, которого объявили «врагом народа». Из партии исключили, хотя проголосовали не все. Фадеев лично отобрал партбилет. Судили Анну Берзинь не как члена семьи врага народа, а за связь с польской разведкой, то есть ее тоже сделали врагом народа. Приговор — 8 лет лагерей, по окончании — поселение в Коми АССР.

Две дочери остались у бабушки. Восьмилетнего Андрея отправили в детский дом (Андрей был сыном Б. Ясенского от первого брака, воспитывался Анной Берзинь).

Анна Абрамовна восемь лет отсидела в лагерях Коми и столько же, почти до 1956 года, оставалась на поселении там же, в Княжпогосте. Выжила благодаря своим качествам, за которые ее все любили, ценили, берегли по мере возможности. Сберегли, возможно, для того, чтобы сумела опубликовать рукопись своего мужа Бруно Ясенского «Заговор равнодушных» и написать воспоминания о Есенине. Мемуарная рукопись давалась ей с трудом. Годы заключения крепко подорвали здоровье. Внимания и заботы требовала и совсем больная, прикованная к постели мать Анны Абрамовны — Анастасия Панкратьевна Фаламеева. Большую переписку вела Анна Абрамовна со своими молодыми друзьями Сашей Жолондзем и его женой Ирмой. Все письма они бережно сохранили и пронесли через всю свою жизнь чувство любви к этой удивительной женщине огромной культуры, энциклопедических знании, красивои, щедрой, душевной и необыкновенно умной.

Привожу отрывок из сбереженного ими письма от 14 мая 1956 года, написанного после реабилитации, когда Берзинь уже вернулась в Москву.

> *«Саша, милый, все так же вокруг нас молодежь, и молодежь, конечно, очень хорошая. И я рада, что ты написал — это продолжение моей жизни и лишний раз подтверждает, что я живой, что я советский и партийный человек. Столько видеть и не свихнуться, очень трудно.*
>
> *Я послала тебе отчет обо всех делах. Все это интересно и страшно, ведь так легко было пропасть морально и физически, а вот все же выбрались оттуда, кажется, даже пострадав меньше, чем деляги из*

теперешних писак. Вчера в два часа застрелился Фадеев. Зачем он это сделал? Все же он лучше, чем я о нем думала. Я считала его последним подлецом, без стыда и совести, а оказалось, что он все же имел еще живую душу и совесть».

После опубликования рукописи Бруно Ясенского на ее имя стали приходить письма не только от знакомых, но и от людей, которых она никогда не знала. Письма благодарности. А однажды получила телеграмму, кажется, из Южно-Сахалинска (на имя Суркова): «Прошу передать мое уважение жене Бруно» и подпись: Валентин Российский.

Каких трудов стоило Анне Абрамовне спасти и сохранить рукопись! Ведь хранила она ее в сыром бараке, на берегу р. Кылтовка, где жила после заключения. Хранила, рискуя многим, под дощатым полом. Рукопись, написанную чернилами, приходилось часто просушивать, восстанавливать расплывшиеся от влаги страницы.

Наверно, и не сберегла бы А. Берзинь труд мужа, тем более, что в 1951 году ее перевели на станцию Кола — под Мурманск. Чтобы не рисковать, она доверила ее комсомольцу Александру Жолондзю. Он был единственным не репрессированным артистом из большого коллектива художественной самодеятельности, которым руководила Анна Берзинь на Центральном отдельном лагерном пункте (ЦОЛПе) Севжелдорлага МВД СССР в поселке Княжпогост.

По воспоминаниям Александра Жолондзя, «это был странный лагерь, в нем находились в заключении видные актеры, бывшие в свое время гордостью советского театра, прекрасные музыканты, крупные ученые и очень много выдающихся врачей».

Жолондзь вспоминает случай, когда у Маши Жеуску случились преждевременные роды, она была уже в состоянии клинической смерти, Анна Абрамовна, работавшая в больнице медицинской сестрой, бросила лагерным врачам: «Не можете спасти человека!» Это было вызовом. Двое суток боролись они за жизнь Маши и двоих ее детей-близнецов. И спасли всех. Работа врачей осложнялась нежеланием женщины жить. Высланная из Польши Мария Ржевутская (Жеуску она стала в лагере — так записали фамилию на слух) приготовилась к смерти. Когда врачи выписали Машу Жеуску из больницы, идти ей было некуда. Анна Абрамовна привела ее с детьми в свой барак, где все приготовила для матери и ее малюток. Из таких же ящиков, какие служили ей мебелью, сделала кроватки. Она помогала Маше растить Петю и Алину, а те, когда научились говорить, обеих женщин звали

мамами.

Когда Анну Абрамовну ссылали, к счастью для нее, не надолго, в Карело-Финскую республику, она не забывала присылать деньги на воспитание малюток. Позже М. Жеуску уехала с детьми в Польшу.

В 1951 году в места ссылок за подписью Молотова был направлен правительственный циркуляр: «Бывших политических заключенных использовать только на физической работе». А. Берзинь с ее плохим здоровьем этот циркуляр обрекал на смерть. Всеми правдами и неправдами лагерное начальство добилось возвращения А. Берзинь в Княжпогост. к тому времени в Микуни выстроили большое, красивое здание театра. И Берзинь ездила 50 км на поезде, чтобы, как и раньше, руководить художественной самодеятельностью.

А. Жолондзь рассказывает: *«Мне в этом Дворце культуры поручили отвечать за художественную самодеятельность. К счастью, в Княжпогост вернулась Анна Абрамовна. Ее удалось уговорить приезжать в Микунь, чтобы она занималась подготовкой концертов и спектаклей. Ночевать она оставалась у меня вместе со своим мужем и сколько всего интересного из своей легендарной и трагической жизни рассказывала она.*

В Микуни Анна Абрамовна пригласила для работы с ней чудесную молодую женщину Тамару Петкевич, которая до ссылки в Микунь была ведущей актрисой лагерного театра. Ее отец, поляк по национальности, был расстрелян, а ее, совсем молодую девушку, арестовали, и 10 лет она пробыла в лагерях без всякой вины.

К 1 мая 1952 года Анна Абрамовна решила поставить спектакль «Белый ангел» — о белой девушке, которая полюбила негра, а страшная в своей жестокости система губит их любовь. Роль негра должен был исполнять я, а белую девушку — Тамара.

Но за два дня до премьеры меня вызвали в НКВД и сказали, что Тамара как «враг народа» не имеет права играть в этом спектакле, а Анна Абрамовна не имеет права работать в Микуни.

Но так как приглашения на спектакль уже были разосланы, а срыв концерта имел нежелательные последствия, то разрешение на один спектакль было получено, хотя и предполагали, что после концерта Тамару вновь арестуют. Нервы у нас были напряжены до предела. Но спектакль прошел с большим успехом. В сцене, где я должен был оттолкнуть слегка Тамару от себя, я сделал это так сильно, что она буквально пролетела всю сцену. Этой же ночью (после спектакля) Тамара нелегально убежала из Микуни и скрывалась до самой смерти Сталина и только в 1956 году была полностью реабилитирована, затем окончила театральный институт. Сейчас она живет в Ленинграде и написала книгу о

своей нелегкой судьбе и тех людях, кто был с ней в лагерях, «Жизнь — сапожок непарный».

После этого спектакля больше я никогда в жизни на сцене не выступал. В августе 1952 года я уехал в Ленинград, где поступил учиться в железнодорожный институт».

Анна Абрамовна и ее муж были реабилитированы только в 1956 году, получили прекрасную квартиру в высотном доме, где находится гостиница «Украина», но ее все время мучил вопрос, где находится Андрей — сын Бруно Ясенского от первого брака. Когда мужа и ее арестовали, мальчика отправили в детский дом, и с 1938 до 1956 года о нем ничего не было известно. Все запросы относительно судьбы Андрея оставались без ответа. И только в 1956 году после опубликования в журнале «Новый мир» романа «Заговор равнодушных» Ясенский-младший нашелся и рассказал о своей нелегкой судьбе.

Впоследствии Анна Берзинь говорила: «Я осталась жива благодаря Семену Ивановичу Шемену». Кто же в те годы не слышал этого имени! Почему он благоволил А. Берзинь? Может быть, она напоминала ему жену, так же как Берзинь, находившуюся в сталинских лагерях только за то, что она была полькой, а Семен Иванович не захотел отречься от жены, как не захотела отречься от мужа Анна Абрамовна?

Начальник управления, полковник, а впоследствии генерал С.И. Шемена в 1938 году был военным атташе в Чехословакии, а его жена, полька, была арестована как «шпионка». Семена Ивановича перевели на должность начальника Управления строительством Сев. — Печ. лагерей из центрального аппарата.

«Несмотря на работу в органах он был порядочным и культурным человеком, сделавшим много добрых дел отдельным заключенным», — так пишет о Семене Ивановиче бывший заключенный этого лагеря, впоследствии работавший директором Дома культуры, Соломон Ерухимович. У него работала Анна Абрамовна Берзинь руководителем драмкружка после своего освобождения.

Культура в те годы здесь, на Севере цвела пышным цветом, благо талантливых актеров было много. Образ начальника управления С.И. Шемена описан талантливым летописцем эпохи А. Маленьким в романе «Покорители тундры». Теперь эта книга — библиографическая редкость.

Алексей Маленький, он же Попов Алексей Георгиевич, был арестован в 1937 году тоже как «враг народа». Летопись свою вел, конечно, с разрешения высокого начальства. В 1947 году умер, не дожив трех дней до своего освобождения. Роман А. Маленького остался уникальным памятником сталинской эпохе и пока

единственным подобного рода о великой стройке века — Северо-Печорской железнодорожной магистрали, протяженность которой составила 1847 км к моменту ее завершения в 1943 году. Еще шла Великая Отечественная война, а 914 человек в 1943–1944 годах были награждены орденами и медалями. Среди них, конечно, и Семен Иванович Шемена был удостоен ордена Ленина.

Ни «на подлицу», ни на «дуру», тем более «набитую», Анна Абрамовна никак не тянула, напротив, всех удивляла и поражала образованностью, необыкновенной эрудицией, энциклопедическими знаниями, добропорядочностью и человечностью.

Жолондзь и говорит о ней восторженно: «Красавица! Умница!» Посмотрев на фотографии, я усомнилась.

— Ну, что вы! Ведь это после лагеря. Она тяжело болела, У нее была слоновья болезнь, потому и располнела. Какие удивительные голубые глаза! А когда начинала говорить, умолкали все, ее можно было часами слушать.

Ирма, жена Александра Львовича, дополняет:

— Когда приезжали в Москву, я об этом даже не сообщала родным: они обижались, что мы их забыли и не заходим. А мне даже в театры ходить не хотелось. Накормим всех, уложим спать, закроемся на кухне и сидим до 4-х, до 5 часов ночи (или утра)!..

Ближе, роднее ее у нас никого не было! А скольких ее друзей узнали! С какими писателями и поэтами познакомились! Леонид Леонов каждый день звонил, а то и два раза в день. Эльза Триоле с Луи Арагоном тоже к ней приезжали! Кажется, вся писательская Москва знала и уважала ее. Здесь непременно останавливались политзеки и актеры княжпогостского театра. А письма ее! Вы читали, какое чудное письмо она написала ко дню нашей свадьбы?! Сама приехать не смогла.

Письмо я прочитала. Да, именно такие слова — напутствие молодоженам — должны звучать вместе с музыкой Мендельсона.

Уже одна дарственная надпись Есенина на подаренной Берзинь книге «Березовый ситец» (1925 год) говорит сама за себя:

Самые лучшие минуты
Были у милой Анюты.
Ее глаза, как голубые колодцы.
В них любовь моя, в них и солнце.
Известен и другой вариант:
Ее глаза как синие дверцы,
В них любовь моя, в них и сердце.

К своей Анюте нередко прибегал Есенин в редакцию и домой. Отец и мать Анны Абрамовны искренне любили Сергея, старались получше накормить, занять разговорами. Он тоже привязался к ним. Анастасия Панкратьевна не только вкусно готовила, но и душевно пела, они часто вместе исполняли старинные русские песни, а потом Сергей пел им частушки, которых знал необычайно много.

Анна Берзинь рассказывает:

«Есенин только вернулся из-за границы. Встретились случайно в парикмахерской.

— Во-первых, здравствуйте! А во-вторых, у вас сегодня очень вкусный борщ на обед!

— Борщ? Какой борщ?

— Я у вас обедал и пробыл почти весь день. Принес билеты на вечер. Ваша мама оставила меня обедать. Я только что от вас.

— Когда вы приехали?

— Вчера! И видите, сегодня уже выступаю.

Он был ослепительно веселый, приветливый, ласковый и милый. Он был рад, что дома, в Москве. Повторил это несколько раз. Лицо его было ясное и спокойное».

Как разительно несхоже это воспоминание с воспоминанием Мариенгофа о Есенине, вернувшемся из Америки: «Вернулся безнадежно сломанным»!

Даже Наталья Сидорина, умный и глубокий есениновед, в своем исследовании опирается на жесткие и грубые характеристики Анны Берзинь, будто бы имевшие место в оценках Есенина. Но следует помнить, что подобные представления «закрепились» не только за ней, но и за Софьей Толстой, и за другими есенинскими женщинами. А заимствуются они исследователями из воспоминаний «друзей», в том числе и «милого Евдокимыча» — Евдокимова Ивана Васильевича, который редактировал собрание сочинений Есенина. Он же собрал и первый сборник воспоминаний о Есенине.

Как к ним относиться, решайте сами, но не упускайте из виду и следующее. Когда в 1927–1928 годах осуществлялось переиздание «Собрания стихотворений» поэта, Екатерина Есенина писала Софье Толстой:

«Я все-таки хотела бы знать, чье будет предисловие и будет ли выброшена из 4-го тома евдокимовская белиберда?»

В том же письме Катя высказалась и против предисловий Воронского, предлагала «вообще очистить это полное собрание от всякого мусора».

Глава 5

Узнав, что Галина Артуровна Бениславская сотрудничает с ГПУ, Есенин тотчас покинул ее. Софья Виноградская пишет: «От Бениславской ушел, а идти было некуда». В Москве не оставалось ни одного друга, который не пошел на службу к большевикам или не стал секретным сотрудником ГПУ.

Василий Наседкин, к которому Есенин еще недавно относился с полным доверием и хотел издавать с ним журнал, теперь тоже был в стане «прожекторцев». Это после смерти Есенина, сразу взявшись за перо, он напишет о нем: «Три дня, выйдя из больницы, он пил, и я его не видел».

Если не видел, то как же ты утверждаешь, что Есенин пил? Таковым был последний надежный товарищ.

В это же время Есенин порвал отношения с Иваном Приблудным (Овчаренко), хотя еще недавно возил его в Константиново. «Что заставляет Приблудного увиваться возле Есенина на задних лапках?», «Беспринципный юноша-забулдыга», «Есенинский адъютант» — такие нелестные характеристики оставили о Приблудном Акульшин и Семеновский — современники поэта.

Софья Андреевна Толстая-Есенина.

Фрагмент фото 1925 г.

Софья Толстая записала в дневнике: *«9 июля. Четверг. Дома бил Ивана Приблудного».*

По своей ли доброй воле или по-пьянке, но Иван Овчаренко (это его настоящая фамилия) тоже становится секретным сотрудником ГПУ. Позже, из протоколов допроса — а арестовывался он трижды — стало известно, что этой работой тяготился и рассекретил себя еще в 1926 году. Об этом пишет в своей книге Станислав Куняев.

Переезжая к Софье Толстой, Есенин, наверное, думал о тихой пристани, где мог по-семейному жить и в спокойной обстановке работать. В доме-музее царили патриархальная старина, уют и тишина. Не тут-то было!

Не успел перебраться, как дом превратился в Содом. Толпы посторонних людей, попойки, драки — так напишут в воспоминаниях, хотя младшая сестра Александра Есенина рассказывает другое:

«Вечера мы проводили одни, без посторонних людей: Сергей, Соня, Катя, я и Илья. Иногда к нам заходил Василий Федорович Наседкин. В то время он ухаживал за Катей. Его любил Сергей, и Наседкин был у нас своим человеком. Даже 18 сентября, вдень регистрации брака Сергея и Сони, у нас не было никого посторонних. Были все те же Илья и Василий Федорович».

И в последний его день, 23 декабря, тоже никого не было посторонних: «Мы сидели втроем у Сони: она, Наседкин и я», — вспоминает Александра.

Но прочтите, например письма Ольги Константиновны Толстой подруге Р.А. Кузнецовой от 11 января 1926 года и придете в ужас:

«Когда увидимся, расскажу более подробно, а в письме невозможно — слишком безобразно и тяжело, непередаваемо.

(…) Он почти всегда был пьян, день превращал в ночь и наоборот; постоянно у нас жили и гостили какие-то невозможные типы, временами просто хулиганы пьяные, грязные. Наша Марфуша с ног сбивалась, кормя и поя эту компанию. Все это спало на наших кроватях и белье, ело, пило и пользовалось деньгами Есенина, который на них ничего не жалел. Зато у Сони нет ни башмаков, ни ботиков, ничего нового — все старое, прежнее, совсем

сносившееся…

Ежемесячно получая более 1000 руб., он все тратил на гульбу и остался всем должен: за квартиру 3 месяца мне (еще с лета) около 500 руб. и т. д. Ну да его, конечно, винить нельзя, просто больной человек, но жалко Соню)».

Это письмо Ольги Константиновны, как и многие письма о Есенине, отмечены правдоподобием. Примечательно другое: Ольга Константиновна с ними в этом доме не жила. Верно то, что в Госиздате ему до апреля за собрание сочинений должны были выплачивать по договору по тысяче рублей, но Евдокимов уже объяснил, каких мук и издевательств это стоило Есенину. Знала об этом и Ольга Константиновна: в августе 1925 года пишет дочери, что Илья ходил в Госиздат за деньгами, «обещали деньги только после 20-го!»

Ольга Константиновна пишет, что Есенин задолжал за квартиру за 3 месяца. Но вот опубликована одна из последних записок Есенина: «Соня. Переведи комнату на себя. Ведь я уезжаю и потому нецелесообразно платить лишние деньги, тем более повышенно».

И в записке сестре в это же время: *«Узнай у Сони, почему мы одни все время платили за квартиру, за газ и электричество».*

Несмотря на договор с Госиздатом экономическая удавка плотно захлестнула его шею и сдавливала так, что нечем было дышать. В каждом письме, в каждой записке этот крик.

22 июля 1925 года — в издательство «Современной России», т. Берлину:

> «Прошу Вас выдать мой гонорар по вашему усмотрению моей сестре.
>
> *С. Есенин».*

Июль 1925 года:

> *«Милая Анна Абрамовна! Позвоните Марку и возьмите у него 50 руб. до среды на свое или мое имя.*
>
> *Любящий С. Есенин».*

18 августа 1925 года, Чагину:

> *«Дорогой Петр Иванович! Скажи Фришбергу, чтоб он дал (…) денег для меня».*

13 октября 1925 года В. Казину:

«Голубь Вася! Устрой немного денег. А то до получки сижу без сантима.

Твой С. Есенин».

16 октября 1925 года:

«Дорогая Анна Абрамовна! Ты всегда была моим ангелом-хранителем… Половина жизни за 100 руб. И целая поэма о гнусности денег.

Твой С. Есенин».

Друзья, все друзья, давно уже были на службе у большевиков — советские служащие. И только Есенин оставался сам по себе.

С переездом Есенина в «тихую обитель» сразу же резко изменилась окружающая обстановка. В дом-музей начали постоянно подселять жильцов. Это называлось «уплотнение». Ольга Константиновна всячески боролась с этим незаконным заселением. Дошло до судебного разбирательства:

«Устала я от всей этой истории, Соня, ужасно и потому не обижайся, что я иногда ворчу. Ведь ты подумай, благодаря непрактичности и халатности С.А. я целое лето не выхожу из неприятностей».

Знала бы Ольга Константиновна, как в первую очередь сам Сергей Александрович страдал от создавшейся обстановки! Прописывали всех, не прописывали только мужа, то есть Есенина, находя для этого всякие причины, вплоть до военного билета, что к прописке, как выяснила Ольга Константиновна, не имело никакого отношения.

Обстановка в доме была такова, что Ольга Константиновна предпочитала жить у Чертковых. Из писем Софьи Андреевны Толстой-Есениной:

«Ужасная Москва где-то далеко и верстами, и в памяти» *(из письма Эрлиху)*.

«Москва кажется дьявольски кошмарным сном» *(из письма матери)*.

После гибели Есенина 24 июля 1926 года пишет Александру Федоровичу Кони из Коктебеля:

«Вы спрашиваете обо мне. Я поехала в Крым по настоянию моей матери и по усиленному приглашению моих друзей Волошиных. В Москве я измучилась и издергалась до последней

крайности. Здесь рада избавлению от города, шума, дрязг. Но что такое отдых, я, кажется, больше не знаю».

И через два года Соня с содроганием вспоминала это время:

«Как было плохо, когда было слишком много близких, и как грустно и страшно, когда я совсем одна».

Куда же подевались «уплотненные» родственники и знакомые? Не стало Есенина — не стало и необходимости в «уплотнении»?

Одно дело, когда лгали о есенинском пьянстве посторонние люди, другое дело, когда такие «непередаваемо безобразные» сведения исходили от Ольги Константиновны. Есенин знал об этом. И мог предполагать, что и Софья участвует в этих разговорах. 19 декабря в письме матери Софья пишет:

«Если вы любите меня (…), то я прошу вас ни в мыслях, ни в словах никогда Сергея не осуждать и ни в чем не винить. Что из того, что он пил и пьяным мучил меня. Он любил меня, и его любовь все покрывала. И я была счастлива, безумно счастлива… Благодарю его за все и все ему прощаю. И он дал мне счастье любить его. А носить в себе такую любовь, какую он, душа его родили во мне, это бесконечное счастье».

И еще из этого письма:

«Как любовник он мне совсем не был нужен. Я просто полюбила его всего. Остальное пришло потом. Я знала, что иду на крест, и шла сознательно, потому что ничего в жизни не было жаль. Я хотела жить только для него. Я себя всю отдала ему. Я совсем оглохла и ослепла, и есть только он один. Теперь я ему больше не нужна, и у меня ничего не остается».

Но вот в письме Евдокимову (он редактировал собрание сочинений Есенина) Софья Андревна сообщает, что ей предстоит поездка за рубеж.

«Если мне это дело удастся, и я попаду за границу, то я смогу сделать кое-что полезное для нашей с Вами общей работы около С.А.».

Поездка ее не состоялась. Надо ли объяснять, почему? Уже в 1927 году весь этот фактический материал мог стать достоянием читателей и, конечно, в гораздо большем объеме. Еще жива была Айседора Дункан. Живы были все, с кем Есенин встречался за рубежом.

В музее Ясной Поляны и теперь живы легенды о Есенине. В доверительной беседе вам порасскажут многое о недостойном поведении отпетого негодяя. Должно быть, по этой причине ни близкие, ни дальние родственники Толстых с есенинскими родственниками отношений не поддерживали. Одна Софья Андреевна не порывала связи и, насколько было в ее силах и

возможностях, помогала родидилям (добилась, например для матери поэта персональной пенсии), сестрам и детям Есенина, которым ох как нелегко пришлось после его гибели.

Глава 6
О наследстве и наследниках

Из письма Софьи Толстой-Есениной — Александру Федоровичу Кони, 6 мая 1927 года:

«У меня отчаянный упадок, и от этого я всю зиму болела всякими глупыми болезнями, мучительных, гадких и унизительных судов у меня было столько (4), что я стала к ним привыкать. До сего дня все это не кончено, и я нахожусь в постоянном ожидании повесток в суд».

С Надеждой Вольпин Есенин познакомился в 1919 году

Юридически Есенин и Дункан не были разведены. На этом основании З.Н. Райх опротестовала брак Толстой и Есенина и препятствовала в праве наследования. Об этом сообщает

Шубникова-Гусева.

Но была еще и Надежда Вольпин: ее связь с Есениным не была узаконена. Сына Алика она Сергею Александровичу не показывала, говоря: «Это мой сын». А после смерти поэта подала в суд и, несмотря на отсутствие законных оснований, выиграла судебный процесс, по решению которого ее двухлетний сын Алик стал наследником поэта.

Почему Надежде Вольпин так легко удалось доказать недоказуемое и получить наследство? Да потому же, почему наследниками своих мужей-литераторов стали Лиля Брик и Мария Федоровна Андреева — за верную и преданную службу советской власти.

Таким образом, не были учтены интересы и первой жены Есенина — Изрядновой и их сына Юрия, которые тоже могли претендовать на наследство. А кроме законных жен — Зинаиды Райх, Айседоры Дункан, Софьи Толстой — могла лелеять хоть маленькую надежду бессменный секретарь и правая рука поэта Галина Бениславская…

Взбудораженная всей этой обстановкой сестра Есенина Екатерина тоже подала заявление в суд.

Илья Есенин пишет Софье Андреевне в Коктебель, где она тогда отдыхала:

> «На суде был и могу сказать только одно, много зла на этом свете. Так было все неприятно. Я не знаю, известно ли тебе, что подано в суд, чтобы не дать вам прав на наследство. Кем подано и чем руководствуются, не знаю».

И еще одно соображение по поводу последней женитьбы Есенина.

Все наследие Есенина хранилось по разным городам, у разных людей. Софья соберет все и сохранит в музее Толстого. Музей Льва Толстого, патриарха русской литературы, в те годы — одно из немногих священных мест, которое не грабили и не разоряли большевики.

«Главная моя работа — в Есенинском музее. Эта работа кропотливая, трудная, но единственная моя радость», — говорила Софья Андреевна. Но вскоре прикроют и Есенинский музей, а бумаги поэта рассредоточат по разным архивам, куда и ей доступ будет ограничен.

Книга третья
ЕСЕНИН И АЙСЕДОРА

За белые пряди, спадающие с ее лба, я не взял бы золота волос самой красивой девушки.

Сергей Есенин

ЧАСТЬ I. В АМЕРИКЕ

Глава 1
На пути к «архиважным соглашениям»

В 1921 году Есенин вместе с Рюриком Ивневым хотел поехать за границу. Их не пустили. Ивнев писал:

> «Мы часто говорили с Есениным о далеких странах, в которых мы никогда не бывали. Кого из поэтов не влекло к путешествиям! Оба мы были молоды, оба любили Россию, как нам казалось, как-то особенно, своею собственной любовью, и нам хотелось, может быть даже бессознательно, заразить этой любовью чужие страны».

Не пустили, несмотря на резолюцию от 10 февраля Народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, адресованную заместителю Народного комиссара иностранных дел:

> «Уважаемый товарищ Карахан! Прошу вас оформить поездку за границу поэтов Сергея Есенина и Рюрика Ивнева».

«К Есенину и ко мне он относился с каким-то трогательным вниманием. Я вышел от А.В. Луначарского с письмом к Карахану в НКИД. Итак, решено, мы едем за границу», — вспоминал о преждевременной радости Ивнев.

Отпустили Есенина только через год. Что изменилось за это время? Есенин? Советская власть пересмотрела к нему свое отношение? Ни то, ни другое. Другим стало внутреннее и внешнее положение страны. Изменился взгляд Ленина на «мировую революцию». Гражданская война закончилась. Нужно переходить к восстановлению народного хозяйства, но капиталистические страны не давали займов и кредитов под «мировую революцию», их не соблазняло российское сырье и взаимовыгодное сотрудничество.

Вудро Вильсон, во время похода Антанты министр, а затем президент США, в ответ на разгром интервенции в Советской России, теснил левые легальные и полулегальные газеты, а коммунистов загнал в подполье. «Этот президент был уверен, что ему удастся силой оружия стереть идеи Ленина с лица земли»

(М.О. Мендельсон). Новый президент, У. Гардинг, на договор с которым советское правительство возлагало большие надежды, тоже не торопился признать Советское государство и дать кредиты и субсидии.

В том и состояла задача всех, кто отправлялся за океан: если нельзя повлиять на президента, надо повлиять на простых американцев. За помощью можно обратиться к народу через голову правительства. И в этом могли помочь дочь американского народа — великая танцовщица и талантливый поэт России. Айседора Дункан и Сергей Есенин сумеют сблизить и подружить два великих народа.

Ленинская фраза «нам архиважны соглашения с американцами» для многих послужила выездной визой.

Русская колония в Соединенных Штатах насчитывала около трех миллионов человек и в большинстве своем состояла из переселенцев, покинувших Россию еще до революции. Один лагерь представляло Общество друзей Советской России, другой — коалицию объединившихся вокруг антисоветской газеты «Новое русское слово».

В марте 1921 года Чичерин запиской информировал Ленина о том, что новый президент Соединенных Штатов якобы дружественно относится к Советской России. И тотчас в марте 1921 г. ВЦИК принял обращение к Конгрессу США и президенту У. Гардингу (сменил В. Вильсона в марте 1921 г.), в котором указывалось, что «с самого начала своего существования Советская Россия надеялась на возможность скорого установления дружественных отношений с великой Северо-Американской Республикой и рассчитывала, что между обеими республиками создадутся тесные и устойчивые связи к взаимной выгоде».

ВЦИК также предлагал «отправить в Америку специальную делегацию для ведения переговоров с американским правительством и для решения вопроса о деловых отношениях и возобновления торговли между Россией и Америкой.

«Дружелюбный акт» советского правительства не нашел отклика в правительстве США. Государственный секретарь страны Ч. Юз в ответном заявлении от 25 марта 1921 г. выдвинул в качестве условия развития советско-американской торговли требование о восстановлении в советской стране буржуазных порядков. Такая позиция правительства США по отношению к Советской России на долгие годы затянула нормализацию дипломатических и торговых отношений между странами.

Обеспокоенный Ленин писал А.М. Горькому 6 декабря 1921 г.:

«Дорогой А.М.

Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться. Меня просят написать Вам: не напишете ли Бернарду Шоу, чтобы он съездил в Америку, к Уэллсу, который-де теперь в Америке, чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим?

Хорошо бы, если б Вы им написали. Голодным попадет тогда больше.

А голод сильный. Отдыхайте и лечитесь получше. Привет!

Ленин».

В 1922 году в ответ на помощь и поддержку со стороны известного американского ученого Штейнмеца Ленин напишет: «Отсутствие официальных и законно признанных отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами крайне затрудняет и для нас, и для Вас практическое осуществление Вашего предложения» *(т. е. помощь Советской России)*.

Каждый факт помощи и содействия России со стороны американских граждан Ленин принимал с особенным вниманием и сообщением о нем в печати.

Первая концессия на территории РСФСР на разработку асбестовых рудников в Алапаевском районе Урала предоставлена «Американской объединенной компании медикаментов и химических препаратов» по договору от 29 октября 1921 года, утвержденному Совнаркомом 1 ноября 1921 года. Компанию (она получила название «Аламерико») возглавляли Арманд и Юлиус Хаммеры. С последним Ленин познакомился еще в Швейцарии. «Аламерико» была в начале 1920-х годов и долго оставалась единственной иностранной концессией в Советской России, созданной большевиками в качестве наживки.

К концессиям многие большевики подходили с недоверием и опасением: «Свою буржуазию прогнали, а других будем пускать?» Арманда Хаммера называли позже «миллиардером с Красной площади». Сколько же надо было вывезти сокровищ из России, чтобы так разрослись богатства одного только Арманда Хаммера?!

НЭП показал, что опасаться при действенном государственном контроле нечего. Ленин доказывает это весьма убедительно и не устает повторять еще и еще раз: *«Я прекрасно сознаю, какие трудности встретятся на этом пути, И потому говорю, что концессия не означает наступления мира между классами. Концессия есть продолжение войны между классами».*

Это говорилось для тех, кто не хотел останавливаться на достигнутом, кто требовал продолжения мировой революции.

26 мая 1921 года в докладе о продовольственном налоге Ленин повторил: *«По-прежнему дело стоит так, что мы усердно предлагаем концессии, но ни одной сколько-нибудь серьезной концессии до сих пор иностранные капиталисты не получили, ни одного сколько-нибудь солидного концессионного договора мы до сих пор не заключили».*

Чьи это происки? Ленин объясняет: *«Вся белогвардейская русская пресса ставит себе после неудачи военного нашествия (…) неосуществимую цель: сорвать торговые соглашения (…) Та кампания, которая нынешней весной была предпринята в чрезвычайно усиленных размерах, (…) велась к определенной цели: к весне сорвать экономические соглашения между Россией и капиталистическим миром. И эта цель в значительной степени им удалась».*

«Кампания», о которой говорил Ленин, — это мятежи и крестьянские волнения, прокатившиеся по всей стране весной 1921 года.

Именно тогда, в преддверии III конгресса Коминтерна, Ленин отказывался от «кавалерийской атаки на капитал» в пользу новой стратегии и тактики:

«В результате моих непосредственных наблюдений в годы моей эмиграции я должен признаться, что так называемые культурные слои Западной Европы и Америки неспособны разобраться (ни) в современном положении вещей, ни в реальном соотношении сил; эти слои следует считать за глухонемых и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения…

На основании тех же наблюдений и принимая во внимание длительность нарастания мировой социалистической революции, необходимо прибегнуть к специальным маневрам, способным ускорить нашу победу над капиталистическими странами:

а) Провозгласить для успокоения глухонемых отделение (фиктивное!) нашего правительства и правительственных учреждений (Совет Народных Комиссаров и пр.) от Партии и Политбюро и, в особенности, от Коминтерна, объявив эти последние органы как независимые политические группировки, терпимые на территории Советских Социалис тических Республик. Глухонемые поверят, б) Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических сношений с капиталистическими странами на основе полного невмешательства в их внутренние де ла. Глухонемые снова поверят. Они будут даже в восторге и широко распахнут свои двери, через которые эмиссары Коминтерна и органов партийного

осведомления спешно просочатся в эти страны под видом наших дипломатических, культурных и торговых представителей.

Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью. Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, закроют глаза на указанную выше действительность и превратятся таким образом в глухонемых слепцов. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства».

Разработав новую теорию, Ленин тотчас начал воплощать ее в жизнь. К 1921 году эта идея полностью владела его сознанием, о чем свидетельствуют документы. И она вполне могла привести к успеху. Вспомним: именно таким путем с помощью американского капитала и взаимовыгодной торговли возродил Адольф Гитлер Германию и в короткий срок сделал ее могущественнейшей державой мира.

Почему же в 1920-е годы ленинская теория потерпела неудачу? И кто провалил ленинские планы в Америке?

Глава 2
Ленинские делегаты

В 1921 году не пустили за границу не только Есенина. Не отпустили Федора Сологуба, не пустили на лечение тяжело больного Александра Блока, лучшего поэта России. Сколько хождений по мукам испытал Борис Зайцев, сколько было потрачено нервов и испорчено крови, пока подписали все бумаги. Позже точно так же всласть поиздевались власти над Михаилом Булгаковым, но так и не выпустили из страны.

В 1922 году все уже по-другому. Но только для Есенина! Ходатайство о выезде поступило к наркому просвещения А.В. Луначарскому 17 марта, а 21 апреля уже был выдан мандат. И в нем указано, что Есенин командируется в Германию сроком на 3 месяца по делу издания собственных произведений и примыкающей к нему группы поэтов.

И это еще не все. В упомянутом документе значилось: *«Народный Комиссариат по просвещению просит представителей советской власти, военных и гражданских, оказывать С. Есенину всяческое содействие».*

Вот это привилегия! Тут, верно, не обошлось без влиятельных лиц! Неужели всемогущей Айседоре удалось то, чего не смог нарком просвещения? (Одоевцева уверяла, что «Луначарский тогда еще не лишился своей власти и выдавал самые фантастические командировки», имея в виду выезд за границу.) Вряд ли: Айседора для себя и для своей школы ничего не могла добиться при всей своей напористости. Возможности Луначарского тоже не распространялись далее особо доверенных эмиссаров Коминтерна и органов партийного осведомления, которые под самыми разными предлогами направлялись в капиталистические страны для пропаганды.

Удивляет и то, что командировали Есенина на 3 месяца, а он пробыл 15 месяцев! И ему это сошло с рук. Почему?

Да, вопросов больше, чем ответов. Осторожный намек на разгадку находим в воспоминаниях Захарова-Мэнского:

«Мне рассказывали, что остроумнейший из белогвардейских поэтов Л.Г. Мунштейн (Lolo) так встретил приезд этой четы в Германию стихотворным приветствием в «Руле»:

Не придумаешь фарса нелепее.
Вот он, вывоз сырья из Совдепии,
Вот восторг образованных стран.
С разрешения доброго Ленина
Привезла молодого Есенина
Не совсем молодая Дункан!»

Значит — с разрешения доброго Ленина? И опубликовано это в Берлине 21 мая 1922 г. под заглавием «Сырье (экспромт)».

Вероятно, не все были согласны с есенинской кандидатурой, приводили Ленину доказательства неблагонадежности, нелояльности поэта. Возможно, даже цитировали строки из письма к Жене Лифшиц, за которое Есенин арестовывался чекистами в 1920 году: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал». Или в доказательство «монархических» убеждений Есенина напоминали о том, что «Душка Есенин» представлялся Александре Федоровне в царскосельском дворце, читал ей стихи, просил и получил от императрицы разрешение посвятить ей целый цикл в своей новой книге!

Усердные букинисты в магазине Соловьева на Литейном уже после революции якобы разыскали и выставили на всеобщее обозрение такой экземпляр книги «Голубень» (с дарственной надписью) с роковым: «Благоговейно посвящаю», адресованным

царице. Был он и в руках В.Ф. Ходасевича. При желании читатель найдет эти сведения у Ходасевича, а пересказывает их в мемуарах Георгий Иванов в книге «Есенин» (Париж, 1951 г.):

«Теперь даже трудно себе представить степень негодования, охватившего тогдашнюю «передовую общественность», когда обнаружилось, что «гнусный поступок» Есенина не выдумка, не «навет черной сотни», а непреложный факт.

Для Ленина и компании «ужасный поступок» Есенина был просто «забавным пустяком». *Ну,* пробрался парень с заднего крыльца к царице в расчете поживиться! Экая, подумаешь, важность! Раз теперь он с нами, да к тому же как человек талантливый нам нужен, и дело с концом. Ты за кого? За нас или против? Если «против» — к стенке. Если «за», иди к нам и работай. — Эти слова Ленина, сказанные еще в 1905 году, оставались в 1918 в полной силе. Есенин был «за». И ценность этого «за» вдобавок увеличивалась его искренностью».

Вот так, ясно и просто обвинение с Есенина было снято: он, по словам Г. Иванова, «как человек талантливый нужен был большевикам».

7 ноября Ленин присутствовал в Большом театре на выступлении Айседоры Дункан, ее учениц Ирмы и сорока воспитанниц. Реакция была положительная. «Красная столица, неизбалованная знатными иностранцами, восторженно принимала мировую знаменитость». «Восторженные аплодисменты не прекращались. Сам Ленин, окруженный членами Совнаркома, из царской ложи подавал к ним сигнал». «Славянский танец» да и другие революционные танцы, которым аплодировал Ленин, могли убедить его вполне, что Айседора более «красная», чем сами красные.

Нет сомнения, что Советская Россия в лице Есенина и Дункан предлагала Америке «сырье» высшего качества для заключения договора о дружбе и сотрудничестве двух великих держав.

К тому же в ходатайстве о выезде Есенина есть еще добавление:

«Предлагаю свои услуги по выполнению могущих быть на меня возложенных поручений Народного комиссариата по просвещению. В случае Вашего согласия прошу снабдить меня соответствующими документами. 1922 год, 17 марта, Сергей Есенин», *Поручения, к тому же более высокого уровня, нашлись.*

Впоследствии, когда Дункан и Есенин оказались в Америке, американская пресса писала: Айседора Дункан, «оказывая дружескую услугу советскому правительству, привезла в Америку какие-то документы». Кроме неположенных бумаг, чета везла в Новый Свет откровенную пропаганду. Каждое выступление

Дункан заканчивалось «Интернационалом» и ее восторженными речами о Советской России.

Реакция последовала быстро: Айседоре запретили въезд в штат Индиана, а вскоре и Юрок, ее импресарио, отменил турне по Америке. Айседора продолжала выступать в Нью-Йорке, но после каждого выступления «зеленая карета» отвозила ее в полицию. Кончилось тем, что Айседора Дункан была лишена американского гражданства — «за красную пропаганду». Ей и Есенину было предложено покинуть Соединенные Штаты.

Из воспоминаний Мэри Дести:

«Айседору подозревали в том, что ее использовали в качестве дружественного курьера Советского правительства для доставки бумаг в Америку.

Она надеялась вернуться в Россию с деньгами, а вынуждена была просить друзей одолжить ей деньги на билеты. Ей пришлось обратиться к Лоэнгрину, который прислал им билеты до Парижа».

В 1921 году в Нью-Йорке вышла в свет антология «Новые русские поэты» в переводе слависта Публичной библиотеки Авраама Ярмолинского и его жены Баббет Дейч, где было опубликовано несколько стихотворений Есенина. Сразу по приезде в Нью-Йорк, встретившись с Ярмолинским, Есенин предложил ему издать сборник своих стихотворений в его переводе на английский язык.

Сергей Есенин и Айседора Дункан, 1922 г.

За неимением книг Есенин по памяти составил небольшой сборник на 19 листках, включив в него ряд стихотворений и поэму «Кобыльи корабли». Но на том дело и кончилось.

«Удивил меня Есенин (…) предложением издать в Нью-Йорке сборник его стихов в моем переводе. Правда, у него не было на руках книги, но это не помеха: он по памяти напишет выбранные им для включения в книжку стихи. Я не принял всерьез это предложение. Но оказалось, что он действительно верил в возможность издания сборника. Впрочем, дальше составления рукописи Есенин не пошел. Передав ее мне, он видимо потерял интерес к своей затее, и мы больше не встречались».

Написал это Ярмолинский в 1957 году, и хотя с Есениным виделся один-единственный раз, в воспоминаниях предположил, что Есенин «злоупотреблял спиртными напитками», и объяснил, почему злоупотреблял: «Во время поездки по Америке ему почти не с кем было обменяться словом. Как известно, с женой у него буквально не было общего языка. Это, может быть, тоже способствовало его злоупотреблению спиртными напитками».

Даже есениновед С.П. Кошечкин, составляя в 1988 году «Жизнь Есенина в рассказах современников», не привел ни одного достоверного факта о пребывании Есенина в Америке, кроме робких попыток Мориса Осиповича Мендельсона оправдать и хоть в чем-то реабилитировать поэта.

Итак, что же известно о Есенине в Америке?

Да ровным счетом ничего, тем более что сам Есенин, кроме явной чепухи, никогда никому ничего не рассказывал. Что хотел сказать, сказал в «Железном Миргороде» и поэме «Страна Негодяев».

Илья Эренбург писал в воспоминаниях «Люди, годы, жизнь»:

«Он промчался по Европе, по Америке и ничего не заметил. Конечно, на Западе тогда был не только фокстрот, но и кровавые демонстрации, и голод, и Пикассо, и Р. Роллан, и Чаплин, и много другого. Но состояние Есенина мне понятно. Дело не только в любви к березкам, о которой много писали, дело в том, что он издали увидел во весь рост народ, ринувшийся к будущему. Вернувшись в Россию, он попытался сделать выводы».

У Эренбурга, мы об этом уже говорили, своя логика: если по есенинской оценке его роман — пустой и нулевой, то вояж

Есенина по Европе и штатам Америки — вообще никакой.

Но это было не так. Четыре месяца был Есенин в Штатах. Первые полтора ушли на подготовку сборника, хотя Ярмолинский как мог тянул время. Потом начались гастрольные поездки А. Дункан. Они посетили много городов. Вот, возможно, неполный перечень: Нью-Йорк, Бостон, Чикаго, снова Нью-Йорк, Индиана, Луисвилль, Канзас-Сити, Сент-Луис, Мемфис, Детройт, Милуоки, Кливленд, Балтимор, Филадельфия, Бруклин, Толидо. Два последних концерта 13 января — опять в Нью-Йорке. Если учесть, что две поэмы — «Страна Негодяев» и «Черный человек» и цикл стихотворений, вошедших в сборник «Москва кабацкая», были созданы за такое короткое время (в поездках по штатам), то убедимся, что Есенин не занимался куражом и пьянством. Ему просто некогда было.

Безусловно, травля, которой подвергалась «красная Айседора», ударяла и по Есенину. Наверное, из-за этого он злился на Айседору. Планы с опубликованием своих стихов и «прилегающей группы» потерпели полный крах. Стихи поэта не заинтересовали американцев, поскольку никаких переводов не было опубликовано; а ливни, потоки грязи и нелепостей, хлынувшие из всех резервуаров, окончательно похоронили благие намерения по издательской деятельности.

Позднее, в автобиографии 1924 года, он скажет: «Мне нравится цивилизация, но я очень не люблю Америки. Америка — это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества… Если сегодня держат курс на Америку, то я готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж (…) Это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др»

Глава 3
Нарушитель спокойствия мира

Непостижимым сверхъестественным свойством обладает имя Есенина. Точно лакмусовая бумага проявляет человека. Либо он с честью и совестью, либо лицедей с разменной монетой вместо чести и совести.

Допустим, мы не располагаем конкретным материалом и не знаем достоверно, что на самом деле случилось с Есениным в Америке. Нам открыто лишь то, что позволено знать. К примеру, есениноведы в один голос твердят: пил, скандалил, хулиганил, ссорился с Айседорой. За неимением других фактов, кроме количества написанных в это время строк, способных развеять устоявшееся мнение, предлагаю проследить поведение не

Есенина, а тех немногих, кто был рядом в американский период и хоть как-то описан в литературе. Возьмем, хотя бы А. Ярмолинского и Д. Бурлюка.

В 1957 г. Ярмолинский напишет: «Когда (…) я узнал из газет, что Есенин приехал в Нью-Йорк с Айседорой Дункан, я попросил издателя выслать ему экземпляр книги (антология «Новые русские поэты») и написал об этом Есенину».

Давид Бурлюк, в свою очередь, публикует в газете заметку «Поэт С.А. Есенин и А. Дункан», в которой дает краткую биографию Есенина, обещает читателю переводы стихов поэта и его выступления: «Предполагаются поэзоконцерты прибывшего поэта. Стихи Есенина переводятся на английский язык и скоро будут предложены американскому читателю. Поэт предполагает пробыть в Америке три месяца. Своей внешностью: манерой говорить С. А. Есенин очень располагает к себе. Среднего роста, пушисто-белокур, на вид хрупок. Курьезно, что американская пресса величает С.А. Есенина украинским поэтом — это его-то — беляка-русака!» (1922 год).

Казалось, что для Есенина все складывалось как нельзя лучше: поэт Мани Лейба переводит его стихи на идиш, Ярмолинский и Бурлюк познакомят американских читателей, а перед русской аудиторией поэт выступит сам.

До 18 октября чета Есенин-Дункан жила в Нью-Йорке, поскольку с 7 октября у Айседоры начались выступления в Карнеги-холле. Возникает вопрос, почему письмо А. Ярмолинского от 3 октября Есенин получил только 27 октября в Чикаго? Оно что, пешком шло в Чикаго? Или в Америке настолько плохо работала почта? Значит, все дело в том, что письмо явно не торопились посылать. Значит, возникли непредвиденные обстоятельства, которые требовали от Ярмолинского не торопиться с письмом.

Ну а что же Давид Бурлюк? Он, многое пообещав, тоже надолго скрылся с горизонта. И появится, это будет незадолго до нового 1923 года, почти перед отъездом Есенина.

Еще более нездоровая обстановка складывалась вокруг выступлений Айседоры. Десять дней гастролей превратились для нее в кошмар и испытание. Вернувшись в Нью-Йорк, она сказала журналистам: «Я здесь, чтоб отдохнуть и прийти в себя от преследований, которым подвергалась со стороны американской прессы на всем протяжении своей поездки».

Первый месяц их пребывания в Америке был на исходе, но Есенин, видно, тогда еще не знал о заговоре вокруг них, еще верил, что для него не все потеряно: 1 ноября он пишет Ярмолинскому: «Очень хотел бы поговорить с Вами лично. Если

можете, то позвоните завтра в 12 часов в отель, комната 510».

Такая встреча состоялась, но Ярмолинский по-прежнему не торопился с переводами, тянул время. Так Есенин ли «потерял интерес» к сборникам и переводам или Ярмолинский действовал и говорил «от лукавого»?

С опозданием, но получив от Ярмолинского антологию «Новые русские поэты», Есенин жаловался в письме Мариенгофу, что «за стеклом дешевого перевода стихи едва сохраняют форму и совсем утрачивают подлинную свежесть и чистоту свою (…) Здесь имеются переводы тебя и меня, но все это убого очень».

Итак, Есенин все еще верил в издание сборника. Однако переводов нет, книги — нет, вообще ничего не опубликовано, никаких стихотворений поэта. Нигде. А значит, нет великого русского поэта Есенина. Во всех газетах был только молодой муж великой «босоножки» Дункан. Можно ли было придумать что-либо более унизительное и оскорбительное для самолюбия Есенина? Наверное, на то и рассчитана была вся эта политическая интрига.

Вот что по этому поводу замечает М.О. Мендельсон*: «Между тем Ярмолинский имел возможность привлечь к работе над стихами Есенина многих американских переводчиков, включая ту же Дейч. Осуществить желание поэта было вполне возможно. Видимо, (…) творчество советского поэта было чуждо супругам Ярмолинским».*

Прежде всего, сам поэт был чужд и супругам Ярмолинским, и всем этим людям. А, кроме того, сказать по совести, от них мало что зависело, игра шла по-крупному. Они были только исполнителями.

В 1953 году в Нью-Йорке в «Новом русском слове» были опубликованы воспоминания эмигранта Вениамина Михайловича Левина, с которым Есенин был знаком еще по левоэсеровской газете «Знамя труда» с 1917 года. В очерке «Есенин в Америке» Левин пишет:

«Мы почти каждый день встречались в его отеле и в общей беседе склонялись, что хорошо бы создать свое издательство чистой поэзии и литературы без вмешательства политики. В Москве кричали: «Вся власть Советам», — а я предложил Есенину лозунг: «Вся власть поэтам». Он радостно улыбался, и мы рассказали об этом Изадоре. Она очень обрадовалась такому плану и сказала, что ее бывший муж Зингер обещал ей дать на устройство балетной школы в Америке шестьдесят тысяч долларов, половину этой суммы она определила нам на издательство на русском и английском языках. Мы были полны планов на будущее, и Есенин уже смотрел на меня как на своего

друга-компаньона».

В очерке Левина есть одно замечание, на которое хочется обратить внимание:

«Как-то Есенин рассказал мне, что одна русская нью-йоркская газета, «левая», предложила устроить литературное выступление и даже дала ему пятьдесят долларов аванса. Он сначала согласился, а потом отказался, вернув аванс.

Он понял несовместимость его связи с партийной газетой, и Изадора была этим тоже довольна».

Ни Бурлюк, ни Ярмолинский, ни Мани-Лейба, ни другие не предложили Есенину свои услуги и своижурналы, чтобы Америку и американцев познакомить с лучшим поэтом России. А вот замечание Мендельсона: «Левых» представлял Давид Бурлюк. Бурлюк сам недавно появился в Америке, но упорно навязывал ему свое покровительство, долго уговаривал познакомить с Нью-Йорком. Есенин демонстративно «отвернулся» от Америки, не дал себя уговорить.

(…) Сколько тягостного и даже оскорбительного было для Есенина в его тщетных попытках добиться издания его стихов на английском языке, в провале надежд на то, что наконец-то он предстанет перед американцами человеком творческим, а не просто молодым спутником Айседоры Дункан, неизвестно на что расходующим свои дни».

Все журналы и газеты полны были такой клеветы, и Есенин догадывался, откуда исходит этот шлейф зловонного дыма. Но тогда еще не знал, что к этой клевете и травле подключились все его друзья-имажинисты во главе с Анатолием Мариенгофом.

Пресса писала много о нем и Айседоре, обо всех выступлениях, скандалах, о кожаных чемоданах, о его прекрасном телосложении (для боксера!), как он одет и обут, что ест и что пьет, но только не о том, чем жил Есенин, чем дорожил, чем гордился. Грустно было сознавать, что он находится всецело в руках прохвостов и негодяев, которые затеяли политические игры, но сделать ничего не мог.

«Его потряс цинизм, бесчеловечность увиденного, незащищенность человека от черных сил зла». Этот комментарий Софьи Толстой к «Черному человеку» — не о бесправном американце или американских неграх, эти слова напрямую относятся к Сергею Есенину.

Из воспоминаний Вениамина Левина, 1953 года:

«Где-то чувствовались вокруг них люди, которым нужно было втянуть в грязную политическую борьбу и сделать их орудием своих страстей… Что Есенин им не подходил, это они понимали, но он уже имел огромное имя в литературе, а вместе с Дункан он

уже представлял символ связи России и Америки в период после русской революции — им это лишь и нужно использовать.

Но Есенин не дался. И они это запомнили».

В Европе со старой русской культурой, изгнанной из революционной России, на стихи Есенина набросились, по выражению М. Горького, «как обжоры на клубнику в январе». Есенин тотчас заключил договора на издание нескольких сборников. Его переводили на французский, английский, немецкий.

Новый Свет же начисто игнорировал его как поэта. Айседора выводила его на сцену, говорила, что Есенин — второй Пушкин, но никто не знал главного — его стихотворений.

Можно только догадываться, как переживал Есенин. Ничто не могло нанести ему большей обиды, уязвить его самолюбия, как отрицание его как поэта.

«Газеты взбесились, набрасываясь на Дункан и на Есенина. Они приписывали Есенину дебоши тогда, когда их не было, раздували в скандал каждое резкое высказывание Есенина», — писал позже Илья Шнейдер.

Самый громкий скандал разгорелся в еврейской колонии, куда чета Дункан-Есенин была приглашена известным поэтом Мани-Лейбой. Его свидетелем был В. Левин.

Имя еврейского поэта и переводчика Мани-Лейбы встречается в биографии Есенина в связи с его дружбой (или знакомством) с Блюмкиным, известным террористом, убийцей немецкого посла Мирбаха. Из «Литературной энциклопедии» известно: «Мани-Лейб (псевдоним, настоящее имя Мани-Лейб Брагинский. 20.12.1883, г. Нежин — 04.10.1953, г. Нью-Йорк). Еврейский поэт. Был сапожником. Участник революционного движения в России. В 1904 году Мани-Лейб был арестован, бежал в Англию, где выступал в еврейской рабочей прессе. В 1905 году переехал в США, примкнул к группе так называемых «молодых поэтов» и вскоре стал ее лидером».

Исследуя до сих пор тщательно «законспирированную» фигуру Якова Блюмкина, Феликс Зинько пишет: «Удалось выяснить, что у Якова был старший брат Моисей-Лейба. Когда Якову было всего 6 лет, на квартиру к ним пожаловали жандармы с обыском. Они нашли в комнате Моисея целый склад листовок, прокламаций и других нелегальных изданий Одесского комитета РСДРП. В тот день, 8 августа 1904 года Моисей был арестован на партийном собрании.

18 декабря Моисей был освобожден из тюрьмы и отдан под надзор отца». Ну а дальше все так, как сказано в энциклопедии.

Вот на этом вечере, после которого чета Дункан-Есенин

должна была якобы «бежать из Америки», Есенин «выплеснул в слова всю накипевшую обиду»:

Если хочешь здесь душу выржать
То сочтут или глуп, или пьян.
Вот она, мировая биржа!
Вот они, подлецы всех стран!
Места нет здесь мечтам и химерам.
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры.
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентельмен.
Все в единой графе считаются
Одинаково — бизнесмен.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера…

Это им швырнул он в лицо, намекая брату, кто есть кто:

Не злодей я и не грабил лесом.
Не расстреливал несчастных по темницам.

Он высказал, то, что хотел высказать. И услышали те, кто хотел и должен был услышать. Но здесь прозвучало из уст Есенина и слово «жиды» — не израильтяне, не евреи, не иностранцы, а в первозданном библейском виде. Этого Есенину не простили.

Скандал стал достоянием прессы, опять написали: «вследствие чрезмерного возлияния и ревности», и приклеили ему ярлык «антисемита».

И еще одна деталь. Ни «Страна Негодяев», ни «Черный человек» в Америке опубликованы не были, откуда же стало известно о том, кто и в каком виде изображен в этих произведениях? Узнав в есенинских карикатурах Троцкого, журнал «Еврейский мир» тотчас отреагировал:

«О Троцком нельзя заключить иначе, как об образованном человеке, изучившем мировую экономику, как о сильном и энергичном вожде и мыслителе, который несомненно будет отмечен в истории как один из числа великих людей, которыми наша раса облагодетельствовала мир».

И еще цитата:

> *«В среде американских русскоязычных революционеров если и царил культ вождей революционной России, это был культ не Ленина, а Троцкого… именно люди Троцкого составляли авангард революционной Америки. Этот авангард делал ставку в России не на Ленина, а на своего вождя, своего человека — Лейбу Троцкого».*

В «гражданине из Веймара», «укротителе дураков и зверей» тотчас узнали своего кумира.

Америка не понравилась Есенину: технический прогресс и полная бездуховность, богатство нации и нищета духа, «бизнес» затмил все проявления человеческого разума. «Молю Бога не умереть душой», — вот к чему пришел Есенин за четыре месяца жизни в Америке.

Но и о России сказал то, что думал: «Республика наша — блеф», а советское государство — «Страна Негодяев».

В Америке: «Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили сифилисом»…

То же происходит в Советской России:

> Ах, сегодня так весело россам.
> Самогонного спирта — река.
> Гармонист с провалившимся носом
> Им про Волгу поет и ЧК.

«Америка убивает душу, она — не место для великого поэта», — писала в свое время Мэри Дести. Сегодня Россия держит курс на США, мечтает о своих Соединенных Штатах и о Соединенных Штатах Европы. Но духовность не зависит от индустриальной мощи; Пушкин, Гоголь, Достоевский и Толстой родились в отсталой, нищей России — об этом сказал Есенин, прощаясь с Америкой. Ни о каком содружестве двух великих держав не может быть и речи. Вот что написал поэт, возвращаясь домой, на манжете чиновнику компании «Аламерико»:

> Американским ароматом
> Пропитан русский аромат.
> Покрыть бы АРУ русским матом.
> Поймет ли АРА русский мат?

Можно только предполагать, какой бранью разразился бы

вождь революции после такой аттестации своего детища, если бы к этому времени не потерял дар речи!

Все-таки могуч небесный покровитель России! Можно верить — можно нет, но именно он спас в тот год Есенина: Ленин был парализован, а другой палач, Троцкий, тяжело заболел. Заболел тогда, когда готовил показательную расправу над Есениным и крестьянскими поэтами. Утка подвела! (Надо же, утка! Как символ лжи и словоблудия!) Заядлый охотник, он в валенках полез за подстреленной уткой, провалился в болото. Болел долго и тяжело, а потом уехал на Кавказ.

Суд, оставшись без твердой направляюпдей руки палача, оправдал поэтов. Потому впоследствии назван был «товарищеским».

Год 1923-й был на исходе. Но и нервы Есенина — тоже. Он попал в больницу. Он не был уверен, что новые хозяева России пустят его домой, потому и появилось письмо Александру Кусикову, написанное на пароходе сразу, как покинул Америку:

«Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь.

Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а ешо («ешо» так в тексте — Авт.) тошней переносить подхалимство своей же братии к ним.

Не могу! Ей Богу, не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу».

В Берлине высказался еще определенней: «Не поеду в Москву… Не поеду, пока Россией правит Лейба Бронштейн».

Этот же мотив и в стихах:

Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Визит Есенина в Соединенные Штаты кончился ничем. Нет, хуже — итог был со знаком минус. Есенину и Дункан предложили покинуть Америку, а Айседору, кроме того, лишили гражданства.

Не только не получилось сближения, содружества держав, но это содружество отодвинулось на 10 лет. Соединенные Штаты признают Советскую Россию только в 1933 году при президенте Рузвельте.

Дункан ли с Есениным в этом винить? Или те силы большевистской оппозиции, которым неугодно было останавливаться на достигнутом и осуществлять новоиспеченную теорию о победе социализма в одной отдельно взятой стране? К этому ли они стремились? Ведь на восстановление разрушенного хозяйства уйдет не одна жизнь. Это медленный и кропотливый процесс. А идея мировой революции к 1920 году овладела многими умами. Давайте вспомним, с какой уверенностью Ленин утверждал:

> *«Начиная с II конгресса III Интернационала, мы прочной ногой стали в империалистических странах не только идейно, но и организационно. Во всех странах имеются в настоящее время такие ядра, которые ведут самостоятельную работу и будут ее вести. Это дело сделано. Но быстрота, темп развития революции в капиталистических странах гораздо медленнее, чем у нас… Когда народы получат мир, неизбежно будет замедление революционного движения…*
>
> *Мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран».*

И пропагандировали… до мая 1943 года, когда Отец народов росчерком пера ликвидировал Коминтерны, а некоторых руководителей, не согласных с ним, расстрелял.

Есениновед Н. Шубникова-Гусева 27 декабря 2000 года в газете «Труд» опубликовала отрывок неизвестного прозаического произведения Есенина. Наталья Игоревна пишет: «Он датируется 1923 годом и рассказывает о любви к знаменитой американской танцовщице-босоножке Айседоре Дункан».

Но этот прозаический отрывок не только о любви. Есенин объяснил — пусть в завуалированной форме — то, что осталось за кадром: истинную причину скандала в Америке. Есть косвенные данные, что это случилось на собрании масонской ложи, куда друзья пригласили Айседору и Есенина.

Масонство всегда интересовало Есенина. Причин для этого было много: и потому, что Пушкин, которому Есенин во многом подражал, был в Кишеневе принят в масонское общество, и потому, что тайные масонские общества, возродившиеся после революции 1905 года, к 20-м годам широко распространились по всей России. А кроме того, у имажинистов был свой особый интерес: Есенин вез на Запад две пьесы своих друзей — «Заговор дураков» Анатолия Мариенгофа и необычайно популярную в те годы пьесу о масонах «Дама в «Черной перчатке» Вадима Шершеневича.

«Находясь за границей, по доверенности авторов Есенин подписал договорные условия с антрепренерами на постановку этих пьес в Лондоне и Нью-Йорке. К тому времени пьесы были переведены на английский язык».

Есенин дважды посетил собрания масонской ложи: один раз в Америке, другой — по возвращении в Россию на квартире Ходотова. И надо сказать, что оба посещения окончились скандалом. Скандал стал достоянием прессы. Для власти это был достаточный повод прихлопнуть масонскую ложу. Так, в России после неприятного инцидента с Есениным «ложа вольных каменщиков» была закрыта.

Скандал в Америке грозил Есенину большими неприятностями. Его надо было замять. Вот откуда есенинское покаянное письмо Манилейбу (так у Есенина) о его мнимой психической болезни — не ведает, что творит в пьяном виде. Вернувшись на родину, он вскоре объяснил это, конечно, в завуалированной форме: «Я очень здоровый и потому ясно сознаю, что мир болен. У здорового с больным произошло столкновение, отсюда произошел тот взрыв, который газеты называют скандалом. В сущности, ничего особенного нет. История вся зависит от меня. Дело в том, что я нарушил спокойствие мира».

Глава 4
Боги могут смеяться

Ну а теперь позвольте спросить, как случилось, что мировая знаменитость, дочь американского народа, с неизменным успехом выступавшая на сценах всех стран, у себя на родине потерпела фиаско и подверглась изгнанию?

Мало того, что провалили ее гастроли, американцы вовсе не хотели пускать Айседору в ее страну, и потребовалось вмешательство самого президента США!

Позвольте еще вопрос: как, каким образом американским репортерам стало известно о «неположенных бумагах» раньше, чем визитеры въехали в их страну? Вопрос существенный и подразумевает не менее существенный ответ: кто-то очень заинтересованный заранее информировал и подготовил общественное мнение, потому и встречали ее не как великую артистку, а как пропагандиста из красной России, которая приехала насаждать в Америке революцию.

И этот кто-то обладал достаточными средствами и влиянием для того, чтобы в свободной стране дискредитировать гастроли

знаменитости! Да большевики-ленинцы и без революции могли творить все, что хотели и где хотели!

И, наконец, третий вопрос: почему несмотря на обоюдную договоренность не выпустили из России детей на гастроли в Америку? И здесь ответ очевидный: кто-то в Советской России был очень заинтересован в провале миссии ленинских делегатов.

Провалить есенинские задумки было проще: просто не переводить и не публиковать — вот и нет поэта.

О «свободной» американской прессе скажет Владимир Маяковский, посетив через два года Америку и своего друга Давида Бурлюка: «Американская пресса считается неподкупной. Нет денег, которые могли бы перекупить уже раз запроданного журналиста».

Есенин тоже заметил:

> *«Свет иногда бывает страшен. Море огня с Бродвея освещает в Нью-Йорке толпы продажных и беспринципных журналистов. У нас таких на порог не пускают несмотря на то, что мы живем чуть ли не при керосиновых лампах, а зачастую и совсем без огня.*
>
> *Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича».*
>
> *(«Железный Миргород»).*

Не знаю, на каких языках говорили русский поэт и великая американка, но в этом вопросе взгляды у них совпадали.

Американские Крезы создали и свой Парфенон, и свои Афины. Но выступая в таком Парфеноне, раздраженная более чем прохладным приемом публики Айседора не сдержалась и произнесла проникновенную речь о черных, красных и серых людях. Нет, она не оскорбила их серостью. Она сказала лишь о том, что, вероятно, не сумела донести до них свое ис-кусство, но в этом виноваты серые стены их Парфенона с этими барельефами и лепными украшениями, где она сегодня танцевала. И предложила сбросить их — они не настоящие. Наутро весь Бостон (эти американские Афины) гудел, клокотал и взрывался диатрибами газетных статей, а мэр города запретил дальнейшие выступления Айседоры в целях поддержания порядка в городе. По поводу запрета друг Айседоры художник Джон Слоан писал своему коллеге: «Они не могли остановить бутлегерство, (контрабанду спиртным, пьянство) зато остановили бэалегерство» (berelegger — босоножка).

В другом городе мэр конфисковал несколько ее концертных

костюмов, чтобы предотвратить исполнение ею революционных танцев. На что Айседора тут же отреагировала обращением к публике:

> *«Боюсь, что не смогу исполнить вторую часть программы, как было объявлено, но не по своей вине. Просто ваш мэр обожает все красное настолько, что забрал мои красные туники даже без моего разрешения».*
>
> *Айседора была в ударе, выступала с таким сарказмом, что публика ревела от восторга, а мэр, «сделавшись посмешищем города, вынужден был уехать из города на три дня, что позволило ему избежать ненужных вопросов»*
>
> *(Фр. Блэйер).*

Как уже было сказано выше, детей школы Дункан советское правительство на гастроли не пустило под предлогом нецелесообразности и больших расходов, хотя Айседора надеялась на их приезд, вела переговоры, мчалась то в Любек, то в Лейпциг и Франкфурт и Веймар. «С нетерпением ждем Вашего приезда, — писал Есенин Илье Шнейдеру. — Со школой, конечно, в Европе вы произведете фурор».

А им уже приготовили «сюрприз». Наркомпрос 21 июля 1922 года постановил: «Гастрольную поездку Дункан в Америку признать нежелательной». Вот так, тихо, молча, никому ничего не объясняя.

Отменив гастрольную поездку детей в Европу, а затем и в Америку, советское правительство поставило Айседору в самое невыгодное положение: школа в России в глазах западной общественности оказывалась блефом. А присутствие рядом с ней молодого супруга усугубляло скептическое к ней отношение и уводило мысли совсем в другом направлении.

Поэта Есенина «погребли» в свободной Америке. Айседору Дункан «похоронили» в большевистской России.

«Боги могут вволю посмеяться», — сказала великая Анна Фитциу, заявляя протест против горького опыта Двух Великих на Острове Слез. Но боги могли и поучиться людскому коварству. Урок был беспрецедентный. С тех самых пор Есенин и Айседора тщетно пытались возродиться из пепла. Но их упорно сопровождал шлейф чада и смрада.

Айседора погибла 14 сентября 1927 года. И в 1928 году Ирме разрешили вывезти на гастроли одиннадцать лучших учениц. Теперь не было необходимости держать их в Союзе: и себя

обеспечат, и большевикам рекламу сделают.

Турне, организованное Солом Юроком по всему североамериканскому континенту, продолжалось полтора года и имело огромный успех. Ничего удивительного, что американцы тотчас захотели воспитывать и обучать своих детей так же, как большевики в Советской России — по системе Айседоры Дункан.

А в Советской России школа Дункан за время ее отсутствия была вытеснена из особняка на Пречистенке и фактически перестала существовать. Боги могли вволю посмеяться. Страна изгоняла лучших своих детей.

Глава 5
Черный человек

Стихи кабацкого цикла («Снова пьют здесь, дерутся и плачут…» и др.) Есенин написал там же, за рубежом. Можно предположить, что они о русской эмиграции. Так некоторые критики и представляли эти стихи. Хотя Есенин предусмотрительно объединил их в цикл «Москва кабацкая». Так что речь идет о родимой столице. Не о Берлине, Париже или Праге, а о Москве, нынешней, большевистской.

Критики («Известия» 1923 г., 23 авг.) и тут извратили суть, преподнесли по-своему: «После доклада поэт читал свои последние стихи. Необходимо отметить, что в первом цикле, «Москва кабацкая», несмотря на жалость поэта к этой умирающей Москве, которую Октябрь выбросил за борт истории, чувствуется новая большая струя в поэзии Есенина».

Так и будут впредь «перевертывать» всю поэзию Есенина, приспосабливая «под себя». Так «перевернули» и поэму «Черный человек», увидев в поэме самого автора как хронического алкоголика и забулдыгу.

Поэма «Черный человек» до сих пор остается самым загадочным и нерасшифрованным произведением русской литературы. Во всяком случае, критики сходятся в одном: поэма Есенина, говоря гоголевскими словами, — «это крик ужаса и стыда, который вырывается из груди человека, увидевшего в зеркале свое оскотинившееся лицо».

Бессильным и незащищенным от черных сил зла почувствовал себя Есенин в Америке. С отчаянием, болью и гневом взывает он, не узнавая себя:

«Черный человек! Ты не смеешь этого… Что мне до жизни скандального поэта!» Там, в «мерзкой книге», представлена «жизнь какого то прохвоста и забулдыги». Это «нагоняет на душу тоску и страх».

Может быть, впервые понял Есенин с такой ясностью, что подвалы Лубянки, где «красятрты в жестяных поцелуях», не самое страшное изобретение погромпдиков от революции. Куда страшней увидеть в зеркале свое кривое отражение.

Не тогда ли понял сам и предупредил читателя: «Все-таки как должно меня поймут лет через двести».

Мысль о том, что «Черный человек» в поэме Есенина — это Троцкий, высказывалась литературоведами, но была отвергнута за недоказанностью, неубедительностью. Тем более, что начальный вариант поэмы — «более мрачный и трагический», как свидетельствуют все, слышавшие чтение самим Есениным, — не сохранился.

Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.

Странно. Откуда это? Почему «водолазовой»? Может быть, Есенин услышал леденящую душу историю времен гражданской войны? О том, как водолаз, которого погрузили проверить повреждение винта, оказался среди утопленников. Их был целый лес! В белой одежде — кальсонах и рубашках — они стояли, слегка покачиваясь и простирая руки. Казалось, они хватали его со всех сторон, цеплялись, не отпускали…

Чудовищная картина тотчас парализовала мозг человека. Его вытащили полупомешанным и совершенно седым.

Но это было не наваждение. И увидел он не призраки и привидения. Это были мальчишки-кадеты, которые отчаянно сопротивлялись в Крыму. Им было обещано помилование. Но их расстреляли, а затем утопили в море. А чтобы не всплыли тела, к ногам привязывали булыжники-якоря. Позднее утопленников, сорванных бурей, десятками прибивало к чужим берегам, выбрасывало на отмели.

Так в начале 1920-х годов мир узнал о чудовищном злодеянии большевиков, которое впервые открылось взору водолаза.

Этот ли «подвиг» Бела Куна и других красных командиров «приоткрыт» в поэме или что-то другое — трудно сказать.

Опасно было увидеть в «Черном человеке» прославленного вождя революции, еще опасней и рискованней было сказать об этом на страницах печати. Но и обойти молчанием было нельзя: Есенин читал поэму всем друзьям, читал с эстрады.

Николай Асеев в 1929 году в «Дневнике поэта» вспоминает о

последней встрече с Есениным:

«В тот вечер он читал «Черного человека», вещь, которую он очень ценил и над которой, по его словам, работал больше двух лет.

Из-за нее передо мной вставал другой облик Есенина, не тот общеизвестный, с одинаковой для всех ласковой улыбкой, не то лицо «лихача-кудрявича» с русыми кудрями, а живое, правдивое, творческое лицо поэта, лицо, умытое холодом отчаяния, внезапно просвежевшее от боли и страха перед вставшим своим отражением… Маска улыбки и простоты снимается в одиночестве.

Перед нами вторая, мучительная жизнь поэта, сомневающегося в правильности своей дороги, тоскующего о «неловкости души», которая не хочет ничем казаться, кроме того, что она из себя представляет».

Все поэмы Есенина, кроме «Анны Снегиной», литературная критика приняла без интереса. Написано о них мало и крайне поверхностно, а поэма «Черный человек» вообще осталась «белым пятном», хотя Софья Толстая-Есенина предостерегала от верхоглядства и лжи, которым обрастало имя Есенина:

«Как ни странно, но мне приходилось слышать, даже у кого-то читать, что «Черный человек» писался в состоянии опьянения, чуть ли не в бреду. Какой это вздор! Взгляните еще раз на этот черновой автограф. Как жаль, что он не сохранился полностью. Ведь «Черному человеку» Есенин отдал так много сил! Написал несколько вариантов поэмы. Последний создавался на моих глазах, в ноябре двадцать пятого года. (За месяц до гибели!) Два дня напряженной работы. Есенин почти не спал. Закончил — сразу прочитал мне. Было страшно, казалось, разорвется сердце. И как досадно, что критикой «Черный человек» не раскрыт».

Тем интересней познакомиться с недавно опубликованными воспоминаниями Юрия Анненкова, талантливого, самобытного художника, который был накоротке с литературным миром старой и новой столиц. Анненков близко знал Есенина (познакомился с ним еще в «Пенатах» у Репина) и вождя революции Троцкого, чей портрет огромных размеров писал для музея революции по заказу советского правительства:

«Троцкий был интеллигентом в подлинном смысле этого слова. Он интересовался и был всегда в курсе художественной и литературной жизни не только в России, но и в мировом масштабе. В этом отношении он являлся редким исключением среди «вождей революции». К нему приближались Радек, Раковский, Красин и, в несколько меньшей мере, Луначарский (несмотря на то, что именно он занимал пост народного комиссара просвещения).

Культурный уровень большинства советских властителей был невысок».

В начале 1923 года Юрий Анненков получил заказ от советского правительства написать для истории и потомков портреты вождей революции. Одним из первых он писал портрет Троцкого.

«Когда все мои эскизы к портрету Троцкого были закончены, и я должен был приступить к холсту, Троцкий сказал полушутя, полусерьезно:

— А как же мне нарядиться для портрета? Позировать в военной форме мне бы не хотелось. Могли бы вы набросать что-нибудь соответствующее для нашего портного?

Я набросал карандашом темную непромокаемую шинель с большим карманом на середине груди и фуражку из черной кожи, снабженную защитными очками. Мужицкие сапоги, широкий черный кожаный кушак и перчатки, тоже из широкой черной кожи, с обшлагами, прикрывавшими руки почти до локтей, дополняли этот костюм.

Вспоминаю, как во время одной из примерок я сказал:

— В этом нет ничего военного.

Троцкий улыбнулся:

— Но в этом есть что-то трагическое.

— Не трагическое, — ответил я, тоже рассмеявшись, — но угрожающее. В этой «одежде революции» Троцкий позировал мне для своего четырехаршинного портрета. В этом же костюме Троцкий был снят рядом со мной правительственным фотографом. Этот снимок у меня сохранился до сих пор и в свое время (1923) оказал мне однажды неожиданную услугу». (Сыграл роль удостоверяющего документа при задержании Ю. Анненкова милицией? — Авт.)

Не эта ли «одежда революции» подсказала Есенину название поэмы — «Человек в черной перчатке» (Берлин, 1923 г.) и, наконец, «Черный человек»? На это указывают даты, общие знакомые. На это указывает портрет Есенина работы Юрия Анненкова, помеченный 1923 годом.

Глава 6
Монах в «Стране Негодяев»

В Америке его оскорбили, унизили. Раны его болели, уязвленное самолюбие страдало. Есенин не сдавался. Он выработал свою программу борьбы.

Я обманывать себя не стану.

Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Есенин не держал камня за пазухой и не делал попытки ударить исподтишка. Что собирался написать, над чем работал — все было известно друзьям. Человек чести, как истинно русский он заранее объявлял: иду на вы.

Неужели ты не видишь? Не поймешь?
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство — обман и ложь.

У поэта было сильное оружие, завещанное великим Н.В. Гоголем, — сатира. «Насмешки боится даже тот, кто уже не боится ничего на свете». Это оружие Есенин использует в своих поэмах «Страна Негодяев» и «Черный человек». Поэма «Страна Негодяев» выросла из ранее написанного «Гуляй-поля». Колоритная фигура благородного разбойника Номаха (производное от Махно) давно привлекала Есенина. Отвергнув всякое государство, Номах вышел на единоборство с теми, «кто на Марксе жиреет, как янки». Награбленное добро Номах раздает нищим, обездоленным крестьянам.

Банды! банды!
По всей стране.
Куда ни вглядись, куда ни пойди ты —
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней
Скачут и идут закостенелые бандиты.
Это все такие же
Разуверившиеся, как я…
А когда-то, когда-то…
Веселым парнем.
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пустыми руками.
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.
Я верил… Я горел…
Я шел с революцией,
Я думал, что братство — не мечта и не сон,

Что все во единое море сольются.
Все сонмы народов
И рас, и племен.

Гражданин Веймарской республики еврей Лейбман, он же Чекистов, прибыл в эту страну как большой специалист — укрощать дураков и зверей. Странный, по его мнению, невежественный народ! Живет в нищете, а строит храмы божии, лучше бы он построил уборные, как это делают культурные европейцы. В этой проклятой голодной стране он. Чекистов, от употребления гнилой, кишащей червями селедки мается животом и страдает кровавым поносом, а потому мечтает храмы божии превратить в места отхожие.

Вождь пролетарской революции, герой гражданской войны, создатель Красной армии Троцкий-Чекистов воюет с «закостенелыми бандитами». Кто же они, бандиты? Это вчерашние «веселые, пропахшие степной травой» крестьянские парни. Они шли в город с думой о революции и были так жестоко обмануты в своих ожиданиях.

Пустая забава,
Одни разговоры.
Ну что же,
Ну что же вы взяли взамен?
Пришли те же жулики.
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен.

Давно обмануты ожидания и надежды народа, и вместо перманентной революции в стране начинается перманентный голод. За поимку Номаха обещана награда 1000 червонцев, указаны приметы: «Блондин. Среднего роста. 28-ми лет».

Есенин списывает свой портрет с удостоверения, выданного для поездки в Германию. Есенин-Номах о себе:

Я(…)чудак.
Я люблю опасный момент.
Как поэт — часы вдохновенья.
Тогда бродит в моем уме
Изобретательность
До остервененья.
Я ведь не такой.

Каким представляют меня кухарки.
Я весь — кровь.
Мозг, и гнев весь я,
Мой бандитизм особой марки.
Он осознание, а не профессия.

Защитнику коммуны Замарашкину, другу своей юности, Есенин-Номах пытается объяснить, что их поманили высокими словами о Свободе и Равенстве, а на деле превратили в стадо и стригут, как овец.

Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь?
Не поймешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство — обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глущов —
хорошая приманка.
Подлецам — порядочный улов.
Всем, кто мозгами бедней и меньше.
Кто под ветром судьбы не был ниш, и наг,
Оставляю прославлять города и женщин,
А сам буду славить
Преступников и бродяг.

Все эти годы имя Номах объясняли как Махно. Но эти слова вообще к Махно никакого отношения не имеют. Махно грабит по идейным соображениям, но он не поэт (хотя реальный Махно в юности тоже писал стихи). «Буду славить преступников и бродяг» — это есенинская программа, с которой он вернулся домой.

А если прочитать Номах как Монах? Екатерина Александровна Есенина рассказывает, что их по фамилии никто в деревне не звал, а только по кличке — Монах. Так звали деда Никиту Осиповича за то, что он — по крестьянским меркам — очень поздно женился, в 28 лет.

«Я до школы даже не слышала, что мы Есенины. Сергей прозывался Монах, я и Шура — Монашки», — вспоминала сестра.

Так, может быть, все-таки Монах? Это многое меняет…

Глава 7
О парижских скандалах и самозванстве

Советское правительство скрыло от всего мира факт расстрела царской семьи, более того — поддерживало слух, что они живы. Даже в 1918 году Советы предлагают обменять членов царской фамилии на Карла Либкнехта. Только торговали-то они мертвыми душами…

Есенин знал царскую семью, имел от царицы дарственный перстень и часы. С одной из дочерей (Татьяной) был особенно дружен. Оставил девушкам свое пророческое стихотворение.

Журнал «Огонек» (№ 30, июль 1998 г.) напечатал фотографии Николая Романова из семейного альбома царя. Среди семейных фотографий есть снимок великих княжон, на котором царские особы сняты остриженными наголо. Под фотографией подпись: «Дети после болезни. Март, 1917 год». (Царевны и в ссылке в Тобольске вызывали недоумение и удивление у населения своей короткой стрижкой.)

Что это вдруг? Заболели все сразу? Корь? Сыпной тиф? Нет, не болезнь тому причиной, а война. Девушки все работали в лазарете, а обритые головы — знак сочувствия, сострадания, сопереживания тем раненым, за которыми они ухаживали в Царском Селе, и тем, кто подолгу вынужден был находиться в окопах.

Сергей Есенин и Николай Клюев.

Петроград, 1916 г.

Есенин в это время проходил службу в том же госпитале, и именно к этому времени относится фотография, на которой он тоже острижен наголо. В письме М.П. Мурашову от 18 февраля 1917 года из Царского Села пишет: «На днях сдурил и обрил голову. Уже очень иссушил кожу. Полечу маленько».

Что побудило Есенина остричь свои красивые белокурые волосы?.. Этот поступок можно объяснить только солидарностью с высокопоставленными особами, которые таким образом призывали солдат-окопников бороться с тифозной вошью и брюшным тифом.

Рассказывает Лев Карохин:

«Госпиталь, где в 1915–1916 г. служил Есенин, носил имя великих княжон Марии и Анастасии. Старшие дочери Николая II Ольга и Татьяна работали медсестрами в этом госпитале, располагавшемся в екатерининском дворце Царского Села, а Мария и Анастасия ежедневно посещали лазарет своего имени.

Полковник Ломан, непосредственный начальник Есенина, часто вызывал его к себе и учил, как надо держаться с императрицей Александрой, если случайно придется встретиться. В лазарете она бывала часто. Потом, как выяснилось, Ломан готовил встречу царицы с Есениным. Она скоро состоялась. Есенин был представлен императрице, а потом княжнам Марии и Анастасии.

А 22 июля 1916 года Есенин принял участие в весьма ответственном концерте по случаю тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее внучки, великой княжны Марии. Концерт проходил в присутствии императрицы Александры Федоровны, всех четырех великих княжон и фрейлины Анны Вырубовой. Есенин читал приветствие, а затем стихотворение, написанное им специально к этому дню.

В багровом зареве закат шипуч и пенен.
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.
Где тени бледные и горестные муки.
Они тому, кто шел страдать за нас.
Протягивают царственные руки.
Благословляя их грядущей жизни час.
На ложе белом, в ярком блеске света.
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть…
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.
Узок был круг приглашенных.
Правильнее сказать: на празднике были только свои (…)
Это был праздник для раненых солдат, лечившихся в госпитале».

В 1920-м году в Берлине бросилась с моста в реку молодая женщина.

В госпитале, куда спасенную поместили, она молчала, ничего не говоря о себе. Однажды увидела журнал с фотографиями царской семьи и пришла в необычное возбуждение. Мир заговорил, что эта женщина — младшая царская дочь Анастасия, чудом спасенная во время расстрела семьи.

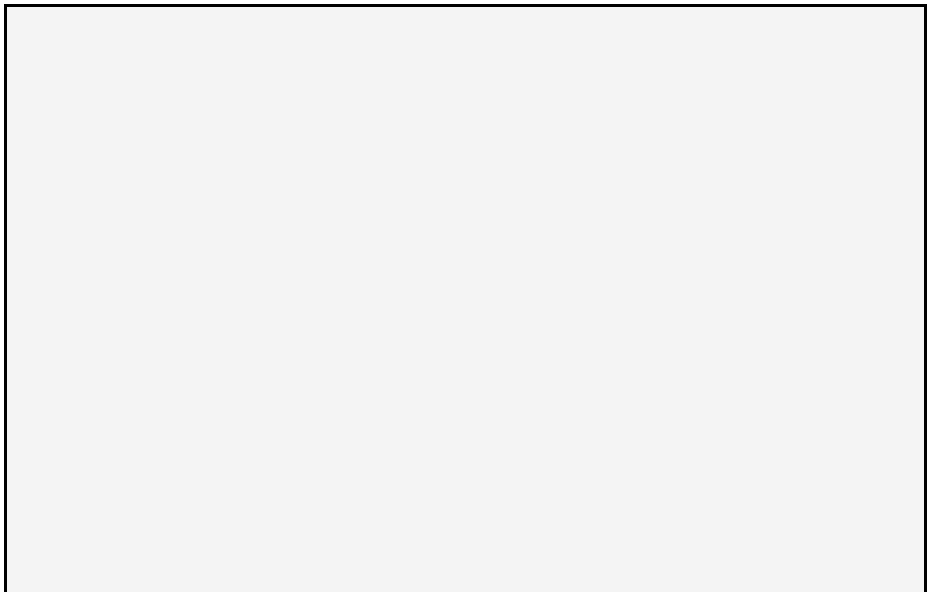
Известно, что не все члены семьи Романовых за рубежом

признали Анастасию. Глебу Боткину, сыну врача, дипломат сказал: «Романовы поступили с Анастасией более жестоко, чем большевики: не признали ее потому, что у нее больше прав на наследство», С 20-х годов самозванство начинает цвести пышным цветом, особенно когда обнаружилось, что среди расстрелянных недосчитали двух трупов — найдено 9 из 11 (из царских дочерей опознаны не все).

В мае 1923 года Есенин на три дня помещается в психиатрическую больницу. Не из-за царской ли дочери или той, что выдавала себя за таковую и находилась тогда в лечебнице под Парижем потребовалось Есенину попасть в это баснословно дорогое психиатрическое заведение? Это можно выяснить, подняв архивные документы тех лет. Ясно одно, что в том была необходимость: царское золото никому не давало покоя.

Не исключена версия, что Есенин нужен был за рубежом как свидетель. Нужен и той, и другой стороне. Вопрос в другом: насколько хорошо знал Есенин царских особ, чтобы опознать одну из них? О деталях и подробностях памятного концерта времен Первой мировой войны могли знать только они двое: великая княжна Анастасия (если это была не самозванка) и Есенин.

Не имея информации о парижских скандалах Есенина, трудно понять и разобраться, кому и зачем нужны были эти скандалы. Судя по газетам, в ночь с 16 на 17 февраля 1923 года в парижском отеле «была разрушена вся мебель, разбиты зеркала и стекла, разорваны шторы». Наутро газеты вышли с заголовками: «Айседорин поэт впадает в бешенство в парижском отеле», «Он рехнулся! (Поэт разносит в шлепки мебель в отеле)».



Сергей Есенин и Айседора Дункан в Париже, 1922 г.

А Айседорин поэт Есенин именно в этот день прибыл в Берлин в сопровождении горничной Жанны. Все свои вещи Айседора отправила с ними, надеясь присоединиться тотчас, как продаст мебель в своем загородном доме. (По другим сведениям: Айседора разболелась, Айседора заключала контракт на выступления).

Именно серединой февраля датируют есениноведы телеграмму из Берлина, которую легко принять за частный шифр: «Изадора! Браунинг дар линг Сергей любишь моя дарлинг скурри скурри». Кому и зачем потребовался этот спектакль? Айседоре? Чтобы таким образом вывести на чистую воду продажных журналистов? Есенину? Чтоб в берлинском посольстве беспрепятственно получить визы? Если так, то визы были получены без задержки. Собственно говоря, об этом же пишет и Мэри Дести:

«Репортеры писали о скандалах в отеле Парижа, а

> Есенин в это время находился в Берлине, (…) Эти скандалы инсценировала Айседора, а помогал ей ее молодой друг, которого она (Айседора) выдавала репортерам за Есенина, говоря: «Так надо».

Жанна, оставив Есенина в Берлине, вернулась к Айседоре в Париж, а следы поэта в это время теряются. Известно только, что он встречался с Горьким и читал ему «Черного человека». Поэма произвела на Алексея Максимовича большое впечатление.

Три дня (с 27 мая, уже по возвращении из Берлина) Есенин находился в психиатрической лечебнице. Вот что написал Илья Шнейдер Есенину в ответ на его разрыв отношений с Айседорой уже по возвращении в Россию:

«Ты везде кричишь, что И задора упекла тебя в сумасшедший дом, Я видел счет, который доказывает, что это был просто первоклассный санаторий, где ты был. Ты что же думаешь, в сумасшедшем доме тебе разрешили бы уходить в любое время, когда пожелаешь? Этот санаторий, который стоил Изадоре кучу денег, спас тебя от полиции и высылки».

Но вряд ли можно считать случайным, что именно в это время в «первоклассном санатории» находились московские врачи Ганнушкин и Галант. Дорлжно быть, вопрос о наследнице очень интересовал советское правительство. Впрочем, не стоит забывать и о том, что именно московским врачам обязан был Есенин распространившейся версией о собственном «психическом нездоровье», о «душевной болезни», с чем потом связали «самоубийство» поэта.

ЧАСТЬ II
НЕ ПРОЙТИ ПО ЗЕМЛЕ БЕССЛЕДНО

Вступление

Со дня гибели Айседоры Дункан минуло 80 лет: трагедия случилась 14 сентября 1927 года в 21 час 30 минут.

Великой американской танцовщице, яркой спутнице Сергея Есенина в течение нескольких драматических лет его жизни посвящено немало книг, исследований, воспоминаний современников, статей. О «босоножке» и ее жизни на Западе и в советской России с разной степенью правдивости писали Мариенгоф — в 1926, 1927, 1964, 1965 годах, М. Горький в 1927, Бабенчиков — в 1955, Старцев — в 1965, С. Городецкий — в 1965 годах. Перечень можно продолжать. Эти и другие материалы были собраны и переизданы в двухтомном издании 1986 года.

По словам Г. Лахути, и на Западе выходили достаточно резонансные воспоминания, в частности «*книга Ирмы Дункан и А,Р. Макдугалла, близких друзей Айседоры, исследователей честных и серьезных, вышла в Лондоне и Нью-Йорке в 1929 году*».

В 1928 г. в немецком переводе вышли мемуары самой Айседоры Дункан. В.И. Серов в 1971 году выпустил большую книгу об Айседоре.

Позже к сонму исследователей жизни и творческого пути русского поэта и американской танцовщицы присоединился Гордон Маквей, собравший, по его мнению, наиболее полное на Западе собрание высказываний, отзывов, мнений о жизни Дункан в Советской России. Его работа проиллюстрирована малоизвестными фотографиями.

Тем не менее о жизни Айседоры Дункан в России мало что известно и нашему, и зарубежному читателям. Да и ее уход из жизни оставил слишком много загадок, чтобы считать эту тему исчерпанной. На страницы этой книги я решила вынести только то, что успела узнать сама и в чем уверена.

Глава 1
Красная Айседора

Что было известно об Айседоре Дункан советскому читателю? В основном только то, что связано с Есениным. И то, что навязано М. Горьким.

Айседора приехала в Россию, спасаясь от рока, от несчастий.

Прошло всего семь лет, как в автомобильной катастрофе погибли ее дети. Это была незаживающая, кровоточащая рана. Здесь, в Советской России, она нашла молодого мужа, русского поэта, с которым вскоре уехала на Запад. После возвращения из Америки они расстались.

Надо всем этим довлело вычитанное в хрестоматиях отрицательное отношение к ней великого пролетарского писателя Максима Горького. Дескать, Айседора Дункан была воплопдением безалаберной жизни западной богемы и того, что было чуждо Есенину, что роковым образом влияло на неустойчивую душу поэта. Эту мысль навязывали с той же старательностью, как и мысль о том, что с нее началась трагедия русского поэта. И подкрепляли цитатой:

Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Задумывался ли читатель над таким уникальным событием, как приезд в 1921 году в Советскую Россию на постоянное место жительства великой танцовщицы Айседоры Дункан? Она успела даже принять гражданство, но почему-то это уникальное в своем роде событие не нашло отражения в советской литературе. Только-то и попало в энциклопедию: «В 1921–1924 годах жила в СССР. Организовала собственную студию в Москве».

Кратковременный приезд именитых иностранцев активно приветствовался. А три года жизни Айседоры в Советской России так и остались белым пятном истории.

ХАНЪ

Танцует Айседора Дункан

Айседора из сытой, благополучной Европы добровольно отправилась в преисподнюю, откуда бежали все, кто мог. Ей много страшного порассказали о России, умоляли не ездить, уговаривали те, кто чудом вырвался из этого ада.

Ей говорили: — Там голод!

Она отвечала: — Ну что ж, я буду голодать вместе со всеми.

Ей говорили: — Там едят детей!

Она отвечала: — Если все это правда, то я просто обязана ехать.

После подобных разговоров о большевистских ужасах Айседора сказала Ирме (своей приемной дочери и единственной ученице, согласившейся ехать с ней в Россию): «Не волнуйся, Ирма, Они начнут есть меня первой в любом случае. Меня ведь так много! А ты в это время попытаешься сбежать!» Юмор ей не изменял никогда. Убедить ее не ехать было невозможно.

Три года (да еще каких!) прожила Айседора в СССР. И что же осталось от ее пребывания? Конечно, школа танца, которой руководила Ирма. Сорок учениц. Остались анекдоты, издевательские реплики, циничные насмешки, грязные сплетни. Осталась эпиграмма, наверняка сочиненная друзьями-имажинистами: «Есенина повез аэроплан / В Афины древние, / К развалинам Дункан».

Осталось крепко прилипшее прозвище «Дунька-коммунистка» и, пожалуй, издевательская реплика, ставшая классикой советской драматургии: «Пустите Дуньку в Европу!» Вот и все, чего удостоилась Божественная Айседора в России!

За что же ей такое? Ей, единственной и неповторимой, чье искусство восхищало всех в мире? Художники почитали за честь запечатлеть ее образ, ей посвящали свои произведения музыканты, поэты. И только в Советской России могли нагло и бесстыдно бросить ей в лицо: «Мы знаем, зачем она приехала в Россию! За дармовой собольей шубой!»

И вот эта Айседора на вопрос, какой период вашей жизни вы могли бы назвать самым значительным, не задумываясь, ответила: «Россия, Россия и только Россия!»

В России ее обманывали, бесстыдно грабили, объедали и оскорбляли. В России она бедствовала, почти нищенствовала, жила в холоде, в номерах с клопами и крысами, часто в гастрольных поездках мечтала о чашечке кофе и недоступной

булочке. В России она жила среди слежки и злословия, зависти и сплетен. И все ради того, чтобы отдать дикарям и их детям свой талант и свою жизнь? Ну, как было не злиться на странную Айседору?

Немаловажно понять, почему Айседора решилась на это рискованное предприятие. Есть свидетельство А.В. Луначарского. Довольно долго этот теоретик искусства и драматург беседовал с танцовщицей о ее жизни, творчестве и ее будущем в Советском государстве. Суть этого разговора он изложил в опубликованной вскоре статье «Наша гостья». Эта статья слишком большая, чтобы приводить ее целиком. Вот несколько отрывков из нее.

«Когда Дункан объявила о своем желании ехать в Россию, поднялся вопль недоумения и негодования. Сначала газеты отрицали этот слух, потом приписали его непростительному чудачеству Дункан, затем начали клеветать, стараясь доказать, что Дункан не нужна больше Европе и Америке и что в Россию ее гонит растущее равнодушие к ней публики.

Это, однако, сущий вздор, и писавшие сами знали об этом. Как раз перед своим решением выехать в Россию Дункан получила чрезвычайно выгодное предложение в Америку и Голландию, от которого, однако, со свойственной ей прямотой сразу отказалась. Леонид Борисович Красин рассказывал мне, что Дункан несколько боялась своего прощального концерта в Лондоне. Газеты уже подняли враждебный шум по поводу ее большевизма. Между тем на прощальный концерт собралось видимо-невидимо народа. Дункан была устроена огромная овация, которая косвенно относилась к России и явилась шумным одобрением публикой ее мужественного жеста.

Каковы же цели Дункан здесь, в России? Главная ее цель лежит в области педагогической. Она приехала в Россию с согласия Наркомпроса и Наркоминдела ввиду сделанного ею предложения об организации в России большой школы нового типа… Дункан всеми силами своей души поверила, что здесь, несмотря на голод, о котором она хорошо знает, несмотря на отсутствие необходимейшего, несмотря на отсталость народных масс, несмотря на страшную серьезность момента и поэтому озабоченность государственных людей другими сторонами жизни, — все же возможно заложить начало тому высвобождению детской жизни к красоте и счастью, о котором мечтала Дункан всегда, которое стало величавой идеей.

Мечты Дункан идут далеко, она думает о большой государственной школе в пятьсот или тысячу учеников, но пока она согласна начать с небольшим количеством детей, которые будут получать образование через наших учителей, но в

физическом и эстетическом отношении развиваться под ее руководством.

Сама же Дункан пока что проникнута весьма воинственным коммунизмом, который иной раз вызывает невольную, конечно, чрезвычайно добрую и даже, если хотите, умиленную улыбку… Так, Дункан, приглашенная нашими товарищами коммунистами на одно маленькое, так ска зать, семейное торжество, нашла возможным отчитать их за недостаточно коммунистические вкусы, за буржуазную обстановку и вообще за несоответствие всего их поведения тому огненному идеалу, который она рисовала в своем воображении, Дело приняло бы даже размеры маленького скандала, если бы наши товарищи не поняли, сколько своеобразной прелести было в наивном, может быть, но, в сущности, довольно верном замечании…

Дункан назвали царицей жеста, но из всех ее жестов этот последний — поездка в революционную Россию, вопреки навеянным на нее страхам, самый красивый и заслуживает наиболее громких аплодисментов».

Летом 1920 года в Париже, прощаясь с Францией и французами, Айседора обратилась к публике с небольшой речью.

«Я танцевала сегодня «Марсельезу», потому что я люблю Францию. Я много путешествовала по странам цивилизованного мира, и я могу сказать от всего сердца: Франция — это единственная страна, которая понимает Свободу, Жизнь, Искусство и Красоту; Франция — единственная. У меня большие надежды на Россию. В этот момент она проходит через болезненный период роста, но я верю, что она является будущим для Художников и Духа…

Когда я говорю о моей школе, люди не понимают, почему я не желаю платных учеников. Я не продаю свою душу за деньги. Я не хочу богатых учеников. У них есть деньги, но они не нуждаются в искусстве. Дети, о которых я мечтаю, это сироты войны, которые потеряли все, у которых больше нет отцов и матерей.

Многие не понимают, почему я желаю содержать детей при школе; почему я не хочу, чтобы они приходили ко мне каждый день из своих домов и возвращались в них каждый вечер. Это потому, что, когда они возвращаются в эти дома, они не получают надлежащей пищи — ни духовной, ни физической. Я хочу видеть моих учеников знающими Шекспира и Данте, Эсхила и Мольера. Я хочу, чтобы они читали и знали творения выдающихся умов мира. Танцевать — это жить. И то, чего я хочу, — это игкола Жизни, так как наибольшее богатство человека — это его душа и воображение. Дайте мне, попросите вашего президента

предоставить мне сто детей, осиротевших во время войны, и через пять лет я верну их вам — это я обещаю — красивыми и богатыми, насколько это можно вообразить.

Когда мне было двадцать лет, я любила немецких философов. Я читала Канта, Шопенгауэра, Геккеля и других. Я была такой интеллектуалкой… Когда мне был двадцать один год, я предложила свою школу Германии. Императрица ответила, что это аморально! Кайзер сказал, что это революционно! Тогда я предложила свою школу Америке, но мне сказали, что я защищаю вино… и Диониса… Тогда я предложила мою школу Греции, но греки были слишком заняты борьбой с турками. Сегодня я предлагаю свою школу Франции, но Франция в лице любезнейшего министра изящных искусств дарит мне улыбку. Я не могу содержать детей в моей школе на улыбку. Они должны существовать на фруктах, молоке и на гиметтском меде.

Что касается меня — я жду. Помогите мне основать мою школу. Если нет — я отправляюсь в Россию с ее большевиками. Я ничего не знаю об их политике. Я совсем не политик. Но я скажу их лидерам: отдайте мне ваших детей, и я научу их танцевать, как богов… или убейте меня. Ибо если у меня не будет своей школы, я предпочла бы быть убитой. Это было бы гораздо лучше…

Что касается меня, то мне не нужно много денег. Посмотрите на мои костюмы — они несложны, они не очень дорого стоят. Посмотрите на мои декорации — эти простые синие занавеси у меня с тех пор, как я впервые начала танцевать.

Что касается драгоценностей, у меня в них нет необходимости. Цветок более прекрасен в руках женщины, чем все жемчуга и бриллианты в мире, не так ли?»

В своем «Романе без вранья» Анатолий Мариенгоф написал:

«Луначарский обещал Айседоре «храм». «Она приехала в Советскую Россию только потому, что ей был обещан… храм Христа Спасителя. Обычные театральные помещения больше не вдохновляли Дункан… Пресыщенная зрителем (к слову: ставшим на Западе менее восторженным), она жаждала — прихожан…

Соблазненная храмом Христа Спасителя, Айседора Дункан не то что приехала к нам, а на крыльях, как говорится, прилетела.

И… очень рассердилась: очаровательный нарком надул ее. Вероятно, потому, что слишком смело, без согласования с Политбюро, раздавал храмы танцовщицам.

Я потом весело сочувствовал Айседоре:

— Ах, бедняжка, в Большом театре приходится тебе выступать!»

Не могу сказать о храме Христа Спасителя, но Ливадийский дворец обещали, это точно. Есть об этом свидетельство Ирмы

Дункан:

*«В 20-е годы в Лондоне находилось торговое представительство Советской России, которое возглавлял Леонид Красин, один из самых культурных и симпатичных большевистских лидеров. Прослышав, что всемирно известная танцовщица интересуется новым Российским государством, он пошел на один из ее концертов в театре принца Уэльсского. Случилось так, что в тот вечер среди прочих вещей Чайковского она танцевала «Славянский марш» в сопровождении Лондонского симфонического оркестра. Красин, как и все русские революционеры до и после него, кому удалось увидеть эту потрясающую ла*коничную танцевальную новеллу об угнетении и освобождении славян, не мог сдержать слез.

Немедленно после спектакля он бросился за кулисы, чтобы выразить свое восхищение танцовщице. И там, в артистической, они вчерне, почти полушутя, обсудили ее идею отправиться в Россию для создания грандиозной школы танца (…)

Как-то в июне Красин пригласил Айседору и Ирму на ленч в посольстве, и они нашли торгового представителя и его жену столь очаровательными хозяевами, что все их страхи по поводу ужасных манер большевиков развеялись, Красин сказал Айседоре, что власти в Москве решили предоставить в ее распоряжение не только тысячу детей, о которых она мечтает, но также прекрасный императорский дворец в Ливадии, в Крыму!

Все это казалось идеальным. Там, в прекрасном климате, на плодоносной Ривьере, в сельской местности тысяча талантливых детей могли бы учиться на открытом воздухе. Они двигались бы так грациозно, как кипарисовые деревья и танцевали бы так ритмично, как волны бездонного синего моря омывают стены дворцового сада. Там был бы многокомнатный особняк, в котором они могли бы комфортабельно разместиться; и надо всем — благожелательная поддержка дальновидного правительства. Чего ещё она может пожелать?

Быть может, наконец ее великая мечта увидеть тысячи детей танцующими Девятую симфонию Бетховена воплотится? Быть может, наконец великая волна братства с помощью танца выплеснется из России и омоет Европу, смыв с нее всю мелочность, всю ее междоусобную вражду, Быть может».

Айседора любила Россию, она трижды сюда приезжала и выступала с небывалым успехом. Здесь ее понимали и высоко ценили.

Свой революционный танец «Славянский марш» на музыку Чайковского она создала, когда до нее дошли первые известия о русской революции. Видно, уже тогда зародилась идея уехать в

освобожденную от деспотизма Россию, чтобы танцевать для ее народа и вместе с народом создавать новое свободное общество.

Она так и написала Анатолию Васильевичу Луначарскому, предварительно обсудив все с Красиным:

«Я ничего не хочу слышать о деньгах в обмен на мою работу, Я хочу студию-мастерскую, которая стала бы домом для меня и моих учеников, простую пищу, простую одежду и возможность создавать наши танцы… Я хочу танцевать для масс, для рабочих людей у которых никогда нет денег. Я хочу танцевать для них бесплатно… Если вы принимаете меня на этих условиях, я приеду и буду работать для будущего Российской республики и ее детей».

Ответная телеграмма Луначарского гласила: «Приезжайте в Москву. Мы дадим вам школу и тысячу детей. Вы сможете воплотить вашу мечту на высоком уровне».

Мери Дэсти вспоминает:

«Лучше всего рассказать о великом путешествии Айседоры в Россию так, как она мне сама рассказывала.

Когда она ехала в Россию, то испытывала те же чувства, которые должна испытывать душа, пересекая Стикс. Со всеми известными формами жизни и условностями покончено навсегда — она едет в идеальное государство, созданное Лениным. Ко всем старым институтам Европы — презрение и жалость. Она хотела стать товарищем среди товарищей и посвятить свою жизнь благу человечества.

Сердце ее чуть не разорвалось от радости, когда пароход прибыл в Ревель. Она чувствовала себя великим героем, добравшимся до Валгаллы.

Отступать было нельзя, возвратиться тоже, да такая мысль ей и в голову не приходила. Это на веки вечные. В мечтах ей виделись тысячи детей, растущих сильными, прекрасными, каждый из которых держит за руку младшего, а тот еще меньшего, и все шагают широким шагом под звуки «Интернационала». Но, видимо, Ревель не был тем местом, где это начинается. Всюду была страшная неразбериха и бюрократическая волокита. В конце концов, набегавшись по разным учреждениям и везде видя неуважение к себе и своей великой миссии, Айседора вместе с ученицей и горничной сели, наконец, в поезд, направляющийся в Москву. После утомительного, показавшегося им бесконечным путешествия, они прибыли в Москву.

И снова сердце ее радостно забилось. Она подождала несколько минут в купе, чтобы встречающая ее комиссия убедилась, что она прибыла. Затем, еле касаясь ногами земли, вышла из поезда, ожидая, что потонет в объятиях бесчисленных

товарищей и детей. Она мысленно видела их всех в красных рубашках, размахивающими красными флажками, приветствуя ее приезд. Но никто не обратил на Айседору и ее спутниц ни малейшего внимания, кроме охранника, смотревшего на них весьма подозрительно. Они вошли в зал ожидания испуганные.

К своему большому удивлению Айседора нашла извозчика, который согласился везти за американские доллары. И Айседора с ученицей поехали по разбитым, неубранным улицам искать нужного им чиновника. В Кремль их впустить категорически отказались, и они, потеряв всякую надежду, поехали обратно. Случайно взглянув на одно из окон гостиницы, мимо которой они проезжали, Айседора увидела в нем своего молодого друга, который служил в посольстве в Париже.

Она помахала рукой и позвала его, и когда он ее узнал, то выбежал на улицу и, заключив в объятья, воскликнул: «Айседора, Айседора, какая радость! Как вы оказались в Москве?»

Она, конечно, рассказала ему о своих неприятностях и беспомощном положении. Он расхохотался, услышав ее представление о большевистской России.

Но Айседора заявила: «Меня пригласили обучать их детей, тысячи детей». Молодой француз ответил: «Думаю, намерения у них хорошие, но дети-то беспризорные и многие умирают с голоду, а танцы — это ведь роскошь. Поэтому, боюсь, у вас будет много разочарований».

И, как вскоре поняла Айседора, он оказался пророком. Тем не менее ее энтузиазм был непоколебим, хотя представление о России как о рае на земле, утопающем в братской любви, несколько поколебалось.

Их запихнули в очень темную, жалкую гостиницу, которую Айседора по прежнему визиту в Россию помнила как одну из самых фешенебельных в Москве. Портье не было, вещи нести было некому, поэтому пришлось им самим добираться до отведенного им номера.

Когда Айседора увидела их комнату, — а получили они именно комнату, одну на троих, она решила, что что-то безусловно перепутано. Снова им дали черный хлеб с икрой и предоставили самим себе. Во время революции вся мебель из гостиниц и частных домов была свезена в большой центральный склад для распределения среди большевиков, поэтому мало что осталось для удобства гостей. Кровати, на которых они спали, были железными, с досками, покрытыми половиками. К счастью, у Айседоры были с собой простыни и одеяла.

Уже было очень поздно, и все сильно устали, поэтому они решили лечь спать и подождать до утра, когда, безусловно, все

образуется и станет прекрасным — ведь они считали, что в том, что их так плохо приняли, произошла какая-то ошибка.

Не успели они задуть свечу и устроится поудобнее на досках постели, как с ужасом услышали пронзительный писк и визг, затем топот маленьких ножек по всей комнате, прыжки на стол, где были остатки черного хлеба и икры, и со стола, В ужасе они зажгли свечи, но еще больше испугались, увидев маленькие глазки, выглядывающие из всех углов. Дойдя почти до истерики, они звонили и звонили — но безрезультатно. Они выглянули в темный коридор, но там никого не было. Всем было на них наплевать — да, на самом деле просто некому было ими заниматься. Портье дал им комнату и «обеспечил» продуктами. На этом его обязанности и долг кончались».

Они ушли из гостиницы на вокзал и переночевали в своем вагоне, где оставались их вещи. Проводник за определенную плату отвел им купе.

На следующее утро Айседора сама поехала к своему другу, наркому Луначарскому, который очень удивился, увидев ее, и не мог понять, кто же послал телеграмму, приглашая ее приехать в Россию.

Тем не менее со свойственным ему редким очарованием он заверил Айседору, что восторгается ею и уверен, что и правительство, узнав о ее великолепном жесте — приезде в большевистскую Россию, тоже будет в восторге, и обещал немедленно распорядиться о жилье и снабжении продуктами. О школе они поговорят попозже.

От этих слов Айседора пала духом. Все ее мечты о школе снова оказались шуткой, чем-то вроде бреда сумасшедшего, но поскольку мосты были ею сожжены, она решила все же осуществить свою мечту, потому что была уверена, что смо жет заставить по-настоящему оценить ее идею. Луначарский при ней позвонил молодому человеку по фамилии Шнейдер и сказал, что необходимо немедленно найти жилье для Айседоры Дункан…

Насмешки посыпались тотчас, как ей отвели особняк старухи Гельцер, ее кухарку и ее интимного друга Шнейдера. Все хохотали от души в предвкушении предстоящей развязки».

Буря революции, которая пронеслась по стране, разрушила и переменила все: и страну, и уклад, и культуру — и только классический балет оставался сам по себе. Прежде ему покровительствовал царский двор, теперь покровительствуют красные чиновники.

И вот с приездом босоножки большевики экспроприировали у ведущей балерины Большого театра и особняк, и кухарку, и ее интимного друга! Ну как было не потешаться «в предвкушении

предстоящей развязки!»

Балаганный спектакль не состоялся. Со свойственной ей чуткостью к атмосфере и настроению окружающих Айседора не дала повода для насмешек.

Но вскоре скандал иного рода разразился в высокопоставленном обществе красных комиссаров, и повинна в этом была Айседора.

Как далее вспоминает Мери Дэсти, «Айседора была приглашена на вечеринку большевиков. Вот где, думала она, встретится с товарищами — людьми, с которыми она сможет поговорить, которые ее поймут. Чтобы быть достойной, она надела красную тунику, обвила голову красным шарфом и, как обычно по вечерам, накинула на себя красную шаль.

Представьте изумление Айседоры, когда ее ввели в очаровательный салон в стиле Людовика XVI с изящными стульями на выгнутых ножках. Все приветствовали ее на великолепном французском языке, называя «мадмуазель Дункан», на что она резко отвечала: «Я товарищ Дункан». Это всех сильно позабавило.

Гости восседали, как автоматы, но одна молодая дама села за рояль и начала петь одну за другой маленькие французские баллады. Публика изящно похлопала, восклицая:

«Изысканно, прелестно». Айседора глядела на всех этих увешанных драгоценностями, хорошо одетых, декольтированных дам и не могла понять, где она. В конце концов она не выдержала и, вскочив, воскликнула: «Так вот она какая, большевистская Россия! Господи! Для чего совершалась великая кровавая революция? Ничего не изменилось, кроме актеров! Вы забрали их драгоценности, мебель, одежду и манеры. Но только вы играете хуже. Выпустите меня! Выпустите меня!» И она с воплями выбежала на улицу.

Приехав домой, Айседора разразилась хохотом. Ну и идиотка же она была, когда думала, что что-нибудь в мире можно изменить! Большевизм — что за ним? Слова, одни только слова! Она готова была утопиться».

В пересказе Мэри Дести есть существенная деталь — слова, которые потом почти без изменений вошли в советскую классику: «Пустите Дуньку в Европу!» И есть основание считать, что эту главу написала сама Айседора — это были последние четыре страницы из тех, что она положила на колени Мэри Дести.

Была в Айседоре черта, которая притягивала к ней людей. Она была внимательна, уважительна к каждому человеку. Умела учтиво разговаривать со всяким, и каждый был ей интересен. Видно, поэтому у нее было много друзей. Айседоре была

несвойственна грубость, бестактность. Поэтому скандал в «святом семействе» красных комиссаров, который возник по вине Айседоры, надо рассматривать как явление из ряда вон выходящее.

Собственно говоря, что возмутило именитую гостью? Не понравился дворец с аляповатыми, безвкусными украшениями? Не понравились новые хозяева? Отныне она их стала звать «новой буржуазией». Не понравились дамы, увешанные драгоценностями? Таких она называла «жены в перьях». Они развлекались, как умели, развлекались, как все. Это была видимая, внешняя сторона, а что за ней?

В первые дни своего приезда Айседора, Ирма и их компаньонка Жанна побывали в общественной столовой. Увиденное там глубоко опечалило их. И через много лет Ирма вспоминала, как пыталась пригубить эту коричневатую похлебку в алюминиевых мисках и тот хлеб, от которого у них болели животы. А Айседора говорила: «Мы теперь товарищи, мы, как все».

Айседора, как и многие другие, оказалась наивной и доверчивой. Поверила в коммунистические идеалы, оказавшиеся пустыми бреднями.

Нарочно ли вводил в заблуждение читателя Герберт Уэллс, когда писал, что Советское правительство — самое молодое и бесхитростное и если допускает ошибки, то не по злому умыслу, а по неопытности. Писатель убеждал, что в России все бедствуют одинаково, что у писателя Максима Горького один костюм на все случаи жизни.

Айседоре, увы, сразу пришлось убедиться в другом. Все лучшее — и дворцы, и питание — отвоевали для себя новые хозяева жизни. Гостиницы с клопами и мышами, грязные общественные столовые с коричневой похлебкой в алюминиевых мисках приводили ее в содрогание. С этой несправедливостью она мириться не хотела. «Господи! Для чего совершалась великая кровавая революция?» «Неужели в мире ничего нельзя изменить?»

Скандал вызвал большой резонанс, замолчать его было нельзя. Расхлебывать пришлось А.В. Луначарскому. Он выступил со статьей, где с юмором был упомянут «воинственный коммунизм» Айседоры. И, казалось, инцидент был исчерпан. Но так только казалось.

Ради справедливости следует сказать, что Айседора видела и перемены в стране. Несмотря на чудовищные трудности, в Москве и других городах работали театры, открывались клубы по интересам.

Часто устраивались вечера поэзии.

Выступая перед рабочими и революционными матросами, Айседора видела, каким восторгом горели их глаза, когда она танцевала «Марсельезу» или «Интернационал», в едином порыве вставал зал навстречу пролетарскому гимну. В такие моменты ей хотелось хоть чем-нибудь помочь этим людям, облегчить их страдания. По-прежнему она ничего не просила у правительства, только открыть побыстрее школу и дать ей детей. «Спасибо, но мне ничего не нужно, — сказала я Луначарскому, — я готова голодать вместе со всеми, только дайте мне тысячу мальчиков и девочек из самых бедных пролетарских семей, а я сделаю из них людей, которые будут достойны новой эпохи. Это ничего, что вы бедны, это ничего, что голодны. Мы все-таки будем танцевать!»

Голод, нищета, серость и скука были ее смертельными врагами, с ними она боролась, как умела. Она и в Россию, где господствовали голод, серость и уныние, привезла самые яркие свои одежды, а дом открыла для всех голодных людей московской богемы.

Не все поняли ее порыв так, как она хотела. Художник Юрий Анненков вспоминает: «Захваченная коммунистической идеологией Айседора Дункан приехала в 1921 году в Москву, Малиноволосая, беспутная и печальная, чистая в мыслях, великодушная сердцем, осмеянная и загрязненная кутилами всех частей света и прозванная «Донькой» в Москве, она открыла школу пластики для пролетарских детей в отведенном ей на Пречистенке бесхозном особняке балерины Балашовой, покинувшей Россию…

С Есениным, Мариенгофом, Шершеневичем и Кусиковым я часто проводил оргийные ночи в особняке Дункан, ставшем штаб-квартирой имажинизма. Дункан пленилась Есениным, что совершенно естественно. Роман был ураганный и столь же короткий, как и коммунистический идеализм Дункан».

Этот «красный» эмигрант крайне осторожен в суждениях и выражениях. Сочувствует ли он беспутной и великодушной» Айседоре, «загрязненной кутилами всех частей света», или, присоединившись к этим кутилами, бросил свою ложку дегтя? Попробуй, пойми!

А вот друг Есенина Алексей Ганин, арестованный в августе 1924 года, и в протоколах допроса сумел сказать об Айседоре доброе слово. Эти протоколы А. Ганин писал сам, отвечая на вопросы следователей. Станислав Куняев назвал их очень точно — «тюремными мемуарами Алексея Танина». «С Айседорой Дункан, — писал арестованный, — меня познакомил Есенин как со своей бывшей женой (следовательно, и после возвращения из-за границы Есенин посещал Айседору). У Дункан я был раз пять,

где бывало иногда много людей, говорилось на разных языках. Были мы и держались там — Есенин, Клюев и я, Аксельрод, Рабинович. Говорили всегда ни о чем — комплименты Айседоре или обо всем до тех пор, пока Есенин не начинал с кем-нибудь драку».

Как видим, в 1924 году «теткиных» сотрудников очень интересует все, что касается Айседоры Дункан: кто ее посещает, о чем и на каких языках ведут разговоры. («Теткой», напомню, Иванов-Разумник называл ЧК-ОГПУ).

Рассказывает Ирма: «Айседора хотела повидаться с Троцким и Лениным. Это легче было сказать, чем сделать. Она знала, что эти замечательные люди работали день и ночь, еле находя время выпить чашку чаю и спали очень мало. Говорили, что Ленин никогда не покидал Кремля, а когда уставал, ложился тут же, не раздеваясь.

Почти все свое время Айседора тратила на встречи с различными чиновниками по поводу своей школы. Каждый обещал сделать, что может, но что они могли? В город наехала масса людей, которых негде было разместить, а тысячи умирающих с голоду детей, подобно животным, одичало бродили по улицам, не зная, кто их родители, да и не заботясь об этом. Большая часть их родителей погибла или пропала без вести во время революции, и дети спали в ямах и углах, промышляя главным образом воровством. Айседора забрала бы их всех, если бы ей дали дом и хлеба…

Так бесполезно прошло три месяца, когда в один прекрасный день Айседоре позвонил Луначарский и сообщил радостную весть, что у него есть для нее дворец в самом центре Москвы. Эта добрая весть так подействовала на Айседору, что она заплакала от радости. Наконец-то они увидят, чего можно достигнуть. О, этого стоило ждать. Звезда ее взошла. У нее перехватило дыхание от радостных переживаний.

Теперь она получит дворец знаменитой балерины Балашовой и в нем все, что мог купить явно отвратительный вкус на неограниченные средства. К счастью, дворец несколько раз грабили, и в нем осталось очень мало мебели. Сам дом был отличной пропорции.

Айседора развесила повсюду объявления, что возьмет пятьдесят детей, способных к танцам. На следующий день ввалилась толпа детей, но, к сожалению, всех их взять Айседора не могла. Плач и душераздирающие вопли малышей, причитания и взаимные упреки матерей были ужасны. Малыши, протягивающие к ней свои ручонки скелетов с пальчиками толщиной в соломинку и кричавшие «Айседора, Айседора!», чуть

не довели ее до сердечного приступа. Она приняла вдвое больше детей, чем было мест, а потом не знала, что с ними делать».

О том, что в школе Дункан было «вдвое больше детей», пишут и другие исследователи. Ясность вносит Илья Шнейдер: «На предварительные занятия ходило вдвое больше детей. Из этих детей Айседора отбирала 40 человек, раздавая на занятиях красные билеты. Илья Шнейдер дает некоторое представление о работе персонала школы, которого оказалось в полтора раза больше, чем детей. Его называли организационным комитетом школы:

> *«Сорок детей уже жили в школе, но сама школа еще не существовала. Распорядок дня, выработанный Дункан, соблюдался плохо. Общее образование, предусмотренное тогда в объеме семилетки, велось сумбурно. Среди набранных преподавательниц-руководительниц только две были с педагогическим опытом. Организационный комитет не мог наладить даже быт, хотя персонала было в полтора раза больше, чем детей».*

С горечью и иронией вспоминала и Ирма, как школу наполнили персоналом, и вместе с персоналом прибыло огромное количество всевозможной сверкающей посуды, в которой, к сожалению, нечего было готовить.

Всех детей и персонал надо было накормить, а так как правительство из-за долгого обсуждения и волокиты еще не приняло решения о группе, она достала остатки привезенных с собой консервов. Обучение началось. О, как эта школа отличалась от ее первой школы в Грюневальде в Германии, где стояло сорок белых кроваток, украшенных изящными занавесками с голубыми бантиками! А здесь все, что Айседора могла сделать, это положить доски на прибитые вдоль стен планки, постелить одеяла и уложить на них по 3–4 человека. Одеяла Айседора достала у представителя Организации американской помощи…

Школу открыли в середине октября, через три месяца после ее приезда. Но скоро ее пришлось на время закрыть, а детей отправить домой, потому что дворец на Пречистенке не отапливался. Надо было еще поставить печь.

И все-таки 7 ноября Айседора с детьми уже выступала в Большом театре, где проходили Октябрьские торжества. В зале был Ленин, и от его имени Ирме Дункан и детям вручили букет цветов.

Рассказывает Ирма: *«Большой театр в Москве вмещает свыше трех тысяч человек, но в десятки раз больше коммунистов рвались увидеть танец Дункан, о котором столько раз говорили. «Правда»,*

«Известия» и все рабочие газеты помещали высказывания читателей о всемирно знаменитой танцовщице, которая столь мужественно покинула «гибнущую капиталистическую Европу» ради того, чтобы приехать работать для детей Советской Республики».

«Известия» писали: «Давно уже подмостки академического Большого театра не видали доподлинного праздника». Воздав хвалу ритмике и пластике и полному слиянию с музыкой, автор статьи «особливо» (слово из текста) останавливается на «Славянском марше» Чайковского, который был «гвоздем программы». «Это в полном смысле контрреволюционное произведение… Но Айседора показала, что может сделать с вещью, совершенно несозвучной современности, одаренный артист.

На фоне музыки Чайковского Дункан изобразила в захватывающей мимике и пляске согбенного, тяжко плетущегося, утомленного, скованного раба, силящегося порвать оковы и наконец падающего ниц от изнеможения. Но посмотрите, что делается с этим рабом при первых звуках проклятого царского гимна: он с усилием приподнимает голову, его лицо искажает безумная гримаса ненависти, он с силой выпрямляется, напрягает нечеловеческие усилия, чтобы порвать рабские цепи.

Это ему удается сделать в конце марша…

Раб выпрямляет искривленные пальцы, он простирает застывшие руки вперед — к новой радостной жизни.

Аллегория была понятна всем. Шествие раба по сцене — это крестный путь придавленного царским сапогом русского трудового народа, разрывающего свои цепи. В исполнении Дункан царский гимн прозвучал, как это ни парадоксально, революционно».

О том же свидетельствует И. Шнейдер: «Ленин, присутствовавший на концерте, был потрясен «Славянским маршем» и, вскочив, кричал: «Браво, браво, мисс Дункан!»

Как это ни странно, именно этот танец запретят в Кисловодске чекисты, именно из-за «Славянского марша» вспыхнет скандал после яростного сопротивления Айседоры чекистам.

И все-таки, как рассказывает Ирма, наиболее взволновалась публика, когда оркестр заиграл «Интернационал». «Айседора вышла на середину сцены и там встала твердо, неподвижно, как статуя, задрапированная в красное, и начала одной мимикой изображать крушение старого мира и приход нового — братства людей. Весь зал встал, и все горячо подхватили слова этого гимна. И в это время из глубины сцены вышла Ирма, ведя за руку ребенка, за которым вышли один за другим сто маленьких детей в красных туниках, каждый высоко поднятой правой рукой крепко

сжимал левую руку следующего. На фоне синих занавесей ярким живым бордюром они окружили огромную сцену, протягивая свои детские ручонки к светлой, величавой, бесстрашной и лучезарной фигуре своей великой учительницы».

Несмотря на триумфальное выступление в Большом театре, несмотря на то, что 3 декабря 1921 года школа была открыта официально и носила теперь гордое имя Государственная школа Айседоры Дункан, ее пришлось закрыть. Не было топлива. Не была еще провозглашена Лениным и новая экономическая политика. Это случится скоро, и НЭП сразу изменит лицо страны, а пока Айседора опять была поставлена в крайне затруднительное положение. Шесть месяцев прошло со дня ее приезда, и теперь она должна была сказать: либо ее умышленно обманули, и ей остается вернуться к своей карьере в «европейском мире», либо она должна остаться в Москве и бороться за сохранение этой новой школы.

Айседора выбрала второй путь, очень нелегкий для того времени. Ей пришлось много выступать, давая платные представления в театре Зимина. «На доходы от этих выступлений она купила дрова и продукты для своих маленьких воспитанников, а на Рождество елку. Денег на игрушки не было, украшения делали сами». Как писала Ирма Дункан, «вид неподдельно, от души радующихся детей, весело пляшущих вокруг своей первой рождественской елки, по-настоящему вознаградил Айседору за ее хлопоты и помог до некоторой степени подсластить горечь ее разочарований. Великая мечта Айседоры о большой бесплатной школе, поддерживаемой мудрым и благосклонным правительством, потихоньку начала рушиться».

В апреле Айседора дает телеграмму в Америку своему импресарио Юроку, предлагая свои выступления с детьми. Юрок принимает предложение, но предлагает перенести гастроли на осенний сезон.

Советское правительство могло облегченно вздохнуть с отъездом Айседоры, но детей из страны не выпустило, резонно опасаясь их невозвращения и за свой престиж: «Нам-то на все наплевать, но перед иностранцами неудобно».

Почему так нелепо в Советской России смотрелась эта «великая босоножка», которая чудом своего искусства покорила весь мир? Может быть, она действительно привезла с собой атмосферу богемы и разложения? Может, советское правительство вынуждено было тратить деньги не на голодающих детей, а на нее и ее окружение, как об этом писали тогда и пишут до сих пор?

Нет никакого сомнения, что Айседора мешала советскому

правительству, мешала со дня своего приезда.

Пригласили! А с кем согласовали? И кто из большевистских руководителей мог всерьез верить, что Айседора примет приглашение? Потому и пообещали храм и Ливадийский дворец, а на деле даже встретить приглашенную на вокзал не явился никто. Потому что никто ее не ждал.

Айседора приехала 24 июля 1921 года. Это было время, когда большевики ввели жесточайшую экономию. Экономили на всем, а страдала, как всегда, в первую очередь культура. Урезали пайки даже строителям элекстростанции, которую лично курировал Ленин. Сокращали «едоков» на заводах и фабриках. На рассмотрении комиссии стояло предложение, «не представляется ли возможным снятие с пайков всего нетрудового населения Москвы».

23 июля 1921 года (накануне приезда Дункан) Ленин подписал документ *«Об аресте на одно воскресенье председателя Петроградской коммуны Бадаева и двух его ближайших сотрудников в связи с неисполнением приказа по сокращению на 30 процентов продовольственных пайков снабжаемых коммуной потребителей в связи с тяжелым продовольственным положением».*

А тут явилась эта «Дунька» и требует тысячу детей. А дать ей тысячу детей, это значит — дать тысячу пайков да содержать школу, да обслуживающий персонал, да мало ли чего еще! И все этот Луначарский! Сует нос, куда его не просят.

«Айседора не была такой простушкой, как ее описывают: открытая душа и широкая натура. Жизнь научила ее всему: и хитрить, и изворачиваться, и льстить, и скрывать истинные чувства. Была она умной, наблюдательной и хорошо разбиралась в людях», — об этом свидетельствует Лола Кинел.

Что думала Айседора о большевистских руководителях на самом деле, остается только догадываться. «Вслух» в интервью она однажды сказала: «Удивительные люди, эти красные комиссары, — думала я. — В нашей разоренной стране они находят время и желание, чтобы помочь какой-то сумасбродной даме воплотить в жизнь ее фантастическую мечту!» И при этом Айседора видела, ежедневно обходя все кабинеты, тщетно добиваясь открытия школы, что у красных комиссаров не было ни времени, не желания заниматься «сумасбродной» иностранкой и воплондать в жизнь ее мечту. И не было, главное, возможности.

В день ее приезда нарком иностранных дел Чичерин пишет Ленину письмо, жалуется, что перегружен делами, а ему навязывают устройство дел артистки Дункан, приехавшей по приглашению Красина и Луначарского.

Вот история Ливадийского дворца и собольей шубы, по поводу которых так откровенно и долго издевались все, кому ни лень. По воспоминаниям Ирмы Дункан, Айседоре обепдан был Ливадийский дворец в теплом Крыму, и поэтому они не взяли с собой никаких теплых вещей. Наступили октябрьские холода, и Красин, с которым они посоветовались, достал им ордер и посоветовал самим поехать в хранилище меховых вещей и подобрать хорошие шубки. Ирма присутствовала при этом, потому подробно и занимательно поведала историю с меховыми шубами. Описание сказочного мехового царства в пещере Аладдина — это документ эпохи, он сам по себе интересен и достоен внимания. Здесь приводится только небольшой отрывок.

«Когда они добрались до склада, их ввели в настоящую пещеру Аладдина, холодную, как лед. Зрелище, представшее их глазам, могло вызвать у любого члена союза мехоторговцев апоплексический удар от зависти и алчности. На стеллажах и вешалках, ряд за рядом, размещались шубы, накидки, горжетки, палантины, шапки, пелерины и пледы из всех наиценнейших мехов мира. Тут было множество бархатных пелерин, отороченных мехом черно-бурой лисицы, использовавшихся в былые дни для того, чтобы укутывать шикарно одетых аристократок, когда те ездили в санях. Тут были в несказанном количестве длинные накидки-безрукавки из горностая, норки, соболя, персидского каракуля. Здесь были сотни шуб, сшитых из одного ценного меха и отороченных другим; и тысячи шуб попроще из всех мыслимых шкур, среди которых овчина и кролик были вульгарным исключением. Горжетки из уникальных, роскошных голубых песцов висели красочными связками, и были также и другие, из черно-бурых лисиц, горностая, соболя. Ковры для карет и саней из медвежьих шкур, рыжих и белых лисиц, норки, каменной куницы, белки и даже соболя были навалены тут высоченными штабелями».

Из мехового сказочного царства они вышли с шубами, с которыми пришлось расстаться в той же конторе того же мехового склада: предстояла оценка меха. Через неделю им сказали: «Если товарищ Дункан озаботится заплатить столько-то тысяч золотых рублей или столько-то миллиардов бумажных, то обе шубы, несомненно будут доставлены ей на дом».

Эпилог истории с меховыми шубами наступил спустя несколько дней, когда Айседора репетировала в театре. Готовилось выступление к 4-й годовщине Октябрьской революции.

«Она закончила сама репетировать с оркестром и собиралась начать репетицию с детьми, когда первый скрипач посмотрел на

часы и встал, собираясь уходить. Его время вышло. Даже для самого Ленина он не стал бы работать сверхурочно.

Айседора через переводчика сказала: «Вы знаете, что дети все это время простояли на сквозняке на сцене, терпеливо дожидаясь своей репетиции?»

Дирижер (Голованов), однако, никак не прореагировал, а, напротив, дав знак остальным музыкантам, тоже поднялся уходить. Айседора начала опять:

— Я проделала весь этот путь, чтобы помочь детям России. Я с готовностью жертвую многим ради этой задачи. Конечно, товарищи, вы можете пожертвовать несколькими минутами и сыграть для этих детей.

Скрипач прорычал переводчику:

— Да, мы знаем, зачем она приехала в Россию. Она приехала за дармовой собольей шубой.

И с издевательским хохотом все они вышли из оркестровой ямы, оставив Айседору, оскорбленную до слез, продолжать репетицию представления, которое она собиралась дать бесплатно для рабочих Москвы».

Из десятка тысяч шуб красные комиссары не пожелали выделить две для приезжих артисток. И это в то время, когда Айседора давала в Большом театре бесплатные представления для рабочих Москвы.

Сам по себе факт может быть и незначительный, но, несомненно, оскорбительный для гордости Айседоры. Главы правительств всех стран мира считали за честь познакомиться с великой Айседорой. В Советской России ни Ленин, ни Троцкий в 1921 г. не нашли времени принять и выслушать Айседору. Не примет ее и Троцкий в Кисловодске, когда она будет искать у него поддержки и заступничества от вмешательства чекистов, посягнувших на ее репертуар.

Откуда пошло, что Дункан вела богемный образ жизни? Об этом пишут Анатолий Мариенгоф, Илья Шнейдер, Юрий Анненков и другие, те, кто присутствовал на ее вечерах. Об этом пишет и Ирма Дункан, правда, несколько иначе:

«Раз в две недели Жанна ходила со своей большой рыночной корзиной в кремлевский распределитель получать паек для своей товарища-хозяйки. И раз в две недели, когда паек прибывал домой, Айседора со своей обычной бездумной щедростью устраивала вечер с блинами для всех своих друзей — вечно полуголодных поэтов и артистов. Они, кажется, заранее предвкушали эти дни. Через несколько часов весь запас белой муки полностью бывал исчерпан на приготовление блинов, на которые намазывался весь запас икры».

Что ни говори, а написано не без некоторого сожаления. Да и понять это можно, ведь речь идет о холодном и голодном времени России, а Айседоре словно все трын-трава.

Блины с икрой съедались в тот же вечер, в другие дни была картошка. С юмором рассказывает Ирма, как в обычные дни повара в белых колпаках «оттачивали свое кулинарное искусство», изощряясь в приготовлении картофеля: на серебряных тарелках, украшенных гербами, чеканкой и гравировкой, «они подавали к столу картофель, жаренный в масле («сотэ»), картофель «Новый мост», суфле, картофель «Лионский», картофель «Булочник», картофель крестьянский, жареный в духовке, отваренный на пару, пюре на козьем молоке, взбитое, винегрет и т. д. и т. п. А когда их профессиональные и умственные способности полностью истоптались от придумывания новых способов, они приносили к столу на тяжелых, аристократических серебряных блюдах картошку в мундире!

Трудно поверить, что Айседоре нравилось один раз в две недели есть блины с икрой, а в остальные дни питаться одной картошкой. За блинными вечерами стояло другое. Об этом ее первая статья, опубликованная в одной английской газете. Ее, именитую танцовщицу, приехавшую в голодную Россию, с радушием встречали многие знакомые и незнакомые товарищи, часто приглашали в гости. Ирма рассказывает, как театральный антрепренер и композитор Бенедиктов в том же месяце пригласил их на завтрак и угощал такими деликатесами, что Айседора невольно воскликнула: «Но это же как в Ритце!» Вот именно, как в Ритце, как в лучших ресторанах Парижа, в то время как столица сидела на голодном пайке.

Очарованный Айседорой Бенедиктов подарил ей картину старых мастеров, на которой были изображены три ангела. Позже, познакомившись с Есениным, она нашла большое сходство с белокурым ангелом. Картина ей очень понравилась, велела повесить над кроватью, часто подолгу смотрела на нее, даже разговаривала со своим «дарлингом», а когда сердилась на Есенина, грозила ангелу пальцем.

Ирма называет Бенедиктова антрепренером и композитором, по другим источникам, он принадлежал к армии тех антикваров, которые, подобно Арманду Хаммеру, переправляли за рубеж награбленные большевиками ценности России. Кстати, Айседора была близко знакома с Армандом Хаммером и его русской женой певицей Ольгой Вадиной.

В те же дни Айседора познакомилась с большевиком, которого сразу выделила из обпдей массы руководителей и о

котором тотчас захотела рассказать в зарубежной печати. Это был Николай Ильич Подвойский. «Он стал предметом громадного и продолжительного восхищения танцовщицы». Его называла в письмах не иначе, как «Божественный Подвойский».

Айседора Дункан и Николай Подвойский

Чем же привлек ее внимание этот человек? Своей порядочностью, скромностью, аскетизмом. Не позволял себе никакой роскоши, никаких излишеств, довольствовался малым. Должность военачальника и полководца Красной армии и тяжелые раны позволяли жить в роскоши, иметь персональную машину и санаторные условия, а он довольствовался тем, что имел: маленький домик из двух комнат на Воробьевых горах, жену и пятерых детишек. По ранению он отошел от командных должностей, но и будучи рядовым армии коммунистов, не отошел от важных и нужных дел в строительстве новой жизни — с юной армией молодежи он строит храм спорта на Воробьевых горах. На этом стадионе он воспитывает новую смену бойцов за идеалы социализма, строителей новой жизни.

В маленькой комнате Айседора дала его детям урок танца.

Подвойский восхитился: «Айседора, это прекрасно. Я едва узнаю своих детей. В одночасье они стали неузнаваемы. Но я боюсь, что вы слишком мягко относитесь к ним. Они должны расти, как солдаты революции».

А ее Айседоре запомнились его слова, касающиеся личности педагога: чтобы научить юношей и деву шек великим героическим движениям, Айседоре самой надо жить более героически:

«Европа избаловала ваш прекрасный героический дух. Многолетние успехи изнежили вас. Вы должны прийти сюда и жить с нами, как живем мы. Тогда вы будете совершенной».

Подвойский преподал Айседоре и наглядный урок — повел ее по узкой крутой тропинке. Подошвы заскользили по камням, тропинка стала совсем трудной, почти отвесной. И когда Айседора была совсем измучена и испытывала раздражение, услышала назидательные слова своего провожатого:

— Я повел вас этой узкой извилистой тропой: это символ. Я хотел показать вам, что, если вы пожелаете остаться в России, ваш путь будет в точности как эта узкая, крутая тропа. Не театры, оркестры, аплодирующая публика — нет. Идите среди людей. Танцуйте в маленьких сараях зимой, на открытых полях летом. Учите людей постигать смысл ваших танцев. Учите детей. И не требуйте благодарности.

Был ли этот урок преподан Божественным Подвойским, или Айседора таким наглядным примером выразила свои мысли, во всяком случае в статье написала:

«Духовную правду того, что происходит здесь, я рассматриваю как блистательное видение будущего. Пророчества Бетховена, Ницше, Уолта Уитмена становятся реальностью. Все люди будут братья, подхваченные великой волной освобождения, которая родилась только что здесь, в России».

Так романтически мыслила и высокопарно выражалась Айседора в 1921 году. В 1924 из Ташкента она напишет Ирме более прозаично: «Что касается идей Подвойского о танце — наш танец выметет их прочь, как он выметает все, что стоит на его пути».

Айседора всегда была свободна и независима. Отношение к «товарищам» определилось скоро, скорей, чем можно было думать. Сблизиться и «породниться» с семьей «новой буржуазии» она не захотела, более того, осудила и порвала с ней раз и навсегда. Ответная реакция, естественно, была такой же: ее игнорировали, не замечали, замалчивали, не посещали ее концерты, не помогали школе. Свой паек «работника умственного труда», возможно, из чувства протеста, она отдавала голодной

интеллигенции Москвы.

В голодной столице, сидевшей на скудном пайке, эти вечера не вызывали одобрения. Не нравилось это, конечно, и правительству. Не нравилась ее переписка с зарубежными друзьями и корреспонденция в иностранные газеты, которую она отправляла, опять же, не по почте, а с надежными людьми.

Потом появится много небылиц и скабрезностей. Раз были блинные вечера, где собиралась московская богема, значит, было вино (пили стаканами, вино лилось рекой), а хозяйка наливала «крепкий-прекрепкий чай». Завзятый трезвенник Николай Клюев хлебнул, и у него глаза на лоб полезли, потому что это был не чай, а коньяк.

— Вот, думаю, ловко. Это она с утра-то натощак и из самовара прямо! Что же за обедом делать будут?

Кто распространяет эти байки? Николай Клюев?

— Вряд ли, — возразит читатель, — Клюев всегда с почтением относился к Айседоре, никогда худого слова не говорил о ней и вдруг пустил по ее адресу пошлейший анекдот? Тогда зачем? А затем, поясняют доброхоты, что Клюев хотел отомстить Есенину за его стихотворение:

> И Клюев, ладожский дьячок.
> Его стихи, как телогрейка.
> Но я их вслух вчера прочел,
> И в клетке сдохла канарейка.

Однако, слишком уж несуразно получается — «своеобразно отомстил Есенину», а собак повесил на Дункан? Где же тут логика?

Логики действительно нет, но есть сочинитель этой «логики». Илья Шнейдер пишет: «Этой легендой Клюев ввел в заблуждение такого уважаемого и опытного литератора, как Всеволод Рождественский. У Дункан никогда не было никакого самовара, за исключением двухведерного, стоявшего внизу в детской ванной». Вот вам и сочинитель — Вс. Рождественский, который прикрылся Николаем Клюевым. Точь-в-точь, как это делал Анатолий Мариенгоф, сочиняя свои небылицы.

Глава 2
«Блаженный Анатолий»

Рассказывая о «красной» Айседоре, нельзя не остановиться на личности первого советского наркома просвещения Анатолия

Луначарского.

Бытует мнение, что Ленин благоволил Луначарскому. Ну как же, эстет, эрудит, прекрасный оратор, знаток русской и мировой литературы! Это мнение внушил всем М. Горький и подкрепил словами Ленина: *«Луначарский — на редкость богато одаренная натура. Я к нему питаю слабость… Я его, знаете ли, очень люблю. Есть в нем какой-то французский блеск. Отличный товарищ!»* — правда, еще добавил: *«Легкомыслие у него тоже французское. Легкомыслие от эстетизма у него».*

Никогда, видно, не забывал вождь революции, как новоиспеченный большевик Луначарский (он только в 1917 году вступил в партию) бегал «с выпученными глазами» в гостиной Мережковских, потрясенный Октябрьским переворотом, и всех убеждал: «Мы этого не хотели, господа! Мы хотели только попробовать!» (см. «Дневники» З.Н. Гиппиус).

Числилась за ним не одна подобная история, но собор Василия Блаженного ему ни Ленин, ни Троцкий не простили: костьми лег, из состава большевистского правительства вышел в знак протеста, предпочел себе «в награду» обидное прозвище «Блаженный Анатолий», но собор разрушить не дал.

«Я видел Анатолия Луначарского, только что назначенного народным комиссаром просвещения, дошедшим до истерики и пославшим в партию отказ от какой-либо политической деятельности. Ленин с трудом отговорил его от этого решения». *Так пишет Ю. Анненков.*

Не прошла бесследно для Анатолия Васильевича и его инициатива с приглашением танцовщиц Айседоры и Ирмы Дункан. Ему приклеили еще один ярлык — «наша балерина». Кто удостоил его этим прозвищем? Послушаем «красных эмигрантов».

«О литературной пошлости Луначарского за рубежом была напечатана убийственная статья М.А. Алданова, разбирающая художественное (драматическое) творчество этого большевистского пошляка и пустозвона, кого сам Ленин называл «наша балерина», — *пишет Роман Гуль.*

Марк Алданов в статье о драматургии Луначарского приводит примеры действительно вопиющей пошлости, явленные миру «культурнейшего из большевиков». В частности, созданные им образы короля Дагобера и его дочери — красавицы Бланки из пьесы «Королевский брадобрей». «Король, натурально, желает изнасиловать свою дочь.

— Чего бы другого можно было ждать от короля?» — *иронизирует Алданов. У него, как и у всей эмиграции, не находилось для Луначарского добрых слов:* «Этот человек, живое воплощение бездарности, в России просматривает, разрешает, запрещает

произведения Канта, Спинозы, Льва Толстого».

Как известно, в неграмотной России до 1917 года в культурной жизни главенствовала не книга, а театр. Луначарский покровительствовал и всячески поддерживал все новшества и реформы театров Станиславского, Мейерхольда, Таирова. И это явление особенно поразило приехавшую в Россию А. Дункан. В Берлине на вопросы репортеров — работают ли в Москве театры? — Айседора ответила: «Каждый день до сорока спектаклей! Мой великий друг Станиславский, глава художественного театра, с аппетитом ест бобовую кашу вместе со всей семьей, но вы бы видели, что он творит на сцене!»

А.В. Луначарский проявлял искренний интерес к идеям К.С. Станиславского о реорганизации Художественного театра. Он даже 25 августа 1921 года обратился к Ленину с запиской, которая кончалась словами, что если изложенные предложения не принять, то «театр будет положен в гроб».

Ленин аудиенции Луначарского не удостоил, а письменно ответил: *«Принять никак не могу, т. к. болен. Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте».*

С такой постановкой вопроса Луначарский не согласился и обходным путем добился в Политбюро постановления об ассигновании в 1 миллиард рублей на нужды театров. Ленин ответил взрывом негодования:

> *«Узнав от Каменева, что СНК единогласно принял совергпенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой оперы и балета, предлагаю Политбюро постановить:*
>
> *1. Поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК…*
>
> *4. Вызвать Луначарского на пять минут для выслушивания последнего слова обвиняемого и поставить на вид (…), внесение и голосование таких постановлений впредь повлечет за собой со стороны ЦК более строгие меры. 12 января 1922 года.*
>
> *Ленин».*

К счастью, этот раунд Луначарский выиграл. Большой театр тогда не был закрыт.

«Совершенно неприлично» проявил себя Анатолий Васильевич и с покровительством Вл. Маяковскому. В «Краткой литературной энциклопедии» (1967 г., т. 4) говорится: «Статьи Луначарского о Маяковском содействовали созданию атмосферы

доброжелательности вокруг поэта-новатора», *а тогда, в 1921 году, Ленин писал Луначарскому:* «Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5000 экз.? Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков. А Луначарского сечь за футуризм. 6 мая 1921 года».

И в тот же день М.Н. Покровскому: *«Т. Покровский! Паки и паки прошу Вас помочь в борьбе с футуризмом и т. п. Луначарский провел в коллегии (увы!) печатание «150 000 000» Маяковского. Нельзя ли это пресечь? Надо это пресечь. Условимся, чтобы не больше двух раз в год печатать этих футуристов и не более 1500 экз. Ленин».*

В августе 1921 года страна хоронила Блока, своего лучшего поэта, умершего не столько от болезни, сколько от голода, а Луначарский (опять невпопад с установками и требованиями бюрократии) обращается через голову правительства с заявлением о правительственных пайках для Айседоры и ее приемной дочери. Обратился не по инстанциям, а непосредственно к Халатову, председателю комиссии по снабжению рабочих при народном комиссариате продовольствия:

> «Дорогой товарищ! Обращаюсь к вам по вопросу совершенно исключительному.
>
> Как вы знаете, мною приглашена была товарищ Дункан. Настроение ее очень хорошее и дружественное по отношению к нам, и она, безусловно, может быть нам полезна, но первым условием для ее полезной деятельности является питание. Вот почему я прошу установить для Дункан и ее ученицы два полных наркомовских пайка.
>
> *Нарком по просвещению Луначарский».*

Халатов тотчас жалуется Ленину. Ленин выговаривает Луначарскому. Слух о волоките с пайком доходит до Айседоры. Вот откуда ее великодушный отказ от пайка:

«Спасибо, но мне ничего не нужно, — сказала я Луначарскому, — я готова голодать вместе со всеми, только дайте мне тысячу мальчиков и девочек из самых бедных пролетарских семей, а я сделаю из них людей, которые будут достойны новой эпохи. И ничего, что вы бедны, это ничего, что вы голодны, мы все-таки будем танцевать!»

«Мы будем танцевать!» — ответил ей нарком Луначарский, протирая очки (слезы брызнули у него из глаз).

Нельзя не видеть, в какое унизительное положение был

поставлен нарком, но что он мог сделать? Он выкручивался как мог.

После гибели Айседоры Луначарский напишет: *«Личную свою жизнь она вела исключительно на привезенные доллары и никогда ни одной копейки от партии и правительства в этом отношении не получала. Это, конечно, не помешало нашей подлейшей реакционной обывательщине называть ее «Дунька-коммунистка» и шипеть о том, что стареющая танцовщица продалась за сходную цену большевикам. Можно ответить только самым глубоким презрением по адресу подобных мелких негодяев».*

К началу осени 1921 года положение в стране еще более ухудшилось. В рабочей среде начинались волнения. Положение Айседоры оказалось незавидным и весьма нелепым. Уехать ни с чем — значит, подвергнуть себя насмешкам. Оставаться и ждать? Но чего ждать в этих трудностях и неразберихе? В это самое время и разразился тот скандал, который впоследствии перечеркнет всю ее деятельность в России.

Нарком Луначарский не мог мириться с таким положением дел, когда на спасение русской культуры у правительства средств упорно не находилось, а для ведения коммунистической пропаганды — в стране и за рубежом — денег не жалели.

Посмертно, воздавая дань великому вождю Ленину, Луначарский написал в 1926 году статью, которую позднее включил в книгу «Силуэты». Воспоминания Луначарского о вожде временами, прямо скажу, озадачивают:

«Горький жаловался на обыски и аресты (…) у тех самых людей, которые всем нашим товарищам и вам лично, Владимир Ильич, оказывали услуги, прятали нас в своих квартирах. Владимир Ильич, усмехнувшись, ответил:

— Да, славные, добрые люди, но именно потому-то и надо делать у них обыски. Ведь они, славные и добрые, ведь сочувствие их всегда с угнетенными, ведь они всегда против преследований.

И Владимир Ильич рассмеялся совершенно беззлобным смехом.

И еще одна цитата: *«Его гнев тоже необыкновенно мил. Несмотря на то, что от грозы его действительно в последнее время могли гибнуть десятки, а может быть и сотни людей».*

Выводы о «милых» чертах характера Ленина сделает сам читатель.

В 1930-е годы Луначарский стал помехой, потому что совершенно не контролировал свои слова. По мнению кремлевских соратников, этот «пустозвон» всегда любил поговорить, а в последние годы даже рта не дает никому раскрыть, упиваясь своим красноречием, и зачастую выбалтывает

такое, что никому знать было не положено. Так же вел себя и за рубежом. Поэтому напрашивается естественный вопрос: своей ли смертью умер за границей этот «отставной» нарком? Большевики, как известно, ничего никому не прощали.

Слишком много было расхождений у вождя и наркома, не мог Ленин всецело полагаться ни на Луначарского, ни на М. Горького — обоих заносило не в ту сторону.

Таким образом, единственный защитник и покровитель Айседоры в России сам нуждался в защите и покровительстве.

Глава 3
Несостоявшаяся феминистка

Айседора всегда была поборницей свободной любви. В молодые годы не связала себя браком даже с теми мужчинами, от которых имела детей. Отцом дочери Айседоры Дункан Дейдре был Гордон Крэг. Патрик был сыном «короля» швейных машин Париса Зингера (во Франции эта фамилия как Санже).

> *«Я поклялась, что никогда не позволю себя унизить (браком) и довести до этого постыдного состояния. Я свято сдержала эту клятву, хотя это стоило мне разрыва с матерью и всеобщего осуждения».*

Зачем потребовалось ей теперь, в России, поступиться своими убеждениями? Разве не понимала, что подвергнет себя осуждению, насмешкам? Скажут: в старости нужна опора. Да разве Есенин годился для этой роли? Нет, Айседора сама для Есенина стала опорой. Брак нужен был Есенину. Этот документ давал ему возможность осуществить заграничное путешествие, и Айседора пошла на жертву ради Есенина. Подтверждение можно найти в письме Дункан Ивану Старцеву:

Сергей Есенин с Айседорой Дункан и ее приемной дочерью Ирмой, 1922 г.

Такие слова часто можно было слышать от нее. Разве Айседора не у понимала, как она выглядит рядом с юным Сергеем, что думают другие, глядя на их пару? Вспоминает Любовь Белозерская-Булгакова:

«Я сидела рядом с Дункан и любовалась ее руками. И вдруг, совершенно внезапно, она спросила меня по-французски:

— Мы вместе смешная пара?

Мне показалось, что я ослышалась, до того в ее устах вопрос был невероятен. Я ответила:

— О, нет, наоборот…

Так иногда совершенно чужого легче спросить о чем-то интимном, чем самого близкого, тем более, если думаешь, что никогда с ним больше не встретишься».

Через год Айседора, принявшая советское гражданство, пишет Ирме из Берлина в Москву: *«Я не могу добиться паспорта в здешнем посольстве. Пожалуйста, сделай все, что необходимо, чтобы добыть этот паспорт для меня, а также развод от Сергея Александровича, — Бог да благословит его, но для мужа он не годится».*

Она давно убедилась, что гении не годятся в мужья: «Крэгплохой муж, плохой супруг… Крэг пишет, пишет, работает, работает (…) плохой муж. Крэг — гений».

Она часто повторяла: «Есенин — гений». Айседора спасала гения. Окружала его трогательной заботой, была нежна, терпелива. По свидетельству М. Бабенчикова, «понимала поэта и своеобразно пыталась облегчить заметно росшее в нем состояние отчаяния». «Думается, встреча Есенина с Дункан не была пустым романом, а, судя по многому, она оставила глубокий след в жизни поэта».

Айседора объясняла:

«Когда двое граждан Советской России хотят жить вместе, они при желании только расписываются в книге записей гражданских актов, причем эта подпись ни к чему никого не обязывает, и каждый из них волен в любой момент идти, куда ему угодно.

Вот только такой брак является единственно мыслимым, на который согласится свободомыслящая женщина, и это единственная форма брачного контракта, под которой я когда-

либо дала бы свою подпись».

Ни в малой степени не оскорбляя Есенина, Айседора дала понять, что никогда не рассчитывала на длительные, серьезные отношения, что брак этот никого ни к чему не обязывал.

Сказанное подтверждает и Мэри Дести: *«Айседора знала, что есть единственный способ вывезти его (Сергея) из России, а именно: поступиться своими убеждениями относительно брака и стать его женой».*

Илья Шнейдер пишет Есенину письмо (очевидно, в 1923 году, после возвращ, ения из-за границы), упрекает его в неблаговидных поступках, в безнравственности и неблагодарности. Да что там, неблагодарности! Слишком мягко сказано! Просто хамском отношении к Айседоре. Среди прочих упреков есть такой:

«А с какими жертвами и ужасными трудностями она вывезла тебя во Францию, Италию и Америку.

Я имел возможность видеть все, что Изадора для тебя сделала, но я не вижу, что твоя так называемая любовь сделала для нее…

Изадора защищала тебя везде, я читал замечательные статьи, написанные ею в твою защиту».

Из статьи Айседоры Дункан:

«Я вывезла Есенина из России, где условия его жизни были чудовищно трудными, чтобы сохранить его гений для мира.

Он возвращается в Россию, чтобы сохранить свой рассудок, и я знаю, что многие сердца по всему миру будут молиться со мной, чтобы этот великий и наделенный богатым воображением поэт был бы спасен для своих будущих творений, исполненных Красоты, в которой мир столь нуждается».

«Поведение Айседоры, при всей сложности обстоятельств ее отношений с Есениным, характеризовалось преданностью, терпимостью и великодушием в любви», — это пишут самые близкие люди: Ирма и Макдугалл (Дужи).

«Айседора до самого конца, и после их разрыва, и после смерти поэта, продолжала говорить о нем только хорошее.

Ее трогательные письма в американские и французские газеты в защиту Есенина — образец высокого благородства. Есенин был ее единственным законным мужем, и она никогда не оформляла с ним развода».

«После его смерти его произведения стали выходить в России небывалыми тиражами, и за год гонорары за них составили огромную сумму в 300 тысяч франков. Московский городской суд осенью 1926 года присудил Айседоре, как законной жене и наследнице Есенина, все эти деньги, о чем ей сообщил во Францию

сам Луначарский. И вот Айседора, находясь в отчаянном материальном положении, без малейших раздумий отказалась от этих денег и от всех будущих гонораров в пользу матери и сестер Есенина!

Это ли не проявление благородства!»

Этот факт, изложенный Мэри Дести и Ирмой Дункан, не нашел полного подтверждения. В. Серов говорил, что речь могла идти о благородном отречении Айседоры от наследства покойного мужа в пользу родителей и сестер, но о больших гонорарах Есенина речи не было.

После возвращения в Россию Есенин и Айседора расстались, об этом пишут все. Об этом пишет и Айседора. В частности 2 сентября 1924 года в письме своему другу Макдугаллу в Париж Айседора сделала такую приписку: «Вам будет приятно услышать, что я не видела буйного Есенина уже с год».

Но это было не так. Ирма упоминает, что пару раз к ним наведывался Есенин, всегда пьяный и скандальный. Шнейдер вспоминает, что летом Айседора выступала в Ленинграде. В Камерный театр приходил и Есенин. Об этом же читаем у Никитина. «Неужели он (Есенин) приезжал лишь затем, чтобы хоть полчаса подышать одним воздухом с Айседорой?»

Своих бездомных приятелей Клюева и Ганина Есенин тоже приводил к Айседоре. И она их принимала. А вот что рассказывает младшая сестра Сергея Александра:

> *«Однажды, обсуждая вопрос обо мне с матерью, он решил отдать меня в балетную школу Дункан, вероятно, потому, что там был интернат. Мать не возражала. Ей было трудно разобраться, хорошо это или плохо. Сам Сергей пошел не по тому пути, который ему указывали, а по другому, не знакомому ей. Но она видела, что путь, избранный им, вывел его на широкую дорогу, и целиком доверила меня Сергею».*

О чем это свидетельствует? Есенин в деревне был в 1924 году в июне. Он действительно мало встречался с Айседорой, не знал, вероятно, ее планов о зарубежном контракте, но отношений с ней не порывал, вот и сестру собирался определить в ее школу.

Воспоминания о Есенине и Айседоре Илья Ильич Шнейдер написал после заключения. Впервые они были опубликованы в 1960 году. В расширенном и дополненном варианте под заглавием «Встречи с Есениным» вышли в 1965 году. И. Шнейдер цитирует в них письмо Есенина к Айседоре:

> *«Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами,*

приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе…

Любящий С. Есенин. 29 августа 1923 г., Москва».

Но, как оказалось, у И. Шнейдера был еще вариант воспоминаний, дополненный фактическим материалом. Опубликован он в 1968 году в Лондоне. Именно там Шнейдер упоминает о еще одном письмо Есенина Айседоре, переданное в поезде незнакомым человеком.

«Из Баку мы уехали в Тифлис. В коридоре вагона ко мне подошел какой-то человек…

— Правда ли, что в этом вагоне едет Айседора Дункан? У меня к ней письмо от Есенина. Случайно услыхав, что я еду на Кавказ, тут же написал и просил передать ей, сказав, что «Дункан где-то на Кавказе», — объяснил он.

«Дорогая Изадора, приехать не мог, был очень занят. Приеду в Ялту. Люблю тебя бесконечно.

Твой Сергей. Привет Ирме. Изадора!!!»

«Слово «Крым» цепко засело в памяти Айседоры и в дальнейшем сломало и перевернуло весь наш маршрут», — замечает Шнейдер.

Остановившись в Ялте, Айседора ежедневно посылала своему «дарлингу» нежные письма и телеграммы, ожидая его приезда. И 3 октября Айседора получила сразу две телеграммы, но совершенно другого характера:

«Я люблю другую. Женат и счастлив.

Есенин».

«Писем, телеграмм Есенину не шлите. Он со мной, к вам не вернется никогда. Падо считаться.

Бениславская».

Любил ли Есенин другую, как о том написал в телеграмме, и он ли ее писал? Относительно любви можно сказать определенно: нет. Об этом свидетельствует адресованное Бениславской в марте 1925 года короткое письмо поэта: «Милая Галя! Вы мне близки как друг, но я нисколько не люблю вас как женщину».

«Есенин никогда не кривил душой», — говорил И. Шнейдер.

Впрочем, о «есенинских женщинах» уже было рассказано выше.

Глава 4
Гастроли по Советской России

После того, как Есенин ушел из ее жизни, Айседора находила успокоение в школе. Она давала уроки детям, много читала и даже начинала подумывать о написании мемуаров. В то же время ей приходилось много ездить с выступлениями по городам России, побывала в Грузии, Армении, в Крыму. В ноябре 1923 года вновь с огромным успехом выступала со своими воспитанницами на праздничных торжествах в Москве, подготовив для этого новую программу. Выступления Айседоры и детей настолько понравились, что столичные художники запечатлели на первомайском плакате пляшуш, ую босоножку, рассыпаюплую цветы над демонстрацией.

В начале 1924 года Айседора собралась с гастролями по городам Украины. Но умер Ленин. Правительство объявило двухнедельный траур. Ирма Дункан пишет:

«Айседора, хотя никогда не имела настоящего общения с вождем революции, была глубоко тронута его кончиной. Она стояла долгие часы на заснеженных улицах, чтобы попасть в Дом Союзов… Вид сотен и тысяч охваченных горем людей (…) произвел на нее глубокое впечатление. Ее эмоции воплотились в создание двух похоронных марпией в честь Ленина…

Первое представление было дано в Харькове и началось танцами, посвященными Ленину (…) Айседора имела потрясающий успех (…)

В Киеве (…)ее успех был беспрецедентный: восемнадцать вечерних ли спектаклей в театре, битком забитом каждый вечер».

Потом были Ленинград, Витебск…

Поездив по городам центральной России, где сбор средств был очень скудный из-за бедности населения, Айседора, видно, разуверилась в успехе гастрольных турне и потому решила очень тактично напомнить красным комиссарам о бедственном положении школы. Ее небольшая статья была опубликована 13 мая 1924 года в ленинградском журнале «Жизнь искусства»:

«Я прибыла в Россию не как артистка, а как человек для того, чтобы наблюдать и строить новую жизнь, и я приехала туда для того, чтобы учить детей Революции, детей Ленина новому выражению жизни…

Лучшее, по моему мнению, что дала советская власть, — это то, что она сказала: «Искусство для народа».

Цель моей школы заключалась в том, чтобы создать новых людей, отрешенных от пережитков буржуазного строя. К сожалению, за недостатком средств, весьма вероятно, мне

придется закрыть школу. Мои личные средства исчерпаны, и я обращаюсь с просьбой о помощи ко всем тем, кто интересуется воспитанием детей Революции. Мне жаль было бы, если бы я не смогла закончить воспитание своих учеников: они и теперь уже совершенно не похожи на обычных детей».

В июне, взяв группу наиболее талантливых учениц, она вновь поехала в Киев. Но после двухнедельного пребывания обнаружилось, что финансовое положение школы катастрофическое. Большая часть средств уходила на оплату оркестра и счетов в гостинице. Детей отправили в Москву на средства, занятые у ГПУ. Для себя же Айседора наметила другой маршрут: Поволжье, Туркестан, Урал и, возможно, Сибирь и Китай.

Гастрольные поездки дали танцовщице богатейшее представление о положении в стране. В 1923–1924 годах, должно быть, не было у нас осведомленнее человека. Она никогда не ограничивалась в городах гостиницей и театром. Ее интересовали все достопримечательности..

На Кавказе — в Баку, Тифлисе, Батуми — ее принимали как почетную гостью, и политические деятели старались показать все лучшее. «Элиава, премьер Кавказской республики, который был известным революционным борцом, был также настоящим грузином и очень хотел оставить у танцовщицы столь же счастливые воспоминания о Тифлисе при советском режиме, какие у нее остались от ее посеш, ения при царе». Кортеж правительственных автомобилей двинулся по знаменитой Военно-Грузинской дороге. Так путешествовали в Грузии Айседора и Ирма, и везде их принимали тепло и радушно.

О гастрольной поездке в Поволжье, Туркестан, на Урал, в которой Айседору сопровождали пианист Мейчик и импресарио Борис Зиновьев (Айседора звала его Зино либо Миленький), лучше всего расскажут письма Айседоры. Ирма опубликовала их в книге воспоминаний «Русские дни Айседоры Дункан». То, что увидела Айседора в глубинке, повергло ее в долговременную печаль и уныние. Малейшие проблески надежды на благополучие школы и на само ее суш, ествование — о каких заработках могла идти речь? — были погребены в этих гастролях.

«Оренбург, 24 июля 1924 года. Дорогая Ирма, мы послали тебе письма и три телеграммы, но ответа нет. Только что получили известия — занавеси прибыли только сегодня в Казань!!! Слишком поздно, чтобы везти их в Ташкент. Мы выезжаем завтра в гпесть. Небеса знают зачем, однако я все еще не теряю надежды. В кассе пятьдесят копеек. Пожалуйста, телеграфируй и пиши мне в Ташкент. Чувствую себя совершенно

отрезанной от мира, и все эти города такие маленькие, разрушенные и Богом покинутые. Я почти на последнем издыхании. Танцую при белом освещении без декораций. Публика совсем ничего не понимает.

Сегодня я посетила детскую колонию и дала им урок танца. Их жизнь и энтузиазм трогают — все сироты».

«Самарканд, конец июня. Дорогая Ирма, мы движемся от одной катастрофы к другой. Прибыли в Ташкент без копейки. Нашли театр, полный Гельцер, отель — полный Гельцер, — весь город ею оккупирован. Мы вынуждены были пойти в ужасную гостиницу, где с нас потребовали «динги» вперед и, за неимением оных, даже не поставили нам самовара. Мы бродили по городу без единой чашечки чая целый день.

Вечером мы пошли смотреть, как танцует Гельцер в переполненном зале! После второго голодного дня Миленький заложил свой чемодан с двумя костюмами, предназначенными как раз для приезда сюда. И кто, как ты думаешь, взял их в заклад? Вообрази — Каловский, теперешний официальный муж Гельцер!

Сюда мы приехали опять без копейки. Багаж поехал по ошибке на другую станцию. Однако здесь нет Гельцер, и это как-то обнадеживает. Я танцую во вторник. Хотя здесь очень красиво, все же это только большая деревня. Что ж, небо знает, каков будет результат и будем ли мы в состоянии выжить!!! И я чувствую себя разоренной. Мейчик пребывает в безнадежной меланхолии, и даже Миленький утерял свою привычную улыбчивую беспечность.

Край здесь божественный, фрукты и деревья, и все как сад — очень жарко, но приятно. Но это ужасное чувство — гулять без гроша. В Киеве было просто процветание по сравнению с этим.

Товарищ, который захватит это письмо, спас наши жизни тем, что предоставил нам свою комнату, а сам спит в своем личном автомобиле. Что очень благородно с его стороны.

Если будут какие-нибудь деньги, телеграфируй их мне. Отсюда до Москвы — пять дней, и для нас это будет стоит сорок червонцев, а с багажом и все пятьдесят. Нам светит остаться здесь навсегда. Телеграфируй мне новости по получении этих. С любовью к детям и ко всем друзьям».

«Ташкент, 10 июля 1924 года. Дорогая Ирма, это турне — окончательная катастрофа. Мы прибыли сюда из Самарканда опять без копейки. Опять нет гостиницы. Два дня провели, бродя по улицам, очень голодные. Зино и Мейчик спали в театре. Я — по соседству в маленьком домике без воды и туалета. Наконец мы нашли комнаты в этом ужасном отеле, переполненном клопами. Мы очень тревожимся, чтобы не подхватить какое-нибудь

заболевание.

Вчера Зино договорился о вечернем выступлении перед студентами, и они авансировали десять червонцев, поэтому мы пошли в ресторан и ели, впервые за три дня. От здешнего дискомфорта и ужаса мы совершенно заболели. Бедный Мейчик выглядит умирающим. Мы приехали рано утром, и пришлось целый день просидеть на парковых скамейках без еды. Это ужасная ситуация. Но это примитивное, дикое место, и здесь с любым может случиться что угодно. Это из рода тех мест, куда приходил Лоэнгрин со своими полчищами: очень похоже на Египет.

Жара больше сорока градусов в тени, и мухи, комары и москиты делают жизнь непереносимой.

Театр заказан. Первый спектакль может быть дан только в следующую среду. Небеса знают, что мы будем делать до этого. Я только надеюсь, что мы сможем достаточно заработать, чтобы заплатить за поезд.

Страна — волшебная. Я никогда не видела цветов и фруктов в таком количестве. В Самарканде мы видели старинный храм, созданный китайской, персидской и арабской культурой; великолепные мозаики. И я посетила могилу Тамерлана и старый город сартов. Если бы были деньги, здесь восхитительные платки и шелка, но увы!!! С любовью, Айседора».

«Ташкент, понедельник, 19 июля, 1924. Дорогая Ирма, при пятидесяти градусах жары — половину времени без еды в жуткой комнате. Гостиница называется «Турицка»! Она должна бы называться «Клоповником». Я думаю, что мой последний час настал. Мейчик, ты помнишь, всегда был отчаянным повесой, и что же теперь с ним стало? Он без конца носится рысью за десять миль на почту, где получает до востребования ежечасные телеграммы о помощи от своей умирающей от голода жены. Можете ли вы достать для несчастной хоть немного хлеба? Миленький тоже получает достаточно «голодных» телеграмм, которые повергают его в ужасный мрак. Я провожу свои ночи в беспокойной охоте за клопами, слушая собачий лай. Это весьма забавно.

В среду первый спектакль, но — нет продажи. Миленький говорит это потому, что я надела смешную шляпу. Но я думаю, что люди здесь окаменели от жары. Как мы собираемся возвращаться, я не знаю. Второй класс, питание и багаж до Екатеринбурга стоят пятьдесят червонцев!!!»

«Екатеринбург, 28 июля 1924. Дорогая Ирма, мы приехали сюда скорее мертвые, чем живые, после пяти ночей на железной дороге, дважды меняя поезда и ожидая по целому дню в деревнях,

где нет гостиниц. Последние день и ночь третьим классом без всяких запасов. Деньги на путешествие в последний момент получили от властей. Мы тщетно искали денег, которые, по словам И., пришли из Парижа».

«Екатеринбург, 4 августа 1924. Дорогая Ирма, когда я получила твое письмо, я как раз только что отослала тебе телеграмму в сорок слов, передающую мою регпимость покончить со всем и убраться куда-нибудь отсюда!!! Я все еще с беспокойством жду ответа…

Твое письмо звучит слишком хорошо, чтобы быть правдивым. Вышли мне телеграфом немного «динги», и я тут же буду в Москве, и пиши, пиши, пиши. У нас нет ни копейки! И я не знаю, что нам делать дальше…

Ты и представить себе не можешь, какой кошмарной может быть жизнь, пока не увидишь этот город. Возможно, что убийство здесь некоей семьи в подвале в стиле Эдгара Аллана По — причина того, что здесь так мрачно, а может, тут и всегда так было. Меланхолические церковные колокола звонят каждый час — страшно слушать. Когда идешь по улице, фараон вопит «права» или «лева» и наставляет на тебя свой наган. Ни у кого, по-видимому, нет ни малейшего чувства юмора.

Глава местных коммунистов сказал: «Как может Мейчик играть такую отвратительную музыку, как Лист или Вагнер!» Другой сказал: «Я совершенно не понял «Интернационал»!!!

Наши два спектакля с треском провалились, и, как обычно, мы сидим на мели и не знаем, куда идти. Здесь нет ресторанов, только «дома общественного питания», и нет парикмахеров. Единственный уцелевший реликт этого сословия, подпаливая мои волосы дрожащими пальцами, уверил меня, что ни одной дамы здесь не осталось — они их всех расстреляли.

Мы видели дом и подвал, где они расстреляли некую семью. Этим кошмаром, кажется, переполнен воздух. Невозможно представить себе ничего более ужасного.

Мейчик принимает коробку веронала в час и впадает в «Вечный сон». Миленький мечется из одного бюро в другое, ища «динги» и находя лишь понимание того, что я им вообще не нравлюсь, и они меня не одобряют…

Двенадцать дней пробыли мы в этом ужасном Екатеринбурге. Действительно, этот город сущий ад по сравнению со всем тем, что я ранее встречала».

Чем же этот город мог так подействовать на Айседору? Почему он оказался сущим адом, начисто затмившим и Саратов, и Пермь, и Вятку? То были обыкновенные русские «деревни с жуткими гостиницами, с клопами и мышами» и «все прочее в том

же духе». В Екатеринбурге же совершилось «убийство некоей семьи в подвале» — вот откуда ош, ущение того, что здесь все мрачно.

Большевики не распространялись о расстреле царской семьи. Это было не в их интересах. Наоборот, слух о том, что наследницы престола живы, поддерживался и большевиками, и белой эмиграцией. Царское золото тревожило воображение. (Серго Берия, сын Лаврентия Павловича, в книге об отце пишет, что одну «наследницу престола» он видел в Большом театре. Шла опера «Иван Сусанин». И это было 5 лет спустя после Великой Отечественной войны. А двух других «царских дочерей» видели в Кремле, где они якобы жили).

Надо думать, что за двенадцать дней своего пребывания в Екатеринбурге Айседора наслышалась о многом, что ей знать было не положено. И надо полагать, что письма ее у красных комиссаров восторга не вызывали.

Она еще собиралась поправить свои дела в Сибири («Волга и Туркестан — страны, которых следует избегать». — «Все же мы надеемся на лучшее будущее». — «Я держусь шутками, которые некому оценить, но это уже мое ирландское упрямство»).

«Мы поехали сюда, потому что у Зино хватило идиотизма поверить человеку, который телеграфировал нам, что перспективы здесь — «блеск». Он словно специально был нанят классическим балетом, чтобы привести нас к полному развалу. Если тайный голос подсказывает тебе, что нас надо спасать, то ради Неба, сделай это, ибо настал последний момент».

«Это турне — одно бедствие за другим, потому что, хотя я танцую для большой публики, состоящей из коммунистов и рабочих, ни у кого из них нет денег, чтобы покупать билеты, кроме новой буржуазии, и они искренне ненавидят меня. Когда же нам перепадает немного денег, Мейчик забирает все под предлогом, что не будет играть, пока не получит всех денег сразу. И после этого он спокойно сидит рядом и наблюдает, как мы голодаем. Он прекрасный «товарищ» и должен быть сослан в Нарымский Крым».

В последних письмах уже поубавилось юмора, и все они заканчивались подписью: «Бедная Айседора», «Умирающая Айседора».

«Это путешествие — голгофа!» — писала Айседора в первом письме из Саратова. Она не могла даже предположить, что ждет ее впереди. (Удивительно, но она и эти гастроли будет вспоминать вскоре за рубежом как отрадное явление своей жизни!)

Но и это турне пордтвердило: поправить положение дел школы своими силами невозможно. «Мы читаем в газете, что

Советское правительство оказывает щедрую поддержку школе. Это правда?» — спрашивает Айседора в одном из писем.

Нет, это была неправда. Точнее, полуправда. Дети оставались в Москве, им некуда было выехать. Потому Подвойский предоставил им большой спортивный зал на Воробьевых горах и спортивные площадки. Дети из школы Дункан приглашали городских детей — их набралось до пятисот человек — «и обучалисистеме упражнений Дункан и легким танцам».

В середине августа Айседора вернулась в Москву. Так вспоминает Ирма о встрече Айседоры с ее воспитанницами: «С балкона большого салона Айседора увидела внизу массу одетых в красные туники детей, всего более пятисот. Они кричали ей «ура», и она улыбалась им и махала своим красным шарфом. Затем оркестр сыграл «Интернационал», и все дети танцевали под балконом… Айседора плакала, глядя на них». Тогда же появилась статья «Танцующие на красном стадионе», которую Айседора надеялась опубликовать в каких-либо английских или американских газетах.

«На большой спортивной арене Красного стадиона каждый день в полдень в прошедшие три месяца этого лета наш задорный маленький класс из сорока человек учил сотни (городских) детей танцевать».

А друзьям говорила: «Что значат все мои лишения в сравнении с этими детьми, танцующими на открытом воздухе, с их прекрасными и свободными движениями?!»

Наблюдая за жизнью детей, Айседора заметила, что они любят ходить маршем и петь революционные песни. В порыве вдохновения она создала для них семь танцев на любимые революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Раз, два, три — пионеры мы», «Молодая гвардия», «Кузнецы, кующие ключи свободы», «Дубинушка», «Варшавянка», «Юные пионеры».

В траурные дни января, когда весь народ прощался с Лениным, Айседора создала два танца на любимые революционные песни Ильича: «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и «Замучен тяжелой неволей». Она их с огромным успехом показывала в различных аудиториях. Эти танцы дети исполняли во многих городах России, потом их показывали и в Китае, и «везде они производили большое впечатление на зрителей».

Выступление Московской школы Айседоры Дункан

Ирма возмущенно вспоминала: «*Стыдно подумать, что на фестивале в Париже в 1928 году московскую школу полностью проигнорировали. К этим шедеврам отнеслись как к несуществующим».*

По-прежнему Айседора не просила ничего у Советского правительства, кроме необходимого: большого теплого помещения зимой и спортивной площадки летом. Айседора знала, как спасти школу, как заработать на полноценное питание. По ее представлению, дети должны расти на молоке, фруктах и гиметтском меде. В письме к другу Макдугаллу она писала:

> *«Здесь у нас сорок детей. Они танцуют прекрасно, но они почти всегда голодные. Однако у них большая сила духа. Они живут на каше и черном хлебе, но когда они танцуют, можно поклясться, что они питаются амброзией.*
>
> *Этим летом они вышли на стадион и обучали пятьсот юных троцкистов танцевать на открытом воздухе — это было изумительно, видеть их всех в красных туниках и с красными галстуками, танцующих и поющих «Интернационал». Любой видит, что им радостно, что, несмотря на катастрофы, страдания и*

тому подобное, — идея Нового Мира родилась здесь, и ничто не может убить ее. Айседора.

Москва, 2 сентября, 1924 год».

Надежды на счастливое будущее школы Дункан связывала с контрактом на выступления в Европе. Сначала она выступит одна, проедет по Европе. Все должны убедиться, что она не состарилась, что возраст — в ее власти и что талант ее только вырос. Потом позовет Ирму и детей. Надо только подготовить для них все необходимое. Это будет ее триумф, ее праздник! И потому готовила детей к гастролям.

В последних числах сентября Айседора каждый день выходила на арену, чтобы обучать счастливых детей, вспоминает Ирма Дункан. «Айседора вела переговоры с представителем немецких импресарио и в эти же дни начала готовиться к серии прощальных спектаклей».

В первый вечер была показана серия танцев, сопровождавшихся революционными песнями. Она их создала, вдохновленная борьбой за свободу в различных странах мира. Звучали и «Марсельеза», и «Карманьола», и темпераментный венгерский «Ракочи-марш», и русские революционные песни. «Причем дети пели так же хорошо, как и танцевали. Когда пятьсот детей в красных туниках, как разматывающийся клубок, сошли со сцены в публику под пение «Интернационала», весь зал встал и грянул вместе с детьми, и стены задрожали от этого революционного хорала, спетого так, как только русская публика умеет это делать».

Следующие два вечера выступала Айседора (звучали Скрябин, Лист, Шопен). В программу четвертого вечера Айседора включила танцы детей на музыку Шуберта, Глюка, Штрауса и др. А себе отвела роль комментатора, для этого тщательно продумала свою речь. Это был ее своеобразный отчет перед народом, следовательно, она должна сказать, зачем приехала в Советскую Россию, должна рассказать о своей школе, о достигнутом. И еще: Айседора объяснит, что готовит детей не к сцене, а к жизни, и потому не любит, когда дети выступают ради заработка. Айседора должна рассказать о своей жизни, о своем нелегком детстве. И сделает это так, как записала в свободное от гастролей время.

Это были ее первые наброски к будущей книге. Рано или поздно Айседора все равно ее напишет, но сейчас у нее мало времени. Корзину с записями и письма она бережет именно для будущей книги.

«Я приехала в Россию в надежде создать нечто большое, нечто

грандиозное. Слово «большевик», думаю, возбуждало меня, когда я слышала его в Европе. Я воображала, что удастся создать здесь школу на тысячу детей. Все, что мне нужно было для этого — большое помещение для работы. И вот прошло три года, и я ждала напрасно…

По необходимости, я была вынуждена четырехлетним ребенком танцевать перед публикой… Я не люблю, когда дети танцуют перед публикой за деньги, и я знаю, что значит танцевать за кусок хлеба. Но та же нужда, которая гнала меня, четырехлетнего ребенка, на сцену, заставляет теперь детей нашей школы выступать перед публикой. Нам нечего есть, нечем оплачивать счета за воду и электричество. Чтобы содержать нашу школу, мы вынуждены давать представления.

Я хотела дать самую большую радость и красоту детям рабочих. Сделать их такими совершенными, чтобы им завидовали дети миллионеров.

Я боюсь, что замучила вас сегодня моей лекцией. Но так как нашим желанием было показать вам, чего мы успели добиться, ваши небольшие мучения были необходимы и, возможно, они послужат основой для будущих школ».

Этот стенографический отчет сохранил слово Айседоры на заключительном концерте. Ее речь чередовалась с выступлением детей.

Ирма рассказывает: *«На последнем представлении, 28 сентября 1924 года, присутствовала мадам Калинина. Она была под столь грандиозным впечатлением, что осталась познакомиться с Айседорой. М-м Калинина (Лорберг Екатерина Ивановна — Авт.) спросила, какую помощь она может оказать школе. Айседора ответила: ей надо только одно, чтобы Советское правительство увидело выступление детей, она была уверена, что правительство не оставит тогда школу без поддержки.*

Но вся беда в том, что впереди у нее есть только один день и тот воскресенье, а утром в понедельник она улетает в Берлин — у нее контракт. Екатерина Ивановна, подумав, ответила: «У вас будет завтра вечером выступление в Большом театре!»

Екатерина Ивановна сделала невозможное: вечером концерт состоялся, и в зале были члены правительства и самые восторженные и благодарные зрители — юные пионеры. Вот почему в письмах из-за границы Айседора, спрашивая о положении школы, упоминает мадам Калинину:

«Сентябрь 1924 года. Берлин. Телеграфируй мне о состоянии дел в Москве. Есть ли у вас уже ответ товарища Калининой? Вам нужно послать простое письмо о том, что вы должны иметь для школы: хорошее электрическое освещение, воду, отопление,

зарплату учителям, а также пайки для детей и ткани для костюмов. Дадут ли они большое помещение? Кажется, все замерло — почему?

(…) Мне бы надо самой пойти к товарищу Каменеву и спросить, есть ли у школы в Москве шансы на будущее.

2 февраля. Париж. Скажи, есть ли надежда для школы? Дом все еще стоит? На твердой почве или на зыбучих песках?

30 марта 1925 года. Ницца. Была ли ты у товарища Калининой? Ничего нельзя сделать?»

В годы сталинских репрессий Екатерина Ивановна Калинина была осуждена на очень длительный срок. Говорят, Калинин, стоя на коленях перед Сталиным, умолял о смягчении участи матери четверых детей. Как знать, не явилась ли истинной причиной ее наказания помощь иностранке Дункан, нелояльно относившейся к советской власти?

Глава 5
Персона нон грата

Могла ли Айседора хоть на миг представить, какая катастрофа ждет ее впереди? Какой оголтелой травлей откликнется каждое ее слово, каждый революционный танец и самое ее имя! Что все ее планы и благие порывы будут перечеркнуты, и великую Айседору подвергнут остракизму.

Вопреки логике и очевидной политической выгоде. Ведь сколько лет она напрасно просила у капиталистов денег на хотя бы частичное финансирование ее школы. И вот теперь эта школа состоялась. Это ли не яркое доказательство преимущества советского строя перед капиталистическим: «нет ничего невозможного в этой удивительной стране».

С другой стороны, советские деятели отлично понимали, что их заслуг в этих достижениях нет. То, что сумела создать Айседора, создано не благодаря, а вопреки советской системе. Вот и теперь она едет к капиталистам за материальной поддержкой. Значит, наверняка растрезвонит, что ее школа за три года существования не получила от государства ни одного рубля!

Рассказывает Мэри Дести:

«1924 год. И вот она в Берлине, где в свое время имела огромный успех и где ее приветствовали как святую Айседору. Действительно, когда она исполняла свои танцы на серьезные темы, то для выражения вызванных ими чувств другого слова подобрать было невозможно.

Теперь она приехала в Берлин гораздо более опытная, более одухотворенная в своем искусстве, готовая нести дух Воскрешения

и Жизни. Из-за всех страданий и переживаний, выпавших на ее долю, она в то время была очень худенькой, но немецкие критики не нашли ничего лучшего, как написать, что она толстая и старая, и выступления ее в первый и единственный раз в жизни кончились подстроенным провалом, несмотря на то что в зале было много ее старых поклонников, которые, как и раньше, неистово аплодировали».

И еще: «После всего пережитого прием в Берлине глубоко ее опечалил. Ее, кого раньше приветствовали так восторженно, теперь встречали как врага… На следующий день после представления ее русский менеджер сбежал со всей выручкой и оставил ее абсолютно ни с чем». Менеджер сбежал со всей выручкой на следующий день, а в день выступления исчез, пропал ее дирижер. Его заменили другим, но у танцовщицы не было времени прорепетировать».

И все-таки провала не было. Надо ли объяснять, что всего лишь были пущены в ход различные способы достижения одной цели — сорвать, провалить ее выступления. Почему? Объясняет сама Дункан:

«Здешние газеты, само собой, жутко враждебные, и пишут обо мне так, как если бы я явилась сюда, будучи нанятой вести большевистскую пропаганду, что, учитывая мое действительное положение, звучит как неудачная шутка.

Элизабет (сестра Айседоры, тоже преподавала в школе танца — Авт.) говорит, что я никогда прежде не танцевала так хорошо, и восторгается моим искусством, как оно «выросло». Что ж, хоть это утешает».

Это было только начало.

Денег не было, предложений выступать не было. «Я подписала три контракта, и была обманута три раза». Разрешение на пребывание в Германии практически истекало. С политической точки зрения она являлась персоной нон грата, а посольство России, не вдаваясь в объяснения, не выдавало ей российский паспорт. Она объясняла, что ей нужно поехать во Францию, чтобы продать дом, а Франция не дает ей въездной визы, утверждая, что она большевичка. Россия хранила гробовое молчание и издали наблюдала, чем закончится инцидент.

«Я здесь совсем без средств. Я не могу двинуться отсюда. Уже четыре недели в отеле, больше не дают еды. Один американский друг приносит мне каждый день кусок ростбифа, но у него тоже нет денег. Я телеграфировала Гордееву, но ответа нет».

Гордеев уже давно перестал посылать Айседоре деньги за аренду.

«16 декабря 1924 года. Берлин. Дорогая Ирма, почему ты не

отвечаешь на мои телеграммы и письма? Уже шесть недель у меня ни слова от тебя, хотя я все время посылаю авиапочтой письма и телеграфирую.

Я абсолютно на мели и в растерянности здесь, в этом по-настоящему враждебном городе. У меня нет ни единого друга. Они отказали мне в визе даже по венскому контракту. Возможно, И. (Илье Ильичу Шнейдеру, секретарю Айседоры — Авт.) лучше сесть на аэроплан, прилететь сюда и спасти меня, чем вскоре вам присылать венок на мои похороны? Но почему вы не отвечаете ни на одно письмо или телеграмму уже шесть недель? Ваша умирающая Айседора».

Теперь исследователи жизни и творчества Дункан заявляют: «Ее отношения с менеджерами не складывались. Движимая идеей добыть деньги для школы в России, она подписала контракт с менеджером, которого никогда в жизни не видела, и это вышло ей боком». Но вот что пишет сама Айседора: «Этого (…) надо сослать в Нарымский Крым. Он не имел права рекомендовать человека (…), который просто жулик».

Известно, что о контракте с менеджерами договорились друзья Айседоры за ее спиной, когда она находилась на гастролях в Сибири. Ей оставалось только подписать его. Ирма пишет: «В середине августа Айседора возвратилась в Москву, чтобы подписать контракт на турне по Германии, о котором Ирма и ее друзья договорились в ее отсутствие».

Следовательно, все ее невзгоды и провалы заранее были кем-то предусмотрены и спланированы. Более того, двое американских студентов, которые из своих скудных средств приносили Айседоре кусок ростбифа (они же дали телеграмму Макдугаллу, взывая о помощи Айседоре), были потом исключены из университета.

«Все страны отказали мне в визе из-за моих политических связей (подчеркнуто Айседорой — Авт.). Что у меня-за политические связи? Где они, мои политические связи, хотела бы я знать?»

Письма из Германии звучат куда более отчаянно, чем те, которые она писала во время ужасных гастролей в Туркестане. Там, по крайней мере, рядом с ней были ее менеджер и пианист, и она их еще подбадривала. Здесь она оказалась в одиночестве, а главное — без работы. По всей вероятности, материальные трудности она переносила гораздо легче, чем душевное одиночество и бездеятельность.

«Я готова покончить с собой… Я страшно одинока и отдала бы все, чтобы оказаться в этой «ужасной комнате» на Пречистенке».

По словам Исаака Дона Левина, американского

корреспондента, навещавшего Айседору в Берлине, чтобы поддержать ее дух, она была вынуждена танцевать в полицейском участке, чтобы они удостоверили ее личность.

И все-таки, хотя на Айседору обрушился весь свет, она считала себя правой, и поэтому решила бороться до конца. Она объявила, что опубликует свои письма: «Книгу стоит писать, если она сумеет помочь другим людям. Я хочу сказать правду о моих романах и о моем искусстве, ведь весь мир совершенно погряз во лжи».

Газета «Чикаго трибюн» уже успела опубликовать сообш, ение о намерении Айседоры продать свои любовные письма и, чтобы заполучить их, в Берлине появились американские корреспонденты. Заявление Айседоры воспринято было как ультиматум. Она тут же получила несколько телеграмм с угрозами, а кое-кто пошел на уступки, «предложил заплатить ее долги и гарантировал ее следующее выступление в случае, если она откажется продавать свои любовные письма».

Айседора не торопилась продать свои письма, ведь ей предстояло написать книгу и продать ее издателям. Из письма Ирме:

«Единственная моя надежда в смысле денег — это мемуары. Я встретила хорошего друга, который займется книгой, но мне нужны все письма и документы, находящиеся в чемодане в Москве. Отдай их только тому, кто придет к тебе от Исаака Дона Левина».

И это было в то время, когда Айседора бедствовала в Берлине, когда русские менеджеры начисто обобрали ее, не заплатив ни копеики за два ее триумфальных выступления. Ей нечем было рассчитаться за пребывание в дорогом отеле и не на что выехать в Париж. Ей, Айседоре, не давали визу во Францию, потому что она приняла советское гражданство.

Три месяца взывала она о помощи, писала письма всем друзьям в Россию, во Францию, в Америку — и все друзья хранили гробовое молчание. Видно, пропаганда делала свое дело. Зачем нужно было загонять Айседору в это безвыходное положение?

Очевидно, обе стороны были уверены, что Айседора начнет говорить. На Западе ее давно прозвали «красной». А красные комиссары не могли не знать, что на душе у нее накопилось много горечи и обиды, и что она поведет антибольшевистскую пропаганду. Для этого важно упредить ее действия. Чем яростнее будет Айседора обвинять большевиков и судиться с русскими менеджерами, тем «забавнее» будет выглядеть весь этот спектакль. Надо только вовремя подливать масло в огонь.

Но Айседора говорила правду и тем, и другим. Ирма вспоминает ее заявления, которыми она обыкновенно заканчивала свои выступления:

«Вы запрещаете мне танцевать «Интернационал» и называете меня «большевичкой»?! Но точно так же большевики «запретили» мне танцевать «Славянский марш» Чайковского. Я им сказала то, что скажу и вам:

— Я буду танцевать «Славянский марш», даже если меня за это посадят в тюрьму. Я добавила: «лучше сидеть в тюрьме, чем быть съеденной клопами в их лучшем отеле! (Взрыв хохота)».

«Вы спрашиваете, почему большевики мне запрещали танцевать «Славянский марш»? Чайковский вставил фрагменты царского гимна «Боже, царя храни!» Царя, которого они расстреляли в подвалах Екатеринбурга, расстреляли всю семью.

Я видела этот подвал. Как в стране Свободы (Америке) нет больше Свободы так в большевистской стране нет больше ни свободы, ни большевиков. Там много прекрасных «товарищей», которые спокойно сидят рядом и наблюдают, как мы голодаем. Думаю, они вполне созрели, чтобы быть сосланными в Нарымский Крым».

«Мои друзья все покинули меня. Вся ирония ситуации в том, что появилась последняя сплетня, будто я получаю огромные суммы от Советов».

«Меня называют «красной». Обо мне пишут, что я «большевичка». Раз я из Москвы, где я тщетно разыскивала большевиков. Я их встречала в Париже, Нью-Йорке. Но в Москве я не встретила ни единого большевика. Но я увидела много маленьких детей, умирающих с голоду».

Почему она так говорила?

Первый большевик, с которым Айседора и Ирма познакомились в поезде, ничем не напоминал кровожадных большевиков с французских предвыборных плакатов. Это был очень юный, очень застенчивый, интеллигентный большевистский курьер, владевший шестью иностранными языками. Он оказался хорошим собеседником и оказывал им всевозможную помощь. Удивленный не менее Айседоры тем, что никто не оказал приглашенным путешественницам внимания, он не оставил их на вокзале. Предложил им место в присланном за ним автомобиле. Вместе с дипломатической почтой он привез своих спутниц в роскошный отель «Метрополь», где находились кабинеты комиссара иностранных дел Чичерина. Все это вызвало потом нарекание Чичерина.

«Маленький большевик» — так они с Ирмой окрестили своего спутника — был не в счет, так как жил за границей. Тогда же они

познакомились с первым настоящим большевиком. Высокий, красивый, он вышел к машине, где сидела Айседора, спросил, галантно целуя ей руку: «Вы не узнаете меня?» Айседора узнала, вспомнила: она познакомилась с ним в Америке в 1918 году. Он тогда был известен как граф Флоринский. Вот так штука!

Первый же настоящий большевик в сердце Москвы — граф Флоринский, безукоризненно одетый, в смокинге и лакированных ботинках! Это вызвало взрыв безудержного смеха.

Несколько дней спустя она познакомилась еще с одним большевиком, который произвел на нее большее впечатление. Это был Бородин (Грузенберг) Михаил Маркович. Оказалось, что он тоже приехал в Россию из Америки, где работал школьным учителем в Чикаго. Известно, что в 1917 году из Америки приехали Троцкий, Бухарин, Боровский и др.

Вот почему Айседора говорила, что большевиков встречала в Париже, Нью-Йорке, а в Москве не встретила ни одного большевика.

Восторженность с нее слетела быстро, как луковая шелуха. К третьему году своей жизни в РСФСР она уже ни одно слово большевистской пропаганды не воспринимала на веру. Она даже Ирму переспрашивала:

«Твое письмо звучит слишком хорошо, чтобы быть правдивым».

14 декабря 1923 года Айседора написала корреспонденту американской газеты. Письмо было опубликовано в «Вашингтон Пост» 27 января 1924 года:

«Советское правительство совершенно забросило школу через год после ее открытия, не посылая денег на ее содержание (условие, которое было оговорено) и не давая никакой помощи вообще.

Американская ассоциация помощи безработным (АРА), от которой мы получали хоть какую-то поддержку, тоже через год уехала из Москвы. Мы вынуждены самостоятельно оплачивать электричество, топливо и даже воду. Деньги, нужные для оплаты еды, одежды и вообще всего необходимого для школы, учителем, музыкантов, поступают теперь только от наших концертов.

Однако, как вы понимаете сами, экономическое положение Москвы таково, что в настоящее время выступления крайне редки. Например, за одно выступление мы получаем 50 червонцев, или 250 долларов. На эти деньги я могу купить дрова на зиму, а на деньги, вырученные от следующего выступления, — муку, картофель и т. д.

Сейчас у детей отличное здоровье, и они работают с энтузиазмом. Большинство из них очень талантливы, и будет крайне жалко, если двухлетняя работа, все наши усилия и жертвы

окажутся напрасными.

Для меня сейчас единственной надеждой является получение помощи от наших друзей из Америки. Если наша школа на ближайшие несколько лет получит помощь, я уверена, потом она будет содержать себя сама».

Вряд ли Советскому правительству могли нравиться подобные заявления, опубликованные в иностранных газетах, даже если они были написаны Айседорой из самых добрых побуждений: найти спонсора, богатого покровителя, чтобы спасти московскую школу.

Глава 6
Как жила Айседора в Париже

Лотта Йорска в Америке написала в журнале о нуждающейся танцовщице, которую она посетила в Париже в 1925 году:

«Я слышала, что она в Париже одна и без средств. Она приехала туда в надежде получить плату со своего арендатора, но, узнав, что у него самого большие трудности, она не стала подавать на него в суд. Я навестила ее… Я застала ее за чтени ем. Она выглядела абсолютно счастливои, и я решила у что слухи преувеличены».

Нет, слухи не были преувеличены: в кошельке Айседоры оставалось пять франков, тридцать пять сантимов. И при этом она наотрез отказалась принять ангажемент мюзик-холла на Елисейских полях.

«Я не осуждала ни одну артистку, которая продавала свое тело, чтобы спасти свое искусство… Но я не прощаю никому измены искусству. Искусство священно. Это самая святая вещь в мире после детей».

На вопрос мадам Йорски, есть ли у нее определенные планы на будущее, Айседора ответила:

«Разумеется, есть. Они такие же, как многие годы… Через два года я получу свой дом (который сдала в аренду), и тогда у меня будет моя школа. Прежде чем я умру, я хочу научить сотни детей, как помочь наполнять их растущие тела музыкой и любовью».

Мадам Йорска заключает: «Поистине эта американская женщина скроена из божественного материала. Ее имя должно жить всегда, ее гений действительно революционизировал мир».

Так было в феврале 1925 года, а 12 марта 1925 года из Ниццы она напишет Ирме:

«Это было уже чересчур. Я перенесла нервное истощение, не могла взять перо и бумагу. Все же здесь, с Реймондом (брат Айседоры — Авт.) я отдыхала и надеюсь вскоре вновь начать борьбу».

Переживания в течение трех месяцев в Берлине и тяжелое горе в Париже — умерла ее ученица Марго, которую она не видела со дня отъезда в Россию, — чуть не сломили ее. Все думы, все мысли ее о том, как спасти школу, где добыть денег на ее содержание. «Я не могу ничего сделать для школы без фотографий. Обязательно вышли мне сейчас же хорошие фотографии детей». «Люди почти не верят, что школа существует». «Я могу посылать тебе денег для школы, если буду иметь рекламный материал. Но мне нечего показать». Это

фрагменты ее писем Ирме.

Ни минуты Айседора не сомневалась: выход в том, чтобы школа приехала к ней. Они смогут тогда сами заработать на содержание. В Ницце Айседора сняла студию в надежде, что Ирма сможет приехать к ней и привезти хотя бы 11–16 детей.

30 марта 1925 года: «Если бы мы смогли подготовить твой приезд сюда с шестнадцатью самыми талантливыми детьми, мы вполне могли бы спасти их. Я пыталась через советское посольство в Париже добиться приезда школы, но безуспешно».

27 января 1926 года: «Я вижу будущее в соединении этой студии как источника добывания реальных денег и Москвы как идеала искусства».

Айседора предпринимает колоссальные усилия, увлекая всех своей мечтой о школе.

«15 июня 1926 года. Я встречалась с товарищем Раковским насчет плана твоего приезда с несколькими детьми из школы в Париж и устройства грандиозной манифестации в «Трокадеро». Они очень одобряют эту идею, но вечно один и тот же вопль: «Нет денег». Напиши и сообщи мне, стоит ли стараться устроить нашу встречу этим летом…

Если бы ты могла приехать и изучить ситуацию, здесь есть все возможности для устройства большой школы на деловой основе. Еда дешёвая, овощи в изобилии. Ты могла бы взять одну или двух старших девочек как соучительниц. Проводя по полгода здесь и полгода в Москве, мы могли бы соединить идеальное с материальным».

Она начала тягучие переговоры с деятелями коммунистической партии Франции:

«14 октября 1925 года. Вся моя работа в России рухнула, потому что у меня не было необходимых денег; досадно будет, если та же самая история повторится в Париже. Все же, я думаю, мы должны принять предложение партии. Если они пригласят детей из Москвы, московская школа будет спасена. И когда Советы увидят, какой успех имеют дети, они наверняка сделают что-нибудь для школы…

Мне бы хотелось посвятить себя целиком созданию великолепного социального центра, а не небольших групп, которые силой обстоятельств вырождаются в театральные группы, как в Москве. Но, как бы то ни было, самое главное — делать что-нибудь, положить начало. Лучше московская школа со всеми ее неустройками, чем вообще ничего».

Айседора довольно-таки преуспела в своих переговорах и сумела заручиться поддержкой коммунистических лидеров Франции. Но от них мало что зависело, все решалось в России. А

советское правительство не давало согласия и не выпускало детей за рубеж, не без оснований опасаясь, что дети не вернутся в Россию.

Именно так и случится, когда дети школы Дункан поедут в Америку. В 1928 году после гибели Айседоры Ирме удалось вывезти одиннадцать лучших учениц в США, где их необыкновенно успешное выступление (организованное тем же импресарио Солом Юроком, что и гастроли Дункан в 1922 году) продолжалось полтора года, пока власти в Москве категорически не потребовали немедленного возвращения. Ирма рассказывала, что советский представитель в Вашингтоне Боровский провел со старшими ученицами секретное совещание, грозя суровыми репрессиями их родным в СССР. Ирма в Россию не вернулась и уговаривала девочек остаться с ней, обеш, ая им блестяпдее будущее на Западе, но безуспешно.

Г. Лахути пишет: *«С ужасом прочла она вскоре в американских газетах сообщения, что будто бы участницы турне по возвращении в Москву подверглись репрессиям. Проверить это она не могла, связь с ученицами прервалась на много лет».*

«Возвращаться в Москву, где школа не получала ни копейки дотации от государства, Ирма сочла невозможным. Кроме того, тяжелую душевную травму причинил ей разрыв с И. Шнейдером, который предпочел ей одну из юных учениц. Она осталась в Америке… В Нью-Йорке она открыла свою школу танца Дункан, которой успешно руководила многие годы».

«Сообщения в американских газетах о репрессиях по отношению к ученицам, мягко выражаясь, были преувеличенными. В Москве их ждало полное равнодушие: их уже, можно сказать, не ждали. За время поездки их школа была вытеснена из особняка на Пречистенке и фактически перестала существовать».

Все каналы к концу 1925 года были перекрыты. В распоряжении Айседоры оставался единственный выход — писать книгу. По поводу своей книги и предстоящих трудностей Айседора написала в предисловии:

«Сознаюсь, меня охватил ужас, когда мне впервые предложили написать книгу. Я пришла в ужас не потому, что жизнь моя менее интересна, чем любой роман, или в ней меньше приключений, чем в фильме, не потому, что моя книга, даже хорошо написанная, не явилась бы сенсацией эпохи, но просто потому, что предстояло ее написать.

Мне понадобились годы исканий, борьбы и тяжелого труда, чтобы научиться сделать один только жест, и я достаточно знаю искусство письма, чтобы понять, что мне потребуется столько же лет сосредоточенных усилий для создания одной простой, но

красивой фразы».

Уединившись в маленьком домике на берегу моря, Айседора весь 1926 год напряженно работала над книгой, понимая, что в ней единственная надежда на восстановление истощившегося состояния и на содержание московской школы. И все-же не теряла еще надежды, что ей удастся найти средства на приезд ее школы. Это будет прекрасный праздник в Париже. Дети смогут выступить и в «Трокадеро», и в Ницце, где у нее студия и домик. Дети прекрасно отдохнут на море. И у школы будут средства. Она часто ездила в Париж, вела переговоры, заручалась поддержкой, надеялась, теряла время и остаток скудных средств. И вдруг Айседора узнает, что Ирма и Шнейдер повезли детей на гастроли в Китай! На Лазурный Берег средств не нашли, а в революционный Китай, где было весьма небезопасно для детей, средства нашли. Разве это не предательство?

Это было для Айседоры не просто ударом или знаком неуважения, невнимания, она отдавала себе отчет, что советские руководители с ней больше не считаются. Ее просто игнорируют.

М. Дести, а вслед за ней и другие, напишут: «Она пришла в ярость, узнав, что Ирма, Шнейдер и ее русская школа ездили на гастроли в Китай, не посоветовавшись с ней». «Айседора тут же послала протест советским властям, выражая недовольство тем, что это первое, что она узнала о школе на протяжении 6 месяцев».

Утешало только то, что отзывы о гастролях студии Дункан были самые восторженные: «Студия Дункан чарует аудиторию!» (Пекин, 1926). «Танцы студии Дункан — это самое прекрасное, из всего того, что нам приходилось видеть!» (Тяньцзинь, 1926). «Студия Дункан принесла весну в Шанхай!» (Заголовок к статье в «China Press», 1926).

«Национальное правительство и вся общественность революционного Китая искренне благодарят Вас за посещение Государственной московской студией Дункан (…) столицы революционного Китая и видят в этом приезде и горячем внимании масс и общественности к гостям из Советской России новое подтверждение нашего взаимного понимания и глубокой дружбы», — так было написано в послании кантонского правительства к А.В. Луначарскому 1927 года.

А вот как отозвалась о гастролях школы Дункан белогвардейская газета «Наш путь», издававшаяся в Тяньцзине:

«Комсомол мадам Дункан — не искусство. Это агитпоездка на Восток».

После таких публикаций Айседоре было трудно понять, почему советское правительство так неблагодарно относилось к ней и ее школе.

Глава 7
О темных личностях и вездесущей Мэри

Нам практически ничего не было известно о жизни Айседоры в Советской России, еще меньше мы знали о ее смерти. Собственно говоря, только то, что написано в энциклопедии: погибла в результате несчастного случая в автомобильной катастрофе. Будто бы «красный шарф с длинными концами съехал с плеча Айседоры и скользнул к заднему колесу. Вмотавшись в спицы у шарф дернул горло Дункан. В один миг крепкая ткань переломила позвоночник и порвала сонную артерию. Смерть наступила мгновенно» (Петр Моргани. Последнее любовное письмо Айседоры).

Произошло это в Ницце 14 сентября 1927 года, возможно, поэтому пишут о многочисленных свидетелях ее гибели. Ну как же — Ницца! Бархатный сезон! Богатые отдыхающие. И божественная Айседора, всегда в окружении поклонников.

Тот же автор, Петр Моргани, пишет: «Дикая толпа отдыхающих набросилась на шарф, искромсала его ножницами на куски, считая, что «веревка повешенного» приносит счастье». Резонно считать, что если было много свидетелей, значит, записано много показаний. Ничего подобного. Есть, по существу, только два свидетельства: Петра Моргани и Мэри Дести, причем свидетельство одного противоречит свидетельству другой.

Глубоко ошибаются те исследователи, кто утверждает, что трагедия Айседоры произошла на виду у людей, якобы многие видели ее на спортивной низенькой машине, и по ветру развевался красный шарф.

Кто же на самом деле присутствовал при гибели Айседоры?

Вот что пишет Мэри Дести. Их в тот вечер было трое: она, Айседора и кинооператор Иван. Кстати, даже выглядела Айседора, по мнению Мэри, иначе, чем в воспоминаниях П. Моргани («толстая женщина с вечно заплаканными глазами»). Была Айседора весела и беспечна. Пообедали в маленьком ресторане, потом вернулись в студию, и там, в ожидании «Бугатти», — шофера гоночной машины — Айседора создала свой последний танец под музыку (с пластинки) необычайно популярной в тот год американской песни «Прощай, черный дрозд!»:

Баю-бай, черная птичка, спать!
Никто меня не любит
И даже понять не хочет…
Услышал бы ты всю ту ложь.

Что они обо мне бормочут!

Это о ее судьбе пел черный дрозд, о себе создала Айседора свой последний танец…

Она и к машине шла, пританцовывая, необычайно оживленная, цветущая, восторженная. Перед тем как сесть в машину обернулась и крикнула: «Прощайте, друзья! Я иду к славе!».

Мэри пишет*: «Иван шел за ней, провожая к машине и не обращая внимания на ее протесты, накинул ей на плечи» вот эту злополучную шаль.* И еще ее замечание: *«Машина успела отъехать на 10 ярдов».*

Следовательно, шарф, перекинутый через плечо, не развевался по ветру, и поездкой это назвать нельзя: машина отъехала на небольшое расстояние.

Не было «дикой толпы» и свидетелей, потому что произошло это в 9 часов 30 минут вечера.

Много ли увидишь в это время суток осенью? Ну а как же «дикая толпа» и «веревка повешенного»? Не было и этого: ни «веревки», ни «толпы», никто не кромсал шаль (или шарф) на мелкие куски. (Хотя, возможно, именно так предполагалось по сценарию).

На следующее утро Мэри Дести надо было идти в полицейский участок — опознавать проклятую шаль. «Когда ее вынесли вместе с шерстяной шалью, пропитанной ее бесценной кровью, мне показалось, что наступил конец света».

Что же, на Айседоре в тот вечер было две шали? В свою, шерстяную, она часто драпировалась по вечерам. Шаль служила ей одеждой, плотно облегала тело и причиной подобного несчастья стать не могла.

Стало быть, какую-то другую шаль (роковую) Иван накинул ей на плечи, провожая к машине, под предлогом прохладного вечера. (Мэри предлагала свой плащ а шофер — кожаное пальто). Кстати, из воспоминаний Мэри Дести совершенно непонятно, кто были эти люди, оказавшиеся рядом с Айседорой в ее последний вечер, кинооператор Иван и шофер машины Бугатти. Откуда они явились и куда потом исчезли?

Удушье Айседоры, почти мгновенное, могло произойти в том случае, если кисти платка плотно зацепились (или их зацепили!) за спицы стоящей машины.

Не лишена любопытства история роковой шали, ставшей причиной гибели Айседоры. Но приезде в Нариж Мэри показывала Айседоре привезенные платья, расписанные

художниками.

«Я объяснила ей, что группа русских художников — Рома Чатов (возможно, — Шатов, такая фамилия встречается в биографии Есенина, он в 1920 г. был арестован чекистами на квартире Зои Шатовой — Авт.), Бобрицкий и Алеханов — изобрела и разработала новый метод разрисовки шелков, и что я надеялась этим поддержать ее школу».

Платья Айседоре очень понравились. Одно из них она попросила для своих выступлений. Мэри продолжает:

«Я достала из своего чемодана пакет завернутый в папиросную бумагу:

— Айседора, вот тебе действительно подарок. Он создан специально для тебя одним из этих талантливых молодых русских, Ромой Чатовым, и вся наша студия, в том числе и я, принимали участие в его разрисовке. Посмотри, вот фотография, которую мы сделали, после того как закончили расписывать его.

И я отдала Айседоре фатальную шаль, которая позже стала причиной ее смерти. А тогда Айседора была безумно рада».

Мэри Дести — подруга с 27-летним «стажем», беззаветно любит Айседору, по первому зову спешит ей на помощь. «Зов» был мистический, «внутренний голос» позвал Мэри в Париж.

«Мне приснился сон, будто мать Айседоры появилась у меня со словами: «Мэри, Мэри, поезжай скорее к Айседоре. Ты ей нужна».

Зачем надо было пересекать океан, когда Айседора не просила о помощи? Здесь, в Ницце, Мэри только мешает своим присутствием, потому что Айседора уединилась для работы над книгой. И еще. «Предчувствия» и «видения» Мэри повторяются затем в день гибели Айседоры: Мэри умоляет ее не ездить сегодня в автомашине, не знакомиться с этим молодым человеком, он всего лишь шофер…

Последние три недели день за днем описаны «лучшей подругой» очень подробно и сводились к одному выводу: какой пустой, бессодержательной жизнью живет великая танцовщица! Каждое утро у нее начинается с поиска денег на ланч. Обедает и ужинает по приглашениям. Айседора часто меняет отели, так как нечем платить по счетам, но такие мелочи жизни не огорчают и нисколько не печалят ее. Девиз Айседоры: живи сегодняшним днем, не думай о будущем. Продав по совету Мэри свою машину за 9 тысяч франков, она всем существом наслаждалась жизнью и верила в будущее.

> *«Снова нам улыбались боги. И тут последовали такие пиры, визиты, рестораны, ночные клубы, которые могли выдержать только миллионеры».*

Так пишет Мэри Дести. Тут, правда, она противоречит себе: деньги у Айседоры были, она собиралась даже снять «прелестную розовую виллу» сроком на 5 лет, «а тут еще подоспели мои деньги из Америки». Однако, получив из отеля извещение заплатить вперед еще за неделю, вдруг заявляет: «а платить было нечем». Денег же не было потому, что не было машины — Айседоре выделили машину ездить в студию (а это 25 миль), но машина была чужая, и, естественно, Айседора не могла ни заложить ее, ни продать, и содержать шофера было не на что.

Так описала «лучшая подруга» беспутную, безалаберную жизнь Айседоры. И мир легко поверил в это, поскольку многое подтверждалось прессой. Но кто поставлял материал для прессы?

Мало этой лжи — Мэри внушила всем, что Айседора ни одного дня не жила без любовников (или поклонников) и что «вскоре выходит замуж за Роберта Чендлера, и яхта, которую он строит, отвезет двух великих — босоножку и художника — в Грецию на медовый месяц». «Утку» эту, состряпанную «после многочисленных ликеров», шутники, не сказав Айседоре, отправили в нью-йоркскую газету «Миррор» в Париже. Она была опубликована 12 сентября, за 2 дня до гибели Айседоры.

Теперь послушаем другого «свидетеля». Петр Моргани (он же Паттерсон, Петерсон) рассказывает:

«Низкий розовый дом привлекал о наше любопытство… Дом стоял в стороне от города, кончалась Ницца, тянулся пустырь, и вдруг, за пустырем — сиротливое розовое здание. У розового домика мы всякий раз придерживали коней… Желание увидеть таинственную женщину, о которой говорила вся Ницца, превратилось в жгучую необходимость».

Наконец они познакомились.

«В одиноком домике жила отшельницей знаменитая танцовщица Айседора Дункан». «Компаньонка Дункан оказалась русской. Звали ее Ниной Давыдовой. Красивая голова с большими черными глазами, свежим девичьим лицом и за чесанными, слегка серебрящимися волосами. От нее я узнал, что Дункан недавно вернулась из Советской России, что там она оставила свои деньги и разбитое Есениным сердце».

А вот свидетельство самой Нины Давыдовой:

«Встретились у знакомых. Упросила жить с ней. Люблю ее и жаль от души. Сердце золотое, отдает последнее, но отдавать больше нечего — разорена.

Живем впроголодь — чем Бог поможет. Друзья не показываются. Брат отвернулся. Поклонники постарели, а то и померли… Прошла молодость — старость беспощадна, уже успела замести следы былого успеха…

А живет, как институтка — в мечтах. Слушает танго, глядит в море и ждет чего-то (…) Жаль смотреть!»

Но вернемся к Петру Моргани:

«Был воскресный вечер. Осенние сумерки легли на землю темно-лиловым туманом…

Длилась влюбленность Вани ровно 15 дней. Конечно, мы больше не ездили верхом и целые дни проводили в розовом домике…

Утром пришло долгожданное письмо из Бельгии, предлагавшее моему другу выехать в Брюссель без замедления».

Следует пояснить, что «жгучая необходимость» познакомиться с таинственной женщиной продиктована не менее «жгучей влюбленностью» Ванюши. Он никогда не видел Айседоры, только слышал о ней, влюбился, так сказать, «заочно», — влюбился возвышенно, чисто платонически! После знакомства и сближения «влюбленность Ванюши» продолжалась две недели (ровно столько, сколько потребовалось, чтобы осуш, ествить задуманный, разработанный сценарий ее «случайной гибели»).

Кто он, засекреченный кинооператор Ваня, без фамилии, отчества и каких бы то ни было сведений о нем? Куда он делся после гибели Айседоры? Мэри Дести не проясняет этого. Зато Петр Моргани пишет о Ване весьма конкретно, хотя его фамилии тоже не называет:

«Что касается Вани, то месяцем позже (после гибели Айседоры) он погиб в автомобильной катастрофе, у Льежа. Есть люди, которым уготована страшная смерть. Айседора с Ваней принадлежали к этой категории людей».

А кто такой сам Петр Моргани, и можно ли верить тому, о чем он пишет? Конечно, нет. Тем более, что Ваня (у Петра Моргани) совместил в своем лице две роли — кинооператора и последнего любовника Айседоры (музыканта Вити Серова). Моргани составил свой сценарий гибели и последних дней жизни Айседоры, который не только не совпадал в деталях с воспоминаниями Мэри Дести, но и явно противоречил им. Чтобы поглумиться над отшельницей и развеять в прах ее былое великолепие, Петр Моргани приводит строки последнего любовного письма «несчастной Айседоры»:

«Обожаемая любовь, где ты? Зачем ты меня оставил? Вероятно, ты ушел в дом Афродиты (…) Ничего (написано по-русски — Авт.), отдохни (…) Я целую твои дивные руки и твои глаза, если даже они скрывают коварство. Я обожаю тебя. Айседора».

В этой трагикомической «новелле» нет ни одной даты. Можно только догадываться по тексту: «Дункан недавно вернулась из

Советской России, там она оставила свои деньги и разбитое Есениным сердце». Айседора уехала из России в конце сентября 1924 года. Моргани умышленно перенес события на последний год жизни Айседоры, и, следовательно, последняя любовь и последнее письмо предназначались некоему Ванюше. Это сознательная и целенаправленная ложь.

Такие письма, примитивные и «безадресные», адресованные никому, действительно остались в архиве Айседоры, а появились они при весьма комических обстоятельствах. Вот их история, рассказанная Ирмой Дункан.

«По приезде в Россию Айседора вздумала учить русский язык. Ее начали обучать по системе Берлица. Взяв со стола карандаш, учительница вопрошала:

— Это что такое? Это карандаш, — повторяла она по несколько раз.

— Это какой карандаш? Это красный карандаш.

Первый урок Айседора выдержала. На втором уроке, сразу же после первых вопросов «ученица» сказала:

— Да, все это очень занятно. Я уверена, что дети должны получать удовольствие от подобных уроков. Но я думаю, что меня вы бы лучше научили, что мне надо сказать красивому молодому человеку, когда мне хочется его поцеловать… и все такое в этом роде…

Учительница была потрясена, шокирована. Урок на этом закончился, и учительница ретировалась.

Зато ученица выказала настойчивость и нашла свой способ изучать русский язык по своей системе. Она писала любовные послания, просила перевести их на русский язык, а затем вновь переписывала, перемежая русскими словами, написанными латинским шрифтом: «Моя последняя любовь». Далее следует русский перевод, написанный большими печатными буквами. «Я готова целовать следы твоих ног!!!» Затем две фразы по-русски. «Я тебя никогда не забуду и буду ждать! А ты?» «Ты должен знать, что, когда ты вернешься, ты можешь войти в этот дом так же уверенно, как входил вчера и вошел сегодня».

Этот рассказ Ирма заканчивает такими словами: «Позже странствия Айседоры по извилистым лабиринтам русского языка продолжились при помощи самого поэта (Есенина — Авт.) Правда, фразы, которым он учил Айседору, были не всегда из рода «вполне по-русски пристойных».

Кто хоть мало-мальски знает биографию Есенина, тот без труда и литературных изысканий сразу скажет: нет, не Ванюше предназначались эти нелепые письма, а ветреному и непредсказуемому русскому поэту, который на все страстные

призывы Айседоры мог вдруг исчезнуть неизвестно куда и появиться неизвестно откуда.

Есенин и за рубежом поддерживал игру в «нелепые письма» вроде телеграммы, присланной из Берлина: «Isadora browning darling lubich moja darling scurri scurri». Ее легко принять за шифровку. Илья Шнейдер переводит этот «код»: «Изадора! Браунинг (убьет) (твоего) дарлинг (Сергея). (Если) любишь (приезжай) скорей, скорей».

Не стоило бы и останавливаться на столь ничтожном «любовном» эпизоде, как это непременно сделала бы Айседора, если б не напрашивался вывод: кому и для чего надо было рыться в чужом архиве, который Айседора возила с собой, ведь она работала над задуманной трилогией: «Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин».

Эти наивные, нелепые «любовные послания» имели ценность только для книги, поэтому Айседора и хранила их в своем архиве. Режиссеры из ЧК-ГПУ нашли им другое применение. В Кисловодске они пообещ, али отомстить ей за оскорбления и насмешки. Теперь пришла их очередь посмеяться. Представился хороший случай. Насколько дорожила Айседора архивом, подтверждает письмо Ирме из Ташкента от 19 июля 1924 г.: «Пожалуйста, разыщи все письма, казенные бумаги и прочее и отошли их Рэймонду. Я думаю о них, когда не могу спать по ночам. Но их нет среди бумаг, которые у меня с собой».

Проваливаются ее гастроли, сплошные неприятности с транспортом и реквизитом, невыносимая жара, безденежье и каждый день пустой желудок, а Айседора по ночам думает о том, как сохранить эти нелепые письма.

По легкомыслию или по злому умыслу сочинила Мэри Дести всякие нелепости и распространяла заведомое вранье в среде репортеров, объясняя Айседоре свои выдумки таким доводом: нельзя давать повод думать, что две пожилые дамы (она и Айседора) живут, покинутые любовниками. Пусть все думают иначе. Это она, Мэри Дести, внушила всем, что Айседоре очень понравился молодой итальянец, шофер гоночной машины. Это она сочинила (в компании с другими) шутку о том, что Айседора выходит замуж за художника Роберта Чендлера, и эта «шутка» была опубликована в газетах за два дня до гибели Айседоры.

Сразу после гибели Айседоры шутники «забыли», кому принадлежала идея устроить мистификацию с предстоящей женитьбой. Без зазрения совести и «ничуть не краснея», они потом напишут:

«Нас там было человек двадцать… Мы уже сидели несколько часов, как вдруг Айседоре пришла в голову веселая идея: как было

бы забавно притвориться, что она помолвлена с Робертом Чендлером».

Это написала в воспоминаниях Бернардина Зольц Фриц. А в Нью-Йорке в «Дейли миррор» это сообш, ение было опубликовано 14 сентября 1927 года, то есть в день гибели Айседоры, на первой полосе под заголовком «Снова замуж». И фотография Айседоры с подписью: «Вчера пришло телеграфное сообщение о предстоящей свадьбе Айседоры Дункан и Роберта Уинтропа Чендлера».

Мэри Дести настояла на том, чтобы они жили в роскошном отеле, за который нечем было платить, а потом объясняла в своей книге якобы жизненные принципы Айседоры: «Если не знаешь, где остановиться, иди в самый дорогой отель». «Айседора так много сделала для человечества, что вправе была требовать от человечества, чтобы теперь ее содержали; многого она не просила: бутылку шампанского, немного мяса и фрукты».

Мол, «живи только сегодняшним днем, а завтра будь что будет».

Сама Айседора пишет совсем другое: «Нельзя продолжать жизнь, не основанную ни на чем (…) Если у меня не будет своей школы, я предпочла бы лучше умереть».

Именно Мэри Дести внушила всем, что Айседора всегда предпочитала быструю езду в авто и, вследствие этого, подсознательно мчалась навстречу своей гибели. Именно так и преподносят историю ее трагической гибели. Это Мэри Дести сочинила на свой лад историю о последних трех неделях жизни Айседоры. Описала подробно, день за днем, и все уверовали, что жизнь ее была пуста, бессодержательна, «скольжение в пропасть».

Между тем великая танцовщица уже закончила первую часть трилогии, которая могла поставить ее в один ряд с великими писателями. После гибели Айседоры выяснится еще многое. Например, букет красных гвоздик с широкой алой лентой и золотыми буквами «Сердце России оплакивает Айседору» возложил не кто иной, а сама Мэри Дести. Об этом пишет В. Серов: «Это не был дар от представителей Советской России — его заказала сама Мэри Дести. Очень любопытно и такое замечание Виктора Серова: «Мэри Дести была наименее подходящей (из всех друзей Айседоры) на роль наперсницы этой пары (Айседоры и Есенина).

Один только вид (…) этой средних лет женщины вызывал неприязнь у Есенина (…), ее роль надзирательницы только подстрекала его на большую грубость».

По словам Мэри Дести, в 1923 году она не смогла приехать в Россию: по вине Есенина ей было отказано в визе.

Но почему Айседора терпела эту клевету и молчала? Потому

что за два последних года на нее просто обрушилась лавина лжи и грязи. Чтобы опровергать все это, нужны время и средства. Айседора твердо знала, что вся эта чепуха (Есенин часто произносил это слово как «че-по-ка») отпадет сама собой, как короста на зажившей ране. Надо только скорее написать две следующие части задуманной книги.

И Айседора села за продолжение мемуаров. Мэри Дести утверждает, что, написав четыре листа 1-й главы новой книги «Мои большевистские дни», Айседора «бросила мне на колени со словами: «Больше не напишу ни строчки. Дальше ты все знаешь».

Мэри Дести хотела убедить всех, что книга перешла к ней, как эстафета. Так ли это? Ведь книга была последней надеждой Айседоры. Айседору знают как великую танцовщицу. Теперь узнают как человека мировой культуры и талантливого писателя. От книги зависело будуш, ее: ее школа, ее авторитет, ее материальное благополучие. От популярности книги зависело все в ее жизни, зависела сама жизнь.

Риторический вопрос: могла ли Айседора доверить книгу другому человеку? Книга была для нее больше, чем собственная жизнь. Ничто в жизни своей она не ценила так высоко, как сумку (по другим источникам — корзину) с бумагами.

«Эта сумка хранит все мои сокровища — и какие сокровища! Письма любви ко мне, к моему искусству (…), к памяти о моих детях».

Кто же сумеет разобраться в столь личных бумагах лучше, чем она сама? И кто сумеет рассказать лучше, чем она сама обо всем этом?

Г. Лахути во вступительной статье к воспоминаниям Ирмы Дункан и А.Р. Макдугалла «Русские дни Айседоры Дункан» пишет:

«Велика литература об Айседоре Дункан на английском языке. Однако «советский период» ее жизни и там освещен недостаточно полно, а во многих источниках изобилует неточностями и даже «развесистой клюквой». В первую очередь это касается вышедшей в 1929 году в Нью-Йорке книги Мэри Дести «Нерассказанная история. Жизнь Айседоры Дункан в 1921–1927 гг.». Женщина ограниченная и склонная к безудержной саморекламе и фантазированию, занимавшая в течение недолгого времени скромную должность компаньонки при Айседоре, она написала свою версию последних лет ее жизни, прямо-таки переполненную недостоверными и полумифическими историями.

По Дести выходит, что она сама танцевала не хуже Айседоры и оставила это занятие, только чтобы не вызывать ревности и зависти последней; что вообще танцевать босиком придумала

она; что Айседора хотела и чуть ли не завещала ей завершить свою неоконченную биографию; что ей. Дести, был устроен триумфальный прием в московской школе Дункан, куда она зашла во время своего краткого визита в Москву после смерти Айседоры, причем все ученицы якобы уверяли, что она похожа на Айседору, и смотрели на нее с обожанием. Все эти утверждения являются абсурдным вымыслом, а последнее вызвало дружный хохот очевидцев ее визита в школу, учениц Ирмы — Е.В. Терентьевой и Е.Н. Федоровской. Даже американское турне Ирмы с ученицами устроил, оказывается, не Сол Юрок, а опять же вездесущая Мэри! Телеграмму, посланную Айседоре в Ялту из Москвы Галиной Бениславской, она приписывает С.А. Толстой и т. д., и т. п.

И вот эту книгу, единодушно признанную недостоверной и ни разу по этой причине не переиздававшуюся на Западе, издательство политической литературы в Москве (ныне издательство «Республика») выпустило в 1992 году тиражом в 100 тысяч экземпляров под одной обложкой с третьим за последние два года переизданием книги А. Дункан «Моя жизнь». На этой обложке — кричащее название золотыми буквами: «Айседора Дункан. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин», что является прямой фальсификацией, ибо, как уже было сказано, Айседора не успела написать ни о России, ни о Есенине, и ее собственный текст в сборнике доходит только до ее намерения поехать в Россию в 1921 году. Пребывание же ее в России и отношения с Есениным даны только в более чем вольном пересказе Дести, которая вряд ли может называть Россию и Есенина «своими». Она воспроизводит по памяти устные рассказы Айседоры, приукрашивая их своими домыслами. Ни малейшего комментария, как следует относиться к книге Дести, составитель сборника не дает, предоставляя читателю право принимать ее писания на веру.

Мэри Дести пишет: «Страшнее, чем бедность, было для Айседоры то, что друзья покинули ее. Хотя это было не так. Многие из них наблюдали за ней издалека и помогали, чем могли».

И еще: «Друзья, как и многие другие, видевшие, как она катится вниз, держались вдалеке от Айседоры из-за глубокой любви к ней».

Чего больше в этой фразе: наивности, лицемерия или поразительной глупости? Или, может быть, это издержки перевода?

В воспоминаниях Мэри Дести есть такое размышление: «Мне кажется, что создание этих ежедневных трудностей и составляло смысл ее жизни: они отвлекали ее мысли от огромной печали, которая поедала ее днем и ночью».

Такое же впечатление остается у читателя по отношению к Мэри Дести: кажется, она приехала к Айседоре только за тем, чтобы создавать эти трудности. Для чего? Чтобы отвлекать от важнейшего дела жизни — книги. Выхода этой книги в России явно не хотели. И в конце-концов, она стоила Айседоре жизни.

После похорон Айседоры в Россию Мэри Дести ехала здоровым человеком, а вернулась она тяжело больной, умирающей. Вызывает недоумение и удивление ее внезапная тяжелая болезнь. И приходят на ум другие роковые совпадения: что-то похожее случилось с Фурмановым и Рейснер, которые сопровождали гроб с телом Есенина. Лариса Рейснер умерла 9 февраля 1926 года, Дмитрий Фурманов последовал за ней 15 марта 1926 г.

Глава 8
Злой рок или злодеяния?

Некоторые говорят, что смерть Айседоры была неслучайной.

Я этого не думаю. Ее задушил собственный шарф, попавший в колесо автомашины.

Роман Гуль

Не все, однако, современники поверили в несчастный случай с Айседорой. Были и тогда скептики.

Только вот кому и зачем понадобилось писать сценарий, тщательно продумывать роли и осуществлять это злодеяние? Есть более простые способы убрать одинокую женщину, которая и сама порывалась «уйти в море»? И однажды пошла. Тогда ее спасли. Спасли Паттерсон и Ванюша. Скромные, «темные» личности, которые по своей скромности — или по другой причине — так «темными» и остались.

Паттерсон, он же Петр Моргани, пишет, что это случилось с Айседорой во время их знакомства, и причиной тому была неразделенная любовь к юному Ване. Познакомились они «ранней осенью», а уехал Ваня 15 дней спустя, а еще 20 дней спустя «после отъезда моего друга в Бельгию» случилась трагедия с Айседорой.

Здесь, правда, неувязка у Петра Моргани. Вот временные вехи: ранняя осень, да 15 дней их знакомства, да 20 дней спустя… А Айседора погибла 14 сентября 1927 года.

Но для чего нужна Петру Моргани-Паттерсону ложь? Зачем

надо было переносить события на последний месяц жизни Айседоры? Хотя бы для того, чтобы и малая тень подозрения в преднамеренной гибели Айседоры не пала на тех, кто был в те дни рядом. Ведь теперь все оставалось в логичном русле: зачем было убивать женщину, которая сама искала гибели, и ее только недавно спасли.

Попытка самоубийства была — но более года назад. Что это меняет? Многое. Тогда Айседора только начала свою книгу, и никто еще не знал, что из этого получится. Уединившись на окраине Ниццы в розовом одиноком домике, она жила «с одной русской маленькой женщиной, которая готовит» (из письма Айседоры). Вскоре она познакомилась с одним нуждающимся русским джентльменом, который согласился быть ее секретарем. 1 апреля 1926 г. Айседора пишет Ирме: «Я нашла толкового секретаря, и дела стали улучшаться». По всей вероятности, это и был Паттерсон, он же Петр Моргани.

Занятия в студии Айседора тоже не прекращала. Поэтому, по свидетельству Ирмы, «она также нашла пианиста — нуждающегося кавказца». Это был Виктор Ильич Серов (1902–1979).

> *«Пианист и писатель, он родился в Батуми, учился в Тифлисе, Вене, Париже. В 1920-х годах жил во Франции. Постоянный аккомпаниатор Айседоры и ее последняя любовь с весны 1925 до осени 1927 года. В конце 20-х поселился в США. Написал много книг о музыке и музыкантах, в основном, русских. В 1971 г. выпустил большую книгу об Айседоре. Умер в Нью-Йорке»*
>
> *(Ирма Дункан).*

От себя добавлю: книга Виктора Серова в Советском Союзе не выходила. На русский язык не переводилась.

Привечать нуждающихся было в порядке вещей, а эти к тому же были русскими. Таинственная, легендарная женщина писала книгу. Книгу, на которую возлагала большие надежды. Книга давалась ей тяжело, но не потому, что не умела писать. Она умела говорить. Этот дар у нее был от Бога. Друзья объясняли, что для нее не составит особого труда написать книгу, ей нужно только найти хорошего секретаря: вы рассказываете, секретарь (стенографист) пишет. Потом вы читаете, исправляете. Вот и все.

Айседора так и сделала. Но первые главы о своем нелегком детстве и главы о гибели детей она писала сама. Она не в состоянии была наговаривать это чужому человеку. Так совпало, что эти трагические страницы она писала тогда, когда пришло

известие о гибели Есенина. Совпало все: одиночество, отдаление друзей, полная неопределенность с московской школой. Невзгоды усугублялись переживаниями и необходимостью изложить все это на бумаге. Ничто не забылось за 13 лет, не ушло из памяти. Чтобы написать так, кровью сердца, надо было вновь повторить весь крестный путь, пережить и перечувствовать с той же силой и болью. Это было выше ее сил, и она пошла в море.

В опубликованной книге страницы о гибели детей сокращены до минимума. По-иному эти события изложены у Ильи Шнейдера. Приводим его рассказ с небольшими сокращениями:

«Из Берлина Айседора уехала в Париж, Многое было связано с ним в жизни Айседоры. Здесь она узнала первую любовь. Здесь она стала знаменитостью. Здесь родились ее дети — девочка Дейдре и мальчик Патрик. В Париже они погибли. В Париже она почувствовала «начало конца» любви Есенина. Гордон Крэг был первым мужем Айседоры Дункан и отцом Дейдре. Патрик родился от второго брака Дункан с Парисом Санже. В Париже Зингер (Санже — Авт.) купил для школы Дункан отель «Бельвю». Был создан организационный комитет, в который вошел весь цвет искусства и литературы не только Франции, но и всей Западной Европы.

И в честь этого состоялся банкет. Когда уже отзвучали речи, и банкет подходил к концу, к Айседоре подошел метрдотель и сказал, что ее спрашивают. Она вышла в вестибюль и очень удивилась, увидав своих детей с няней-англичанкой…

— Что случилось? — заволновалась Айседора, целуя детей.

— Ничего. Мы поехали кататься, и дети очень захотели увидеть вас. Они так просили…

— Поезжайте домой. Я назначила пианисту прийти в студию в Нейн, я позанимаюсь час и приеду домой. Поезжайте…

Она вышла на улицу, сама закутала пледами их ножки. Машина отъехала.

— Я поехала в студию Нейн, — рассказывала мне Айседора.

Айседора Дункан с детьми — Дейдре и Патриком

— Пианиста еще не было. Помню, надела белую тунику и, держа в руках коробку с шоколадом, ходила по студии, ела конфеты и думала: я самая счастливая женщина в мире… Я молода, знаменита, у меня такие чудесные дети, муж… Сегодня исполнилась мечта моей жизни. У меня будет школа и театр! И в

этот момент в студию вбежал Зингер… Он крикнул: «Дети… умерли!» И упал. Почему тогда я не сошла с ума? Я не могла воспринять то, что он крикнул… Я видела только, что он упал и сейчас умрет, и я бросилась к нему. Может быть, это спасло мой мозг…

— Машина с детьми выехала на набережную Сены: наперерез ей выскочило такси. Наш шофер, избегая столкновения, круто свернул к реке… Мотор заглох. Шофер взял ручку, вышел из машины и завел мотор. Вдруг машина двинулась на него прямо к реке… парапета тогда не было. Шофер отскочил в сторону, машина упала в Сену…

— Пока шофер бился головой о мостовую, пока бегал зачем-то к моей сестре Елизавете, стучал там в дверь… время, время шло!.. А они были в воде… Через час машину подняли краном. Их отвезли во французский госпиталь. Мне потом говорили, будто девочка моя еще дышала! Если бы я тогда могла быть около них! Силой материнской любви я бы вернула ее к жизни…

После катастрофы Дункан покинула сцену, к тому же она готовилась вновь стать матерью».

У нее родился мальчик, которого она назвала в честь погибшего сына Патриком, но он сразу после рождения умер.

Дети погибли в тот счастливый для Айседоры день, когда, казалось, сбывались ее мечты о создании собственной школы, мечты ее жизни. Девочке было 8 лет, Патрику 3 года. С первых шагов они росли в атмосфере музыки, танца и любви. Дети подавали большие надежды и очень радовали Айседору.

Злой Рок вмешался в ее жизнь. Это потом она узнает, что Рок был здесь ни при чем — злодеяние было делом рук человеческих, человеческой злобы, зависти и коварства. И погибнуть в тот день должны были они все вместе, потому и заехали за ней. Но ей не суждено было погибнуть вместе с детьми!

Перед отъездом из России Айседора рассказала Илье Шнейдеру то, чего нет в ее мемуарах и что она до этого, по-видимому, не рассказывала никому. Это лежало тяжелым камнем на ее сердце.

«Вы слышали когда-нибудь о профессоре Дуайене? — спросила тогда Дункан.

Мне было знакомо это имя, — вспоминает детали разговора Шнейдер. — «Операция профессора Дуайена» — так называлась короткая картина, которую демонстрировали после сеансов в первых московских синематографах, предупреждая: «Нервных женщин и детей просят выйти». Дуайен, высокий красивый мужчина с холеной светлой бородой, делал три операции: трепанацию черепа, вырезание рака и еще какую-то.

— Этот самый… — подтвердила Айседора. — У Дуайена была жена, очень красивая высокая блондинка. Я тогда еще не знала Зингера. Он был неразлучен с женой Дуайена, а тот, видно, не возражал… Зингер строил для него хирургические дворцы, финансировал завод знаменитого шампанского, создавал ему бешеную рекламу, вот и фильм этот тоже… Потом Зингер оставил жену Дуайена, он полюбил меня. Мы поженились.

Очевидно, для Дуайена собственная карьера и финансовое благополучие были дороже жены. Он возненавидел меня. Я всегда чувствовала его ненависть. Это был какой-то средневековый враг…

Мой шофер после катастрофы ушел от меня. Он купил виллу за 50 тысяч франков… Это была очень, очень большая сумма… Я не могу об этом ни думать, ни говорить».

Шофер ушел после катастрофы… Но сразу после катастрофы его посадили, это естественно, а освободили в результате ходатайства Айседоры, которая заявила: «Позвольте мне ради моего спокойствия ходатайствовать за несчастного человека, который был причиной ужасного события, потрясшего меня, и просить о его немедленном освобождении. Хочу уверить вас, что я не подозреваю его в злом умысле. Он отец, и я должна знать, что он возвращен в семью, только тогда я смогу отчасти успокоиться».

Это потом она узнает, как и почему погибли ее дети. Профессор Дуайен и шофер Поль Морверан были в сговоре. Нет предела подлости человеческой…

В мемуарной литературе одна только Надежда Вольпин написала вскользь о насильственной гибели детей. Фраза звучит так: «И мужественно переносимая гибель (насильственная, если верить молве) двух ее детей».

В том, что семейные отношения с Парисом Зингером в дальнейшем не сложились, биографы винят Дункан. Дескать, в Америке, куда он уехал во время Первой мировой войны, Парис окружил Айседору заботой и вниманием, исполнял все ее прихоти, а она пренебрегала его дружбой, расположением. Зингер покупал дорогие подарки, преподносил драгоценности, а Дункан флиртовала с мужчинами, вела себя легкомысленно. И никто не дает себе труда усомниться: а так ли все было? И совместимо ли такое поведение с душевным состоянием Айседоры.

Нет, не было Париса Зингера в тот трагический день рядом с Айседорой, и не он принес ей известие о гибели детей. Не было его и на их похоронах. Лежал он в клинике профессора Дуайена, как писали газеты, с сердечным приступом.

Покривила душой в мемуарах Айседора, не стала бросать

тень на Париса. Где был Зингер на самом деле? Когда в Америке Айседора от самых близких людей узнала правду о гибели детей, она задалась этим же вопросом. И у нее появились основания считать, что Парис снова стал встречаться с той роковой женщ, иной, о которой танцовпдица говорила Илье Шнейдеру: «Он ушел от той женщины. Он полюбил меня». Может быть, вследствие этой встречи Зингер оказался в клинике профессора Дуайена? «Средневековый враг» отомстил сполна: шофера он щедро одарил франками Париса Зингера, а Айседору навеки превратил в скорбящую Ниобею, оплакивающ, ую своих детей.

Море манило Айседору всегда. Она уже пыталась «уйти в море», в тот трагический день бежала к морю, не зная, зачем и куда. Бежала от своего горя. От своей боли. Хотелось уйти в волны, чтоб прекратить боль. Она уже сделала шаг, другой. И вдруг ясно увидела их, Патрика и Дейдре. Взявшись за руки, они шли по берегу. Она пошла за ними, потом побежала, потом, не в силах бежать, упала, сотрясаясь в рыданиях. Может, это и спасло ее тогда? Она лежала на сыром песке, в ужасе сознавая, что сходит с ума. Боль нахлынула, вернулась к ней, придавила всей своей тяжестью, когда она стала писать об этом. Сопротивляться не было сил и желания. И она пошла в море…

Вот что пишет Мэри Дести:

> *«В подавленном состоянии Айседора взяла свою лиловую бархатную накидку и, туго обернувшись в ее тяжелые складки так, чтобы нельзя было высвободить руки, царственно вошла в море…*
>
> *Когда ее спасли, она была почти без сознания».*
>
> *Мэри не была свидетелем этой сцены, но описала ее так, как рассказал об этом сам спасатель. Мэри называет его Паттерсоном, пишет, что он английский офицер, капитан, потерял на войне ногу, видно, потому «с большим трудом добрался до нее».*

Спасатель называет себя другим именем, точнее говоря, он себя не называет, а ведет рассказ от своего имени. Автор небольшого рассказа «Последнее любовное письмо Айседоры» Петр Моргани о себе не рассказывает ничего, только о том, как познакомились с Айседорой он и его молодой спутник Ваня.

«Из Корсики перебрались на континент офицеры и казаки Белой Армии». Офицер и его молодой друг, влюбленный в Айседору, как видно из реплик, титулованные дворяне. Вот все, что можно о них узнать из текста. Офицер Петр Моргани (или Паттерсон) не терял ногу на войне, он прекрасно танцует танго, а на вопрос, где научился так танцевать, отвечает не без гордости:

«Учился у Айседоры Дункан».

Сопоставляя описание последних дней Айседоры, придем к выводу: вопиющая разница! И дело даже не в том, одна или две ноги у Паттерсона-Моргани, и даже не в том, что Мэри всей душой любит Айседору, а Паттерсон «всей душой» издевается над ней, потому сцена «царственного ухода в море» преподносится как отчаяние от неразделенной любви. И все описание сдобрено горстью сарказма, а «лебединая песня любви» названа, как и положено, «назойливой страстью стареющей женщины».

Сопоставление дает богатую пищу для размышления. Напрашивается вывод: кто из них врет? Вдумываясь и размышляя, ответим: оба! Но зачем? И почему так по-разному врут?

Однозначно ответить трудно. Наверно, не согласовали. Не было времени и возможности, так как оказались на разных континентах.

Капитана отозвали в Англию (непонятно, до гибели Айседоры или после).

Мэри, похоронив Айседору, уехала в Россию. Зачем? Скорее всего за инструкциями. А из России уехала в Америку, где, как она пишет, очень тяжело болела и торопилась закончить книгу.

По поводу книги Мэри Дести «Изадора Дункан» (Лондон, 1929 г.) Илья Шнейдер писал: «Дести знала Айседору с 1901 г. Тогда же началась их дружба, продолжавшаяся больше двадцати лет. Вначале я не знал, что Дэсти собирается писать книгу о Дункан. Она, приехав в Москву после гибели Айседоры, постоянно расспрашивала меня о разных подробностях жизни Айседоры в Москве, о ее поездках… Подолгу рылась в большом ворохе газетных вырезок, привезенных Дункан и Есениным из-за границы.

С чувством невыразимой досады читал я потом в книге Дести некоторые рассказанные мною эпизоды, «искаженные ею до неузнаваемости».

Часть ее вины и перед истиной, и перед читателями, и перед памятью Есенина я переношу на ее «литературного секретаря» — сотрудника издательства, заинтересованного в книге. Собственно, он и писал эти воспоминания, сидя у кровати умирающей Дести в нью-йоркском госпитале». Кто он, этот сотрудник, Шнейдер не назвал.

Великая танцовщица и, как оказалось, талантливая писательница, в рассказе Моргани показана сатирически, «созданием среднего духовного достатка», «старой и увядшей — без ума и фантазии».

Прямо скажем, не очень разборчив в выборе слов и выражений этот белогвардейский офицер! Чем ему досадила Айседора?

Из трагикомической новеллы Паттерсона-Моргани и нелепостей Мэри Дести каждый читатель сделает вывод: «одинокая, забытая Богом и людьми, старая и увядшая» танцовщица до самой кончины не оставляла желания вступить в новый брак… Сам Господь смилостивился над безрассудной и падшей женщиной, внял, наконец, ее мольбе. И нет большого зла, даже если не все «чисто» в этой автомобильной истории, потому что жизнь этой женщины была «скольжением в пропасть».

И вот эта самая «старая и увядшая» Айседора 8 июля 1927 года выступала в Париже за два месяца до своей гибели? Ирма присутствовала на этом выступлении:

«Это опять был ее триумф. Театр был переполнен изысканной публикой из Франции и Америки». Великая сила ее искусства заставляла рыдать и восхищаться. «Искупление», «Неоконченная симфония», «Любовь и смерть Изольды» исполнены с еще большей трагической глубиной, чем раньше!

Бессмертная «Аве Мария» Шуберта, исполненная так, что многие в публике громко рыдали…

Кто сможет забыть невыразимые движения материнских рук, убаюкивающих пустоту? Их сострадательную нежность и душераздирающую красоту?..

Восторженные крики публики, и Айседора, великая Айседора на усыпанной цветами сцене. Никаких речей! Ни слова приветствующей ее аудитории. Многие из старых друзей были огорчены этим».

Это — свидетельство очевидца. А рассказ Моргани написан с явной целью: поглумиться над Айседорой, скомпрометировать ее. Составить у читателя отрицательное мнение…

А вот последнее письмо Айседоры. Известно, что написано оно за три дня до гибели и адресовано Виктору Серову, которого Айседора отправила в Париж (из Америки должны были прислать деньги за изданную книгу):

«Воскресенье, 11 сентября 1927 года. Дорогой Витя, почему нет писем? Нет телеграмм? Ничего от тебя. Я очень беспокоилась, пока Иван не сказал, что он видел тебя в Париже, и ты был в полном порядке. Мне тебя не хватает ужасно, но мы в таком (неразборчиво — Авт.) трудном положении здесь. Мэри настояла, чтобы мы жили в этом прекрасном отеле, где у нас был кредит, и мы приехали сюда, где у нас нет ничего, и в результате нам нечего есть — и никакой возможности выбраться отсюда, пока я не смогу продать здесь мебель. Поэтому я даже не могу особенно желать тебе очутиться здесь, в столь плачевных обстоятельствах…

Видел ли ты Сесиль? Мы в полном неведении насчет того, сделал ли Хуссар закладную или нет. Г-н Шнейдер не разместил

книгу и уехал в Италию. Наша единственная надежда на американские издания — но пока ни слова.

Если ничего больше не подвернется, я буду пытаться все здесь распродать и вернуться в Париж. Это место, похоже, несчастливое.

Пиши и рассказывай мне, что ты делаешь — и каковы твои планы, Я не видела Элис… Она, кажется, ничего не делает, но гоняет машину, как Летучий Голландец женского пола.

Живешь ли ты в своей студии — играешь ли прекрасную музыку? Думай обо мне и играй Скрябина. Быть может, ты будешь ближе мне по духу, когда нет тела со всеми его плотскими помехами. В жизни не так много вдохновенных страниц, а остальное — чипока (то есть чепуха — Авт.). Целую тебя нежно со всей моей любовью, Айседора».

Под ударами судьбы музы умолкают, — так принято считать. Но надо было знать Айседору, чтобы не согласиться с этой сентенцией. Чем больше подвергалась она ударам судьбы, тем более яростным было ее сопротивление. Должно быть, потому она и стала такой единственной и неповторимой, божественной Айседорой!

Упорной она была с детства. Когда было холодно, Айседора уходила на берег моря и там самозабвенно танцевала. Когда было голодно, уходила в библиотеку и читала все подряд. Если унылая обстановка в доме долго не менялась, Айседора настаивала поменять дом. Просто не могла сидеть и ждать, чтобы что-то изменилось само собой. Потом стала менять города и даже страны.

> *«Я часто произносила длинные речи моим родным и всегда кончала одним и тем же: «Мы должны уехать отсюда. Здесь мы никогда ничего не добьемся».*

Внутренний мир под влиянием прочитанных книг и рожденных планов был так богат и разнообразен, что она никогда не ведала скуки. Скука и хандра — сестры праздности, а Айседора не выносила праздности и безделья.

Ребенком она сумела убедить мать не посылать ее в школу — это был неуютный и нерадостный дом. Дом-тюрьма. И благодаря этому стала завзятой читательницей, иногда единственной в библиотеках больших городов. Без книг и информации не могла обходиться.

Не оканчивая никаких школ, к 20 годам стала образованнейшим, культурнейшим человеком. Она умела прекрасно рассказывать, с ней всегда всем было интересно. «Я была такая интеллектуалка». Изучив германских философов,

среди которых особенно высоко ценила Фридриха Ницше, изучив культуру разных времен и народов, Айседора пришла к выводу, что расцветом человечества был период эллинизма — золотой век человечества. А самыми совершенными людьми — люди Древней Греции.

«В идеальном свете представлялся ей греческий античный мир. Его она представляла себе в весьма идеализированном виде. Она воспринимала его через статуи, через описание греческих спектаклей, через греческую педагогику», — писал об Айседоре А. Луначарский.

Мечтая о гармонии души и тела, Айседора создавала танцевальные школы в Германии, Америке, Греции. Друзья помогали ей в этом. Не ее вина была, что школы существовали недолго. Такой разрушительной была ее эпоха.

Чем школа в России отличалась от предыдущих? Почему к детям России она потянулась всей душой? Там, на Западе, были дети обеспеченных родителей, сытые, благополучные, пресыщенные радостью, они приходили ради развлечения, удовольствия.

«Ученицы, выпархивая из роскошно обставленной на американские деньги школы, становились попросту своеобразными актрисами, начинали выступать на эстраде и даже в кабаках. Все нежное и тонкое, что преподавала им Айседора, с них слетало. Они тяжелели, вульгаризировались, уклонялись от всякого фокусничества» (А. Луначарский). Для них это не было потребностью, не было главным делом жизни.

Детей России Айседора, в первую очередь, спасала от голодной смерти. Здесь, в ее школе, они получали возможность выжить в голодной Москве 1921–1922 годов.

Но имея в настоящем только голод, холод и нищету, русские дети всей душой тянулись к школе Красоты и Радости. Они попадали в сказку, волшебное царство, которое создавала Айседора. Дети с воодушевлением шли за ней. Любили и боготворили свою лучезарную учительницу. Ее дело становилось их делом, их мечтой, счастьем их жизни. Потому три года жизни в России можно считать самыми полезными, насыщенными, полноценными.

Айседора сразу предупреждала, что готовит детей не для сцены, а для жизни. Лучше других понимала, что на сцену попадут единицы, но с такой подготовкой и кругозором дети никогда не пропадут и сумеют в жизни реализовать свой потенциал.

«Друзья обвиняли Айседору в том, что она ленится». «Левин несколько раз пытался уговорить ее приступить к книге, но бросил

попытки помочь ей с мемуарами и вернулся в Берлин», — писал Ф. Блэйер. Мерседес де Акоста, приятельница Айседоры из Нью-Йорка, в автобиографической книге «Здесь мое сердце» утверждала, что она не только нашла издателя для Айседоры, но и заставила ее работать над рукописью: «Как она сопротивлялась и страдала над книгой! На протяжении многих дней я запирала ее в комнате и выпускала только тогда, когда она подсовывала под дверь определенное количество исписанных страниц».

Виктор Серов по поводу этих утверждений написал: «Я еще не читал лжи глупее». Кто знал Айседору, знал и то, что никакими силами нельзя было заставить ее делать то, чего она не хотела делать.

Как было на самом деле? Факты говорят: одна из американских фирм «поручила своему агенту У. Бредли подписать контракт на книгу. Они согласились выдать в виде аванса две тысячи долларов с прибавлением вознаграждения в пятьсот долларов, если вся рукопись будет закончена к концу мая 1927 года», — свидетельствует Ирма Дункан.

По поводу контракта Айседора сказала Макдугаллу:

«Он не слишком-то хорош. Но он подписан. Теперь я должна продолжить и закончить их. Я никогда еще не ставила своей подписи под контрактом, который не выполнила бы до конца. Но смогу ли я написать? Вы должны помочь мне».

Макдугалл ответил, что никто не сможет написать их лучше, чем она сама. Первые главы, которые он уже прочел, главы о ее детстве в Сан-Франциско, о жизни в Чикаго и Нью-Йорке «просто изумительны! Вы обладаете подлинным даром выразительности». Этот разговор состоялся 5 февраля 1927 года. До обозначенной в контракте даты оставалось четыре месяца.

А шестого февраля она была уже в Париже, где продолжала диктовать книгу и параллельно не прекращала занятий в студии, так как готовилась к последнему выступлению. Факты свидетельствуют, что было написано немало, следовательно, Айседора много работала, поскольку была поставлена в очень жесткие рамки — за оставшиеся четыре месяца закончить первую книгу. Это доказывает, что последние годы ее жизни были такими же плодотворными и яркими, как и вся ее жизнь.

Вот хронология ее последующей напряженной творческой жизни.

Март, апрель, май — продолжает работу над книгой, одновременно занимается в студии.

8 июля состоялось последнее выступление в театре «Могадор».

8 августа Айседора в компании друзей возвращается в Ниццу.

11 сентября вновь села за продолжение книги. Кажется, только после представления в «Могадоре» Айседора позволила себе недолгий отдых. «Наступил период ожидания результатов продажи прав на выпуск книги», — так пишет Ирма. Но Айседоре не суждено было их дождаться.

«Утром пришла телеграмма от американского синдиката издательств, подтверждавшего договор на издание мемуаров Айседоры и сообщавшего о переводе через парижский банк денег. Она ждала этих денег, чтобы выехать в Москву» (Илья Шнейдер).

Деньги пришли утром, пришли в день ее смерти, ни раньше, ни позже.

Айседора успела окончить только первую книгу задуманной трилогии. Книга, опубликованная в 1927 году, удостоилась высоких похвал многих писателей и критиков на Западе (Бернард Шоу, Арнолд Беннет и др.). Она выдержала десятки изданий, переведена на многие языки.

Однако на русском языке она была издана лишь крохотным тиражом в Латвии в 1928 году. А в России, которой Айседора отдала столько души, — только в кооперативном издательстве в 1930 году — также небольшим тиражом (в двух изданиях 30 и 100 экз.). Затем наступил заговор молчания, продолжавшийся почти шесть десятков лет.

«Голубоватые листы бумаги нетронутой стопкой лежали на столе Айседоры в Ницце. Страницы о годах, проведенных у нас, не были написаны», — сообщает И. Шнейдер.

Кто-то очень не хотел, чтобы книга Айседоры Дункан появилась в России. Более того, кто-то очень не хотел, чтобы она вообще была написана.

Не подтверждает ли этот факт исчезновение рукописи?! Зачем и кому потребовалась рукопись? Вряд ли ее уничтожили те любовники, которые присылали ей в Берлин угрожающие телеграммы. Каждый из них мог спать спокойно, познакомившись со своим портретом: каждый выглядел на страницах мемуаров гением и незаурядной личностью. Даже русский пьяница и скандалист нашел свою защиту, покровительство и оправдание своей гениальностью. И еще одно: зачем уничтожать рукопись, если за нее можно выручить немалые деньги? По словам П. Моргани, машина, в которой погибла Дункан, была на аукционе продана за баснословную тогда цену — 200 тысяч франков. А за ее «дворец», проданный на аукционе, ей в свое время дали только 300 тысяч франков.

Рано или поздно рукопись должна была объявиться на аукционе. Но если этого не случилось на Западе, значит, она в других руках — в других архивах. Зачем и кому она

потребовалась?

Книга вышла после гибели Айседоры. Не исключена такая вероятность, что по рукописи прошлись посторонние руки. Виктор Серов отмечал, что некоторые факты совсем не соответствовали действительности.

Об этом пишет и Ф. Блэйер: *«Издатели утверждают, что Айседора сама писала текст, и это правда. Это заявление все же нуждается в уточнении, поскольку Серов и Гордон Крэг считают, что рукопись Айседоры была переделана после ее смерти».*

У нас с вами есть возможность ознакомиться с первоначальным вариантом воспоминаний Айседоры Дункан о детстве, написанным в 1923 г. еще в России, и оценить писательский дар Айседоры. Ирма сохранила его и опубликовала уже в Америке.

Из воспоминаний Айседоры Дункан

«По дорогой цене боги продают свои дары. За каждой радостью обязательно следует мучение. За ниспосланную ими славу, богатство, любовь они взыскивают кровью, слезами и гнетущей печалью. Я постоянно окружена пламенем.

Мое первое воспоминание — яркое ощущение рук полисмена, в которые я попала, будучи выброшена из горящего окна, и я слышу вопли моей матери: «Мои мальчики, мои мальчики. Пустите меня туда, к ним». Часто по ночам я слышу голос моего отца, кричащего: «Мужайтесь! Они придут спасти нас». Он встретил свою смерть, держась за сиденье перевернувшейся лодки, в бушующих волнах у скал Фолмауса. Вечно огонь и вода и неожиданная ужасная смерть.

Подробные воспоминания о моем детстве встают с необычной живостью; дальнейшее окружено тьмой.

Моя мать поднимала четырех детей ненадежным занятием преподавания музыки. Вечные тревоги и заботы на ее лице были так привычны для нас; мы жили в бесконечном состоянии ужаса перед тем, что раздастся громкий стук в дверь неприветливых домохозяев, требующих квартплаты.

Я помню, как однажды, когда мне было около восьми лет, учительница предложила каждому из детей написать историю своей короткой жизни. Другие дети рассказали о садике при доме, об игрушках, о любимых собачках и т. д., я же выдала нечто вроде:

«Сперва мы жили на 23-й улице в Восточном Окленде. Мужчина приходил за квартплатой, пока мы не переехали в

маленький домик на 17-й улице. Но опять нам не дали долго там оставаться. Через три месяца мы переехали в две маленькие комнаты на проспекте Солнечного пути. Так как мама не смогла взять мебель, у нас была одна большая кровать на всех. Но снова злой хозяин пришел сердитым, и мы переехали в… и т. д., и т. п. И это было уже пятнадцать раз за два года».

Учительница решила, что я сыграла с ней злую шутку, и вызвала мою мать предстать пред очи директора. Когда мать прочитала мою «историю жизни», она залилась слезами и сказала, что я написала только правду. Я помню, что после того случая ее глаза были красными еще: МНОГО дней, но я тогда не понимала отчего. Состояние постоянных гонений, в котором мы жили, казалось мне нормальной вещью. Я думаю, вот почему я столько участвовала в правительственной помощи в области продовольствия и образования и вообще в благотворительности для детей.

Моя мать не только преподавала музыку, но и вязала шапочки, жакеты и т. д. для больших магазинов. Я помню, как часто, просыпаясь среди ночи, видела, что моя мать все еще вяжет. Что за жизнь у нее была! Единственным светлым пятном было, что она имела пианино, на котором часами играла Бетховена, Шуберта, Моцарта, Шумана; или она читала нам вслух из Шелли, Бернса, Китса, много стихов, которые она учила нас читать наизусть. Мы, дети, слушали ее, свернувшись калачиком на ковре у ее ног.

В то время моя мать была еще молодой и красивой, но, согласно дурацким буржуазным принципам, она не знала, как использовать свою молодость и красоту, незаурядный ум, силу духа. Она была в домашней тюрьме, задолго до эмансипации женщин. Сентиментальная и добродетельная, она могла только страдать и плакать, а мы, юные, тоже страдали каждый на свой манер, и наши подушки часто бывали влажными от слез, как и у многих детей, которые ложатся спать голодными.

Это все христианское воспитание, которое не знает, как научить детей великолепному лозунгу Ницше: «Быть твердым!» Но с ранних лет какой-то голос свыше постоянно шептал мне: «Будь тверда!»

Я помню, как, придя однажды, застала мать на постели надрывно рыдающей над лежащей рядом стопкой вещей, которые вязала целую неделю и которые ей не удалось сбыть в магазины. Внезапно меня охватило чувство протеста. Я решила во что бы то ни стало продать эти вещи для матери, и за хорошую цену. Я взяла и надела из тех связанных вещей красную шапочку и пелерину и с остальным в корзине пошла по домам. Из дома в

дом ходила я, торгуя своим товаром. Некоторые люди были любезны, другие грубы. В конце концов я достигла цели, но тогда я своим детским умом впервые постигла чудовищную несправедливость мира. И эта маленькая вязаная красная шапочка, сделанная моей матерью, стала шапочкой маленькой «большевички».

Глава 9 Ушедшая к славе

Почему насильственная гибель Айседоры так и осталась тайной? В первую очередь, должно быть, потому, что в ее раскрытии никто не был заинтересован.

Илья Шнейдер пишет: «Хотя Айседору не собирались хоронить в Ницце, мэр города, узнав, что среди бумаг Дункан оказалась справка, подтверждающая желание Айседоры принять советское гражданство, заявил, что не разрешит хоронить ее в Ницце». В Европе ненавидели большевиков и тех, кто с ними сотрудничает. А Айседора опять собиралась в Россию и не скрывала своих планов…

Получилось так, что и в Европе ее негласно объявили «персоной нон грата», и в Советской России ее присутствие было крайне нежелательным. Прежде всего из-за ее смелых и открытых суждений в адрес коммунистических лидеров. Помните? «Господи! Для чего совершалась великая кровавая революция? Ничего не изменилось, кроме актеров. Вы просто захватили их дворцы! Вы не революционеры. Вы буржуа в маске. Узурпаторы!»

Убежденная атеистка, Айседора не только не поддержала действия большевиков по уничтожению храмов, но осудила это сразу и категорично:

«Вы не можете отобрать религию у народа, не дав ему что-то взамен. Дайте мне церковное здание, вместо того чтобы превращать его в клуб. Я разработаю целую серию прекрасных музыкальных праздников. Красивой музыкой и благородной пластикой я украшу церемонию рождения, церемонию брака и церемонию ухода из человеческой жизни.

Если вам необходимо отказаться от религиозных обрядов, дайте мне при помощи моей музыки и моего танца заменить их чем-то столь же прекрасным, как ритуалы античной Греции».

Как жаль, что красные комиссары не вняли голосу разума, в течение многих лет у советских людей не было ритуальных праздников, никаких, кроме простой записи в актах гражданского состояния да последующего застолья по данному поводу, а храмы превратили в склады.

Вид детей, ночующих в подъездах и подвалах, детей, нуждающихся в помощи взрослых, приводил Айседору в

отчаяние. Этого она не могла простить никакому правительству.

Ф. Блэйер: *«В Москве она видела, как маленькие дети спят на улице, могут ли взрослые люди так обращаться с детьми, если в мире существует любовь? Она взяла этих детей в свою школу, но после смерти Ленина правительство больше не занималось ею. А страдающих, живущих в ужасных условиях детей она видела и в лондонском Ист-Энде. И пока где-то страдают дети, в мире не существует истинной любви, так говорила Айседора».*

В Берлине, беседуя с американским журналистом из «Чикаго трибюн», она сказала, что ее искусство не так уж необходимо людям. Необходима лишь любовь, возможность любить, как Христос и Будда. Но большинство любят только самих себя, свои идеи, свою власть, свое богатство. Ей стоит браться за написание книги, если она докажет людям, что они не умеют по-настоящему любить.

В черновых набросках к своей будущей книге она напишет, как робкий и застенчивый «маленький большевик» рассказывал им, только что приехавшим в Россию, о Ленине, о большевиках, о великих жертвах коммунистов. Все более вдохновляясь, он говорил о великом будущем коммунизма, «пока мы тоже не почувствовали себя готовыми умереть за Ленина и его дело». Юмор нередко переходил в иронию:

«Небо заволокло тучами, пошел дождь, однако наш гид был равнодушен к сырости, и я не скоро почувствовала, что мы ничего не ели в течение 14 часов (…) Я обнаружила после того, как познакомилась с другими, что настоящий коммунист индифферентен к жаре или холоду, к голоду или другим материальным лишениям (…) Как христианские мученики древности, они живут столь погруженными в идеи, что просто не замечают этих вещей».

Новоявленные «христианские мученики» и их «жены в перьях» не замечали бездомных детей, которых в эти годы насчитывалось более 5 миллионов и которые так нуждались в защите взрослых.

Айседора приехала спасать их детей, помогать им. От них теперь зависела ее школа. И что же? Она сразу «стала в позу антагонизма» и тем самым объявила, что «полна решимости обойтись без покровителей». Таких она называла новой буржуазией, «хорошо откормленной аудиторией», «хорошо откормленным обществом».

«Красный эмигрант» Ю. Анненков в своей книге написал: *«В 1925 году, в Париже, Дункан много говорила со мной о Москве, о Петербурге, о советском строе, глубоко ее разочаровавшем». (Потом он назовет смерть Дункан «таинственной предопределенностью», только не объяснит, что это значит —*

Авт.)

В мае 1926 года Айседора встречалась с Мейерхольдом и его женой З. Райх. («Они были милы со мной».) Известно, что у Зинаиды Райх была своя точка зрения на гибель Есенина, о чем она хотела рассказать в мемуарах. Не потому ли была зверски убита в 1939 году?

Своя, неправительственная, точка зрения была и у Айседоры: «Он (Есенин) желал, чтобы филистимляне пали перед ним ниц».

Тогда она не знала того, что могла услышать от супругов Мейерхольдов: в гробу «лежало чужое лицо», «лиловый шрам на лбу», «один глаз навыкате, другой вытек». Портрет, мало напоминающий портрет самоубийцы.

О настроении Всеволода Эмильевича пишет Анненков: «Заговорили о «Бродячей Собаке». Всеволод Эмильевич сказал: «А у нас, в Советском Союзе, теперь всем бродячим собакам — крышка. Вместо бродячих собак прочно засевшие кабаны с клыками… Райх сердито взглянула на мужа, но промолчала».

15 января 1926 года «Красная газета» написала о том, что «Дункан находится в стесненных материальных обстоятельствах и что она намерена опубликовать все полученные когда-либо любовные письма, чтобы получить средства к существованию… Она также намерена написать историю ее трагически окончившегося брака с Сергеем Есениным».

Не странно ли (какое совпадение!), тогда же рядом с Айседорой появилась «русская женщина, которая помогала ей готовить», «нуждающийся русский джентльмен согласился быть ее секретарем», русский музыкант стал ее аккомпаниатором, объявился даже русский кинооператор, который увековечил ее последние дни.

3 октября 1928 г. «Известия» сообщали о вечере памяти А. Дункан, состоявшемся в Большом театре. «После вступительного слова П. И. Новицкого и А.А. Сидорина была показана кинофильма «Последние дни Айседоры Дункан», заснятая в Ницце», — так писала газета, «забыв» упомянуть фамилию кинооператора.

Айседора чрезвычайно почитала немецкого философа Фридриха Ницше. Одно свое письмо-статью для парижской газеты «Юманите» озаглавила словами из Заратустры. «Я люблю человека, который поднимает себя самого ввысь и гибнет на этом пути».

«Трагическая смерть Айседоры Дункан после столь же трагической кончины Сергея Есенина, изощренную жестокость которой невозможно забыть, снова напомнила мне, в какой драматической атмосфере постоянно жила эта, на первый взгляд

чудовищно парадоксальная, чета». Эти слова принадлежат Францу Элленсу.

Совершенно виртуозная, по-настоящему ошеломляюш, ая фраза заставляет снова и снова возвращаться к ней, перечитывать, думать: «Трагическая смерть Айседоры Дункан (…), изощренную жестокость которой», или «после столь же трагической кончины Сергея Есенина, изощренную жестокость которой невозможно забыть». К кому из них относится финал столь загадочной фразы? А, может быть, к обоим? Дескать, милая, добрая, умная, благородная Айседора! Сколько сил ты приложила, чтобы спасти Есенина! Каким насмешкам и изощренным издевательствам подвергла себя, пожертвовала состоянием, добрым именем, родиной, а себя спасти не сумела? Или не захотела?

Франц Элленс и его жена М. Милославская еще в 1922 году опубликовали ряд стихотворений Есенина на фрацузском языке. Смерть Есенина произвела на них тяжелое впечатление. Получив это сообщение, Элленс в тот же день пишет М. Горькому, что весть о самоубийстве Есенина их потрясла. Воспоминания о Есенине и Айседоре Дункан написаны им сразу после трагической гибели Дункан. Опубликованы в парижской газете 22 октября 1927 года. Приведенная выше цитата именно из этого источника.

Зачем же понадобилось Мэри Дести оболгать Айседору и возвести на нее небылицы, с которыми мы познакомились выше?

Полагаю, что сделала это Дести не для осуждения Айседоры, а для своей реабилитации: мол, она приложила все усилия, испробовала все средства и возможности, но разве Айседору можно переубедить, отвлечь от задуманного? Никакие силы не могли заставить ее делать то, чего она не хотела, и никакие силы не могли отвлечь от намеченной цели.

Что оставалось ей, Мэри? Разве только открытым текстом сказать: Айседора, откажись от этой книги — не простят тебе ее большевики!

Мэри высказала свои «плохие предчувствия» и просила Айседору не ездить с этим молодым человеком, мол, эта поездка может плохо кончиться. И что же услышала в ответ? Айседора пришла в восторг от этой мысли и заявила, что, если это так, то непременно сядет в машину и с радостью помчится навстречу своей гибели. Не потому ли и прозвучали эти странные последние слова: «Прощайте, друзья! Я иду к славе!»

Очень странные слова для обычной прогулочной поездки.

Глава 10
Из воспоминаний об Айседоре

В советской литературе крайне мало страниц отведено танцующ, ей Айседоре. Ее выступления если и описывали, то преимущественно с отрицательным оттенком.

Так, в «Романе без вранья» подан Мариенгофом танец апаша-хулигана и уличной женщины, многократно повторенный в воспоминаниях друзей. «Неприличным» было названо и только входившее в моду танго, — до слез огорчившее «непристойностью» Мэри Дести.

Этот список продолжает Галина Серебрякова:

«Я видела прославленную балерину-босоножку на сцене Большого театра — тучная, немолодая. Раздражали пыльные голые широкие пятки и раскачивающаяся большая грудь.

Но когда в тридцатых годах я прочла книгу воспоминаний Дункан, она предстала иной, незаурядной, много передумавшей и перечувствовавшей женщиной».

Вряд ли Галина Серебрякова могла рассмотреть пятки танцовщицы из партера Большого театра. Такие детали она могла наблюдать на лагерных и тюремных нарах. Ведь писала она свои воспоминания после освобождения и ссылки в 1965 году, а пришлось ей отбыть в лагерях долгих 20 лет.

Во всяком случае в советской литературе было нормой, прежде чем вспомнить имя Дункан, лягнуть ее хорошенько. Это началось с М. Горького, который никогда не скрывал своего отрицательного отношения, собирал о ней скабрезные анекдоты, стихи и пасквили.

Но, может быть, эти словесные шпильки того же происхождения, что и мелкие гвозди, «случайно рассыпанные» на зеленом ковре босоножки? Об этих фактах рассказала Ирма Дункан. Уважаемые солисты классического балета, соперничая с босоножкой, не гнушались иногда поступать, как трактирные половые. Классический балет истязал себя упражнениями до изнеможения, вывертывал ноги, морил себя голодом, добиваясь невесомости и легкости, а «толстая», «немолодая» и однако преуспевающая Айседора позволяла себе и бифштекс на обед, и мясные пирожки, вовсе не изнуряла себя и жила в свое удовольствие. Как было не злиться на Айседору?!

А та, в свою очередь, никогда не скрывала своего отрицательного отношения к классическому балету, с тех самых пор, когда девочкой ее привели в балетную школу. Учитель требовал стать в позу и вывернуть ноги, а она говорила: «Зачем? Ведь это нерасиво! Красивы только естественные движения человека».

Из воспоминаний Надежды Розановой

«Айседора Дункан была для меня ярким светом и зовущей мечтой. Этот год (1914) знаменателен событием, сыгравшим не только большую роль в моей жизни, но как бы определившим все мое отрочество-юность. Оно озарило таким ярким светом мою жизнь, что и поныне я различаю его сиянье.

У нас в доме в течение последних лет шли постоянные разговоры об Айседоре Дункан, и все домашние, начиная с папы, ею восхищались.

Весной в 1914 году в Петербург приехали ученицы Айседоры Дункан. Сама она не приехала. В зале консерватории был объявлен вечер их танцев.

Папа взял ложу, и мы отправились всей семьей. Как ни велико было мое волненье, я была далека от мысли, чем станет для меня этот вечер.

Когда занавес поднялся, глазам представилась пустая сцена, и только с высоты мягкими благородными складками падали синевато-серые сукна. И вот из глубины сцены под легкий аккомпанемент выступили девушки в прозрачных хитонах пепельно-желтого тона. Они двигались медленно, чуть поднимая руки, как бы пробуждаясь от сна, а потом все быстрее, шире, свободнее, и вот они уже понеслись с воздетыми руками, в бурной радостной пляске. Их было четыре. Две высокие белокурые девушки с косами, заложенными вокруг головы, одна с длинными английскими локонами, может быть, чересчур хрупкая… а последняя — ростом ниже других, широкая в костях, с сильными ногами. Она показалась мне вдруг ожившей раненой Амазонкой, репродукцию с которой я хранила в числе любимых скульптур.

С первого момента, когда в глубине сцены появились четыре фигурки в легких хитонах, я вся замерла. Передо мной вдруг предстал тот мир, который я считала невозвратно потерянным и о котором так страстно, безнадежно мечтала с тех пор, как прочла «Мифы».

Они продолжали плясать, то взявшись за руки, сплетаясь в хоровод, будто нимфы, изображения которых я видела на барельефах и вазах, то неслись в воинственной пляске, в развевающихся красных хитонах, держа в руках незримые копья, и я видела перед собой Троянскую войну, когда боги и смертные слились в одной страстной битве. Весь, весь античный мир встал перед моими глазами! И как же затрепетала моя душа!

Растерянная, не зная, что делать с собой, бессильная вместить в себя всю красоту, которая раздирала мне сердце восторгом, я сидела, вцепившись в барьер ложи, не утирая слез, которые обильно текли по щекам, и чувствуя, что вот-вот они

перейдут в неудержимое рыданье.

Им бросали цветы на сцену, и они сложили их в один огромный букет, а потом, взявшись за руки, танцевали вокруг него.

Публика толпилась у сцены — мы тоже подошли ближе. Они вышли прощаться, запахиваясь в халатики из мягкой фланели совсем домашнего покроя. Несколько студентов бросили им записки к ногам.

Вся сжавшись, я смотрела с мольбой: «О милые, только не поднимайте, не смотрите!» (Разве нимфы могут быть обыкновенными барышнями?). Но ни одна из них не сделала жеста, чтобы поднять, и они отодвигались в глубь занавеса без поцелуев в публику, без отдачи себя толпе. Будто четыре нимфы из свиты Артемиды-охотницы, и вздумай Аполлон взглянуть на них нечистым взглядом, он был бы тут же разорван собственными псами.

Еще долго неистовствовала толпа, потом свет потушили.

(…) Долго еще я плакала в постели, накрывшись с головой одеялом, от неутолимой любви к Греции, пока не заснула в слезах.

И теперь, озираясь, я говорю: «Это был счастливейший день в моей жизни!»

Мне не пришлось увидеть самое Айседору Дункан. Вскоре разнеслась трагическая весть о гибели ее детей. Слухи о ней доходили самые разноречивые, но в первые годы войны говорили, что она уехала на фронт сестрой милосердия.

С Дункан началась новая эра для меня. Если первые чтения по древней истории раскрыли мне красоту античного мира, но одновременно заставили страдать о невозвратимости этой эпохи, то Дункан явилась как вестница, как обещанье, что еще не все потеряно и может вернуться вновь.

Через учениц я полюбила самое Айседору Дункан. Вернее, они слились в один ее образ, навсегда утвердившийся в сердце. Я никогда не засыпала, не помолившись о ней, ее детях и не поцеловав на прощанье их портрета. Они стояли на ночном столике, у кровати, так что, засыпая и просыпаясь, я видела их около себя.

Дункан прошла через все мое отрочество и юность, несмотря на то, что я никогда больше не видела не только ее, но даже учеников ее школы. После революции, когда она вновь появилась в Москве, вокруг ее имени шла шумная молва. Я всегда с тяжелым сердцем прислушивалась к ней и не пыталась увидеть ее вновь.

Нет, Дункан была единственная, и все попытки следовать за

нею мертвы, беспочвенны. Один раз еще было дано человечеству увидеть сон о Золотом веке.

Айседора Дункан. Художник Леон Бакст, 1908 г.

А теперь — танки, пулеметы, удушливые газы (…)
А ее личная судьба разве не олицетворение Рока, мстящего за

дерзновенную мечту воскресить былое язычество?»

Это свидетельство полностью опровергает клевету Мариенгофа, дескать, поохладели зрители к Айседоре, поостли. Допустим, это воспоминание 1914 года. Но вот что рассказала Ирма Дункан о гастролях 1924 года:

«В Киеве, древней столице Украины и одном из старейших городов России, ее успех был беспрецедентным. В этом городе, где около 500 тысяч жителей, она дала последовательно восемнадцать вечерних спектаклей в театре, битком набитом каждый вечер. Никогда, даже в Париже, не танцевала она так много и успешно. На улицах люди приветствовали ее ликующими возгласами. Нищие следовали за ней, крича: «Дункан, Дункан, красавица, дай нам хлеба!» И Айседора, словно королева, разбрасывала подаяние в виде пригоршней мелочи (…)

Однажды в ресторане, где она обедала, она велела официанту раздать (нищим, столпившимся у ресторана) всей этой скулящей и хнычущей братии по тарелке борща.

После этого никогда уже не могла от них избавиться. И когда, спустя несколько месяцев, было объявлено о ее приезде в Киев, нищие всего города и вся их родня явились на железнодорожный вокзал приветствовать ее криками: «Дункан, Дункан, красавица!»

Так было в 1924 году.

Писательница Цецилия Бану вспоминает, как в возрасте тринадцати лет ей посчастливилось вытянуть, одной из множества претендентов, единственный билет, выделенный на всю школу на выступление танцовщицы в Киеве в том 1924 году, и какое впечатление на всю жизнь оставило у нее искусство этой выдающейся артистки.

Несомненный интерес читателя вызовут воспоминания младшей сестры М.К. Чюрлениса Ядвиги, тем более, что ей довелось увидеть Айседору в Берлине в 1924 году, именно тогда, когда менеджеры предпринимали все возможное, чтобы провалить ее выступления.

В Берлине

Глава из книги «Воспоминания о М.К. Чюрленисе»

(в сокращении)

Вспоминает сестра художника Ядвига:

«В Берлине Дункан дала два концерта: в первый вечер

танцевала Шестую Патетическую симфонию Чайковского; второй вечер посвятила теме Октябрьской революции, но на этот концерт я билета не достала, поэтому могу поделиться впечатлениями только о первом. Меня больше всего восхитило полное слияние движений Дункан с музыкой. Я никогда не думала, что движением можно так много выразить и, главное, что в движениях можно раскрыть развитие психологических процессов, таящихся в музыкальном произведении, не подкрепленных сюжетом или драматургией. Лучше всего помню первую часть Шестой симфонии, в которой Айседора без эффектных внешних средств передала глубокую трагедию и внутреннюю борьбу человека.

В танце Дункан находила выражение глубокая человечность, возможно, потому, что ее движения были очень естественными, тесно связанными с внутренними переживаниями человека. Не было привычных для классического танца пируэтов и пуант, да и вообще акробатических трюков, а также чуждой человеческой природе имитации «веса бабочки». Она танцевала босиком; в ее движениях не было ни крупицы стремления щегольнуть своей виртуозностью. А главное — Дункан казалась мне гениальным музыкантом, который языком хореографии выражает семантику музыки. В ее симфоническом танце я почувствовала удивительную законченность всего произведения. Основным его лейтмотивом был апофеоз трагедии.

А последняя часть симфонии до краев наполнила меня какими-то горькими мыслями и чувствами. Сдержанность движений действовала, как тишина после катастрофы. Эта тишина была сильнее крика боли. Это было рыдание. Танцовщица, одетая в темно-фиолетовое длинное легкое одеяние, с большой внутренней эмоциональной силой пере дала душевное горе человека.

Я помню: кончив танцевать симфонию, вышла поблагодарить за аплодисменты. Но вместо обычных банальных реверансов, она встала посередине эстрады, вытянула обе руки вперед и стояла так, немного наклонив голову набок, до тех пор, пока шум не затих. Ее длинная, до пола, темно-фиолетовая туника, серьезность и вытянутые руки что-то напоминали мне. И сейчас не могу забыть этого впечатления. А напоминало мне все это картину Чюрлениса «Жертва».

В туманных далях прошлого забрезжил маленький огонек, которому не суждено было вырваться из когтей судьбы и ярко разгореться (…)

Однажды летом брат привез из Варшавы стопку фотографий на редкость красивой молодой женщины.

Лучше всего помню снимок, где Дункан изображена с греческой прической, голова ее украшена диадемой, на ней греческая туника из легкой ткани. Удивительно правильные черты лица ее красили едва заметная милая улыбка и выразительные лучистые глаза. Я и сейчас вижу ее такой. Все в ней просто, естественно и гармонично, словно она сама — образец античной скульптуры. Тогда я еще не понимала, что так привлекает в ее лице.

Кроме самой Айседоры, в коллекции брата были еще снимки девочек и юных танцовщиц. Маленькие танцовщицы были сгруппированы по нескольку: они составляли художественную композицию.

На сцене — воспитанницы Айседоры Дункан

Брат рассказывал, что приезд Дункан в Варшаву потряс всю музыкальную общественность. Это явилось крупной сенсацией, и поэтому все. кто мог, бежали смотреть балерину, танцующую «босиком». Имя Айседоры звучало в самых разных слоях знатоков и любителей искусства, О ней говорили в мастерских художников, в салонах, кафе, в печати. Так как брат не любил сенсаций и ко всем «модам» относился скептически, то и на сей раз весьма холодно встретил полное энтузиазма предложение Ев гения Моравского пойти посмотреть эту знаменитость. Но вот он увидел на афише программу концерта Дункан. Дункан танцевала сюиту Баха и траурный марш Шопена. Это было нечто новое! И тогда он решил пойти на концерт. Впечатление было огромным. Из того, что он рассказывал нам об этом концерте, я поняла, что на свете нет танцовщицы лучше и серьезнее Дункан!»

Константинас Чюрленис написал картину, на которой изобразил одинокую фигуру женщины в длинном фиолетовом хитоне с высоко поднятыми руками. Картину назвал символически: «Жертва». С нее он снял копию и подарил братьям Моравским, которые жили тогда в Париже и устраивали симфонические концерты. У них и увидела Айседора эту картину, узнала себя. А братья рассказали ей историю создания картины талантливым художником, который так рано ушел из жизни. Глубоко опечаленная услышанным, Айседора сидела молчаливая и сосредоточенная, а потом попросила сыграть траурный марш Шопена. И под эту музыку создала новый танец, который посвятила памяти Чюрлениса.

«Она танцевала с таким вдохновением, — рассказывал Влодзимеж Моравский, — *с каким редко выступала на своих концертах. А для нас это был настоящий праздник!»*

Вот эта забытая история вспомнилась сестре Чюрлениса Ядвиге, когда она увидела на сцене Айседору в том самом танце, который был создан ею в память талантливого художника.

Приложения
КОМЕНТАРИИ, ДОКУМЕНТЫ

Обедненный образ Есенина бытует до сих пор,

Галина Аверина

Илья Британ: «ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!», или Неизвестное письмо И. Бухарина

Москва, Кремль, 1924 г.

Мой дорогой Изгнанник!

Вы совершенно неисправимы: ни тяготевший над вами расстрел, ни долгая ссылка к черту на кулички, куда мы упекли вас три года тому назад, не стесняясь вашим громким званием «члена Московского Совета», ни, наконец, высылка за границу, где мы хотели проучить вас прелестями «гнилого Запада» и тоскою по дорогой вам Москве, — увы, ничто не заставило образумиться вашу буйную никчемную голову. С одной стороны, говоря откровенно, мне эта ваша последовательность даже нравится, но зато, с другой — теперь для меня совершенно ясно, что обоим нам нет места под русским солнцем, и что вы сможете его увидеть только в том случае, если капризу истории (а по-вашему: богу) угодно будет вышвырнуть нас туда, где сейчас пребываете вы и вам подобные.

Помните, как часто я беседовал с вами «по душам» (хотя никакой «души» не существует, вздор), отлично зная, что вы отъявленный, никем не превзойденный «к-р», и что моя глупая откровенность нарушает «партийную дисциплину»? Но я все-таки не мог отказать себе в удовольствии еще и еще раз прийти к вам в ваш тихий потусторонний уголок, озаренный лампадками под образами, и поглядеть на вас, углубившегося в мистическую чепуху какого-то Федорова, Владимира Соловьева и даже Якова Беме которого, вероятно, никто другой в наши дни и в руки взять не решится. Помните, как я рассказывал вам о наших делах и делишках, сообщая самые невероятные случаи из советской и партийной действительности, которые, к сожаления, не были анекдотами, хотя и звучали хуже «скверного анекдота»? Как печально вы улыбались, например, тогда, когда я повествовал о наркомздраве опереточной Туркменреспублики товарище Дешевом, который намеревался в целях охраны красноармейцев от неприятных заболеваний, устроить советские публичные дома по последнему слову медицинскои науки и получил от партии выговор «за подачу явно не коммунистического проекта», к тому же еще украденного им у известного героя некрасовской поэмы; вы улыбались, а вот эротоманки из женотдела Ц.К. партии (так называемая «Центробаба»), они были в колонтаевском восторге…

Подолгу, иногда до рассвета засиживался я в вашей келье, находившейся вне времени и вне пространства, и не раз,

признаюсь, побаивался, как бы наши чекисты, коль они нагрянут к вам с очередным обыском и приглашением «на Лубянку», не застали бы одного из вождей «мировой революции» в этом столь не подходящем для него обществе… Где-то до обалдения трещали телефоны, разыскивая меня для того, чтобы потащить на ночное заседание Ц.К.; где-то в три этажа большим боцманским загибом ругался Ильич, которому докладывали, что меня «нигде нет», — а я продолжал выбалтывать вам такие вещи, о которых никогда не решился бы, да и сейчас не решусь сказать ни одного слова никому на свете…

Очевидно, это было с моей стороны простой человеческой слабостью, в чем я потом (и не один раз!) упрекал самого себя; но разве ваш Достоевский (смотрите: наизусть помню… Недаром, видно, вы прозвали меня «мальчиком из Достоевского»!) не говорит устами пьяненького Мармеладова: «Ведь, надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!»

Эх, все мы такие же «пьяненькие» (одни — от вина, другие — от мечты, третьи — от крови…), все мы — человеки, хотя вы не раз отказывали мне в этом малоуважаемом мною звании, — несмотря на то, что тоже любили меня (я это чувствовал!) сами не зная за что. Теперь, когда наш общий друг, которого раздирает «русская злая тоска», едет за границу отдохнуть от советского рая, мне хочется «пойти» к вам, вероятно, в последний раз, и я умолю этого питомца Маркса, Лермонтова и Бодлера передать вам в собственные ваши ручки сие письмецо, дабы хоть его не узрело всевидящее око Феликса, — кстати сказать, — пребывающего в состоянии мрачной коммунистической ипохондрии, эпидемически среди нас свирепствующ, ей после окончательной смерти Ленина и убившей хорошего, славного Лутовинова.

Итак, поговорим в последний раз и, как всегда, — на разных языках…

Как хорошо, что вас здесь нет! В эти дни никакое и ничье заступничество не спасло бы вас ни от Устюга и Нарыма, ни от более неприятного путешествия — «на луну»…

Паршивое времечко: приходится volens-nolens бросать жирные кости диким и ненасытным «низам» партии, которые, впрочем, здорово отощали в период «нэпа», спасшего нас от неминуемого краха; но иначе поступить, поверьте, невозможно, иначе это коммунистическое быдло разом опрокинет всю постройку, и мы рухнем в бездну вместо того, чтобы творить социальную революцию, которая, на самом деле, чертовски

запоздала… Мы здорово обманули тех, кто по глупости или по жадности к легкой наживе поверили в наше «всерьез и надолго», хотя не мы ли (и так недавно!) обобрали их и расстреливали, как бешеных собак. Мы обрекли в жертву коммунистическим илотам тех, кого сами же, и с таким трудом создали, чтобы их доить и стричь, а отнюдь не резать. Мы одной рукой маним к себе заграничный капитал, ибо иначе казне нашей — каюк, а другой — мы душим его у себя, ибо иначе… нас задушат.

Паршивое времечко! Но — встань сейчас сам Ленин, с телом которого у нас такая досадная и прибыльная для ученой шатии возня, и он, вероятно, только выматерился бы почище десятилетнего комсомольца и уехал бы на охоту или удрал обратно, не зная, что делать.

Ах, нет: может быть, он и только он придумал бы выход из этой дьявольской паутины! Ведь вы-то знаете, чем силен и, поэтому, велик был наш Ильич, которого вы совершенно зря величали слепым пророком третьей величины. Правда, вам известно, что Ленин был липовым теоретиком, и его, с позволения сказать, марксизм, ныне именуемый ленинизмом (слово почти неприличное!), действительно представляет из себя дурную мешанину из Бланки Бакунина, пугачевщины и, как вы добавили, чего-то от Федьки-каторжника; правда, вам ясно, что его философские познания были смехотворными, а книжка «Материализм и эмпириокритицизм» навсегда останется образцом крайней тупости в абстрактных вопросах; знаете вы и то, что даже политической экономии он смело мог бы поучиться у моих «свердловцев» % и я не раз публично и к ужасу партийного синода разоблачал его невежество и в этой области… Видите, как резок я сам и как искренен, когда речь идет о правде (но не… в «Правде»: простите за плохой каламбур, к тому же и не новый!), все это так, и только по дешевке купленные нами академики, сменовеховцы и прочая гредескуловщина должна думать и, разумеется, писать о нем иначе.

Но не вам ли я, и так часто, рассказывал о том, о чем говорится даже у Зиновьева, кому, как известно, при всем моем коммунистическом пиетете, я никогда не подам руки, чтобы не запачкаться, хотя бы за неуважение само политбюро пригрозило мне долгосрочным отпуском…

Вспомните! Когда летом 1917 года среди нас раздавались голоса о том, что надо идти к Керенскому «арестовываться» и, опровергнув на публичном суде сказочку о немецком шпионаже, доказывать со скамьи для подсудимых истины большевицкого Корана, кто, как не Ленин, остановил нас, изругав дураками, и предсказал переход к нам государственной власти через пару

месяцев?

Вспомните! Когда все, а в особенности Троцкий, настаивали на неприемлемости мира с немцами, кто, как не Ленин, заставил нас подписать «похабный мир» в Бресте, предсказав гибель Вильгельма и революцию в Германии?

Вспомните! Когда все мы, как бараны, стояли за крайний военный коммунизм и расстрелами заставляли проклятых крестьян отдавать нам весь их хлеб, кто, как не Ленин, увидав, что мы не сегодня завтра загремим, и негодяй Пахом отвинтит нам башку, закричал нам: «Стой! Хватит, болваны: воротите оглобли!» — и в последнюю минуту заставил нас перейти к «продналогу», как, между прочим, и называлась изруганная мною брошюрка Ленина, в теоретическом отношении — совершенно бездарная?..

Кто, как не Ленин, осмелился, к ужасу «чистых» коммунистов (а следовательно, и к моему ужасу!), провозгласить «нэп» и тем самым спас положение всей партии?

Кто, как не Ленин, обокрав сначала эс-эров, а потом и меньшевиков, стукнул им всем по голове, взял в руки дубинку и даже разговаривал лишь после того, как он сам все решит? «Не хотите? В таком случае, черт с вами: вы мне надоели, и я на дачу уеду», — громыхал он. И мы этого «на дачу уеду» боялись пуще Деникина; и молчали; и подчинялись; и все, вопреки теории и программе, получалось великолепно!

А не припомните ли вы, кстати, как однажды ночью мы встретились с вами на погруженной во тьму, тогда даже Ц.К. заседало при лампочке в 16 свечей, Пречистенке: Деникин был под Тулой, мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и «пети-мети», причем я, большой любитель птиц, серьезно собирался в Аргентину ловить попугаев Но кто, как не Ленин, был совершенно спокоен и сказал, и предсказал: «Положение… Хуже — не бывало. Но нам всегда везло и будет везти!»

А когда сатанинское кольцо блокады сжалось до такой степени, что мы подумывали о полной сдаче на милость победителей, кто, как не Ленин, говорил о том, что кольцо лопнет, и что он скоро побеседует с европейскими дипломатами за общим столом?..Ах, да что там! Таких озарений и пророчеств было без числа, и в этом мы почерпали веру в нашу победу даже тогда, когда глупые факты подкладывали нам свинью двадцать раз в сутки.

Да… если бы Ленин и теперь был с нами! О, я всегда говорил вам, что самое ужасное и самое контрреволюционное существо в мире (контрреволюционнее даже… вас!) это — Смерть: пока мы

работаем тут над освобождением пролетариата от экономического рабства, немец должен, слышите: должен, скажите это ему от нашего или, по крайней мере, от моего имени — выдумать средство против этой курносой меньшевички, иначе, право, будет мало и толка, и смысла даже в осуществлении на земле Мирового Союза Социалистических Республик. Бессмертие — это хоть и не написанный, но главный пункт нашей программы: говорю вам сие как ее автор.

Итак, мы — в пустыне и — без вождя!

Посудите сами…

Сталин — нуль и все спасение видит в одном (котором по счету?) миллионе трупов.

Каменев — нуль и поучает нас, как удобнее всего сидеть между двух стульев.

Крупская — нуль и просто — дура, которой мы, для очередного удовольствия «низов» и для пущего бума да шума разрешили геростратничать, сжигая библиотеки и упраздняя школы, будто бы по завету Ильича: на мертвых все валить можно, ибо они, как известно, сраму не имут..

Зиновьев… О нем разрешите не говорить, дабы не испачкать о него даже матерное слово.

Рыков — нуль и даже разучился острить (единственная его способность, будь он трезв или пьян к бесконечному удовольствию Луначарского, которого он прозвал Лунапаркским и Лупанарским, а вместо наркома совершенно правильно величает наркомиком Дзержинский — нуль, если, разумеется, дело не касается Г.П.У., в филиалы коего он превращает все решительно ведомства, куда мы его ни посылали.

Я? Ах, голубчик, и я — тоже нуль, если свести с трибуны или кафедры или вытянуть из-за письменного стола да приставить к «делу»: отлично зная себе цену, я поэтому сроду никаких должностей не занимал, тем более, что при моих спартанских вкусах — наклонностей к воровству не имею.

Знаю, вы ждете моего слова о Троцком. Но он всегда был политическим нулем, правда, большим нулем и останется им до конца своих дней, даже если судьба все-таки сделает из него коммунистического диктатора.

Прежде всего в Троцком, который поплелся в нашу партию накануне «октября», когда, конечно, это было для него единственным путем к карьере, в нем нет ничего истинного коммунистического; и поэтому, как всегда, прав был Ленин в своей нелюбви, в своем недоверии к нему.

Троцкий создал красную армию? Полноте: во-первых, если хотите знать правду, никакой армии у нас не существует, если не

говорить о парадах, о демонстрациях против мирного милитаризма (!) и об усмирении всяческих восстаний внутри страны, а один виднейший немецкий генерал, коему мы предложили взять на себя верховное инструктирование этой самой «армии», приехал в Москву, поглядел и махнул рукой, сказав нечто весьма нелестное и только рабфаковцами произносимое; во-вторых, не сам ли Троцкий выразился, что его армия — это редиска, красная снаружи и белая внутри, и недаром С.С. Каменев ее фактический вождь и царский служака, все еще не коммунист, загадочно крутит свои великолепнейшие усы и внушает неподдельный страх своим молчанием, которое таит в себе черт знает что…

Нет большего труса, чем Троцкий, и потому он так любит громкие хвастливые (и всегда — холодные и фальшивые) речи и демагогические словечки, хо-тя часто и путает в них, когда-то, например, к стыду нашему, процитировав в одном из своих знаменитых приказов по армии и флоту не более и не менее, как фразу Иуды-предателя: «Что делаешь, делай скорей», — не правда ли, даже для коммуниста — неудобно?

Помните, когда пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом и была вся сущность дискуссии, скрытая от непосвященных под тряпье теоретического спора!), Троцкий, имевший за собой на съезде большинство, потому что секретариат не доглядел, и были выбраны не те представители с мест, Троцкий в последнюю минуту испугался власти и ответственности и постыдно скрылся в кусты, как провинившийся Трезор.

А возьмите, наконец, последнее «выступление» Троцкого так дорого обошедшееся его легковерным друзьям, коих он просто-напросто предал («что делаешь, делай скорей»?) Зиновьеву и Сталину за 30 серебреников: без всякого труда мог он сесть на освободившееся, за смертью Ленина, место партийного диктатора, ибо и «низы», и так называемая армия были в этот момент за него, но он опять-таки постыдно струсил, по приказу «тройки» заболел, отправился на «погибельный Кавказ», где, подражая Николаю II, — он всегда кому-нибудь подражает, — стрелял ворон, а в Москву вернулся тихой стриженой овечкой, спевшись, с кем надо, и теперь вновь фрондирует на словах, которым уже никто не верит, угрожает войной всей Европе, подражая на сей раз, кажется, Павлу I.

Троцкий? — «И хочется, и колется, и маменька не велит…»

Он холодный, как ледышка, и только наивные люди его фальшивый пафос и наглость (наши партийные юдофобы давно это подметили), бесконечную наглость принимают за святой

огонь революции. Помните, как эта говорящая машина стояла у рампы Большого театра, принимая овации ирису тствующих дураков: задранный нос, лицо как у мумии, ни кивка. Чурбан, «гоголем»…

Ах, покойный Ильич говорил так просто, как дитя: так, мол, и так, мои милые; это мое мнение, и оно, я знаю, правильное; не согласны? Тем хуже для вас, но все равно я поступлю по-своему, а не по-вашему; прощевайте… Да, так говорят, с одной стороны, дети, а с другой — некоторые из мужичков, которые не любят витиеватости, и недаром внутренний облик Ленина во многом напоминает тургеневского Хоря. А Троцкий? Все — фальшь, все — ложь, все — поза (хуже Керенского!), все — самореклама и — еще раз — наглость…

Троцкий? Нуль — ваш, то бишь, к сожалению, наш товарищ Троцкий!..

Ну, стоит ли после этого говорить о четвертом сорте — о Красине о милом Крестинском (не доглядел, разиня, за нашими молодцами в торгпредстве!), о Сокольникове который помер вместе с Кутлером о Преображенском и других сынах старой гвардии? Ведь эдак, чего доброго, придется испачкать бумагу именем Стеклова…

Да, да, все — нули, а молодая гвардия, мои «свердловцы» да комсомольцы, «ленинский набор» и перебежчики из чужих партий плюс наши иноземные содержанки (у нас их — до черта!) — это уже не нули, мой милый, а такие минусы, с которыми — головы не приложишь, как разделаться!

Нуль, умноженный на нуль — это даже красные студенты знают, есть нуль; вереница нулей, хоть тянись она от Кремлевской стены до Тихого океана, тоже равна нулю, если слева нет другой цифры, а у нас и справа, и слева — шиш на граблях…

А воруют… Donnerwetter как воруют! Вор на воре взяткой погоняет…

Тут какая-то чертова загадка: почему люди, которые совсем недавно жертвовали собой, жили не хуже дорогих вам «подвижников церкви», истинными аскетами, вдруг полюбили особняки (непременно — особняки: квартиры хоть в 20 комнат — им мало!), шампанское, кокоток, да которые подороже, из балета, собственные поезда, «тридцать тысяч курьеров», а их жены — бриллианты в орех («нельзя ли с царицы?»), альфонсов и, конечно, десяток новых платьев в месяц, если не из Парижа, то хотя бы (с кислой миной) от Ламановой… В чем тут дело? Отчего, например, Иван Иванович который раньше десятки лет жил впроголодь со своей некрасивой женой, но тоже большевичкой,

который, получи он завтра миллионное наследство, все до копеечки отдаст его партии, отчего это он залез в особняк на Поварской, жену прочь, расписался с девочкой в 17 лет, раскрашенной да раздушенной, и бессовестно торгует своими визитными карточками: «Милый Коля, сделай такому-то — то-то и то-то», «Милый Феликс, освободи, пожалуйста, таких-то, коих знаю, как честнейших» и т. д. Ведь чуть ли не вся страна управляется такими дружескими «записками», покупаемыми подчас за такие деньги, на какие можно купить самые ценные автографы величайших гениев мира…

Фу, от партии пахнет «жареным» на расстоянии от Земли до Солнца!..

Ну, пусть Демьян пьянствует с буржуями, если ему кремлевского спирта мало для вдохновения: тут хоть для революции польза. Но как это у наших лучших товарищей, которые стоят за беспощадный расстрел взяточников, рука поворачивается делать то же самое, за что они час тому назад казнили другого? Разве не раздаются голоса за то, чтобы «самоснабжение» (по-старому — «кормление») — не грех, что с буржуя за «честное» дело, в виде подарка, разрешается получить, ибо это не взятка, где за деньги делают что-то «незаконное»…

О, диалектика революционного марксизма!! Вот до чего ты докатилась…

И недаром поэтому «глас народа» всех нас валит в одну кучу жуликов, куда однажды сунули даже бескорыстнейшего Жоржика а завтра, чего доброго, спихнут и меня, а вы знаете, что для меня деньги, комфорт — звук пустой, что для меня революция — все, и, потребуй она от меня жизни моей любимой жены, я спокойненько утоплю ее в умывальном ведре — медленно и мучительно…

В чем тут дело? Отчего воруют? Право, тут какой-то закон…

Ваше объяснение я знаю: вы дали его, обвиняя шантажиста и взяточника Малышева, который проделывал всякие гнусности, будучи следователем М.Ч.К.: «Где грязно, там всегда заводятся клопы», — изрекли вы трибуналу…

Позвольте, это же не так: революция не грязь, а священный огонь, и вы, которого, если уж говорить правду, я всегда считал революционером (да, да: не обижайтесь!), вы не смеете так обобщать единичные и случайные факты…

Ах, но дайте мне большого, честного революционера-коммуниста!!!

«Такой нэ бываэт», — скажете вы словами армянского анекдота…

Лжете! И вас все-таки надо расстрелять!..

Нет, шучу, шучу…

Вот, значит, каковы у нас теперь дела…

«Россия гибнет!» — воскликнете в свою очередь и вы, славянофил наших дней, верящий в «свет с востока» и в божественную миссию неблагодарного отечества. Известное дело, вы — поэт, а мы, хотя тоже романтики, по мнению некоторых, но мы творим наше дело не только пером и не только на бумаге, а также огнем и мечом на скрижалях проклятой суровой действительности…

Да, я, пожалуй, тоже романтик, и подчас — сентиментальный щенок, отравленный ядом иронии: до сих пор в Копенгагене дети вспоминают обо мне как о своем лучшем друге, а как-то в заседании политбюро я совершенно серьезно отстаивал одного из сильно провинившихся товарищей, который был мне дорог, потому что у него была… ручная галка, им самим, представьте себе, выдрессированная… Скажете, дурака валяю? Не знаю и знать не хочу…

Но при чем тут дети да галка? Давайте говорить о вашей России.

Помните ли, как вы однажды выгнали меня из своей комнаты, когда я — это было под утро — в жарком споре с вами открыл вам все наши карты, признав, что у нас нет никакой «советской власти», никакой «диктатуры пролетариата», никакого «рабоче-крестьянского правительства», никакого доверия к нашей дурацкой партии, а есть лишь очень небольшой орден вождей грядущей в мир социальной революции (наподобие тех «масонов», в которых вы, хоть и не по Нилусу но все же верите!), в ответ на ваше надоевшее мне сравнение нас с «бесами», выпалил, потеряв остатки хладнокровия, что Достоевского, к сожалению, нельзя расстрелять?

Вы, добрый друг Франциска Ассизского и «Христов рыцарь», не могли простить моего плевка в вашу святыню: хорошо еще, что, изгоняя меня из вашего храма, вы не имели в руках христианского бича… Не то я, пожалуй, за револьвер схватился бы!

Ах, и сейчас, несколько лет спустя, с удовольствием повторяю: Достоевского мы, конечно же, пальнули бы, да и Толстого прибрали бы к рукам, если бы он снова «не мог молчать» при виде нашей работы.

Но — зачем отвлекаться: очень рад, что их нет, и я вас огорчаю лишь платонически.

Да, выпалил я тогда здорово, и… что за лицо у вас было в эту минуту…

Но теперь я выпалю, предупреждаю вас, нечто похуже.

Россия? Что такое Россия?

Для вас даже в самом слове кроется некая «тайна»; для вас оно горит где-то в раю (но не в коммунистическом!) на престоле у вашего бога, который, разумеется, в ваших глазах представляет из себя космического монарха без намеков на конституцию; для вас это

Шесть букв из пламени и крови
И царства божьего ступней…

Ну, а для меня, для нас это — только географическое понятие, кстати сказать, нами, без малейшего вреда для революции, с успехом упраздненное; для меня это тоже слово, но — старое, никому не нужное и сданное поэтому в архив мировой революции, где ему и место.

Для меня современная Россия, т. е. С.С.С.Р. это — случайная, временная территория, где пока находимся мы и наш Коминтерн, которому (это в скобках!) ваш глупый Запад с его близорукими, безмозглыми правительствами деньги все-таки даст, ибо, как-никак, а социалисты скорее наши, чем ваши, даст, не понимая, что мы на эти самые фунты и франки зажжем Европу, проломим всем им приспособления для цилиндров…

Помните (я нарочно так часто напоминаю вам о прошлом!), как вы, став членом Московского Совета, лидером беспартийных, которые, будучи взяты нами для декорации в количестве 30 % всего состава этой говорильни, ни разу, конечно, не поддержали нас… даже тогда не поддержали, когда вы имели наглость потребовать от нас созыва учредительного собрания (это в 1921 году? Чудак!), помните ли вы свое громовое послание к Ленину, написанное вами как «народным депутатом»? Мы все ужасно смеялись, читая ваши искренние благоглупости, которыми вы хотели поучать нас, объясняя, что такое Россия и в чем ее истинное назначение. Ах, тогда вы сами верили в Ленина и думали, что царь-батюшка не видит того, что видите вы, и что злые слуги-советчики скрывают от его ясных очей горе и муку любимой вами и близкой сердцу цареву — России… Вы, в своей византийско-московской романтике, были так же, мягко выражаясь, наивны, как и все русские люди, питавшиеся подобной пищ, ей на протяжении целого ряда веков их глупой, глупой истории.

Нет, мой птенчик. Ленин и все мы (мы, т. е. орден!) понимаем русскую действительность не хуже вас, а знаем все, потому что от нас вездесущий Феликс, поставивший за спиной каждого советского гражданина по паре чекистов, не скрывает и не смеет

скрыть ничегошеньки…

Знаете ли, что сказал Ильич, имевший терпение (гордитесь!) до конца дочитать ваше послание, «полное яду»? А вот что, теперь открою вам: «Хороший он, по-видимому, человек и жаль, что не наш». Потом, откашлявшись, добавил: «И — умный, очень умный, но — дурак!»

Как вы понимаете, что то, что дорого вам как некая абсолютная самоцель («Россия», «Русь»), нас интересует лишь постольку, поскольку речь идет о материале и о средствах для мировой революции? Нам нужны — прежде всего более или менее прочный кров, а затем — деньги, как можно больше денег.

Для того, чтобы получить денежки, мы не только дважды обобрали (и еще двадцать два раза обберем!) девяносто процентов России, но и распродадим ее оптом и в розницу, потому что, господин патриот, вся она к нам с лихвой вернется в желанный час мировой революции, во имя которой «все дозволено», нет-с, мы для этого не постеснялись открыть у себя работающие круглые сутки государственные игорные притоны, организованные нам мужем жены нашего Левушки, «красным Распутиным», Мишкой Разумным. Ну, его самого мы ликвиднули и за ненадобностью (у нас в нашем финансовом ведомстве нашлись арапы не хуже!), и ввиду того, что он больно зазнался, скупив половину наших вождей, кого за деньги, а кого за девочек. Конечно, знаем: «что прежде было распутно, то ныне стало разумно», но и это — тайна коммунистической диалектики, до которой немецки-тяжеловесный Карлуша Маркс дойти, ввиду своей явной буржуазности, разумеется, не мог. Сие — прогресс!

Игорные дома? А почему нет! Мы, может быть, и проектиком товарища Дешевого воспользуемся: то-то смеху будет, и Гришке найдется, наконец, самый подобаюш, ий ему пост завгоспубдомами!

Э, мы и водочкой заторговали бы пуще покойника и, сами знаете, к этому готовились (Главстекло посуду работало; самогонке священную войну объявили!), да, скажу откровенно, испугались того же самого Пахома, который в трезвом виде смирнее телка, а в хмелю — уж больно буен и за вилы хватается…

Ну, а картишки да рулетка, лото и тотализатор — вещи невинные, детские, причем ведь еще кто-то из римских цезарей (ужасно люблю этих ребят, до «рыжебородого» включительно: всякие дураки от добродетели, вроде Тацита и Светония, ни черта в них не поняли!) правильно сказать соизволил, что деньга не пахнет… А хотя бы и пахла: революция не нервическая барышня, которой непременно нужны тонкие ароматы, и не гоголевская

городничиха, мечтающая об «амбре»… Она и священной проституцией брезгать не смеет!..

Да, ваша Россия, конечно, погибает: в ней теперь нет ни одного класса, коему когда-либо и где-либо жилось пакостней, чем в нашем совдеповском раю (кстати: если это — рай, то каков же совдеповский ад? Любопытно…): мы не оставили камня на камне от многовековой постройки «государства российского; мы экспериментируем над живым, все еще, черт возьми, живым народным организмом, как первокурсник-медик «работает» над трупом бродяги, доставшимся ему в анатомическом театре… Но вчитайтесь хорошенько в обе наши конституции: там откровенно указано, что нас интересует не советский союз и не его части, а борьба с мировым капитализмом, мировая революция, для которой мы жертвуем и будем жертвовать и страной, и собою (жертва, конечно, на Зиновьевых не распространяется!) без малейшего сожаления и сострадания к тем, кто нужен в качестве удобрения коммунистической нивы для ее будущего урожая…

А на все выкрики и упреки западного пролетариата, если вдруг он преисполнится любовью к вашей России и обрушится на нас за наши «зверства», мы сумеем ответить ему, что в ужасах русской жизни виновна мировая буржуазия, то насылающая на нас Колчака и Деникина, то «мирно» подкапывающаяся под устои русской революции отказом в кредитах, чем она мешает возродиться нашему хозяйству, в развитии которого так заинтересован весь мировой пролетариат; мы сумеем ответить ему, что наша страна находится в длительном переходном периоде, что лес рубят — щепки летят, что, наконец, отсталость и мелкобуржуазность русского народа требуют этих суровых методов борьбы, но что, конечно, Западу, где все давным-давно созрело, социальная революция поэтому не угрожает русскими прелестями… Ах, аргументов у нас сколько угодно: чем другим, а этим — богаты и сумеем очки втереть по всей линии со ссылками и на Маркса, и на французскую революцию, и… на что угодно, хоть на Библию, если английские товарищи этого, например, потребуют, ибо они — народ странный…

А кого нам бояться! Не вас ли, которым давно никто не верит, ибо… верить не хочет: буржуазия Запада, которую вы ненавидите, друг мой, более меня, думает (дура!) содрать с нас шкуру, колонизируя советский союз; а социалисты, пацифисты, гуманисты и прочая дряблая интеллигентская сволочь находится под обаянием наших громких лозунгов, которым этим кретинам кажутся похожими на их сладенькую чепуху, причем шум и треск, подымаемый нашими резолюциями, протестами, воззваниями и другими изобретениями коммунистической режиссуры, так

велики, что заглушают собой стоны и вопли наших жертв и разоблачения странствующих донкихотов по поводу «московских палачей».

Повторяю: вы нам не опасны, ну а если уж здорово будете безобразничать, станете нам поперек дороги, и в последний момент мы вас не сумеем купить.

Как это мы делали не один раз со сменовеховцами, то Феликс сумеет убрать вас с нашего пути, ибо его заграничные ребятки — не хуже московских. Я вам и фактик расскажу, и не про какое-либо сожжение неугодной нам книги (помните эту историю?), а куда серьезней и позанимательней. Однажды нашлась такая молодая особа, которая, поехав за границу по нашему делу, там нам изменила, а документы, характера очень пикантного, продала, кому не следует; выдать ее нам, конечно, отказали, тем более что хитроумная особа сия, в целях перемены подданства и укрепления своей позиции, срочно вышла замуж за иностранца. Однако наши ее разыскали, подкупили домовую хозяйку, подсунули под кровать этой синьоры бомбу, литературу, а затем донесли местной полиции, что, мол, такая-то — искусный агент III Интернационала. Не буду обременять вас подробностями, но скажу, что особу выслали к нам, а мы… сами понимаете, с каким удовольствием и «сердечным вниманием» Феликс помог этой молодой особе переселиться за границу этого мира!..

Так-то вот: запомните на всякий случай — тем более что казус преинтереснейший…

Ну а тут, у себя нам, и подавно бояться некого: тут мы — полные хозяева…

Страна, изможденная войнами, мором и голодом (средство, конечно, опасное, но зато — великолепное!), и пикнуть не смеет под угрозой чеки и так называемой армии, которые, поверьте, нами довольны, потому что приласкать преторианцев и гончих собак, насытить их по горло всякой всячиной — это наш революционный долг.

Да, забавная комбинация эта самая ваша Русь! Мы и сами часто диву даемся, глядя на ее пресловутое «долготерпение»… Черт знает, что делаем, а все благополучно сходит с рук, как будто бы все так и надо. Ну, конечно, Леонтьевский переулок Урицкий, Володарский, пуля в Ленина, убийство Воровского, кой-какие там восстания, но, право же, это пустяки, дешевка, а не серьезные издержки революции. О всяких там «социалистах» говорить, сами понимаете, не приходится: это жалкие банкроты, импотенты, слизь и трусы, которым мы, к обпд, ему для всех удовольствию, дали по башкам, да так здорово, что они раз и навсегда забыли про Балмашевых и Каляевых Но объясните мне

совершенно другое: ведь, почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, брата, дочь, сына или вообще близкого человека, и… Феликс спокойненько, почти без всякой охраны пешочком разгуливает (даже по ночам: помните, как мы однажды встретили его около Манежа?) по Москве; а когда мы ему запрещаем подобные променады, он только смеется презрительно и заявляет: «Что?? Не посмеют, пся крев!..»

И он прав: не посмеют… Удивительная страна!

Вот вы все бормотали мне своим исступленным шепотком о церкви да о религии; а мы ободрали церковь, как липку, и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при Г.П.У. мы воздвигли свою церковь при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма» закон божий — политграмотой, посрывали с детей крестики да ладанки, вместо них повесили «вождей» и постараемся для Пахома и «низов» (mundus vult desipi — ergo decipiatur открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом… Все это вам известно и… что же?

Дурацкая страна!

Что же касается почтенного обывателя, то он, дело известное, трус, шкурник и цепляется за нас из боязни погромов, анархии, которые чудятся его паршивой душонке и которые действительно настанут, если нас, чего доброго, чудом каким-то прикончат. Но народ, народ??

«Народ безмолвствует»… И будет молчать, ибо он, голубчик, не «тело Христово», а стадо, состоящее из скотов и зверей. Сознаюсь вам теперь в том, что однажды рассказанная мною история — не анекдот, как я тогда уверял вас, а самый настоящий факт: клянусь… Не понимаете, о чем я говорю? Забыли? А вот о чем: Ленин действительно изрек, что он боится, как бы ему в шутку не подсунули на подпись декрет об обязании всех граждан обоего пола в определенный срок целовать его на Красной площади в срамное место; он, по рассеянности, подмахнет этот указик, и вся страна станет… в очередь, да еще, добавлю я, появятся и такие, которые (не только сменовеховцы, но и поприличнее!) найдут в этом акте величайщую государственную мудрость, причем, конечно, Демьян Бедный и Валерий Брюсов разразятся гимнами, а всякие профессора и академики из бывших людей, просто так, за бесплатно, от избытка собственной подлости, завопят о гениальности, об новом откровении обожаемого «учителя»!.. Ну, что ж, очевидно, так и надо, и государство не есть какая-то там «нравственная идея», как

поучали меня в Московском университете, и не станет «Civitas Dei» как полагает ваш любимец, а, извините, нечто вроде чертова болота, где один класс непременно и с наслаждением душит другой, изредка снисходя до временного компромисса. А «человек» — это вовсе не звучит так гордо, как думает блаженный Максимушка, который, несмотря на свои петербургские гадости (кормление ученых при помощи господ Родэ: мы еле замяли скандал в сем «родэвспомогательном» учреждении!), невзирая на московские истерики и заграничное юродство, все-таки остается нашим босяком и посылает Ильичу свои запоздалые поцелуи… Нет, человек — это страшная сволочь, и нам с ним — хлопот полон рот, особенно теперь, когда, вместо того, чтобы голодать во имя будущего, он, черт его подери, изредка брыкается, заставляя нас тратить много сил, а главное — золота, на его околпачивание и на ежовые рукавицы.

Человек? Вне нашего ордена нет никаких человеков, а есть только «вриды», т. е., если вы уже забыли наш «великий русский язык», — временно исполняющие должность сих существ.

Но ничего, сойдет, все сойдет, раз палочка и все командные высоты коммунистического отечества находятся в наших малопочтенных, но крепких руках…

Да, Россия, народ, которых вы никогда не понимали в своем сахарном идеализме, принадлежат нам: только мы да еш, е, может быть (как это ни странно!), самые крайние правые, разные Говорухи-Отроки, только мы разгадали русский сфинкс…

«Народ безмолвствует» и… несет налоги: что и требовалось доказать.

Заговорит? Восстанет? Разин? Пугачевщина? — Заставим умолкнуть, утихомирим, дадим ему «papem et circenses» наконец, перепорем, перестреляем хоть половину страны, не щадя ни детей, ни стариков!..

Ну-с, а если не удастся, и мы все-таки загремим, то… скажите, пожалуйста, что мы теряем? Те, кто нам действительно нужны для дела мировой революции, останутся целы, ибо исчезнут они вовремя; а сотни тысяч живого материала, «низов», ягнят российского коммунизма… подумаешь, какая важность: этого добра нам не жалко ни капельки, а чем страшнее и ужаснее будет реставрация и въезд на белом коне нового «царя», тем скорее мы вернемся (такова диалектика истории!), вернемся, и тогда… не уставай, Феликс, работайте Лацисы и — «патронов не жалеть»!!

Да, терять нам почти что нечего: Россия далась нам даром, еще с приплатой, а уйдем из нее, если уйдем, с такими богатствами, на которые можно купить полмира и устроить

социальную революцию на всех планетах и звездах Солнечной системы. Подполье нас не пугает: не новость, и в нем есть свое обаяние для масс, а, повторяю (приятно повторить!), средств у нас — без конца, причем, на всякий пожарный случай, они давным-давно находятся за пределами досягаемости тех, у кого их отняли…

Ах, впрочем, к чему эти мрачные мысли: «нам всегда везло и будет везти!»

А русская свинья-матушка, которая терпеливо пролежала три столетия на правом боку, с таким же успехом пролежит еще дольше — до прихода Мировой Социальной Революции и на левом боку: на то она и свинья…

Теперь вам ясно, что я хочу выпалить? Нет еще? Фу, какой же вы на самом деле — дурак! Не ясно? Ну, в таком случае, получайте… на Россию мне наплевать, слышите вы это — наплевать, ИБО Я — БОЛЬШЕВИК!!

(Печатается по публикации журнала «Наш современник», М 8 за 1990 г.)

Примечания

День и месяц неразборчивы (И. Британ).

Федоров Н.Ф. (1828–1903) — русский философ-космист, Соловьев В.С. (1853–1900) — русский религиозный философ, поэт и публицист, Беме Яков (1575–1624) — немецкий философ-мистик.

Женотдел при ЦК РКП(б) существовал в 1919–1929 гг. И его заведующей была А.М. Коллонтай.

Лутовинов Ю.Х. (1887–1924) — деятель революционного движения. Участник «рабочей оппозиции» в 1921–1922 годах, покончил жизнь самоубийством 7 мая 1924 г.

Volens-nolens (лат.) — волей-неволей.

Бланки Огюст (1805–1861) — французский революционер, публицист.

«Свердловцы» слушатели Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, где читал лекции Бухарин.

Похоже описывает панику в октябре 1919 г. бывший заместитель наркома Внешторга Г.А. Соломон в книге «Среди красных вождей».

Пристрастие тогдашнего председателя Совнаркома к алкоголю было широко известно.

Игра слов: по-немецки Narr — дурак и Komik — комик.

Каменев С.С. (1881–1936) — в 1919–1924 гг. главком

вооруженных сил Республики.

Имеется ввиду партийная дискуссия конца 1923—начала 1924 годов.

Красин Л.Б. (1870–1926) — возглавлял наркоматы путей сообпдения, внешней торговли, был дипломатом.

Крестинский Н.Н. (1883–1938) — тогдашний полпред в Германии.

Сокольников (Бриллиант) Г.Я. (1888–1939) — тогдашний нарком финансов.

Кутлер Н.Н. (1859–1924) — бывший кадет, который после 1917 г. работал в Наркомфине и правлении Госбанка.

Donnerwetter (нем.) — гром и молния.

Вероятно — Скворцов-Степанов (1870–1924) — журналист и историк, в первом Совнаркоме ведал финансами.

Так в большевистских кругах называли Г.А. Соломона, в период дипломатической работы в Германии был обвинен в финансовых махинациях.

Бухарин жил в Копенгагене в августе-сентябре 1916 г.

Нилус С.А. (?-1930) — русский религиозный публицист, один из первых публикаторов «Протоколов сионских мудрецов».

Имеется в виду взрыв бомбы, брошенной анархистами в здание МК РКП(б) 25 сентября 1919 г.

Балмашев С.В. (1882–1902) — террорист, убивший министра внутренних дел России Сипягина.

Каляев И.П. (1877–1905) — эсер, убивший московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича.

Речь о «Христианском катехизисе…» московского митрополита Филарета (В.М. Дроздова).

«Азбуку коммунизма» Бухарин написал совместно с Е.А. Преображенским осенью 1919 г., в ней разъяснялись пункты программы партии, принятой VIII съездом РКЩб).

Mundus vult desipi — ergo decipiatur (лат.) — мир желает быть обманутым — так пусть и будет обманут.

Civitas Dei (лат.) — Божий град.

Panem et circenses (лат.) — хлеба и зрелищ.

Автор письма был предусмотрителен: оно напечатано на машинке и без подписи. Вместо подписи — мастерски изображена пятиконечная звезда, внутри которой сидят, как в клетке, попугаи, и написано: прилетайте и соединяйтесь.

О мемуарах Всеволода Рождественского

О том, что мемуары Всеволода Рождественского, мягко говоря, не внушают доверия, свидетельствует один из самых ярких эпизодов из их якобы совместной поездки в Детское Село, где Есенину непременно захотелось сфотографироваться у памятника Пушкину. Для этого он спозаранку разбудил местного старика-фотографа и чуть не силком потащил его в парк.

— Снимок, конечно, любопытный, но за него и в милицию можно угодить, — сетовал фотограф.

— Ничего, отобьемся, — успокаивал Есенин. Дескать, нам не впервой.

А теперь послушаем человека, который был свидетелем этой сцены.

Рассказывает С.Д. Умников, его выступление на Международном симпозиуме в год столетнего юбилея Есенина опубликовано в сборнике «Новое о Есенине». «Мне посчастливилось несколько раз встречаться с Есениным на его концерте в нашем студенческом клубе в Детском Селе (теперь г. Пушкин). Есенин не раз приезжал в студенческий клуб, выступал, гуляли большой группой в парках. И однажды решили сфотографироваться у памятника около лицея (…) Об этом ходят легенды, в частности, в воспоминаниях Всеволода Рождественского, где говорится, что Есенин «заставил фотографа снять его в обнимку с Пушкиным». Это неправда (…) На снимке Есенин почтительно стоит рядом с Пушкиным. Сопровождавший его Эрлих облокотился на плечо бронзового поэта. Есенина долго просили сесть рядом с Пушкиным на скамью, но он решительно отказался. В последнюю минуту на это место сел возвратившийся с купанья М. Яковлев (в одних трусах!). Никакой другой фотографии, где Есенин «обнимает» Пушкина, нет и не было, не могло быть, так как Есенин тогда очень почтительно относился к нему».

Далее Умников перечисляет всех студентов, активистов клуба поэзии, изображенных на этом снимке. Фотографировал их тоже студент этого клуба. У Вс. Рождественского говорится, что снимал фотограф-профессионал.

Умников делает вывод, с которым никак нельзя согласиться:

> *«Рождественский, конечно, не виноват, он пишет с чужих слов («за что купил, за то и продал»). Он не был свидетелем фотографирования и пишет, что Есенин один с фотографом ходил к памятнику».*

Разве может мемуарист, который так легко выдает желаемое за действительное, произвольно распоряжается фактами, свидетелем которых не был, внушать доверие и почтение? И разве можно доверять мемуарам такого сорта?

И не Есенина изобразил Рождественский в этих мемуарах, а по крайней мере воскресшего Хлестакова, который, как известно, был с Пушкиным «на дружеской ноге» и обращался с ним запанибрата: «Что, брат Пушкин?» Не потому ли «мемуарист» многократно подчеркивает «отсутствие твердого характера» у Есенина-Хлестакова и его легкомысленное (без царя в голове) поведение:

> *«Легкому, общительному характеру поэта чрезвычайно льстило заискивающее поклонение и скороспелое приятельство льнувшей к нему окололитературной богемы (…)*
>
> *Человек добрый и бесхарактерный, он легко поддавался всякому, кто поддерживал в нем пустое славолюбие и тяготение к саморекламному шуму».*

Можно цитировать и дальше. Так ли безобидны в передаче Вс. Рождественского «слегка» искаженные факты? Конечно, нет. Передернутые факты тянут за собой искажение личности поэта, а такая мелочь, как «щегольский пиджак» и «отутюженные брюки» на истерзанном, убитом поэте явно граничат с преступлением — лжесвидетельством.

Поэтому есть веские основания причислить этого литературного деятеля в штат «пособников морального убийства певца России».

О мемуарах Виктора Мануйлова

Нелегко и непросто доказывать объективность и достоверность мемуарной литературы, если сами исследователи оставляют за автором право пересматривать свои сочинения. И это вполне понятно. Открылись новые факты или документы, пиши по-иному, пересматривай свои взгляды.

Хорошо, если в таком случае мемуарист объясняет свою позицию.

Но вот жил себе человек, жил, служил, учился, работал, а спустя полвека взялся за перо и написал мемуары. Да еще какие! О своих встречах с Есениным. А он действительно знал Есенина и даже имел от него дарственную книгу. Все так. Но зачем надо было ждать для этого пятьдесят лет? Прямо скажем, такие мемуары настораживают. И не даром.

Речь идет о мемуарах Виктора Андрониковича Мануйлова. О добросовестности повествователя и достоверности поданного материала многое говорит хотя бы такой факт. В мемуарах 1972 года автор пишет:

> *«Была мимолетная встреча с Есениным в начале февраля 1922 года в Ростове-на-Дону в квартире поэтессы Нины Грацианской». И даже вспоминает завязавшийся недолгий разговор и стихи, прочитанные Есениным.*
>
> *А в мемуарах 1986 г. он уже напишет другое: «До сентября 1924 г. мне не пришлось встречаться с Есениным. Правда, однажды мы лишь ненамного разминулись, когда Есенин был в Ростове-на-Дону в гостях у поэтессы Нины Грацианской».*

Ну что тут скажешь? Память человека подвела? Или совесть внесла коррективы? Да нет, ни то, ни другое. Все проще. В двухтомнике 1986 г., где опубликован Виктор Мануйлов, поместили воспоминания и Нины Грацианской (Александровой). Она-то и написала, что второй приезд Есенина был очень коротким. Приехал в феврале 1922 г., посидел, поскучал, ни с кем не встречался и на следующий день уехал в Москву.

Так все и было, и осталось от Есенина ругательное письмо в адрес Мариенгофа «за то, что он вляпал его в эту историю». Не мог же Виктор Мануйлов в одном и том же сборнике писать о встрече с Есениным, которой не было.

Изучаем дальше. Отвечая английскому исследователю

Гордону Маквею, Виктор Андроникович пишет, что он познакомил Есенина со своими университетскими товарищами, и Лена Юкель (Лейла) пела Есенину его песни, положенные на персидский мотив. И было это в 1924 г., потому что в 1925 в Баку они не встречались.

А вот письмо Елены Борисовны Юкель, ныне опубликованное: «Моя подруга Ксения Михайловна Колобова была знакома с Есениным и привела его ко мне. Я жила в Баку (…) Это было в 1925 г., кажется, летом».

Как видим, здесь вообще нет и не могло быть Виктора Мануйлова, и знакомство состоялось без него.

Пусть это мелочи, и не стоило бы им уделять внимания, но обнаруженные факты подтасовки заставляют читателя более внимательно относиться к сочинителю.

А дальше — больше: не было встречи в 1922 г. в Ростове, не могло быть и в 1925 году на квартире у Софьи Андреевны Толстой, потому что Есенин тогда не жил у Толстой, и, хотя Есенин показан не в компании случайных трактирных собутыльников, а среди писателей, которых он искренне уважал, но не было всей той пьяной чепухи, описанной в воспоминаниях.

Виктор Андроникович пишет, что ехал в Москву ненадолго в пушкинские дни, а это значит, к 6 июня. Есенин же с Наседкиным и друзьями большой компанией уехали в это время в Константиново на свадьбу брата. И хотя по возвращении Есенин ушел от Бениславской, но ушел жить к Василию Наседкину, а не к Толстой. Не было и тех многочисленных встреч в Баку в 1924 году, о которых рассказывает автор, который якобы ежедневно наведывался к Есенину в гостиницу, потому что Есенин, остановившись в гостинице, фактически жил на квартире родителей Петра Ивановича Чагина. В том был его особый интерес: в это время в родительский дом вернулся из Персии брат Петра Ивановича Василий Болдовкин (1903–1963 гг.)

Василий Иванович оставил воспоминания об этих встречах довольно подробные (ныне опубликованы), и в них вообще не упоминаются есенинские друзья, да и пребывание Есенина в Баку было совсем недолгим.

Днем Василий Иванович знакомил Есенина с городом, вечерами, сидя на балконе, рассказывал про Персию, куда скоро должен был вернуться. Есенин собирался поехать с ним.

Василий Иванович направлен был в Персию в январе 1923 года сначала секретарем русско-персидского акционерного общества, а через год, уже будучи комендантом советского посольства в Тегеране, возил дипломатическую почту. В Персии находился до 1928 г. По возвращении жил в Баку, работал в

органах ПКВД, потом на разных должностях объединения «Азнефть».

Виктор Мануйлов был очень загружен работой днем и занятиями в университете вечером: «Военная служба — сначала на курсах, а затем в политотделе Каспийского военного флота — отнимала много времени». И потому не было многочисленных встреч с Есениным. Ну, а что же было?

Было у Виктора Мануйлова несколько встреч с Есениным в «Стойле Пегаса» в 1921 г., а 1 июля (или в день смерти Блока) в литературном особняке слушал его «Пугачева». А в 1924 г. могли быть встречи в редакции «Бакинского рабочего», где ежедневно бывал Есенин и даже вел поэтический кружок. Присутствовал Мануйлов и на выступлениях Есенина в клубе Сабира.

Были добрые отношения и даже некоторое расположение друг к другу. В честь приезда Есенина в Баку Мануйлов преподнес любимому поэту стихи, а поэт подарил книгу «Трерядница», на которой сделал надпись: «Дорогому Вите Мануйлову. С.А, Есенин, 23 / IX 24 Баку».

И на вечере 3 октября в клубе им Сабира, в день своего рождения, преподнес молодому другу еще один подарок, написал администратору записку: «Прошу пропустить тов. Мануйлова на сегодняшний вечер моих стихов, Сергей Есенин. 3/X — 24». И, как пишет Мануйлов: «Вечер был многолюдный и прошел с большим успехом». «Я долго хранил записочку к администратору».

Более того, именно по рекомендации Есенина в августе 1921 года в Москве Виктор Мануйлов был записан в Союз поэтов и получил членский билет. И разве этого мало, чтоб обстоятельно и сердечно описать все, как было?! И Виктор Мануйлов напишет, напишет сначала в своем дневнике в январе 1926 г., по-доброму и сердечно, а спустя полвека разбавит мутной, грязной водицей и опубликует стотысячным тиражом, но это будут уже не мемуары.

Мануйлов уверяет, что «в его воспоминаниях Есенин остался светлым, незамутненным», но так ли это? Один только разговор с хозяином гостиницы, в которой Есенин не жил, представляет собой, можно сказать, водевиль в чистом виде:

> *«Я тебе, милый человек, откровенно говорю: я не какой-нибудь интеллигент, чтобы скромности строить. И не буржуй, не нэпман я, а ты с меня шкуру дерешь! Один я такой. Да я в Москву буду жаловаться! У буржуев в Европе все дешевле!»*
>
> *«Сергей Александрович убеждал его, что он большой поэт, которому «все надо даром давать, лишь бы он только согласился взять». Хозяин махнул рукой и сделал*

уступку».

Одна сцена — и портрет готов. Уверяй потом, что Есенин был скромным, деликатным человеком: «О нем сразу создалось впечатление, как о кристально-чистом человеке подлинно рыцарской натуры, тонкой и нежной души»

(Георгий Леонидзе).

Справедливые слова, но так уж устроена человеческая память: спокойные, взвешенные интонации запоминаются хуже, чем живая сценка со скандальным привкусом…

В дополненных и расширенных мемуарах Мануйлов претендует на четыре года знакомства с Есениным, но при сопоставлении с другими источниками критики они не выдерживают. Видно, потому к этим мемуарам нет комментария — никто не взял на себя ответственность подтвердить или опровергнуть эпизоды описанных встреч с Есениным. А это значит, что и относиться к ним следует как к сомнительным и неподтвержденным. Многие факты «позаимствованы» из чужих источников и излагаются с явной тенденцией.

В биографии Мануйлова есть значительный факт (но в мемуарах о Есенине Виктор Андроникович почему-то обошел его полным молчанием). Мануйлов был на Пушкинском юбилейном празднике, но это было в 1924 г. Будучи студентом Бакинского университета, он сопровождал в Москву своего учителя — профессора того же университета Вячеслава Иванова. Пушкинский праздник советское правительство устраивало с большим размахом, было много гостей. Луначарский пригласил Вячеслава Иванова. Тот согласился выступить на торжествах, имея намерение испросить потом разрешение на отъезд за границу с семьей.

На этом юбилейном торжестве от имени общественности Есенин возложил цветы к памятнику, читал свое стихотворение. Не мог Мануйлов этого не знать, но он предпочел рассказать о другом.

Принято считать, что кавказский период — самое благотворное время в жизни Есенина: мол, жилось ему легко и беспечно, и потому легко и плодотворно работалось. Правда, но не вся. Даже в это время жизнь Есенина не была такой безоблачной.

Перед его приездом в Баку в местной газете появилась заметка, бросающая тень на его имя. Вот что писал в связи с этим журналист М. Данилов:

«Тебя здесь продолжают грызть в бакинской газете «Труд» (5 и 8 окт. 1924 г,), какой-то Гольдберг прислал целую статьищу строк на 350–400, в которой неопровержимо (для него) доказывает, что ты упадочник».

Из дневника Виктора Мануйлова 1926 года можно более наглядно представить обстановку, которую искусственно создавали вокруг Есенина. В клубе Сабира на вечере, который «прошел с большим успехом», Есенин попросту поддразнивал тех, кто сидел в первых рядах, а в первых рядах «сидели некоторые требовательные критики» и по-разному воспринимали «вызывающие интонации»:

Ну, говори, сестра.
И вот сестра разво-о-дит.
Раскрыв, как библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Е-нгельсе…
Ни при какой погоде
Я этих книг, ка-нешно, не читал.

Чтобы понять и осмыслить хотя бы некоторые описанные в мемуарах эпизоды и поведение лиц, в том числе и Есенина, надо знать, что было и как было на самом деле, надо знать факты. В 1924 г. в Баку произошел инцидент, связанный с именем некоего Гольцшмидта, о котором в воспоминаниях Матвей Ройзман рассказал весьма забавную историю.

«В жаркий июльский день 1922 г. вышел из одного подъезда в костюме Адама «футурист жизни» Владимир Гольцшмидт, а с ним две девушки в костюмах Евы. Девушки несли над головой футуриста полотнище, на котором крупными черными буквами было намалевано: «Долой стыд!»

Зычным голосом новоиспеченный проповедник стал объяснять толпе, которая сразу собралась, о том, что самое красивое на свете — человеческое тело, а люди, скрывая его под одеждой, совершают святотатство. Толпа тотчас окружила голых проповедников, а старушка с криком: «Ах вы, бесстыжие!» — начала дубасить одну из девиц (…) Возник скандал. Милиционеры препроводили всех троих в отделение, а после суда «футурист жизни» и его спутницы были высланы из столицы на три года».

Выступал Владимир Гольцшмидт обычно с поэтами-футуристами Маяковским, Бурлюком, Каменским, но не как поэт, а как цирковой артист (используя современную терминологию,

как культурист), демонстрируя силовые номера и свои бицепсы.

В 1924 г. Гольцшмидт предложил Есенину совместное выступление в Бакинском театре. Поэт отказался, возможно, потому, что уже дал обещание студентам выступить в их клубе. Ни слова не сказав Есенину, Гольцшмидт тотчас отправился к директору театра и договорился о совместном выступлении. Директор с радостью согласился и тотчас распорядился о продаже билетов, а Гольшмидт взял на себя обязанности оповестить жителей о завтрашнем выступлении.

Все это узнал Есенин от студентов, которые утром толпой ввалились к нему в номер гостиницы. Наперебой, шумя и возмущаясь, рассказывали они, что в городе расклеены афиши о выступлении Есенина в обещанные часы. Мол, как он, Есенин, собирается выступать одновременно в двух местах, и будет ли у них сегодня его выступление? И в этот момент на пороге комнаты возник сам виновник скандала. Очевидно, он пришел к Есенину объясниться и поставить его перед фактом: студенты, как известно, народ всегда безденежный, а в театре уже были проданы все билеты.

Его появление вызвало немую сцену: студенты, только что хором говорившие, замолчали от неожиданности. Гольцшмидт молча стоял, держась за ручку двери, а Есенин тоже молча взял со стола недопитую бутылку и пустил ею под ноги пришедшего. Брызнули осколки. Футурист, ни слова не говоря, шагнул за порог и с такой силой «прикрыл» дверь, что дверную ручку унес с собой, а внутренняя медная пластинка со звоном упала на пол. Обалдевшим студентам Есенин только и сказал:

— Раз обещал, значит, буду.

Вечером Есенин с большим успехом выступал в студенческом клубе, а в театре вовсю бушевал скандал, публике возвращали деньги за проданные билеты, а «футурист жизни» еще днем покинул город.

А много лет спустя в расширенных мемуарах уже известный ученый Виктор Андроникович Мануйлов так опишет эти события:

«Есенину уже порядком надоели публичные выступления, но все же удалось уговорить его еще раз выступить в университете. В назначенный вечер самую большую аудиторию до отказа заполнили студенты и преподаватели. А Есенина не было. Как один из устроителей, я побежал за ним в гостиницу, благо она находилась неподалеку. Как ни в чем не бывало, вернувшись с дружеского обеда, Есенин крепко спал в своем номере. Разбудить его не было никакой возможности. Пришлось объявить собравшимся об отмене вечера из-за внезапной болезни поэта. Пошумели, поулыбались и разошлись».

Это тот самый вечер, который прошел с большим успехом и на котором Мануйлов присутствовал по личной записке Есенина.

«Как же так можно?» — спросит возмущенный читатель. Должно быть, можно. Так писались заказные мемуары и так покупались профессорские звания: несмотря на немалые литературоведческие заслуги Мануйлов все еще ходил в доцентах.

Подобная ложь распространялась и при жизни Есенина, поэт знал об этом. «Что я им сделал?» — спрашивал он друзей, но никогда не оправдывался. Это противоречило его принципам и его порядочности. Тем наглей и циничней становилась ложь. И ведь что странно: мало кто из мемуаристов действительно не любил поэта. Да тот же самый Виктор Андроникович 29 декабря 1925 г. сразу по получении известия о смерти Есенина записал в дневнике: «29-е несчастное для меня число. Сегодня в редакции «Молодой рабочий» узнал о самоубийстве Сергея Есенина. Целый день все не клеится, все думаю о нем». «О Ленине, говорят, так не жалели».

И хотя потом, через много лет, расширял и дополнял свой дневник, но этих слов не приводил никогда. А еще в дневнике есть такая запись:

«Некий литературный деятель, прочитав полученную телеграмму о смерти Есенина, разразился руганьюпо адресу босяка и хулигана… А на панихиде тот же деятель, который вчера ругался в редакции, теперь распространялся о трагедии поэта. Все эти самодовольные лицемеры, отворачивавшиеся от Сергея при жизни здесь, среди нас, в Баку, — теперь говорили о потере величайшего русского поэта (…) Слишком было тяжело, даже не от самой потери, а от всей этой гадости неудержимого словоблудия». А закончил он такой фразой: «Было жаль, что Сергей не может прийти сюда и запустить во всю эту публику увесистой бутылкой».

В этих словах неподдельные горечь и боль. Это крик его души.

«Любовь к Есенину сблизила нас с Петром Ивановичем (Чагиным), я бывал у него в редакции и дома, однажды даже вместе с Есениным. Чагин приглашал меня стать штатным сотрудником «Бакинского рабочего», но военная служба и занятия в университете не оставляли мне для этого времени».

Об этом свидетельствует и стихотворение, посвященное Есенину:

Есенин, здравствуй!
Снова, снова

Идущий впереди меня.
Ты даришь солнечное слово.
Российской удалью звеня!..
Ты знаешь сам — когда устанем
От суеты в пустой борьбе,
С какими жадными устами
Идем за песнями к тебе.
Будь навсегда благословенен
За каждую твою строку.
Тебя приветствует, Есенин,
Наш вечно пламенный Баку.

Виктор Андроникович, как многие молодые, служил двум богам: поэзии и революции. Как подающий надежды поэт, он не мог не любить Есенина, а как военный человек и член партии обязан был выполнять установки пролеткульта.

«Для пролеткультовцев многое неприемлемо в Есенине, но главное и основное (…) «есенинский патриотизм». Тут уж Есенин воистину не имеет себе подобных в современности. Как будто самые понятия «большевизма» и «патриотизма» не являются взаимно исключающими».

Так откровенно не заявлял никто. Опубликовано это не в мемуарах, а в «Сборнике статей «На путях искусства». Изд. Пролеткульт, Москва, 1926 г. В некрологе газеты «Бакинский рабочий» журналисты назовут Есенина своим сотрудником. В «Заре Востока» Есенина тоже по-настоящему любили и ценили, он даже собирался стать редактором литературного приложения к этой газете. В траурном объявлении газета, по словам Г. Леонидзе, тоже назвала поэта «сотрудником и товарищем».

Есенину не удалось главное, с чем он приехал на Кавказ: объединение писателей в содружество. Для политиков того периода это было неактуальным, готовились новые бои, новое наступление по всем фронтам. Готовилась революция в деревне, т. е. «раскрестьянивание», одно из самых чудовищных преступлений большевиков против своего народа…

Почему уничтожены есенинские музеи

Чтобы понять это, надо рассказать о человеке, который тесно связал свою судьбу с Есениным, хотя родился после его смерти, в 1928 году. Это Иван Андреевич Синеокий. Есенина прочитал только в 17 лет, а было это в 1945 году, и заболел Есениным на всю жизнь. Недолго прожил Синеокий, всего 51 год, но сделал то, чего до него не удалось сделать ни Софье Андреевне, ни читателям, ни почитателям поэта. Синеокий создал музей Есенина. Сначала в Ялте, потом в Омске, куда переехал и перевез все экспонаты, и одну комнату выделил под музей.

Рассказывает Валентина Евгеньевна Кузнецова: *«Коллекция Синеокого — в духе старой культурно-просветительской традиции русских собирателей. Это и музей, и архив, и библиотека, своего рода Есенинская Академия, с удивительной полнотой вместившая разнообразнейшие свидетельства о жизни и деятельности: почти все прижизненные издания книг Сергея Есенина, все сборники стихов, все собрания его сочинений, огромное количество фотографий поэта и тех, кто попадал в поле общения с ним. Письма, рукописи, воспоминания видевших или слышавших выступления поэта, переписка с сестрой Есенина Шурой, сыном Константином, дочерью Татьяной Есениной, с современниками…*

158 адресатов находилось в постоянной многолетней переписке с Иваном Андреевичем Синеоким в 1978 году. А контакты в музее и тысячи писем… И все их хранил и считал важным как доказательство народной любви к поэту и его поэзии.

Коллекция не была достоянием одного хозяина. К Синеокому обращались в письмах ученые-литературоведы, собиратели-есениноведы, историки, учителя, студенты, школьники. В архивы в то время попасть было не так-то легко, как и в Ленинскую библиотеку, а Синеокий отвечал всем. Отвечал обстоятельно, доказательно, обосновывая свои доводы ссылками на подлинные источники.

Квартира превратилась в музей, о котором прекрасно знали в городе. Письма доходили и без указания точного адреса».

Но вот… случилось то, что должно было случиться рано или поздно: Есенинский музей «открыли» сотрудники (тайные или явные) известных органов.

8 апреля 1968 г. музей посетила Августа Миклашевская и оставила в дар Синеокому свои фотографии с подписью: «За любовь к Есенину». В мае 1969 г. музей в Ялте посетила Анна Борисовна Никритина. В книге отзывов написала: «Я просто поражена, удивлена и даже потрясена Вашей любовью, Вашей

замечательной редкой коллекцией». Следом с такой же восторженностью пишет Всеволод Рождественский, что слух о ялтинской коллекции есенинских материалов по Руси идет… «Ваше собрание уже приобретает характер музейной ценности и тем самым становится явлением общественной значимости».

Потом музей посетили Илья Шнейдер и, конечно, Виктор Мануйлов. Он-то и объяснил, как появились его мемуары: «Считаю своей обязанностью и большой честью написать для Вашего собрания воспоминания о встречах с Есениным».

Свои воспоминания музею Синеокого написали В.А. Рождественский, А.Б. Никритина, Л.Миклашевская, А. Лаппа-Старженецкая, Е.Ардов.

И надо прямо сказать, что все эти мемуары «сомнительного происхождения». И потому все в большей или меньшей степени подходят под ту оценку, которую дала Александра Есенина. «Возвращаю Вам Вашу рукопись. Читала я ее с трудом и с чувством досады. Вы совершенно не знали и не поняли Есенина. Извините, что приходится давать такой отзыв, но такого Есенина, как описываете Вы, я не знаю» — так ответила Александра Есенина, возвращая рукопись Анне Алексеевне Лаппа-Старженецкой. Так можно ответить и другим.

Сын поэта Константин Есенин в 1977 г. оставил в книге такую запись: «Иван Андреевич! Ваша коллекция, поистине уникальна. Все, кто любит Есенина, а тем более носит эту фамилию, должны быть Вам «в пояс» благодарны за труд, который вложен в это собрание. Верю, что у «Есенианы» — хорошее будущее, что все, кто не «на постах», и те, кто «на постах», помогут Вам в Вашем благородном патриотическом деле».

«Ну и где же теперь этот музей?» — спросит читатель. Нет этого музея. «Иван Андреевич Синеокий скоропостижно скончался в 1979 году, а его редчайшее собрание ушло на сторону», — объясняет Валентина Евгеньевна Кузнецова. «Иван Андреевич словно предчувствовал, что жизнь его будет коротка: пытался пристроить свою коллекцию и стучался в двери администрации Москвыу предлагал свою коллекцию для будущего литературного музея Есенина в столице (его и до сих пор нет в Москве), и в Константиново стучался. Не успел пристроить… Такая была коллекция. Была. Уникальная коллекция. Первый музей Есенина. Не сберегли. Не сохранили. Не помогли…»

Не помогать и сберегать бросились эти люди. Их неожиданное вторжение вызвало панику. Музей такого диапазона и без документов спецхрана мог все рассказать и объяснить: и трагедию Есенина, и трагедию России. Должно быть, с тех пор

начались все беды первого Есенинского музея и его создателя.

Музей посетили не только рядовые граждане. Здесь побывали и те деятели, от которых многое зависело, они искренне восторгались уникальным собранием и взывали о сохранении. В книге отзывов оставили запись спецкор «Известий» Берников и заведующий сектором литературных музеев НИИ культуры Н.П. Лощинин:

«Разные бывают квартиры-музеи, но эта — уникальная… Этот дом — не коллекция, не хобби. Это — наука. И человек, в совершенстве овладевший ею, вправе называться ученым, достойным самых высоких научных степеней».

«Вызывает восхищение и преклонение деятельность И.А. Синеокого, страстного энтузиаста, влюбленного в Есенина, сумевшего установить тесные контакты со многими лицами, знавшими Сергея Александровича». Но, видно, такие вопросы не они решали. В судьбе Ивана Андреевича Синеокого и его музея сконцентрированы ответы на все есенинские проблемы: почему погибли все есенинские музеи (Софье Андреевне Толстой тоже не дали открыть музей), почему многотысячными тиражами издается макулатура о Есенине, почему энтузиасты типа Синеокого пополняют список жертв. Нынче в Москве сотрудница есенинского музея сказала мне:

— Это все равно, как погиб Есенин, важно только знать его поэзию. Он тем и интересен для нас. Вот такой музей будет жить. Зачем его уничтожать?

Работая над систематизированным сводом воспоминаний современников «Есенин в жизни» (Калининград, Янтарный сказ, 2000), авторы книги Евгений Гусляров и Олег Карпухин на себе ощутили ту непомерную ношу, которую нес поэт Есенин.

«Трагический исход этой жизни объясняли по-разному. Но, в основном, не понимая его. Даже крупные проницательные умы не могли постичь этой трагедии, поскольку судили поспешно и лишь по самым ярким внешним проявлениям. Внешнее в Есенине всегда затмевало то, что скрыто было в тайниках души.

Эти поспешные суждения исказили на долгие годы и посмертную историю русского гения, принизив и опошлив драму его жизни.

У Есенина не было великой любви к женщине. Прежде, до поездки по свету, им руководили три любви: к России, поэзии и славе. Теперь осталась только любовь к России. И не любовь это была, а болезнь — безысходная и неизлечимая. И все, что касалось России, теперь входило в его сознание и душу отравой и новой мукой.

Он видел, что с Россией происходит не то. Первоначальные

восторги исчезли, и он увидел, что Россию в нечистой игре выиграли шулера и проходимцы. Стала она на веки вечные страной негодяев. И ничего уже не поправить. Оставалось только кричать, пока свинцовый кляп не прервал этого крика.

И пил, и скандалил, и плакал он только об одном. Он чуял уже гибель России. И вел себя так, как должен был вести себя последний в этом мире русский. Метаться и кричать, чтобы упасть потом кровавым комком на землю и затихнуть. Возможно, и был он этим последним, поскольку один ясно ощущал те великие, непоправимые утраты, о которых мы стали подозревать только теперь. Нам, у которых нет такого отточенного талантом звериного чутья на собственную погибель, может быть, и в самом деле надо пропустить столетия, чтобы осознать, наконец, что русских после того, что с ними произошло, и в самом деле уже нет, как нужны были столетия, чтобы итальянцам догадаться, что они уже не римляне, грекам, — что они не эллины. Слеза Есенина, пополам с хмелем и кровью, не она ли была предвестием и пророчеством нашего нынешнего окончательного разора и падения, преодолеть которое, пожалуй, нет надежды.

Пусть то, что мы видели, только тень или отражение, но и тут можно было уже угадать ту жестокую муку, которая ему выпала. Мы не ожидали, что книга представит эту жизнь в таких страшных подробностях. И тогда у нас возникла даже мысль остановиться. Так ли уж понятна будет теперь эта мука? Нужно ли сейчас напоминать о непрошедшей русской боли в таких обнажающих деталях?»

Вот вам пример того, что может вдумчивому исследователю объяснить мемуарный материал, собранный таким энтузиастом, каким был Иван Андреевич Синеокий. И вот вывод, к которому пришли составители свода воспоминаний современников «Есенин в жизни» Евгений Гусляров и Олег Карпухин:

«Продолжающаяся трагедия отечества не дает нам права забывать о трагичнейшей судьбе величайшего из ее печальников и певцов».

А в Ялте музей Синеокого в 1974 году посетил еще один литературный деятель — Семен Петрович Кошечкин, литературовед и критик, член Союза писателей, старший научный сотрудник ИМ ЛИ, заслуженный работник культуры. Посетил и, наверно, мог помочь сохранить уникальный музей, все же был тогда заместителем главного редактора отдела литературы и искусства центральной газеты «Правда». Нет, не помог, как и его предшественники, хотя тоже «дал высокую оценку есениниане». — так написал Синеокий Александре Есениной.

На Семена Петровича Кошечкина коллекция, видно, подействовала весьма благотворно, отныне и до конца он обращается только к Есенину. И последовали, как из рога изобилия сборники, рассказы, доклады, этюды, рецензии — книги и все выше перечисленные заслуги Семена Петровича.

Однако странно, что ведущий специалист Института мировой литературы, предлагая не отказываться от горбачевского авторства «Послания…», так и не назвал автора статьи. Случайная оплошность? Нет? Все указал: газету, город, даже число, а имя автора назвать забыл.

А назови он автора, даже несведущий читатель, едва знакомый с мемуарной литературой, тотчас воскликнет: «Тоже мне авторитет! Нашли, кого слушать!» Неизвестный автор, опубликовавший еще в 1949 году в нью-йоркской газете «Новое русское слово» статью о горбачевском авторстве «Послания…» — Родион Березов, он же Акульшин. Ни имени, ни фактов, ни доказательств, просто ссылка на эту статью. Но статьи-то никакой нет. Есть мемуары о Есенине, насквозь лживые, от слащавости которых Бунина, по его же выражению, просто тошнило. И есть мимоходом брошенное замечание якобы услышанного разговора между приятелями: на вопрос писателя Войтоловского об авторе «Послания…» Демьян Бедный ответил, что автор «Послания…» — советский служащий Горбачев, тридцатипятилетний субъект. И ненавязчиво, как бы между прочим, Р. Березов добавил:

«Привожу этот разговор для того, чтобы развеять легенду, которой уже двадцать два года: вне литературных кругов Советского Союза в Европе и Америке очень многие до сих пор думают, что стихотворный памфлет на Демьяна Бедного написан Есениным».

И уже совсем между прочим изрек маленькое добавление: «Позже я узнал, что советский служащий Горбачев был сослан на пять лет в концентрационный лагерь. За что? За то, что посмел

оскорбить кремлевского поэта».

Вот эта капелька яда и сумела отравить всех неверующих. Не потребовалось Березову ничего объяснять, убеждать, доказывать. Просто придумать жалостный финал советского служащего, пострадавшего от красного кремлевского поэта, и тем окончательно убедил самых стойких и победил самых непобедимых.

Откуда же читателю было знать, что ни в каком концлагере Н.Н. Горбачев не сидел, что чекисты весьма усердно позаботились о его судьбе и потому свой 9-й Октябрь автор криминального стихотворения уже встречал на свободе. Автора досрочно освободили, ни минуты лишней не сидел, а неавторов только за хранение в списках есенинского «Послания…» сажали и даже уничтожали. Как понять такое несоответствие? Читатель, тем более зарубежный, не мог всего этого знать. Это мог знать и, конечно, знал литератор Родион Акульшин. А чтобы убедиться в том, достаточно познакомиться с фактами его биографии.

Что известно об Акульшине-Березове? Появился он в Москве в 1923 году как крестьянский писатель. С Есениным познакомился осенью 1923 года. Хорошо знал его сестер. Женился на подруге З. Райх — Зинаиде Вениаминовне Гейман. Проявлял интерес к личности и поэзии Есенина, но в друзья Есенину не набивался. Сблизился с Василием Федоровичем Наседкиным, с которым сотрудничал в газете и о котором тепло и сердечно в воспоминаниях написал:

> *«Родное, деревенское сблизило, спаяло на много лет, вплоть до осени 3 7-го, когда друг исчез вместе с тысячами, миллионами других людей».*

Только вот в протоколах допроса Наседкин напишет другое. Протоколы допроса, «тюремные мемуары», он писал сам. В них читаем, что он отошел от Акульшина уже в 1934 году. Именно он, Акульшин, зная о контрреволюционных настроениях Василия Федоровича, приходил к нему «с коробом новостей, одна другой страшнее». «После его ухода (я) совершенно выбивался из колеи. Я болел по три-четыре дня».

Не странно ли, что после таких признаний матерого контрреволюционера, террориста и антисоветчика друг его оставался на свободе: «несудим», «не привлекался», «не ссылался», а пострадали и погибали другие, кого Родион называл своими друзьями.

Искренно и сердечно напишет Акульшин: «Большинство из тех, кому я пел частушки на родине, умерли, сосланы или расстреляны». И такая искренность и чистосердечность весьма

располагает читателя. Однако хочется спросить автора, как же ему удалось избежать репрессий, выжить в этой круговерти? Он что, был вне подозрений? Погибали все вокруг, а Акульшину почему-то необыкновенно везло. Везло в 20-е годы, в годы террора, везло в 30-е. Повезет ему и в Великую Отечественную, несмотря на то, что, будучи в ополчении, попал к немцам в плен. Был в лагере «ди-пи», затем эмигрировал в США.

Надо же, и в плену благополучно выжил, благополучно избежит Воркуты и Колымы и благополучно окажется в Америке, где присоединится к общим знакомым. Он и сотрудничать станет в той же газете — «Новое русское слово». Необыкновенно везучий человек!

Чистосердечные и искренние мемуары о Есенине расположили зарубежных читателей, но вот нашим читателям полезно знать, что Березовым он стал в Америке, скрыв свою настоящую фамилию и дав о себе неверные биографические сведения. В США приехал с фиктивными документами, о чем сам сообщил властям, когда вышел закон о «ди-пи». Власти приговорили его к депортации, но вмешались влиятельные люди. Дело Березова длилось семь лет и было названо «березовской болезнью». Об этом — в Антологии «Берега» (Филадельфия, 1992 г.) написала Валентина Алексеевна Синкевич.

В заключение следует сказать совсем невероятное: мемуары о Есенине Акульшин-Березов опубликовал еще в 1944 году. Вот как обернулся для него немецкий плен! И где бы вы думали опубликовал? В Минске! Да, в оккупированном немцами Минске, о чем написал минский журналист, есениновед Петр Иванович Радечко:

«С величайшим трудом нашел в одном из архивов Минска журнал «На переломе», вышедший в феврале 1944 года при немцах, и переписал из него очерк Р. Акульшина (Березова) «Цветок неповторимый». Еще больших трудов стоило установить, что этот журнал вышел в Минске, предыдущий — в Бобруйске, а все предыдущие выходили в Смоленске (Н.Г. Юсов знал это. А если знал он, то тем более осведомлен был Сергей Петрович Когиечкин).

Ну что тут скажешь? Не Акульгиин-Березов, а Штирлиц, да и только! Полагаю, что сведения эти вполне проявляют лицо Родиона Акульшина и могут заинтересовать не только есениноведов.

Лев Колодный назвал таких писателей «литературными работниками невидимого фронта», или просто — «искусствоведами в штатском». Вот и выходит, что написал это Наседкин в протоколах допроса неспроста, чтобы потомки знали,

кто есть кто.

Есенин возвращается?

В издательстве «Поверенный» города Рязани в 2004 году вышла книга Г. Авериной «Есенин и художники». Член Петровской академии наук и искусств Владимир Крылов во вступительной статье отмечает достоинства авторского исследования.

Обладаюпдая ярким художественным талантом, Г. Аверина окончательно утвердилась в давно выношенном мнении: в явлении «Есенин» все закономерно, он был избран богами искусства в свои ученики и стал их выдающимся «подмастерьем».

Увлеченно и самозабвенно работая над темой «Есенин и художники», которую она начала еще студенткой, Галина Ивановна завершила ее, будучи зрелым исследователем изобразительного искусства.

Книга-исследование Г. Авериной — первая попытка рассказать о личных и творческих взаимоотношениях Сергея Есенина с художниками его времени. Живописцы, графики, скульпторы, театральные художники разных поколений были в числе знакомых поэта, а некоторые и друзьями. В опубликованном списке 75 имен известнейших деятелей русской культуры первой трети XX века. Талант великого лирика пестовали не менее великие живописцы. Им было суждено запечатлеть для истории облик поэта в развитии, от юного с кудряшками волос работы Бенуа до посмертного рисунка Сварога.

Г. Аверина пишет: «Читая строки Есенина: «Я теперь скупее стал в желаньях,/ Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?/ Словно я весенней гулкой ранью/ Проскакал на розовом коне», — и, рассматривая картину Петрова-Водкина «Купание красного коня», я подумала, что в этом похожем сравнении существует какая-то глубинная связь».

Галина Ивановна не ошиблась, и интуиция ее не подвела: жена художника Мария Федоровна оставила воспоминания о том, как в воскресенье 1914 года их посетил молодой человек. Ему было 19 лет. Это был Сергей Есенин. Он сам пришел к художнику познакомиться. Чрезвычайно важен вывод, к которому пришла Галина Ивановна: «Для меня совершенно неожиданным оказался тот факт, что до сих пор в научное есениноведение не было введено имя художника К, Петрова-Водкина», «Обедненный образ Есенина бытует до сих пор», — утверждает исследователь Галина Аверина и вводит в научное есениноведение 75 имен! И каких имен! Тех, что составляют гордость России!

Как археолог, бережно подняла она из небытия погребенный

пласт «ускользающей есенинской эпохи». И все «новые» имена, включенные стараниями исследователя в биографию Есенина, с большой любовью отзывались о поэте и человеке Есенине. А сколько прижизненных портретов Есенина вернула из небытия Галина Ивановна Аверина!

Совершенно справедливо Крылов назвал исследование Авериной «творческим подвигом во имя таланта С.А. Есенина». Исследование воссоздает не только талант Есенина, но, что особенно важно, — воссоздает живой облик поэта.

Но разве только для Г. Авериной полной неожиданностью оказался тот факт, что в научное есениноведение не включены многие и многие имена его великих современников? И разве не целенаправленно до настоящего времени показывают в научной и мемуарной литературе не «обедненный», а, попросту говоря, препарированный образ Есенина?

Вот только один пример. Художник Рыженко, с которым Есенин познакомился в Тифлисе в 1924 году, так понимал назначение Есенина:

«ТЫ, Сережа, дикарь, ты совсем не похож на европейских культурных эстетов. Для тебя не существует прошлого, оно только дремлет у тебя, как у дерева (…) Даже в «Москве кабацкой» менее всего кабака, а больше мучительного желания вырваться из векового плена (…) За тобой не деревня, сегодняшняя деревня еще не доросла до твоих стихов. Нет, к тебе тянутся простые люди города. Они видят в тебе не интеллигента Блока, не академика Брюсова, не шероховатых «кузнецов», они чувствуют в тебе родную душу русского народа, открывшего окно в светлое будущее».

«Книга должна вызвать интерес, художественное окружение поэта заслуживает изучения — без этого невозможно правильно воссоздать его образ», — пишет Владимир Крылов. Справедливое замечание, только вот тираж этой уникальной книги всего 100 экземпляров! Услышат ли это пожелание те, от кого зависит воссоздание незамутненного образа поэта? Вернут ли стране подлинного Есенина, какого любила вся Россия?

Расплата за близость к Есенину

Есенин Юрий (Изряднов), сын поэта — расстрелян в 1937 году.

Есенин-Вольпин Александр, сын поэта — помещался в психиатрическую лечебницу, эмигрировал, живет в Бостоне.

Есенин Илья Иванович — двоюродный брат (1902–1942) — был осужден, погиб на фронте.

Райх Зинаида Николаевна, жена поэта — убита в 1939 году.

Наседкин Василий Федорович — расстрелян в 1937 году.

Бениславская Галина Артуровна — покончила с собой в 1926 году.

Устинов Георгий, журналист — найден повешенным в 1932 году.

Берзинь Анна — 8 лет лагерей и 8 лет поселения.

Горбачев Г.Е. — сослан на Соловки, расстрелян.

Мариенгоф Кирилл — 16-летний сын Анатолия Мариенгофа, покончил с собой.

Дункан Айседора — погибла (убита?) в 1927 г.

Рейснер Лариса — скоропостижно скончалась в феврале 1926 года.

Фурманов Дмитрий — скоропостижно скончался в марте 1926 года.

Дести Мэри — скоропостижно скончалась после гибели Айседоры Дункан.

Судьбы

… крестьянских поэтов, друзей Есенина

Ширяевец Александр — скоропостижно скончался в 1924 году.

Ганин Алексей — расстрелян в 1925 году.

Орешин Петр — расстрелян в 1938 году.

Клычков Сергей — расстрелян.

Приблудный Иван — расстрелян.

Клюев Николай — расстрелян в 1938 году.

Наседкин Василий — расстрелян в 1938 году.

Касаткин Иван — расстрелян в 1938 году.

Сахаров Александр — репрессирован, умер в Казахстане в 1952 году.

…голубороговдев»

Яшвили Паоло — застрелился (расстрелян) в 1937 году.
Табидзе Тициан — расстрелян.
Табидзе Галактион — покончил с собой.

… имажинистов

Грузинов и. — прошел ссылку, умер от голода в годы Великой Отечественной войны.
Эрдман Н. — прошел ссылку.
Афанасьев-Соловьев — расстрелян.
Чернов — умер от чахотки.
Шершеневич — умер от чахотки.
Шмерельсон — умер от голода в годы Великой Отечественной войны.
Эрлих Вольф — расстрелян.

Отзывы на первое и второе издания книги

Каждая попытка нового прочтения фактов биографии такого незаурядного поэта как Сергей Есенин, безусловно, интересна. Автор собрала огромный, во многом малоизвестный материал, попыталась по-своему ответить на вопрос, который волнует всех почитателей творчества великого русского поэта, — о причинах его гибели. Особенно интересны изыскания, связанные с приписываемым С. Есенину стихотворением «Послание Демьяну».

М.Б. Рогачев,

председатель правления Сыктывкарского общества «Мемориал», 23 сентября 1995 г.

Работа выполнена с огромной любовью к ее герою, поэту Сергею Есенину. Автор поставила перед собой чрезвычайно сложную задачу — расшифровать тайну гибели поэта. Известно, что к этой проблеме обращались разные люди, высказывались с разных позиций, отталкиваясь от разных фактов. В.С. Пашинина нашла свой, оригинальный подход, изложила свою точку зрения.

Мне, как историку, особенно импонирует то, что автор стремится излагать свою гипотезу на фоне происходивших в то время исторических процессов, демонстрируя при этом знание ряда аспектов историко-политического развития страны.

И.Л. Жеребцов, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, кандидат исторических наук,

4 октября 1995 г.

Автором собрано и обработано большое количество ценного фактического материала (…)

Самое главное, что мы имеем дело, действительно, с серьезной работой, с вдумчивым автором, собравшим обильный и интересный материал.

Станислав Куняев, поэт, 19 июля 2000 г.

Рукопись Валентины Семеновны Пашининой уникальна по своему подвижничеству. В стране с разрушенным русским национальным началом нашелся человек, не писатель, который положил жизнь на извлечение правды о жизни русского и самого трагического поэта советского времени — Сергея Есенина.

Сегодня трагедия Есенина вызывает еще большую скорбь и покаяние.

Разрушение русского народного характера как характера

православного, но уже задетого чуждым вмешательством, особенно выпукло и явно сказалось на характере творческом, бездонно талантливом, наивно противостоящем титанической машине планетарного материализма. Душевные усилия поэта, равные масштабу его творческого «я», запечатлели нам картину не индивидуального разрушения, но преднамеренной ломки всей нации.

Поражает и радует чуткость современника, понимающего необходимость объективного анализа нашей общей трагедии.

Надежда Мирошниченко, поэт, председатель общества «Русский Дом»,

6 октября 2000 г.

«Неизвестный Есенин» — это не столько открытие, сколько восстановление справедливого отношения к памяти выдающегося поэта России, выходца из народа, истинного патриота, переживавшего за судьбу России и ее народа. Опубликованное ранее о Есенине — биографии, воспоминания друзей — часто несправедливо принижали его как человека и творческую личность, освещая негативные стороны его жизни, возможно даже преувеличивая. Обидно, что это писали «друзья», которые часто подталкивали его к такому негативному поведению. Читать такие материалы о жизни Есенина тяжело и больно. В работе-исследовании В. Пашининой я встретила совсем иное отношение к Есенину — поэту и человеку.

Есть такая народная мудрость: «Кровь невинно убиенного взывает к справедливости». Восстановить такую справедливость судьба уготовила Валентине Пашининой.

Анна Педченко, библиограф Национальной парламентской библиотеки Украины,

19 июня 2007 г.

Книга Пашининой покоряет своей страстностью, одержимостью и искренней любовью к ее главному герою — великому русскому поэту Сергею Есенину. Работа содержит огромный материал, связанный прежде всего с общественно-политической и литературной обстановкой 20-х годов, жизнью и творчеством Есенина и его окружением. В этом направлении автор проделал значительную поисковую работу.

Особенно интересной, на мой взгляд, является (…) часть книги (…), посвященная Айседоре Дункан. Кроме симпатии и соучастия в трагической судьбе великой босоножки здесь немало новых фактов, которые подтверждаются документами. За исключением основного: доказательств того, что Дункан была

убита, нет. Смерть от удушья шарфом, попавшим в колесо движущегося автомобиля, могла быть трагической случайностью. Если же оценивать книгу в целом с точки зрения ее основной задачи, как «литературу факта и документа», то к ней можно предъявить ряд претензий. Главные исходные положения автора — убийство Есенина и есенинское авторство «Послания евангелисту Демьяну Бедному» фактами и документами не доказано (…)

В настоящее время имеются документы, полученные из архивно-следственных материалов ОГПУ из дела М 39 327 об авторстве этого стихотворения (подлинный автор Н.Н. Горбачев, см. статью В. Виноградова в «Независимой газете» за 29 апр., 1994 г.), а также свидетельство сестры поэта ЕЛ. Есениной, опубликованное в «Известиях» и «Правде» (за 3 и 4 апр, 1926 г.), которые учтены в разделе «Намеренные публикации под фамилией Есенин» в 4-м томе Полного академического собрания сочинений СЛ. Есенина, подготовленного Институтом мировой литературы им. АМ. Горького РАН. Чтобы опровергнуть имеющиеся документы и выводы литературоведов, нужно обладать вескими доказательствами. Их нет.

Откуда известно, что Екатерина Есенина написала отречение от авторства своего брата на «Послание…» по настоянию Бедного? Это утверждение ничем не подтверждается. И если в качестве гипотезы допустить, что такое могло быть, то в последние годы своей жизни (умерла в 1977 г., а Д. Бедный — еще в 1945 г.) ЕА. Есенина могла отказаться от сказанного в 1926 (…)

Можно перечислить еще ряд более частных замечаний (…)

Вступление посвященное серьезному английскому исследователю жизни и творчества Есенина Гордону Маквею, обескураживает и огорчает. Исходной в оценке крупного ученого становится популярная статейка в журнале «Огонек», название которой «Пей со мной, паршивая сука…» дано редакцией журнала произвольно (об этом Г. Маквей говорил в своем докладе на Международной конференции, посвященной столетию Есенина в И МЛ И, 1995 г.). Маквей является автором двух книг: научной биографии Есенина и книги «Есенин и Айседора», обе на англ. яз., издал немало работ о Есенине в России (см. напр. его статьи в сборниках-спутниках Полного собрания сочинений Есенина, изданных в ИМЛИ) и признан крупным и авторитетным специалистом его творчества (…)

Шубникова Тусева Н.И., ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, канд. филол. наук,

21 ноября 2000 г.

Ответ автора

Искренне благодарна Вам, Наталья Игоревна, за Вашу помощь, консультации и материалы, которые помогли мне внести в рукопись, на мой взгляд, весьма необходимые, существенные дополнения.

Вы правы в том, что есенинское авторство «Послания евангелисту Демьяну Бедному» и есенинское убийство документами не доказано. Но факты — упрямая вещь. Не могу согласиться с Вами в двух вопросах.

1, Ученый с мировым именем, так много сделавший для ознакомления западного читателя с русским поэтом Есениным, несомненно, достоен всяческого уважения, потому «отношение к серьезному английскому ученому действительно обескураживает и огорчает». Но дело ведь не во мне. Я-то даже предположить не могла, что с такой наглостью и цинизмом могли «обкорнать» маститого ученого, И где? В популярнейшем журнале «Огонек» (я читала в ж, «Дар», № 1,1992), Выбрали из его обширной статьи только то, что сочли нужным знать читателю, И название: «Пей со мной, паршивая сука,» — дано редакцией, что, конечно, возмутило исследователя, И свое возмущение этим произволом он высказал в докладе на Международном научном симпозиуме, посвященном 100-летию со дня рождения СЛ, Есенина в Москве в И МЛ И 29–3 окт, 1995 г. И что же? Этих-то слов его никто нигде не опубликовал, их нет даже в комментариях. Их не выпустили дальше трибуны и есенинской комиссии, где подобным образом гибнет все, что не устраивает ученую комиссию.

Хотелось бы спросить ученую комиссию, почему в свое время никто из сотрудников Есенинской комиссии не осудил этот вопиющий факт ни в 1991 году, когда была опубликована препарированная статья ученого, ни в 1995, когда выступал автор на авторитетнейшем симпозиуме?

Следовательно, моя бестактность должна быть переадресована беспардонным сотрудникам некогда популярного журнала, которые могут так безнаказанно манипулировать каким угодно материалом и какими угодно именами. Ну, а ответственный редактор сборника («Международ ный симпозиум. Новое о Есенине». Москва, «Наследие», 1997 г.), где опубликован доклад Гордона Маквея, опять же Ю.Л. Прокушев.

2. Нет, не могла Екатерина Александровна Есенина отказаться от сказанного ни после смерти Демьяна Бедного, ни потом. И не Демьяна Бедного ей следовало опасаться. Само собой разумеется, что дело не ограничится одним именем, т. е.

констатацией факта, если будет установлено, что «Послание евангелисту Демьяну Бедному» — есенинское произведение. Дотоигные читатели тотчас спросят, а кому и зачем надо было столько лет скрывать этот факт? А кому и зачем надо было составлять поистине шекспировский сценарий о горбачевском авторстве? А почему за столько лет в есенинской комиссии никто даже попытки не сделал установить автора такого замечательного произведения? Читатели неизменно придут к тому, о чем повествует рукопись «Неизвестный Есенин».

А что касается архивно-следственных материалов и факта — «Горбачев на допросе сознался», так на допросах сознавались все в самых фантастических преступлениях. Этот документ сродни анекдоту о Вожде и его потерянной трубке, за которую Берия успел пересажать весь обслуживающий персонал. Трубка на следующий день нашлась, а людей выпустить никак нельзя, — они все сознались. Такое было время. Слава Богу, теперь могу с гордостью сказать, что сыктывкарские работники службы государственной безопасности стали первыми читателями рукописи «Неизвестный Есенин».

В. Пашинина, Март 2001 г.

Послесловие

В книге много внимания уделено мемуарной литературе, хотя порой можно было ограничиться коротким замечанием: это неправда; или: такой встречи не могло быть. Но и сегодня мемуары современников Сергея Есенина, их письма и дневники — это единственный источник, из которого исследователи черпают фактический материал. Насколько чист этот источник, читатель смог убедиться сам.

Нельзя мириться с тем, что практически вся литература о Сергее Есенина до сих пор строится на лжесвидетельствах о его жизни и (еще более!) смерти, данных из подлости или страха в угоду преступному и циничному режиму.

Нельзя отдавать светлое имя поэта на откуп литературоведам, повязанным корпоративной, кастовой солидарностью, которые и сегодня предпочитают следить за направлением политического флюгера, а не всматриваться в факты.

Нельзя спокойно жить, пока на жертве стоит клеймо самоубийцы, а причастные к преступлению почивают на литературных или политических лаврах.

Не к отмщению призываю — к справедливости. Ибо нужно это не Есенину — нам, считающим себя соотечественниками одного из ярчайших поэтов в мировой литературе.

Литература

Есенин С.А. Собрание сочинений в 5 т. — М., Гослитиздат, 1961–1962.

Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. Воспоминания современников в 4 т. Ред. Н.И. Шубникова-Гусева.

Гусляров е., Карпухин О. Есенин в жизни. — Калининград, Янтарный сказ, 2000.

С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров в 2 т. — М., Художественная литература, 1986.

Жизнь Есенина Рассказывают современники. Составитель С.П.

Кошечкин. — М., Издательство «Правда», 1988.

Ленин В.И. ПСС.

Латышев А. Ленин: первоисточники. — М., Март, 1996.

Сталин И.В. Т. 9–10.

Троцкий Л.Д. Литература и революция.

Троцкий Л.Д. Вокруг Октября.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. — М. Наука, 1990.

Троцкий Л.Д. Был несроден революции.

Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М., Политиздат, 1988.

Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. — М., Прогресс, 1988.

Радек К. Лариса Рейснер.

КПСС. Справочник. — М., Политическая литература, 1963.

Бедный Д. Собрание сочинений. «Новый Завет без изъяна евангелиста Демьяна».

Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника в 2 ч.

Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. — М., Современник, 1998.

Кузнецова В.Е. Вокруг Есенина. — Мурманск, Мурманское книжное издательство, 2000.

Куняев Ст., Куняев С. ЖЗЛ. — М., Молодая гвардия, 1997.

Куняев Ст., Куняев С. Растерзанные тени. — М., Голос, 1995.

Лавренев Б. Казненный дегенератами.

Оксенов И. Никто другой нам так не улыбнется. // Журнал «Москва».

Болдовкин В. Он всем нам родной.

Базанов В. Сергей Есенин и крестьянская Россия. — Л., Советский писатель, 1982.

Берзинь А. Последние дни Есенина. // Журнал «Кубань», № 7,

1970.

Мариенгоф А. Роман без вранья.

Мариенгоф А. Мой век. Мои друзья и подруги.

Мариенгоф А. Циники.

Ройзман М. Все, что помню о Есенине. — М., Советская Россия, 1972.

Шнейдер И. Встречи с Есениным. — М., Советская Россия, 1974.

Кошечкин С. Сергей Есенин. Раздумья о поэте. — М., Советская Россия, 1974.

Ходасевич В. Некрополь.

Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. — М., Художественная литература, 1990.

Русское зарубежье о Есенине в 2 т. — М., Инкон, 1993.

Жизнь Есенина. Рассказывают современники. Составитель С.П. Кошечкин. — М., Правда, 1988.

Наседкин В.Ф. Последний год Есенина. — Челябинск, Форум-издат, 1992.

Прокушев Ю. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. — М., Советская Россия, 1978.

Хлысталов Э. 13 уголовных дел Сергея Есенина. — М.,Русланд, 1994.

Занковская Л. Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. — М., Флинта, 1997.

Сидорина П. Златоглавый. Тайны жизни и гибели Сергея Есенина.

Лысцов И. Убийство Есенина. О, Русь, взмахни крылами… Новое о Есенине. Есенинский сборник. — М., Наследие, 1994.

Столетие Есенина. Новое о Есенине. Международный симпозиум. Есенинский сборник. — М., Наследие, 1997.

Есенина Н.В. В семье родной. — М., 2002.

Аверина Г. Есенин и художники. — Рязань, Поверенный, 2004.

Обыденкин Н. Россия поклоняется поэту… — Рязань, Узорочье, 2001.

Любовь и смерть Сергея Есенина. Библиотека журнала «Чудеса и приключения», 1992.

Айседора Дункан. Моя жизнь. Моя Россия. Мой Есенин. Сост. Мэри Дести. — М., Республика, 1992.

Дункан Ирма, Макдугалл Аллан Росс. Русские дни Айседоры Дункан. — М., Московский рабочий, 1995.

Маквей Г. Пей со мной, паршивая сука… // Журнал «Огонек», журнал «Дар».

Блэйер Ф. Айседора. Портрет женщины и актрисы. —

Смоленск, Русич, 1997.

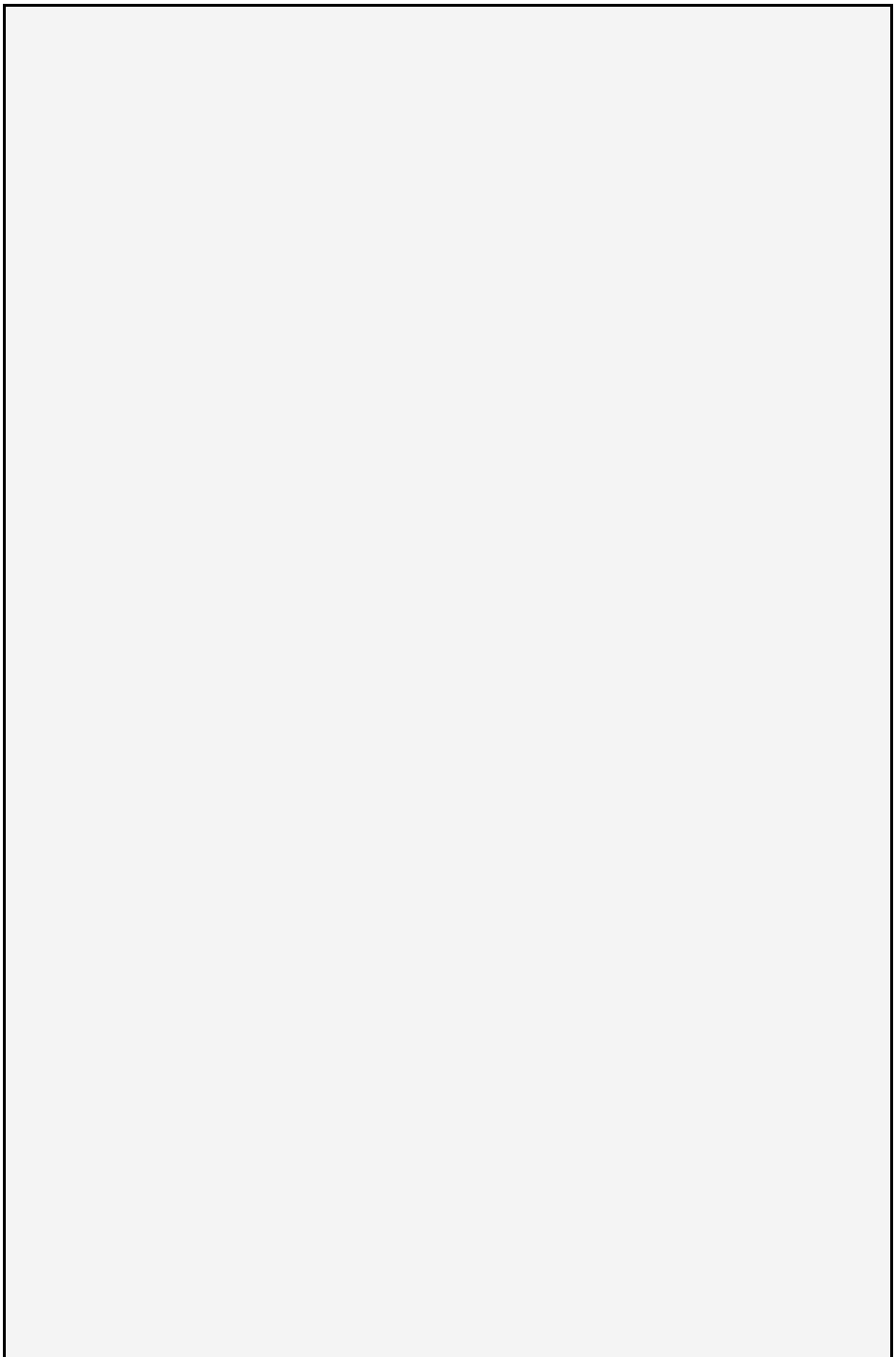
Курт Питер. Айседора. Неистовый танец жизни. — М., Эксмо, 2002.

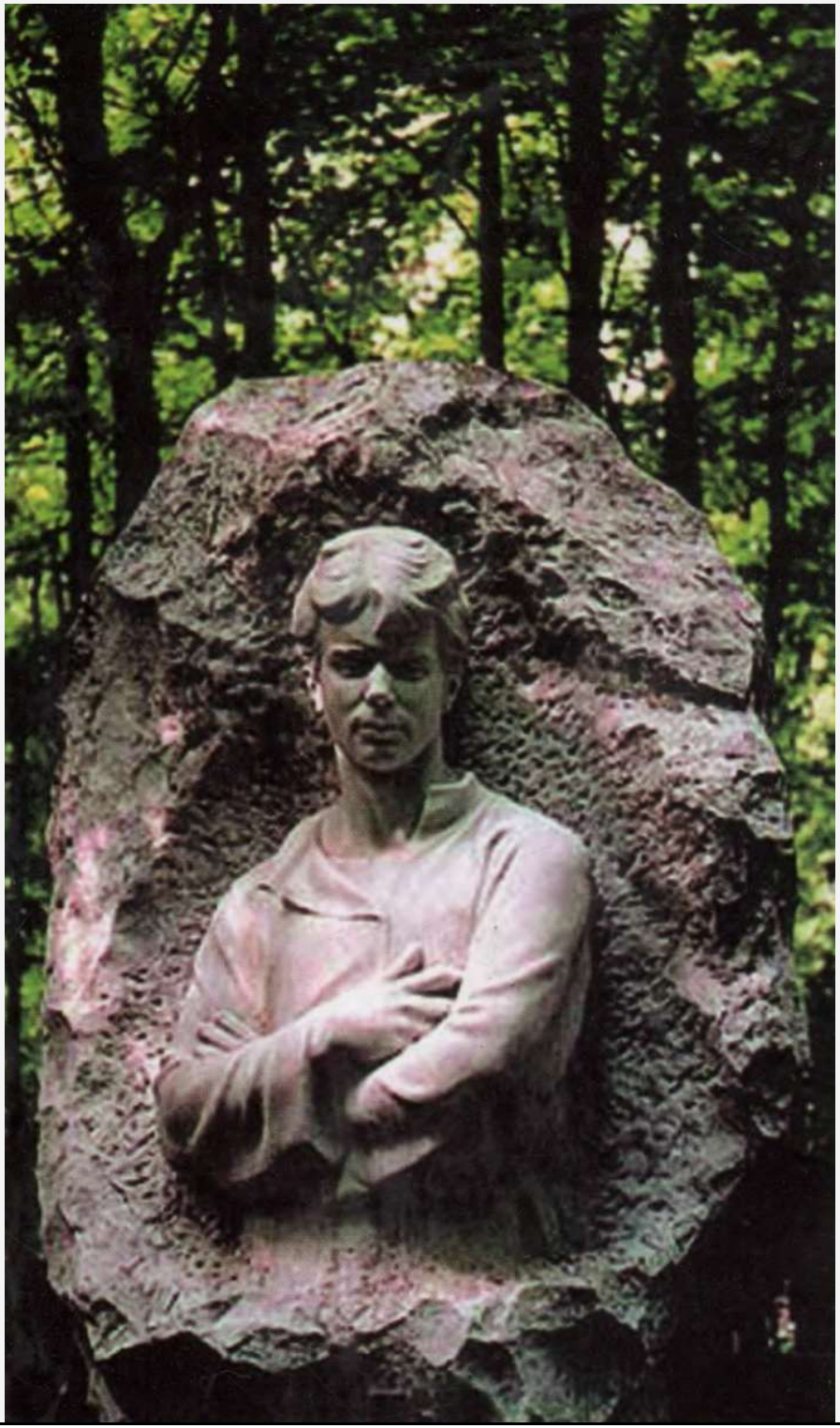
Радечко П.И. Троянский конь репутации Есенина. — Брест, Раритет, 2005.

Если в XXI веке в России сохранится такая же глубокая любовь к поэзии Есенина, какая была в XX веке,

это будет явным знаком того, что Россия духовно не умерла.

Ю.В. Мамлеев





notes

1

Экстерриториальный — имеющий особые преимущества (неприкосновенность личности, жилища, неподсудность местным уголовным и гражданским судам, освобождение от повинностей и налогов),

(БСЭ, том 23, С. 445, год издания 1976).